

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

В НОМЕРЕ:

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ЭПИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ XVI–XVII веков

НАЧАЛО СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ
(к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мира)

ПО ЗАКОНУ ИЛИ ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ: ДЕБАТЫ В ИСПАНСКОМ
КОНГРЕССЕ ДЕПУТАТОВ ВОКРУГ ЗАКОНОПРОЕКТА О ДИКТАТУРЕ
1848 года

РОССИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В БРЮССЕЛЕ И ПОЛЬСКОЕ
ВОССТАНИЕ 1863–1864 годов

ЮБИЛЕЙ ПО ТЕЛЕГРАФУ. 50-летие ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЕВЫ
ВИКТОРИИ (1887) В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПРЕССЫ

«ИСЛАМ» И «МУСУЛЬМАНСТВО» В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
И КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ФРАНЦУЗСКИХ ВЛАСТЕЙ
В 1920-е годы

ТЕГЕРАНСКИЕ ДИСКУССИИ: ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ

Н.А. БУЛГАНИН И Н.С. ХРУЩЕВ В БИРМЕ В 1955 году:
ОТТЕПЕЛЬ, ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ И АМБИВАЛЕНТНОСТИ
СОВЕТСКОГО ОФИЦИАЛЬНОГО ЯЗЫКА

«ПРОБУЖДЕНИЕ ИСЛАМА». ФРАНЦУЗСКИЙ ВЗГЛЯД НА
ИСЛАМСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В ИРАНЕ.
На основе документов архива МИД Франции

5
2024

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

№ 5
СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ

2024

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Одд Арне Вестаг (США), А.Б. Давидсон (Россия), Штефан Карнер (Австрия),
Николаус Катцер (Германия), Доминик Ливен (Великобритания), Г.Ф. Матвеев (Россия),
В.С. Мясников (Россия), В.В. Наумкин (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), А.О. Чубарьян (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), Л.С. Белоусов (Россия), Д.М. Бондаренко (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), Владислав Зубок (Великобритания), Суви Кансикас (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), М.А. Липкин (Россия), Леонид Люкс (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), Мари-Пьер Рей (Франция),
Дональд Рейли (США), Л.П. Репина (Россия), И.М. Савельева (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), В.В. Согрин (Россия), Грегори Фриз (США), Б.Л. Хавкин (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), Франтишек Штелльнер (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 5
SEPTEMBER–OCTOBER
2024

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Nikolaus Katzer (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Федоров С.Е. Эпистемологический поворот и эпистема социального в интеллектуальном дискурсе XVI–XVII веков	5
--	---

НОВОЕ ВРЕМЯ

Паламарчук А.А. «Социальная» терминология в лексикографии De verborum significatione Джона Скина	18
Терентьева Е.А. Социальная терминология в «Трактате о знати» Ж.А. де Ларока де Лалонтьера (1678)	25
Шатохина-Мордвинцева Г.А. «Не пожелала бы ничего лучшего, чем быть приглашенной к этому объединению сил»: присоединение Республики Соединенных провинций Нидерландов к Лиге вооруженного нейтралитета в 1780 году	38
Кудрявцева Е.П. Начало средиземноморской торговли России (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мира)	53
Марей А.В. По закону или по справедливости: дебаты в испанском Конгрессе депутатов во круг законопроекта о диктатуре 1848 года	67
Хорошева А.О. Российское посольство в Брюсселе и польское восстание 1863–1864 годов	80
Лиманова С.А. Юбилей по телеграфу. 50-летие правления королевы Виктории (1887) в зеркале русской прессы	95

XX ВЕК

Ларин А.Б. «Чисто культурно-экономический характер...»: российская земле(вла)дельческая колонизация прикаспийских провинций Ирана и категория «культурное завоевание»	110
Селезнев Ф.А. Российско-румынские отношения в период Балканских войн по воспоминаниям и донесениям посланника в Бухаресте Н.Н. Шебеко (1912–1913)	126
Шубин А.В. Советская военная помощь Турции в 1920–1922 годах	139
Магадеев И.Э. «Ислам» и «мусульманство» в официальном дискурсе и категориальном аппарате французских властей в 1920-е годы	154
Ганин М.А. Научно-технические командировки ученых в Германию в 1920-е годы как один из факторов развития ленинградского промышленного комплекса	168
Филитов А.М. Тегеранские дискуссии: официальные и неофициальные	183
Савицкий Е.Е. Н.А. Булганин и Н.С. Хрущев в Бирме в 1955 году: оттепель, деколонизация и амбивалентности советского официального языка	195
Осипов Е.А. «Пробуждение ислама». Французский взгляд на Исламскую революцию в Иране. На основе документов архива МИД Франции	207
Михайлова Ю.Л. Формирование исторической памяти в Латвии о периоде первой независимости в годы перестройки. 1987–1990	216

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Трунов Ф.О. Подход ФРГ к комплектованию постоянных группировок НАТО в середине 2010-х – начале 2020-х годов	229
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Любин В.П. К столетию убийства фашистами Дж. Маттеотти (M. Degli Innocenti. Giacomo Matteotti e il socialismo riformista. Milano, 2022)	245
Хавкин Б.Л. «Такой человек исключительно опасен для общества. Тем более если он находится у власти» (А. Кронфельд. Дегенераты у власти. Сексуальные извращения и нацизм: свидетельство психиатра / под ред. Л. Мекаччи, А. Эткина. М., 2023)	248
Хохолькова Н.Е. Историческая африканистика: вызовы и возможности источниковедения (Источники по истории Африки: проблемы, тенденции, перспективы изучения и использования / кол. монография под общ. ред. А.С. Балежина. М., 2023)	251

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Fyodorov S.E. The Epistemological Turn and the Episteme of the Social in the Intellectual Discourse of the Sixteenth and Seventeenth Centuries	5
---	---

MODERN HISTORY

Palamarchuk A.A. “Social” Terminology in Sir John Skene’s Lexicography “De Verborum Significatione”	18
Terenteva E.A. Social Terminology in “Traité de la Noblesse” by Gilles-André La Roque de La Lontière (1678)	25
Shatokhina-Mordvintseva G.A. “I Would Not Wish for Anything Better Than to be Invited to This Unification of Forces”: Accession of the Republic of the Seven United Netherlands to the First League of Armed Neutrality (1780)	38
Kudriavtseva E.P. The Origins of Russia’s Mediterranean Trade: The 250th Anniversary of the Küçük Kaynarca Treaty	53
Marey A.V. By Law or by Justice: Debates in the Spanish Congress of Deputies Around the Bill on Dictatorship of 1848	67
Khorosheva A.O. Russian Embassy in Brussels and the January Uprising, 1863–1864	80
Limanova S.A. Jubilee by Telegraph: The 50th Anniversary of Queen Victoria’s Reign (1887) in the Mirror of the Russian Press	95

TWENTIETH CENTURY

Larin A.B. “Purely Cultural and Economic in Nature...”: Russian Agricultural Colonisation and Land Ownership of the Caspian Provinces of Iran and the Category of “Cultural Conquest”	110
Seleznev F.A. Russian-Romanian Relations During the Balkan Wars in the to Memoirs and Reports of Nikolai Shebeko, Envoy to Bucharest (1912–1913)	126
Shubin A.V. Soviet Military Assistance to Turkey in 1920–1922	139
Magadeev I.E. “Islam” and “Muslimisme” in the Official Discourse and Categorical Apparatus of the French Authorities in the 1920s	154
Ganin M.A. Scientific and Technical Business Trips of Scientists to Germany in the 1920s as One of the Factors in the Development of the Leningrad Industrial Complex	168
Filitov A.M. The Tehran Discussions, Formal and Informal	183
Savitsky E.E. Nikolai Bulganin and Nikita Khrushchev in Burma in 1955: Thaw, Decolonization, and Ambivalences of the Soviet Official Language	195
Osipov E.A. “The Revival of Islam”: A French View of the Islamic Revolution in Iran	207
Mikhailova J.L. Formation of Historical Memory of the First Independence Period in Latvia in the Perestroika Years, 1987–1990	216

CONTEMPORARY HISTORY

Trunov Ph.O. Germany’s Approach to the Functioning of NATO Standing Force Groups in the Mid-2010s and Early 2020s	229
--	-----

REVIEWS

Ljubin V.P. On the Centenary of Giacomo Matteotti’s Murder by the Fascists (M. Degli Innocenti. Giacomo Matteotti e il socialismo riformista. Milano, 2022)	245
Khavkin B.L. “Such a Person is Extremely Dangerous to Society. Especially if He is in Power” (A. Kronfeld. Degenerates Are in Power. Sexual Perversion and Nazism. Testimony of a Psychiatrist / eds L. Mecacci, A. Etkind. Moscow, 2023)	248
Khokholkova N.E. African Historical Studies: Challenges and Opportunities of Source Studies (Sources on the History of Africa: Problems, Trends, Prospects for Study and Application / col. monograph under the general note by A.S. Balezin. Moscow, 2023)	251

DOI: 10.31857/S0130386424050019

© 2024 г. С.Е. ФЕДОРОВ

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ЭПИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ XVI–XVII веков**

Федоров Сергей Егорович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: s.fedorov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57196032604; ORCID: 0000-0002-6030-7667; Researcher ID: J-4374-2013

Статья написана при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-28-00267 «Рождение социального: социальная терминология и классификации в интеллектуальном дискурсе раннего Нового времени».

Аннотация. В статье представлены результаты исследования антикварных и эрудитских текстов XVI–XVII вв. (Британия, Франция и Германия). Впервые показано, что устойчивый интерес европейских интеллектуалов этого времени к конструированию отдельных «фрагментов» социальной реальности предопределил последовательную разработку определенных описательных схем для реализации данного проекта сначала на примере различных категорий знати, а затем и других социальных групп. При этом подчеркивается, что исследуемые тексты демонстрируют наличие общих принципов, объединявших нарративные практики европейских интеллектуалов раннего Нового времени в описании и классификации знати, что способствовало постепенному оформлению так называемой антикварной/эрудитской эпистемы, которая впоследствии видоизменила все предшествовавшие подходы к пониманию внутри- и межгрупповых отношений как сословных. В настоящем исследовании впервые выдвигается тезис о состоявшемся в интеллектуальной мысли XVI–XVII вв. эпистемологическом повороте, суть которого заключалась в переосмыслении описательной эффективности средневековой корпоративной теории. Используя дискурсивный анализ, автор приходит к выводу, что пересмотру подвергались основные положения корпоративистов, согласно которым все участвующие в социальном взаимодействии объединения и агенты должны рассматриваться как коллективные совокупности или же лишенные индивидуальной субъектности правовые данности. При этом переосмыслилась принципиально значимая для средневековой эпистемологии функциональная модель общественных отношений.

Ключевые слова: Англия, Франция, Германия, XVI–XVII вв., антикварный и эрудитский дискурс, эпистемологический поворот, новая эпистема, европейская знать.

S.E. Fyodorov

The Epistemological Turn and the Episteme of the Social in the Intellectual Discourse of the Sixteenth and Seventeenth Centuries

Sergey Fyodorov, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: s.fedorov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57196032604; ORCID: 0000-0002-6030-7667; Researcher ID: J-4374-2013

The article is financially supported by the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-00267 “The Rise of the Social: Social terminology and Classifications in the Early Modern Intellectual Discourse”.

Abstract. The article presents a synthesis of the author's findings on the antiquarian and erudite texts from England, France, and Germany that were produced during the sixteenth and seventeenth centuries. It is demonstrated, for the first time, that European intellectuals' sustained interest in the construction of individual "fragments" of social reality predetermined the consistent development of certain descriptive schemes for the realisation of this project, initially focusing on the example of various categories of nobility, and subsequently on other social groups. The author places particular emphasis on the accessibility of comprehensive techniques in conjunction with narrative schemes, which are employed in the portrayal and classification of the nobility. Indeed, the author's argument hinges on the assertion that such techniques facilitated this so-called antiquarian/erudite episteme, which in turn permitted the evaluation of perspectives for the construction and depiction of the "social" during this period. Whereas a new episteme completely transfigured all foregoing workings in understanding of intra- and extra-group communications, what is meant here is an epistemological turn occurred in the Early Modern intellectual discourse. Using various tools of discourse analysis, the author demonstrates, for the first time, that the kernel of the epistemological turn lies in a reinterpreting of a descriptive efficacy of the medieval corporate theory, which viewed all individual and collective agencies as collective or fictitious bodies devoid of personal identity. The new narrative scheme introduced in antiquarian and erudite texts diversified the functional model of social relations relevant to medieval epistemology.

Keywords: England, France, Germany, the sixteenth and seventeenth centuries, antiquarian and erudite discourse, epistemological turn, new episteme, European nobility.

Обширный комплекс антикварных и эрудитских текстов (Британия¹, Франция² и Германия³) свидетельствует об устойчивом интересе европейских интеллектуалов XVI–XVII вв. к разработке описательных схем, используемых для конструирования отдельных «фрагментов» социальной реальности. Сформировавшиеся в каждой из этих трех стран традиции отличались известной самодостаточностью в понимании природы «социального» и его отдельных элементов. При этом в среде антиквариетов (Британия) и эрудитов (Франция и Германия) наблюдалось много общего в оценке этого феномена.

Самодостаточность региональных моделей в поэтапном осмыслении «социального» определялась уровнем восприятия гуманистической этики в ее аристотелевском и стоическом

¹ Федоров С.Е. Nobilitas в антикварном дискурсе XVI–XVII вв. и рождение социального // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021843-6-1/> (дата обращения: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840021843-6; *Его же*. Дискуссия об истинном благородстве и формирование социальных классификаций знати в антикварных текстах XVI–XVII веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 3. С. 712–727; *Его же*. Рыцарство и титулованная знать в антикварной эпистеме XVI–XVII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 7 (129). URL: <https://history.jes.su/s207987840027294-2-1/> (дата обращения: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840027294-2; *Его же*. Аристократия при ранних Стюартах (1603–1629). СПб., 2023; Паламарчук А.А. Концепт «служения» в раннестюартовской Англии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 1 (111). URL: <https://history.jes.su/s207987840019000-9-1/> (дата обращения: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840019000-9; *Ее же*. Рождение социальной терминологии в раннестюартовской антикварной традиции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021758-2-1/> (дата обращения: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840021758-2; *Ее же*. Геральдические трактаты в тюдоровской и раннестюартовской Англии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 1. С. 89–99.

² Jouanna A. Le devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l'État moderne: 1559–1661. Paris, 1989; Noblesse oblige. Identités et engagements aristocratiques à l'époque moderne / eds N. Le Roux, M. Wrede. Rennes, 2017; Pollet C. Définir la noblesse. Ecriture et publication des traités nobiliaires au XVIIe siècle. Angleterre – France – Espagne. Rennes, 2023. Терентьева Е.А. Конструируя нобилитет: благородное сословие в трудах французских эрудитов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840018884-1-1/> (дата обращения: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840021781-8; *Ее же*. Трактаты о знати и благородстве во Франции второй половины XVI–XVII вв. // Средние века. 2023. Т. 84. № 4. С. 111–131.

понимании (учение об истинном благородстве), с одной стороны, и корпоративной теории в том виде, в котором ее представляли средневековые комментаторы и глоссаторы римского права, — с другой. Помимо описательных практик и дискурсов, островных и континентальных авторов сближали не только вдохновлявшие их сочинения средневековых и ренессансных авторов, но и четко просматривающаяся у антиквариетов и эрудитов тенденция на ограничение и последующую детализацию всех «социальных» построений привилегированной частью общества — знатью (лат. *nobilitas*)⁴.

Наличие общих подходов, объединявших нарративные практики европейских интеллектуалов в описании и классификации знати, способствовало постепенному оформлению так называемой антикварной/эрудитской эпистемы, определившей возможные варианты конструирования и описания «социального» в XVI—XVII вв. Поскольку она кардинально преобразовывала все предшествовавшие подходы к пониманию внутри- и межгрупповых отношений как сословных, речь идет о состоявшемся в интеллектуальной мысли того времени эпистемологическом повороте⁵.

Суть этого поворота заключалась в переосмыслении описательной эффективности средневековой корпоративной теории, согласно которой все участвующие в общественных отношениях объединения и агенты рассматривались как коллективные общности или же лишенные индивидуальной субъектности правовые данности. Фреймирующая социальный порядок описательная схема, предлагаемая в антикварных и эрудитских текстах, одновременно пересматривала и значимую для средневековой эпистемологии функциональную модель общественных отношений. Лежавший в основе этой модели принцип корпоративно-институционального единства предполагал внутрисословное единообразие и монофункциональность, а также исключал любые внешние источники их поддержания и воспроизводства: такие общности воспринимались как самодостаточные в правовом, институциональном и функциональном смысле образования.

Антикварная и эрудитская эпистемология, напротив, исключая безусловность корпоративно-функционального единообразия и монофункциональности, основывалась на принципе ограниченного многообразия и, как следствие, полифункциональности. Исходя из этих принципов, европейские интеллектуалы XVI—XVII вв. выстраивали набор специфических групповых признаков европейской знати. Характерное для корпоративной теории институциональное единообразие формирующих правовую реальность конституентов заменялось пока еще не до конца осмысленными предположениями о наличии у таких «социальных» образований групповой солидарности, а также определявших ее содержание идентитарных сущностей. Акцентируемая при этом внутренняя иерархия (структурно осмысленное многообразие) подчиняла соответствующие ей структуры единой групповой идентичности, выражавшейся в корпоративном достоинстве функционировавшей таким образом группы.

³ *Wieacker F. Gründer und Bewahrer. Rechtslehrer der neueren deutschen Privatrechtsgeschichte.* Göttingen, 1959; *Burmeister K.H. Das Studium der Rechte im Zeitalter des Humanismus im deutschen Rechtsbereich.* Wiesbaden, 1974; *Bleek K., Garber J. Nobilitas: Standes- und Privilegienlegitimation in deutschen Adelstheorien des 16. und 17. Jahrhunderts* // *Daphnis.* 1982. Vol. 11. S. 49–114.

⁴ Общая схема систематизации была заимствована из трактата «О достоинстве» (*De Dignitatibus c. libri XII*) итальянского юриста Бартоло да Сассоферрато (1313–1357). Этот трактат был чрезвычайно популярен в среде европейских интеллектуалов XVI—XVII вв. В распоряжении антиквариетов и эрудитов были два издания. В первом из них текст «О достоинстве» представлял собой соответствующий раздел в комментариях Бартоло на Кодекс Юстиниана (*Bartoli de Saxoferrato in tres codicis libros commentaria.* Lyon, 1497–1500. Fol. 71v–72v). Во втором случае речь идет об отдельном издании: *De Dignitatibus c. libri XII* // *Bartolus de Saxoferrato. Tractatuli.* Leipzig, 1493. Детальное исследование современной Бартоло трансмиссии текста см.: *Gilli P. La Noblesse du droit. Débats et controverses sur la culture juridique et le rôle des juristes dans l'Italie médiévale (XIIe–XVe siècles).* Paris, 2003.

⁵ Лежащие в основе всех последующих наблюдений тексты антиквариетов и эрудитов представлены в отдельном приложении к статье.

Осуществляя с использованием переосмысленных и преобразованных конститuentов «пересборку» старого порядка, интеллектуалы XVI–XVII вв. повторяли номенклатуру предшествующих корпоративно-сословных общностей (духовенство, знать, крестьянство) и в то же время наделяли сконструированные на их основе «социальные» образования как коллективной (на уровне корпоративного достоинства), так и распространявшейся на связанные с их внутренней организацией конститuentы индивидуальной субъектностью. Именно в сочетании этих двух форм субъектности антикварно-эрудитская традиция усматривала основу для всех последующих классификаций.

В рамках новой эпистемы использовались особые методы выявления, систематизации и последующей реинтерпретации различных сегментов окружающей действительности (ограниченных при этом рамками отдельного текста или же группы текстов), которые особым образом «сворачивались» в текстовом пространстве, затем подвергались переработке и только в таком модифицированном виде преподносились в качестве вербальных аналогов переосмысленных таким образом фрагментов социальной реальности⁶.

Формировавшаяся эпистемология проявляла повышенный интерес к тем формам реальности, которые группировались в самих текстах в особые рубрики «социального» (противопоставлявшиеся принципиально отличным от него политическим и правовым явлениям), в которых (и в содержащихся в них классификациях) доминировали соответствующие им вербальные проекции социальных групп, образующие особую форму дискурса⁷. В таких рубриках преобладала свойственная сконструированной действительности иерархичность. При этом высшее, осознаваемое как совершенное, служило образцом для описания всей нисходящей линии такого рода проекций.

Описательная функция новой эпистемы проявлялась в антикварном/эрудитском дискурсе и на различных уровнях позиционирования и репрезентации «социальных» структур. Речь идет о значимых характеристиках общественных объединений, которые можно условно обозначить как стигматизация⁸ (совокупность приемов и инструментальных практик, применяемых при последовательном конструировании «внешнего» образа членов таких объединений), сигнификация⁹ (использование определенных кодов и особых

⁶ Подробнее см.: *Broadie A. Notion and Object. Aspects of Late Medieval Epistemology.* Oxford, 1989; *Passau R. Theories of Cognition in the Later Middle Ages.* Cambridge, 1997; *Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Антикварный дискурс в раннеюготоровской Англии. СПб., 2015; *Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Федоров С.Е.* Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021.

⁷ Значительную роль в формировании описательных рубрик сыграли произведения итальянских гуманистов XV в., в которых обсуждались проблемы истинного благородства. Ссылки на данные труды во французских и немецких текстах носили исключительно открытый и детализированный характер. При этом английские авторы, хотя и воспроизводили характерный для гуманистов акцент на преобразуемой поступками добродетели, такие ссылки избегали, предпочитая в качестве источников произведения Аристотеля («Никомахова этика», сохранившиеся фрагменты трактата «О благородстве»), римских стоиков («Нравственные письма к Луцилию» Сенеки, VIII сатира Ювенала), а также трактат «О достоинстве» Филона Александрийского. Тексты гуманистов воспринимались как «вторичные» комментарии к античным трудам, позволяющие идентифицировать необходимый репертуар греческих и римских авторов. Доступ к наследию стоической философии был для европейских интеллектуалов достаточно ограниченным в рассматриваемый период. Как правило, в качестве основного источника использовался не только Сенека, но и Цицерон, разделявший, хотя и отчасти, стоическое понимание добродетелей. Особое значение для английских и немецких интеллектуалов имел трактат Филона «О благородстве», опубликованный Лоуренсом Хамфри в Базеле в 1560 г.; в 1563 г. текст этого произведения вместе с приложением был переведен на английский язык, а затем в 1564 г. вышло в свет подготовленное им же отдельное издание (*Philo Alexandrinus. Liber de Nobilitate.* Colonia, 1564). Немецкие эрудиты ссылались на латинский перевод трактата Филона.

⁸ Термин был впервые введен Ирвингом Гофманом. См.: *Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity.* Englewood Cliffs, 1963.

⁹ О перспективах использования этого термина см.: *Hechter M. Principles of the Group Solidarity.* Los Angeles, 1998.

знаковых систем в процессе межгрупповой коммуникации), хаби́туализация¹⁰ (стереотипизация), непосредственно связанная с групповыми установками, формируемыми в процессе коллективной коммуникации, а также ценностным репертуаром. Особую роль среди этих характеристик играла групповая идентификация, обеспечиваемая наличием неких фильтров, гарантировавших функциональную однородность такого рода объединений¹¹. При этом исключительную роль играли различные приемы обязательной персонализации внутреннего среза этих общностей, реализовавшиеся при составлении семейных, родовых (линьажных), локальных, региональных и «национальных» списков, принадлежавших к группам отдельных индивидов¹².

Значимые характеристики социальных объединений (групп) описывались антиквариатами и эрудитами в тесной связи с понятийным аппаратом их предшественников — гуманистов. При этом отдельные используемые в текстах понятия не только видоизменялись, но и приобретали новые формы. Так, два базовых для ренессансных представлений термина — «благородство» и «знатность», обретшие у антиквариев и эрудитов основанный на стоической этике смысл, воспринимались не только как парные, увязанные между собой значения, но и как явления, образующие корпоративное достоинство знати. Воспринимаемое таким образом, оно видоизменяло сначала групповой, а затем и индивидуальный (персональный) функционал знати. Как следствие, модифицировались традиционно вкладываемые в его значение характеристики. Стигматизация и сигнификация группового портрета знати выстраивалась при использовании общих и в этом смысле широко известных к началу XVI в. приемов, включавших стандартизированные представления об архитектуре частных резиденций, одежде, статусных (включая властные) атрибутах, генеалогии и геральдике. При этом персонифицирующим такие описания элементом служили заимствованные у итальянских авторов XV — первой половины XVI в. практики использования эмблем и так называемых импрез или изобразительных девизов¹³.

Сочетание коллективных и персонифицирующих состав знати характеристик накладывало свой отпечаток и на представления о хаби́туализации ее групповых установок, при описании которых акцент ставился не столько на традиционную для ренессансных представлений куртуазность, сколько на набиравшую в рассматриваемый период необычайную популярность образованность аристократии¹⁴. Куртуазность по-прежнему воспринималась значимой для гендерных отношений и характеризовала важнейший повседневный компонент матримониального поведения знати. При этом образованность все чаще трактовалась как основа в достижении общественно значимых (гражданских) добродетелей и была залогом внутrigрупповой мобильности этой социальной группы.

¹⁰ Понятие «хаби́туализация» было впервые использовано Марселем Моссом и Питером Бергером; его смысл и содержание были значительно расширены Томасом Лукманом и Пьером Бурдьё.

¹¹ Об эпистемологическом значении этого параметра см. подробнее: Identity and Control. How Social Formations Emerge / ed. H.C. White. Princeton, 2008.

¹² Впервые такого рода эпистема была представлена среди английских авторов в трактате Джона Ферна «Блазон знатности в двух частях» (*Ferne J. The Blazon of Gentrie: Deuided into two parts. The first named, The Glorie of Generositie. The second, Lacyes Nobilitie. Comprehending discourses of Armes and of Gentry. Wherein is treated of the beginning, parts and degrees of gentleness, with her lawes: of the bearing, and blazon of Cote-armers: of the lawes of armes, and of combats. John Windet for T. Cooke. London, 1586*), французских — в произведении «О знати и праве первородства» Андре Тирако (*Tiraqueau A. De nobilitate et iure primogeniorum. Lyon, 1573*), а также в труде «О гражданской знати» Штефана Маттиаса (*Mathias S. Tractatus de nobilitate civil. Francofurti, 1617*) — в среде немецких авторов.

¹³ Подробнее см.: Waswo R. Language and Meaning in the Renaissance. Princeton, 1987; Gutzwiller K.J. Poetic Garlands. Hellenistic Epigrams in Context. Los Angeles, 1998; Drysdall D.L. Hieroglyphs, Speaking Pictures, and the Law. The context of Alciato's Emblems. Glasgow, 2013; Daltio R. La letteratura delle immagini Emblematiche "imprese" tra Cinque e Seicento. Aosta, 2015.

¹⁴ Becker M.B. Civility and Society in Western Europe, 1300—1600. Bloomington; Indianapolis, 1988; Bryson A. From Courtesy to Civility. Changing Codes of Conduct in Early Modern England. Oxford, 1998.

Вся совокупность интерпретируемых таким образом групповых характеристик знати не только определяла неповторимый срез ее внутреннего единства, но и визуализировала ее социальную однородность. При наличии такого рода однородности самосознание подобной общности превращалось в антикварных и эрудитских текстах в формализованный ее внутренней структурой и, следовательно, открытый для описания феномен.

Поиск группообразующих критериев был теснейшим образом связан с характерными для зрелого Средневековья представлениями о корпорации (*universitas*), которая воспринималась в качестве универсального термина для обозначения любого рода объединений и порядков. Корпорация — и в качестве правовой реалии, и в качестве описательного конструкта — позиционировалась антиквариями/эрудитами одновременно и как явление, обладающее матричной структурой, и как инструмент, позволяющий создавать противоположные, но в то же время зеркальные характеристики, используемые при классификации социальных групп.

Матричная функция корпорации была связана в сознании антиквариев/эрудитов с последовательной акцентуацией связей, характеризовавших не столько само целое, сколько его соотношение с образующими его «тело» конституентами. Поскольку целое воспринималось в корпоративной теории как формально организованное единство, то сам факт существования его отдельных частей не был принципиальным и не имел существенного значения для описания и классификации корпораций как правовых явлений. Конституенты упоминались лишь в связи с их назначением, сводившемся к воспроизводству самой целостности корпоративного объединения. Такое целое воспринималось автономным не только в отношении с его конституентами, но и связанной с ними структурой. При этом функция корпоративного целого понималась исключительно как атрибут коллективного субъекта.

Конструирование зеркальных и зеркально противоположных характеристик, определявших основные отличия социальных групп от корпораций, основывается на переосмыслении матричных атрибутов *universitas*. Речь идет о симптоматичном для европейской эпистемологии раннего Нового времени стремлении использовать инструментальную базу предшественников и не выходить за рамки традиционных описательных стратегий¹⁵.

Наиболее последовательно эта черта антикварной/эрудитской традиции реализовалась в процессе переосмысления средневековых представлений о корпорации как коллективном субъекте. Сохраняя характерную для этих представлений соотношенность целого и образующих его конституентов, новая эпистемология отказывалась от важнейшего для корпоративной теории принципа, указывавшего на поглощаемость целым любых индивидуализирующих его конституенты параметров¹⁶. Наделяя отдельные части коллективного субъекта некоторой самодостаточностью, обусловленной его внутренней организацией, антикварии и эрудиты использовали этот прием для выстраивания функционировавшей по иерархическому принципу многоуровневой структуры.

Ее иерархичность определялась местной традицией, использовавшей номенклатуру известных титулов и званий¹⁷. При этом многоуровневый срез таких социальных образований нобилитета определялся локальными, региональными и национальными порядками знати.

¹⁵ Passau R. After Certainty. A History of Our Epistemic Ideals and Illusions. Oxford, 2017. P. 94–100.

¹⁶ Chroust A.-H. The Corporate Idea and the Body Politic in the Middle Ages // The Review of Politics. 1947. Vol. 9. № 4. P. 423–452; Coquillette D.R. Legal Ideology and Incorporation I: The English Civilian Writers, 1523–1607 // Boston University Law Review. 1981. Vol. 61. P. 1–89.

¹⁷ Наиболее подробной известной мне номенклатурой титулов и званий является опубликованный французским эрудитом Жилем-Андре де Лароком де Лалонтьером в 1678 г. «Трактат о знати». См.: *De La Roque de La Lontière G.A. Traité de la noblesse, de ses différentes espèces, de son origine, du genetilhomme de nom et d'armes*. Rouen, 1710; второе издание: *De La Roque de La Lontière G.A. Le Traité de la noblesse et de ses différentes espèces, nouvelle édition, augmentée des Traités du blason des armoiries de France, de l'origine des noms et sur-noms, et du ban et arrière-ban*. Rouen, 1734; современное издание: *De La Roque de La Lontière G.A. Le Traité de la noblesse et de ses différentes espèces / avant-propos de J. de Bodinat, annoté par H.-M. Langle, J.-L. de Tréouret de Kerstrat*. Paris, 1994.

Функциональность организованного таким образом единства во многом проявлялась в совместных действиях его конституентов, которые отражали сохранившую свое инструментальное назначение, но изменившую исходный смысл коллективную (корпоративную) субъектность. При этом особая роль отводилась обновленному спектру активности, отражающему, с одной стороны, иерархическую, многоуровневую организацию позиционируемой таким образом общности и возможный деятельный потенциал ее отдельных конституентов — с другой.

Характерная для антикварных/эрудитских текстов комбинация коллективной, увязанной с корпоративным достоинством и соотнесенной с деятельностью отдельных индивидов активности не только обозначала переход от монофункциональности корпораций к многофункциональности социальных групп. Не менее важным следует считать и изменившееся отношение к самому целому. Прежнее понимание целого как совокупности, не зависящей ни от качества, ни от количества образующих его конституентов, уступает место более сложной конструкции, предполагавшей взаимообусловленность всех элементов нового единства и особую соподчиненность качественных и количественных характеристик.

В представлениях антиквариев/эрудитов многофункциональный характер социальных образований имеет свои лимиты и особенности. Речь идет о том, что деятельность отдельных конституентов (при всем ее возможном многообразии) предельно ограничена набором ценностных установок, связанных с коллективным достоинством группы. Только целое обладает способностью создавать определенные новые назначения и превращать их в обязательные для его отдельных конституентов. Показательными в этом отношении являются сформировавшиеся в эпоху Ренессанса представления о дихотомии гражданского и военного служения короне, преобразованные в рамках целого в популярный в XVI—XVII вв. концепт всеобъемлющего служения сначала монарху, а затем и монархии, т.е. государству.

Только целое способно запустить механизмы, открывающие перспективы для всеобщего представительства своих конституентов в управлении монархией и тем самым обозначить внутригрупповой срез знати, именуемый аристократией. Сам факт конструируемой таким образом аристократии не разрушает внутреннее единство, поскольку не противоречит популярной формуле Аристотеля, но при этом расширяет идею всеобщего служения знати в целом, добавляя к гражданской и военной функции управленческий (властный) потенциал.

Акцент на взаимообусловленности функционала группы и ее конституентов, характерный для антикварных/эрудитских текстов, определял изменения в описательных приемах целого. Преобладавшие у средневековых авторов правовые интерпретации и аргументы уступают место индикаторной оценке, конкретизирующей определенные статусные характеристики единства как на уровне коллективных (групповых), так и индивидуальных параметров. Структура целого (и с точки зрения коллективного достоинства, и с точки зрения его универсальной по своему значению структуры) рассматривается как многомерная совокупность нисходящих титулов и званий, обладатели которых объединены узами врожденного и/или приобретенного благородства. При этом знать разделяется на титулованную и нетитулованную. Внутри этих групп четко обозначены определяющие и разделяющие их статусные барьеры.

Все титулы и звания преподносятся как исторически детерминированные; их этимология не только прозрачна и однозначна, но и напрямую связана с военной организацией раннего Средневековья. Все звания всегда персонифицированы и принадлежат конкретным индивидам, при этом титулам присущи иного рода свойства. Они всегда деперсонифицированы, поскольку принадлежат отдельным семьям, родам и линиям. Более того, они являются частью корпоративного достоинства короны¹⁸. При этом каждый титул не лишен определенного своеобразия, поскольку соответствующие ему внутренние градации

¹⁸ Яков I Стюарт считал, что монарх, подобно фонтану, источает титулы на своих подданных, приобщая каждого из них к «жемчужинам» своего великолепия. Подробнее см.: Федоров С.Е. Аристократия при ранних Стюартах. С. 128—142.

могут образовывать достаточно сложную комбинацию, состоящую из нескольких номинаций: согласно действующему правилу, более высокий титул поглощает, но не отменяет предстоящие ему достоинства.

Представления об иерархичной многоуровневой структуре целого во многом затрудняли идентификацию более общих, характерных для организации социальных групп начал. В антикварных и эрудитских текстах четко просматривается определенная тенденция, в рамках которой титулованная знать позиционируется в качестве внутригруппового ядра nobilitas. Такому ядру присущи не только основанная на неизменности достоинств этой социальной группы стабильность, но и обусловленная регулируемой мобильностью малочисленность и закрытость. Очевидно, что более многочисленная, подвижная и открытая нетитулованная знать образовывала групповую периферию.

Разработанная антиквариями и эрудитами XVI–XVII вв. описательная схема позволяла конструировать в создаваемых ими текстах различные срезы европейской знати, детализирующие ее состав не только на коллективном (групповом), но и на персональном уровне. Именно такого рода проекции служили базисом для воссоздания внутригрупповой динамики знати и в ретроспективном, т.е. историческом, и в современном самом интеллектуалам измерении.

Библиография

Паламарчук А.А. Геральдические трактаты в тюдоровской и раннестюартовской Англии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 1. С. 89–99.

Паламарчук А.А. Концепт «служения» в раннестюартовской Англии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 1 (111). URL: <https://history.jes.su/s207987840019000-9-1/> (дата обращения: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840019000-9

Паламарчук А.А. Рождение социальной терминологии в раннестюартовской антикварной традиции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021758-2-1/> (дата обращения: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840021758-2

Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Федоров С.Е. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021.

Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб., 2015.

Терентьева Е.А. Конструируя нобилитет: благородное сословие в трудах французских эрудитов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840018884-1-1/> (дата обращения: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840021781-8

Терентьева Е.А. Трактаты о знати и благородстве во Франции второй половины XVI–XVII вв. // Средние века. 2023. Т. 84. № 4. С. 111–131.

Федоров С.Е. Nobilitas в антикварном дискурсе XVI–XVII вв. и рождение социального // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021843-6-1/> (дата обращения: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840021843-6

Федоров С.Е. Аристократия при ранних Стюартах (1603–1629). СПб., 2023.

Федоров С.Е. Дискуссия об истинном благородстве и формирование социальных классификаций знати в антикварных текстах XVI–XVII веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 3. С. 712–727.

Федоров С.Е. Рыцарство и титулованная знать в антикварной эпистеме XVI–XVII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 7 (129). URL: <https://history.jes.su/s207987840027294-2-1/> (дата обращения: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840027294-2

Becker M.B. *Civility and Society in Western Europe, 1300–1600*. Bloomington; Indianapolis, 1988.

Bleek K., Garber J. Nobilitas: Standes- und Privilegienlegitimation in deutschen Adelstheorien des 16. und 17. Jahrhunderts // *Daphnis*. 1982. Vol. 11. S. 49–114.

Broadie A. *Notion and Object. Aspects of Late Medieval Epistemology*. Oxford, 1989.

Bryson A. *From Courtesy to Civility. Changing Codes of Conduct in Early Modern England*. Oxford, 1998.

Burmeister K.H. *Das Studium der Rechte im Zeitalter des Humanismus im deutschen Rechtsbereich*. Wiesbaden, 1974.

Chroust A.-H. *The Corporate Idea and the Body Politic in the Middle Ages* // *The Review of Politics*. 1947. Vol. 9. № 4. P. 423–452.

Coquillette D.R. *Legal Ideology and Incorporation I: The English Civilian Writers, 1523–1607* // *Boston University Law Review*. 1981. Vol. 61. P. 1–89.

Daltio R. *La letteratura delle immagini Emblemi e “imprese” tra Cinque e Seicento*. Aosta, 2015.

Drysdall D.L. *Hieroglyphs, Speaking Pictures, and the Law. The context of Alciato's Emblems*. Glasgow, 2013.

- Gilli P.* La Noblesse du droit. Débats et controverses sur la culture juridique et le rôle des juristes dans l'Italie médiévale (XIIe–XVe siècles). Paris, 2003.
- Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. Englewood Cliffs, 1963.
- Gutzwiller K.J.* Poetic Garlands. Hellenistic Epigrams in Context. Los Angeles, 1998.
- Hechter M.* Principles of the Group Solidarity. Los Angeles, 1998.
- Identity and Control. How Social Formations Emerge / ed. H.C. White. Princeton, 2008.
- Jouanna A.* Le devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l'État moderne: 1559–1661. Paris, 1989.
- Noblesse oblige. Identités et engagements aristocratiques à l'époque moderne / eds N. Le Roux, M. Wrede. Rennes, 2017.
- Passau R.* After Certainty. A History of Our Epistemic Ideals and Illusions. Oxford, 2017.
- Passau R.* Theories of Cognition in the Later Middle Ages. Cambridge, 1997.
- Pollet C.* Définir la noblesse. Ecriture et publication des traités nobiliaires au XVIIe siècle. Angleterre – France – Espagne. Rennes, 2023.
- Waswo R.* Language and Meaning in the Renaissance. Princeton, 1987.
- Wieacker F.* Gründer und Bewahrer. Rechtslehrer der neueren deutschen Privatrechtsgeschichte. Göttingen, 1959.

References

- Fyodorov S.E.* Aristokratiia pri rannikh Stiuartakh [The Aristocracy under the Early Stuarts] (1603–1629). Sankt-Peterburg, 2023. (In Russ.)
- Fyodorov S.E.* Diskussii ob istinnom blagorodstve i formirovanie sotsial'nykh klassifikatsii znati v antikvarnykh tekstakh XVI–XVII vekov [Debate on the True Nobility and Social Classifications of the Nobility in the Antiquarian Corpora of the 16th–17th Centuries] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia [Bulletin of St. Petersburg University. History]. 2023. T. 68. № 3. S. 712–727. (In Russ.)
- Fyodorov S.E.* Nobilitas v antikvarnom disкурse XVI–XVII vv. i rozhdenie sotsial'nogo [Nobilitas in the 16th–17th Centuries Antiquarian Discourse and Emergence of the Social] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. № 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021843-6-1/> (access date: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840021843-6 (In Russ.)
- Fyodorov S.E.* Rytsarsstvo i titulovannaia znat' v antikvarnoi episteme XVI–XVII vv. [Knighthood and titled nobility in the antiquarian episteme of the 16th–17th centuries] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T. 14. № 7 (129). URL: <https://history.jes.su/s207987840027294-2-1/> (access date: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840027294-2 (In Russ.)
- Palamarchuk A.A.* GERAL'dicheskie traktaty v tiudorovskoi i rannestiuartovskoi Anglii [Heraldic Tracts in the Tudor and Stuart England] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia [Bulletin of St. Petersburg University. History]. 2024. T. 69. № 1. S. 89–99. (In Russ.)
- Palamarchuk A.A., Terenteva E.A., Fyodorov S.E.* Rozhdenie natsional'nogo istoriopisaniia v Anglii i Frantsii [The Birth of the National Historical Writing in England and France]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Palamarchuk A.A.* Kontsept "sluzheniia" v rannestiuartovskoi Anglii [The Concept of "Office" in Early Stuart England] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. № 1 (111). URL: <https://history.jes.su/s207987840019000-9-1/> (access date: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840019000-9 (In Russ.)
- Palamarchuk A.A.* Rozhdenie sotsial'noi terminologii v rannestiuartovskoi antikvarnoi traditsii [The Rise of the Social Terminology in the Early Stuart Antiquarian Discourse] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. № 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021758-2-1/> (access date: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840021758-2 (In Russ.)
- Palamarchuk A.A., Fyodorov S.E.* Antikvarnyi diskurs v rannestiuartovskoi Anglii [The Antiquarian Discourse in the Early Stuart England]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)
- Terenteva E.A.* Konstruirovanie nobilitet: blagorodnoe soslovie v trudakh frantsuzskikh eruditov [Constructing the nobility: the noble estate in the works of French erudites] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. № 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840018884-1-1/> (access date: 15.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840021781-8 (In Russ.)
- Terenteva E.A.* Traktaty o znati i blagorodstve vo Frantsii vtoroi poloviny XVI–XVII vv. [French treatises on nobility in the second half of 16th and in the 17th centuries] // Srednie veka [The Middle Ages]. 2023. Vol. 84. № 4. S. 111–131. DOI: 10.7868/S0131878023040062 (In Russ.)
- Becker M.B.* Civility and Society in Western Europe, 1300–1600. Bloomington; Indianapolis, 1988.

- Bleeck K., Garber J.* Nobilitas: Standes- und Privilegienlegitimation in deutschen Adelstheorien des 16. und 17. Jahrhunderts // *Daphnis*. 1982. Vol. 11. S. 49–114.
- Broadie A.* Notion and Object. Aspects of Late Medieval Epistemology. Oxford, 1989.
- Bryson A.* From Courtesy to Civility. Changing Codes of Conduct in Early Modern England. Oxford, 1998.
- Burmeister K.H.* Das Studium der Rechte im Zeitalter des Humanismus im deutschen Rechtsbereich. Wiesbaden, 1974.
- Chroust A.-H.* The Corporate Idea and the Body Politic in the Middle Ages // *The Review of Politics*. 1947. Vol. 9. № 4. P. 423–452.
- Coquillette D.R.* Legal Ideology and Incorporation I: The English Civilian Writers, 1523–1607 // *Boston University Law Review*. 1981. Vol. 61. P. 1–89.
- Daltio R.* La letteratura delle immagini Emblemi e “imprese” tra Cinque e Seicento. Aosta, 2015.
- Drysdall D.L.* Hieroglyphs, Speaking Pictures, and the Law. The context of Alciato's Emblems. Glasgow, 2013.
- Gilli P.* La Noblesse du droit. Débats et controverses sur la culture juridique et le rôle des juristes dans l'Italie médiévale (XIIe–XVe siècles). Paris, 2003.
- Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. Englewood Cliffs, 1963.
- Gutzwiller K.J.* Poetic Garlands. Hellenistic Epigrams in Context. Los Angeles, 1998.
- Hechter M.* Principles of the Group Solidarity. Los Angeles, 1998.
- Identity and Control. How Social Formations Emerge / ed. H.C. White. Princeton, 2008.
- Jouanna A.* Le devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l'État moderne: 1559–1661. Paris, 1989.
- Noblesse oblige. Identités et engagements aristocratiques à l'époque moderne / eds N. Le Roux, M. Wrede. Rennes, 2017.
- Passau R.* After Certainty. A History of Our Epistemic Ideals and Illusions. Oxford, 2017.
- Passau R.* Theories of Cognition in the Later Middle Ages. Cambridge, 1997.
- Pollet C.* Définir la noblesse. Ecriture et publication des traités nobiliaires au XVIIe siècle. Angleterre – France – Espagne. Rennes, 2023.
- Waswo R.* Language and Meaning in the Renaissance. Princeton, 1987.
- Wieacker F.* Gründer und Bewahrer. Rechtslehrer der neueren deutschen Privatrechtsgeschichte. Göttingen, 1959.

Приложения

1. Тексты английских антиквариев
- [*Allestree Richard*]. The Gentleman's Calling. London: for T[imothy] Gartwaith, 1660.
- [*Allestree Richard*]. The Ladies Calling. Oxford: at the Theater, 1673.
- Anonyme, Courtin Antoine de.* The Rules of Civility. London: for Martin and John Starkey, 1671.
- Anonyme, Gracián Baldasar.* The Courtier's Manual Oracle. London: V. Fleshner, 1683.
- Anonyme, Nicole Pierre, Pascal Blaise.* Of Grandeur et Three Discourses of Monsieur Pascal... Touching the Condition of the Great. London: James Magnes, 1678.
- B.B. Gent.* The Way to Honour. London: for T[homas] Parkhurst, 1678.
- Bird William, Dodderidge John.* Honors Pedigree, or the Several Fountaines of Gentry. London: for William Sheates, 1652.
- Bird William, Dodderidge John.* Judge Dodaridge, His Law of Nobility and Peerage. London: for L. Chapman, 1658.
- Bloome Richard.* An Essay to Heraldry in Two Parts. London: T.B., 1684.
- [*B[owes] T[homas]*, *La Primaudaye Pirre de.* The French Academie. London: Elliott's Court Press, 1594.
- Braitwait Richard.* The English Gentleman. London: John Haviland, sold by Robert Bostock, 1630.
- Braitwait Richard.* The English Gentlewoman. London: B. Aslop and T. Fawet for Michael Sparke, 1631.
- Braitwait Richard.* Times Treasure: or Academie for Gentry. London: for Nath. Brooke, 1652.
- Brydall John.* Jus Imaginis apus Anglos, or the Law of England Relating to the Nobility and Gentry. London: for John Billinger, 1675.
- Carter Mathew.* Honor Redivivus or an Analysis of Honor and Armory. London: E. Coates, 1655.
- Cleland James.* Heropaideaia. The Institutions of a Young Noble Man. Oxford: Joseph Barnes, 1607.
- Cleland James.* The Scottish Academie or the Institutions for a Young Noble-man. London: Edward White, 1611.
- Cleland James.* The Instructions for Young Noble-man. Oxford: Joseph Barnes, 1612.
- Clerce Bartholomew, Castiglione Baldasare.* Balthasar Castilionis Comiris De Curiali siue Aulico. Londini: Gregorji Bishop, 1573.
- [*Ellis Clement*]. The Gentile Sinners, or England's Brave Gentleman. Oxford: Henry Hall, 1660.

- Ferrand Spence, La Chétardie Joachim Trotti de.* Instructions for a Young Nobleman. London: R. Bentley, 1683.
- Gailhard Jean.* The Compleat Gentleman or Directions for Education of Youth. Londres: Thomas Newcomb, 1678.
- Glover Robert, Milles Thomas.* Nobilitas Politica vel Ciuilis. Londini: Guilielmi Jaggard, 1608.
- Grimstone Edward, Faret Nicholas.* The Honesr Man: or, the Art to Please in Courts. London: printed by Thomas Harper for Thomas Blount, 1632.
- Guillim John, Logan John.* Analogia Honorum, or a Treatise of Honour and Nobility, According to the Laws and Customes of England. London: S. Roycroft for R. Blome, 1679.
- H[awkins] T[homas], Cassin Nicholas.* The Holy Court in Five Thomes. London: William Bentley for John Williams, 1650.
- Hoby Thomas, Castiguone Baldasare.* The Courtier of Baldessar Castilio. London: Thomas Green, 1602.
- H.W., Refuge Eustache de.* The Accomplished Courtier. London: Thomas Dring, 1658.
- Jones William, Nenna Giovan Battista.* Nennio or Treatise of Nobility. London: P[eter] S[hort] for Paule Linley, 1594.
- J[aggard] W[illiam], Favyn André.* The Theater of the Court or Instruction for Courtiers. London: William Jaggard, 1623.
- Keppers John, Romei Annibale.* The Courtiers Academie. London: Valentine Simms, 1596.
- Markham Francis.* The Booke of Honour. London: Augustine Matthews and John Norton, 1625.
- Montague Walter, Du Bosc Jacques.* The Accomplished Woman. London: for Gabriel Bedel, 1655.
- N.N., Du Bosc Jacques.* The Compleat Woman. London: Thomas Harper and Richard Hodgkinson, 1639.
- Peacham Henry.* The Compleat Gentleman. London: [John Legat] for Francis Constable, 1622.
- [Ramsey William].* The Gentlemans Companion. London: E. Oakes for Rowland Reynolds, 1672.
- Reynolds John, Refuge Eustace.* A Treatise of the Court or Instruction for Courtier. London: A[ugustin] M[atthews] for Will Lee, 1622.
- Segar William.* The Booke of Honor and Amies. London: Thomas Orwin for Richard Johnes, 1590.
- Selden John.* The Priviledges of the Baronage of England, when the sit in Parliament. London: T. Badger for Matthew Wallbanck, 1642.
- Selden John.* Titles of Honor. London: William Stansby for John Helme, 1614.
- Skeffington John, Gracián Baltasar.* The Heroe of Lorenzo Gracian. London: for John Martin and James Allestrye, 1652.
- Stubbe Henry, Della Casa Giovanni.* The Arts of Grandeur and Submission. Or a Discourse Cocerning the Behaviour of Great Men towards Their Inferiours. London: A.M. for William Lee, 1665.
- W[aker] N[athaniel], Della Casa Giovanni.* The Refin'd Courtier. London: F.G. for R. Royston, 1663.
- [Waker Obadiah].* Of Education, Especially of Young Gentleman. Oxford, at the Theather: 1673.
- Walsingham [Edward], [Reguge Eustachede].* Arcana Aulica, or, Walsingham's Manual of Prudential Maxims for the States-man and the Courtier. London: for James Young, 1652.
- Waterhouse Edward.* The Gentlemans Monitor. London: T[homas R]oycroft for R. Royston, 1665.
- Whinston Henry.* A Short Treatise of the Great Worth and Best Kind of Nobility. London: E. Coates, 1661.
- Whinston Henry.* A Treatise of Nobility. London: for Pawlet, 1664.

2. Тексты французских эрудитов

- Amelot de La Houssye Nicolas; Gracian Baltasar.* L'Homme de cour. Paris: Veuve Martin, Jean Boudot, 1684.
- Anonyme.* Discours d'un gentilhomme français à la noblesse de France, sur l'ouverture de l'assemblee des Etats generaux dans la ville de Paris en ceste annee 1614. [s.l.]: [s.n.], [1614].
- Belleguise Alexandre.* Traité de la noblesse suivant les préjugez rendus par les Commissaires deputez pour la verification destitilde noblesse en Provence. [s.l.]: [s.n.], 1669.
- Bone August Friedrich ("H.B.").* Boussole de la Cour ou Maximes pour se bien conduire ci la cour d'un prince dr dans les autres hats de la vie. [s.l.]: [s.n.], 1713.
- Borjon de Scellery Charles-Emmanuel.* Des Dignitez temporelles. Paris: Veuve Clouzier, 1683.
- [Boudonne Charles de].* Le Courtisan désabusé, ou Les Pensées d'un gentil-homme qui a passé la plus grande partie de sa vie dans la cour et dans la guerre. Paris: A. Vitré, 1658.
- [Boudonné Charles de].* Le Courtisan désabusé, ou Les Pensées d'un gentil-homme qui a passé la plus grande partie de sa vie dans la cour et dans la guerre. Paris: A. Vitré, 1658.
- [Estaing Joachim, comte d']* Dissertations sur la noblesse d'extraction et sur l'origine des fiefs. Paris: Gabriel Martin, 1690.
- Callières Jacques de.* La Fortune des gens de qualité, et des gentilshommes particuliers. Paris: L. Chamhoudry, 1658.
- Caussin Nicolas.* La Cour sainte [...] Huictième édition, revue et corrigée par l'Autheur. Paris: Sebastien Chapelet, 1629.

- Ceriziers René de*. Le Heros français, ou L'Idée du grand capitaine. Paris: Veuve Jean Camusat et Pierre Le Petit, 1645.
- Chevanes Jacques de*. La Conduite des illustres ou les maximes pour aspirer à la gloire d'une vie heroïque et chrétienne: en 2 vols. Paris: Simeon Piget, 1657.
- Conti Armand de Bourbon, prince de*. Les Devoirs des grands. Paris: Denys Thierry, 1667.
- Courtin, Antoine de*. Nouveau traité de la civilité. Paris: Elie Josset, 1675.
- Dinet François*. Le Théâtre françois des seigneurs et dames illustres. Paris: Nicolas et Jean de la Coste, 1642.
- Du Bosc Jacques*. L'Honneste Femme. Paris: Augustin Courbé, 1636.
- Faret Nicolas*. L'Honneste Homme. Lyon: Nicolas Gay, Jean Huguetan, G. Valfray, 1640.
- Fauchet Claude*. Origines des dignitez et magistrats de France, recueillies par Claude Fauchet. Origine des chevaliers, armoiries et héraux, ensemble de Vordonnance, armes et instruments desquels les Francois ont anciennement use en leurs guerres. Paris: Jeremie Perier, 1600.
- Gastier René*. L'Excellence du mot cler: noblesse et antiquité des clercs. Paris: Nicolas Bessin, 1631.
- Hardy Sébastien; Guevara Antonio de*. Le Réveil-matin des courtisans, ou Moyens légitimes pour parvenir à la faveur dr pour s'y maintenir. Paris: Robert Estienne, 1622.
- La Chétardie Joachim Trotti de*. Instructions pour un jeune seigneur. Paris: Théodore Girard, 1682.
- Lochon Etienne*. Entretiens d'un homme de cour et d'un solitaire, sur la conduite des grands. Paris: Estienne Papillon, 1713.
- Loyseau Charles*. Traité des ordres et simples dignitez. Paris: Abel L'Angelier, 1610.
- Loyseau Charles*. Traité des seigneuries. Paris: Veuve Abel L'Angelier, 1613.
- Malingre Claude*. Histoire des dignitez. Paris: Cardin Besongne, 1636.
- Ménéstrier Claude François*. Les Diverses Espèces de noblesse, et les manieres d'en dresser les preuves. Paris, Lyon: René Guignard, Thomas Amaulry, 1681.
- Pelletier Thomas*. La Nourriture de la noblesse. Paris: J. Sara, 1610.
- Pontaymerie Alexandre*. L'Academie ou Institution de la noblesse franfoise. Lyon: Thibaud Ancelin, 1595.
- [Refuge Eustache de]*. Traicté de la court ou Instruction des courtisans. Paris: Abraham Saugrain, 1618.
- [Rémond des Cours Nicolas]*. La Véritable Politique des personnes de qualité. Paris: Jean Leonard, 1696.
- Salazar Ambrosio; Faret Nicolas*. L'Honneste Homme ou L'Art de plaire à la cour. Par le sieur Faret. Traduit en espagnol par Dom Ambrosio de Salazar, secretaire interprete du Roy en la langue espagnole. Paris: Toussaint Quinet, 1634.
- Tiraqueau André*. Commentarii de nobilitate. Lyon: Héritiers de Guillaume Rouillé, 1602 (1re édition en 1549).
- Tiraqueau André*. De nobilitate et iure primogeniorum. Lyon: Héritiers de Guillaume Rouillé, 1573.
- Vulson Marc sieur de la Colombière*. Le Vray Theatre d'honneur et de chevalerie, ou le miroir heroique de la noblesse. Paris: Augustin Courbé, 1648.

3. Тексты немецких эрудитов

- Besold Christophorus*. Christophori Besoldi IC. discursus politici. I. De monarchia. II. De aristocratia. III. De democratia generatim tractantes. IV. De reipublicae statu subalterno: ubi de comitibus, baronibus, civitatibus imperialibus, et libero equestri ordine, ex professo prolixèque disputatur. V. De reipublicae formarum inter sese comparatione, et quanam earum praestantior existat? Argentorati: Impensis Haeredi Lazari Zetzeri, 1623.
- Bidembach Johann*. Zwey und zwanzig edele Fragen, in welchen nicht allein, die so wol hohe Lands: alß auch Fraiß: und peinliche Obrigkeit, was die ohnmittelbare vom Adel, und freye Römischen Reichs Ritter-schafft und Underthanen, beneben... Basel: durch Johan Jacob Genath, 1614.
- Böckler Georg Andreas*. Ars Heraldica, das ist Die Hoch und Edle Deutsche Adels Kunst. Nurnberg: In Berlegung Johann Ziegers, 1688.
- Dürmstein Caspar Lerch von*. Ausführlicher Bericht und Antwort der Politischen Frage, Mainz: Durch Hermann Möres, 1630.
- Dürmstein Caspar Lerch von*. Ordo Equestris Germanicus Caesareus. Bellopoliticus. Sive [Sacri Romani Imperii Nobilitatis Caesareae Immediatae Antiquitas Dignitas Libertas Et Iura, Das ist, Deß Heil. Römischen Reichs Ritterliche[n] Teutschen Freyen Adels, oder Caesarei Equestris Ordinis uhralte historische, auch wolgegründte Herkommen, besondere hohe Würdigung, teuwere Verdienst, löbliche Sitten, Kays. ohnmittelbare Reichskündige Personal und RealImmediatet, befugte Iura, mit dero ahngehörigen Pertinentien, bewehrten Freyheits Berichten und Privilegiis]. Mainz: Durch Hermann Möres, 1625.
- Fikenscher Johann*. Nobilitas. Baruthi: Typo. Jo. Gebhardi, 1674.
- Franktze Georg*. Disputatio Iuridico-Politica De Nobilitate. Jenae: Typis Steinmannianis, 1629.
- Hund Wiguleus*. Bayrisch Stammen-Buch von Den Fürsten, Graven, Herren auch andern alten Adelichen Bayrischen Geschlechten so die Thurnier besucht und under dieselben gerechnet worden noch der zeit im Leben. Ingolstadt: durch David Sartorium, 1585.

Kegel Daniel Otto. De Nobilitate, Von Adel und Edelleuten. Wittenberg: Typis Matfaei Henckelii, 1684.
Knipschildt Philipp. De fideicommissis familiarum nobilium, sive, De bonis quae pro familiarum nobilium conservatione constituuntur, von Stammgütern, tractatus. Typis Balthasari Kühnen, 1654.

Knipschildt Philipp. Informatio De obligatione domini & vasalli Oder: Kurtzer Bericht Was ein Lehenherr seinem Lehenmann zu thun schuldig. Ulm: In Verlag Georg Wilhelm Rühnen, 1656.

Knipschildt Philipp. Tractatus politico-historico-juridicus de juribus et privilegiis nobilitatis et ordinis equestris S.R.I. liberi et immediati, in libros tres divisus. Campoduni: [s.t.], 1693.

Kreidenmann Johann Conrad. Kurtzer Tractatus von des Teutschen Adels, sonderlich der Freyen Reichs-Ritterschaft in Schwaben, Staat, Stand, Ehren ... und alten Herkommenheiten ... Sampt Copiis etlicher von Römischen Kaysern und Königen ertheilten und confirmirten Privilegien und Freyheiten. Tübingen: Bey Philibert Brunnen, 1646.

Mathias Stephani. Tractatus de nobilitate civil. Francofurti: Typis Nicolai Hoffmanni, 1617.

Rantzau Joachim. Oratio De Nobilitate Et Ad Qvodnam Bonorum genus illa referenda sit. Argentorati: Excudebat Antonius Bertramus, 1596.

Rolevinck Werner. De origine nobilitatis. Köln: Arnold Therhoernen, 1472.

Schirnding Georg Siegmund von. Nobilitas. Dresden, Typis Jo. Gebhardi, 1674.

Schneider David. Adeliches Ritter-Feld Oder: Unpartheyische Gedancken von dermahligen Adels in Teutschland Anfang. Frankfurt am Mein: bey Anton Peinscheidt, 1650.

Schopper Andreas Ludwig. Disputatio De Nobilitate Politica. Regensburg: Typis Abrahami Wagenmanni, 1618.

Schrot Martin. Wappen Buch des hohen Geistlichen und Weltlichen Stands der Christenheit in Europa, des Apostolischen Stuels zu Rom: der Patriarchen, Cardinälen ... Bistumben ... Dessgleichen auch des Römischen Reichs ... der Christlichen Königreichen, etc. München, 1576.

Simmern Reinhard. Der gestrenge und tapfere Edelmann, das ist eines rechtschaffenen Edelmanns Tugenden und Thaten. München: [s.t.], 1576.

Spangenberg Cyriac. Adels Spiegel. Historischer Ausführlicher Bericht Was Adel sey und heisse, Woher er kom[m]e, Wie mancherley er sey Und Was denselben ziere und erhalte... Was Adel sey und heisse, Woher er kom[m]e, Wie mancherley er sey, Vnd Was denselben ziere vnd erhalte, auch hingegen verstelle vnd schwäche. Schmalkalden: Michel Schmück, 1591.

Treißpach Hippolito von. Unfürgreifliches Bedencken über etliche Fragen, Der Freyen Reichs-Ritterschafft in Schwaben Francken und am Rheinstrom, Standt und Session betreffendt Authore Hippolito von Treißpach. Typis Philiberti Brunnij, 1641.

Weiss Johann. Disputatio Ethica De Nobilitate Civili. Giessae Hassorum: Chalcographeo Chemliano, 1656.

Zasius Ulrich. Tractatus de feudis trium praeclariss. iurisconsultorum Germanorum, illustr. Friderici Schenck, liberi Baron à Tautenberg, quondam praesidis Cam. Imperialis D. Francisci Sonsbeccij, D. Vldarici Zasij ... Coloniae Agrippinae: apud Joannem Gymnicum. 1600.

DOI: 10.31857/S0130386424050027

© 2024 г. А.А. ПАЛАМАРЧУК

«СОЦИАЛЬНАЯ» ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИИ DE VERBORUM SIGNIFICATIONE ДЖОНА СКИНА*Паламарчук Анастасия Андреевна — доктор исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).**E-mail: sir.henry.finch@gmail.com**Scopus Author ID: 57201724636; ORCID: 0000-0002-0851-6875; Researcher ID: J-5315-2013**Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 23-28-00267 «Рождение социального: социальная терминология и классификации в интеллектуальном дискурсе раннего Нового времени».*

Аннотация. Процесс спецификации социального и, в частности, размежевания собственно социального от правового в интеллектуальном дискурсе раннего Нового времени имел как общие закономерности, так и элементы, определявшиеся региональной спецификой интеллектуальной традиции и институциональных практик. В статье рассматривается шотландский вариант данного процесса на примере лексикографии шотландского юриста-цивилиста сэра Джона Скина (1549–1617) *De verborum significatione*. Анализ репертуара социальных понятий в лексикографии показал, что известная современникам неоднородность генезиса страт и групп внутри шотландской знати не позволяла выстроить иерархию знатных титулов и достоинств шотландского королевства, а следовательно, препятствовала рефлексии о знати как о социальном явлении. Вместе с тем доминирование принципов гражданского права с его четко определенной предметной областью и устойчивым терминологическим аппаратом стимулировало спецификацию сферы правового, но в дальнейшем препятствовало размежеванию правового и социального. В статье показано, что многие термины, которые впоследствии приобретут собственно социальные интерпретации в шотландской интеллектуальной традиции, в начале XVII столетия продолжали трактоваться как интегральная часть системы правовых взаимодействий в общине королевства, а их упоминания в исследуемых Скином шотландских законах и парламентских актах связаны с правовыми привилегиями, судебной процедурой или спецификой владельческих отношений. Востребованность среди шотландских интеллектуалов кальвинистской антииерархической теологии коллективного завета объяснялась отсутствием к XVI столетию возможности выстроить в масштабах королевства единую и иерархически организованную структуру общины с использованием общего для всех ее компонентов правового или «социального» параметра.

Ключевые слова: Джон Скин, лексикография, социальное, иерархия, право, знать, Шотландия.

A.A. Palamarchuk**“Social” Terminology in Sir John Skene’s Lexicography “De Verborum Significatione”***Anastasia Palamarchuk, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).**E-mail: sir.hnry.finch@gmail.com**Scopus Author ID: 57201724636; ORCID: 0000-0002-0851-6875; Researcher ID: J-5315-2013**Financial support: grant RSF № 23-28-00267 “The Rise of the Social: Social terminology and Classifications in the Early Modern Intellectual Discourse”.*

Abstract. The process of specification of the social and, in particular, the process of demarcation between the social and the legal spheres in Early Modern European intellectual discourse exhibited both general regularities and elements contingent on the regional specificity of intellectual traditions and institutional practices. In the article, the author examines the Scottish version of this process, with the lexicography of the Scottish civil lawyer Sir John Skene (1549–1617) “De Verborum Significatione” serving as a case in point. The analysis of the social concepts included in the lexicography demonstrates that the heterogeneity of the genesis of strata and groups within the Scottish nobility, as observed by contemporaries, precluded the establishment of a hierarchy of noble titles and dignities within the Scottish kingdom. Consequently, reflection on the nobility as a social phenomenon was also prevented. Conversely, the ascendancy of civil law, with its rigorously delineated subject matter and enduring lexical apparatus, fostered the elaboration of the legal domain. However, this process also impeded the differentiation between the legal and the social. The author demonstrates that numerous concepts that would subsequently be imbued with particular social connotations within the Scottish intellectual tradition during the seventeenth century were nevertheless still regarded as an intrinsic component of the legal framework within the community of the kingdom. When referenced in the Scottish laws and parliamentary acts examined by Skene, these concepts were closely associated with legal privileges, judicial procedure, or the distinctive characteristics of property relations.

Keywords: John Skene, lexicography, the social, hierarchy, civil law, nobility, Scotland.

Развитие правовой культуры и судебно-административных практик на Британских островах в XVI – первой половине XVII в. демонстрировало потребность в систематизации и в определенной мере кодификации действовавших на территории архипелага правовых систем и формируемых ими практик. Этот запрос являлся органичной частью спецификации области собственно правового¹. При этом автономизировавшееся правовое продолжало включать в себя те категории и понятия, которые позднее, в свою очередь, образовали специфическую область социального. Сложность размежевания правового и социального определялась тем, что факт обладания землей и размеры земельных владений в период классического Средневековья полностью определяли разнообразие общественных отношений, а в XVI и первой половине XVII в. (формально до отмены рыцарского держания в 1646 г.) – все еще определяли их в значительной мере. Несмотря на то что в раннее Новое время данные трансформации были характерны для интеллектуальной жизни Европы в целом, в разных регионах они разворачивались под влиянием различных факторов. Подобные региональные отличия наблюдались и в пределах Британского архипелага.

К концу XVI столетия шотландская правовая традиция обладала отчетливой региональной спецификой. С одной стороны, система судебных институтов в шотландском королевстве была гораздо менее разветвленной и влиятельной по сравнению с английской. С другой стороны, шотландское право испытывало гораздо большее влияние гражданского права по сравнению с английским правом, в том числе благодаря тому, что в Шотландии отсутствовали корпоративные образовательные институты, подобные судебным иннам, а юридическое образование можно было получить только в университетах. Как отмечал Б. Левак, к моменту унии корон английские юристы проявляли обеспокоенность «романизмом» своих шотландских коллег².

Джон Скин из Каррихилла (1549–1617) был выдающейся фигурой среди шотландских интеллектуалов своей эпохи. Он получил юридическое образование, по-видимому, в Абердине, а затем в университете Сент-Эндрюса, в молодости объездил Северную и Восточную

¹ Паламарчук А.А. Рождение социальной терминологии в раннешотландской антикварной традиции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021758-2-1/> (дата обращения: 25.07.2024.). DOI: 10.18254/S207987840021758-2

² Levack B.P. The Formation of the British State: England, Scotland and the Union of Crowns 1603–1707. Oxford, 1987. P. 88–91.

Европу от Норвегии до Польши, учился в университете Виттенберга, а в 1577 г. начал практиковать в качестве адвоката. В 1587 г. Скин был назначен членом комиссии, работа которой заключалась в систематизации статуты Шотландского парламента, а в дальнейшем — в систематизации существующего шотландского права в целом. Скину удалось осуществить два грандиозных издания: в 1597 г. вышли в свет «Законы и акты шотландского Парламента короля Якова I и его наследников»³, а в 1609 г. — том под названием *Regiam majestatem*⁴, содержащий одноименный трактат и другие памятники средневекового шотландского права. Сам Скин полагал, что текст *Regiam majestatem* был составлен при короле Давиде I (1124–1153), а текст «Гланвилла», трактата, который считался одним из основополагающих для становления английского права, был написан под влиянием этого шотландского памятника⁵. При этом другой выдающийся шотландский юрист, Томас Крейг, автор *Jus feudale*, придерживался противоположной точки зрения, которая впоследствии возобладала уже в современной науке: текст *Regiam majestatem* был изводом «Гланвилла», созданным в конце XIV столетия и повторно открытым в последней трети XVI в.

Наконец, неотъемлемой частью этого кодификационного проекта стало составление и публикация лексикографии *De verborum significatione*⁶. В этом томе Скин собрал термины, употреблявшиеся в средневековом шотландском законодательстве и правовых памятниках, и дал их подробное толкование на современном ему шотландском языке. По мысли Скина, лексикография должна была стать лишь дополнением к тому парламентских актов⁷, однако в итоге она была оформлена как отдельное сочинение и в этом качестве переиздавалась впоследствии в Англии⁸.

Лексикография Скина была вторым по счету словарем правовых понятий, созданным на Британских островах⁹. Первая подобная лексикография была написана в Англии Джоном Растеллом в 1523 г.¹⁰ на так называемом «юридическом французском». Вскоре после публикации Скина, Джон Коуэлл в 1607 г. опубликовал лексикографию под названием «Толкователь»¹¹. Благодаря своим публикациям Скин приобрел известность не только

³ The lavves and acts of Parliament, maid be King Iames the First, and his royal successours kinges of Scotland. Edinburgh, 1597.

⁴ *Regiam Majestatem Scotiae Veteres Leges et Constitutiones, Ex Archivis Publicis, Et Antiquis Libris Manuscriptis Collectae, Recognitae, Et Notis Juris Civilis, Canonici, Nortmannici Auctoritate Confirmatis, Illustratae, Opera & Studio Joannis Skenaei, Regiae Majestati a Conciliis & Archivis Publicis. Annotantur in Margine, Concordantiae Juris Divini, Legum Angliae, Et Juris Novissimi Scotiae quod Acta Parliamenti, Vulgo, Vocant. Catalogum Eorum quae in his Libris Continentur Vicesima Pagina, Indicat. Cum Duplici Indice, Altero Rerum, Altero Verborum Locupletissimo.* Edinburgh, 1609.

⁵ *Regiam Majestatem Scotiae... To the reader.*

⁶ *Skene J. De Verborum Significatione: The Exposition of the Termes and Difficill Wordes, Contained in the Foure Buikes of Regiam Majestatem, and Uthers, In the Acts of Parliament, Infestments; And Used in Practique of this Realme.* Edinburgh, 1597.

⁷ *Donaldson R. A Mixed Edition of "De verborum significatione" // The Bibliothek: A Scottish Journal of Bibliography and Allied Topics. 1962. Vol. 3. № 6. P. 219–220.*

⁸ В историографии сочинение Скина *De verborum* упоминается, как правило, в контексте становления жанра лексикографий и энциклопедической культуры в целом. Наиболее подробно на данный момент вклад Скина в лексикографическую традицию был рассмотрен в работах Дж. Косиндайна и под его редакцией: *Cosindine J. Sixteenth-Century English Dictionaries.* Oxford, 2022; *Ashgate Critical Essays on early English Lexicographies. Vol. 4. The Seventeenth century / ed. J. Cosindine.* Farnham, 2012. См. также: *Legal Lexicography: A Comparative Perspective / ed. M. Aodha.* London; New York, 2016. Отдельных исследований, посвященных данной работе Скина, на данный момент не существует; как и тексты многих других лексикографий, отдельные ее статьи используются преимущественно в иллюстративных целях.

⁹ *Lancashire J., Damianopoulos J. The early Modern English Law Lexicon // Legal Lexicography. A comparative perspective / ed. M. MacAodha.* Farnham, 2014. P. 30–44.

¹⁰ *Rastell J. Exposiciones terminu rom legum anglorum. Et natura breuium cum diuersibus casibus regulis et fundamentis legum tam de libris Magistri Litteltoni quam de aliis legum libris Imprinted at London, 1523.*

¹¹ *Cowell J. The Interpreter: or Booke Containing the Signification of Words... as Are Mentioned in the Lawe Writers.* Cambridge, 1607.

у себя на родине, но и у английских юристов и антиквариев. С работами Скина были знакомы Эдвард Кок, Генри Спелман и Джон Коуэлл¹², а в 1613 г. *De verborum significatione* был отпечатан в Лондоне отдельным изданием, так же как и *Regiam maiestatem*, для которого был составлен новый (не комментированный) указатель понятий.

Составляя лексикографию, Скин отбирал для толкования латинские, французские и шотландские слова (преимущественно нижнешотландские и лишь несколько гэльских), напрямую относящиеся к сфере правового. Даваемые им определения достаточно пространны (так, пояснение к термину «шериф» занимает более 10 страниц), каждое понятие объясняется в контексте тех статуты или текстов, в которых оно использовано. Скин практически полностью ориентировался на шотландский контекст использования; благодаря авторским толкованиям латинские и французские термины «присваиваются» шотландским правом. Скин также привлекает общий для цивилистов его времени круг континентальных авторов, писавших о феодальном праве: это Жак Кюжа, Гийом Бюде, Ульрих Цазий, Андреа Альдиато и англичанин Томас Смит. Если сравнить словарь Скина с «Толкователем» Коуэлла, то английский цивилист включает в свою книгу несравненно более широкий круг терминов, значительная часть которых действительно связана с правом, однако не меньшее количество словарных статей — это термины, относящиеся к самым разнообразным сферам человеческой деятельности: от верховной власти и институтов до строительства и быта. Коуэлл также не ограничивает себя терминологией английских правовых источников, поскольку английским цивилистам было важно продемонстрировать универсальное измерение и потенциал гражданского права. Этой же универсализирующей перспективой объясняется и привлечение к толкованиям максимально широкого круга античных и средневековых континентальных текстов, при том что словарные статьи отличаются максимальной краткостью. Поэтому если книга Коуэлла полностью остается в русле словарной традиции, то Скин в некоторых фрагментах приближается к жанру трактата.

В тексте *De verborum* только около 20 статей можно отнести к «социальной» терминологии. На данном этапе те термины, которые впоследствии приобретут собственно социальные интерпретации, продолжают трактоваться автором как интегральная часть системы правовых взаимодействий в общине королевства, а их упоминания в исследуемых Скином шотландских законах и парламентских актах связаны с правовыми привилегиями, судебной процедурой или спецификой владельческих отношений. Данная особенность была характерна и для современных Скину английских антикварных и правовых трактатов, однако, как и в случае с Коуэллом, репертуар «социальных» понятий, используемых в правовых текстах, у авторов-англичан был гораздо шире. О том, что широкий круг потенциально «социальных» понятий присутствовал в опубликованных Скином источниках, но при этом данные понятия не вошли в *De verborum*, свидетельствует составленный английским издателем индекс к изданию 1613 г.

«Социальные» понятия в лексикографии Скина делятся на две группы: с одной стороны, это характеристики некоторых титулов и достоинства, а с другой — понятия, которые определяли вертикальные и горизонтальные связи внутри общины королевства¹³.

В шотландской лексикографии Скина отсутствует столь характерный для английских антикварных трактатов латинский термин *nobilitas* («знать» или «знатность») и его определения. Причины тому видятся следующие. Как известно, шотландская знать к исходу Средневековья представляла собой внутренне неоднородную группу, среди которой знать северной Шотландии и знать центра и юга страны различались с точки зрения генезиса¹⁴. Знать южной Шотландии активно формировалась в период правления Давида I (1113–1124) и его преемников как знать феодальная и состояла преимущественно из представителей

¹² MacQueen H.L. *Law and Legal Consciousness in medieval Scotland*. Leiden, 2024. P. 453.

¹³ Федоров С.Е. Дискуссия об истинном благородстве и социальные классификации знати в антикварных текстах раннего нового времени // Вестник СПбГУ. История. 2023. Т. 68. № 3. С. 712–727.

¹⁴ Brown K. *Noble Society in Scotland: Wealth, Family and Culture, from Reformation to Revolution*. Edinburgh, 2004.

нормандского и фламандского рыцарства¹⁵. Гэльская знать Севера страны формировалась как знать родовая, источником ее авторитета являлась власть над родом и занимаемой им землей. В подобных условиях возникновение у современников представлений о знати как единой иерархически упорядоченной структуре не представлялось возможным¹⁶. Напомним, что для английских интеллектуалов выстраивание единого и порядка следования соподчиненных титулов в пределах английского королевства было не только возможным, но и принципиально важной целью, поскольку позволяло продемонстрировать целостность общины королевства как корпорации. При этом необходимым элементом была реконструкция преемственности между англосаксонскими дофеодальными чинами и нормандскими феодальными достоинствами.

В статье «Бароны» Скин перечисляет и дает характеристики феодальным титулам, начиная с герцогского и заканчивая баронским. Каждый из титулов имеет исключительно функциональную характеристику: «Цазиус в *De Feudis* пишет в согласии с “Германией” Тацита, что Дух, или герцог — это управляющий провинцией или армией, *comites*, или графы — это спутники герцогов или князей. Их называли так, потому что они неотступно следовали за герцогами и князьями и никогда от них не отлучались. *Marchiones*, или маркизы — защитники и хранители границ, так как марка по-латыни *limes*, *mark-grave* на голландском означает *comes limitaneus*. Следовательно, все маркизы обитают на границах страны ... Слово *baro* происходит от греческого *barus*, то есть *gravis* — мудрый, добродетельный и осмотрительный. В нашем королевстве тот называется бароном, кто держит земли непосредственно от короля и имеет право осуществлять уголовную юрисдикцию (*pit and gallows*) в своих владениях»¹⁷.

Нетрудно заметить, что Скин не стремится выстроить четкий порядок следования титулов (например, вообще пропускает титул графа), объемы земельных держаний и пределы юрисдикций (кроме права баронов на *pit and gallows*) вообще не упомянуты. Авторитетом для Скина служит Ульрих Цазий, который, как известно, настаивал на том, что феодальные отношения средневековой Европы восходили исключительно к римским реалиям¹⁸. Отчетливый «романизм» Скина тем более примечателен, что современник Скина Томас Крейг из Риккартона в трактате *Jus feudale*, помимо того же Цазия и утверждения о греческом происхождении слова «барон», рассуждает о трансформациях титулов в империи Карла Великого и о нормандском элементе в процессе формирования шотландских титулов. Мнения Крейга и Скина по поводу определения «баронов» сходятся в следующем: «баронами называются те, кто держит свои земли единственно от своего короля»; «бароны обладают чистым (полным) империем (*imperium merum*)»¹⁹; бароны — это светские и духовные «магнаты», *barones majores* обладают правом баронского суда, *barones minores* обладают юрисдикцией только над своими вассалами. В этом контексте «бароном» мог быть назван любой держатель *in capite* (держатель первой руки. — *А. П.*), вне зависимости от того, обладал ли он титулом выше или ниже собственно баронского.

¹⁵ Barrow G.W.S. *The Kingdom of the Scots: Government, Church and Society from the eleventh to the fourteenth century*. New York, 1973. P. 253.

¹⁶ Э. Тейлор справедливо отметила, что существовавшая на средневековом Западе латинская терминология описания вассально-сеньориальных отношений и юрисдикций была совершенно неприменима для описания разнообразных «нативных» форм зависимости и соподчинения, вследствие чего любые дискуссии о специфике шотландского «феодализма» были ограничены. См.: Taylor A. *Homo Ligius and unfreedom in Medieval Scotland, 1093–1286* // *New Perspectives on Medieval Scotland* / ed. M. Hammond. Woodbridge, 2013. P. 85–116.

¹⁷ Skene J. *De Verborum Significatione*. Barones. S.p.

¹⁸ Kelley D.R. *De Origine Feudorum: The Beginnings of an Historical Problem* // *Speculum*. 1964. Vol. 39. № 2. P. 207–228.

¹⁹ Craig Th. *Thomae Craigi de Riccarton Jus Feudale*. Lipsiae, 1716. P. 140. Согласно восходящему к Ульпиану определению, связанный с должностью или титулом империй мог быть полным, или «чистым» (*merum*), т.е. включать в себя как юрисдикцию, так и «право меча» (*jus gladii, potestas*) или смешанным (*mixtum*), т.е. включающим только юрисдикцию. *Imperium merum*, таким образом, подразумевал большую полноту власти.

Ту же самую функциональную интерпретацию Скин использует и для вынесенного в отдельную словарную статью достоинства баннеретов. Как известно, в английских порядках следования баннереты относились к рыцарству и считались наиболее привилегированной его частью, поскольку генезис достоинства был связан с правом демонстрировать флаг на поле боя. Скин не рассматривает генезис данной страты, делая ее специфической функцией представительство в Парламенте или королевском совете, куда баннереты имеют право быть призванными путем издания королевского предписания и присутствовать на собраниях лично, чтобы наряду с «епископами, графами, лордами и аббатами» «представлять всеческие и разные нужды общины»²⁰.

Наконец, группа, обозначаемая латинским термином *milites*, который в английской традиции трактовался однозначно как «рыцари», в том числе и обладатели рыцарского держания, приравниваются Скином к «фригольдерам, держащим свои баронии *in capite*», а несение ими рыцарского служения (*militare srevitium*) проистекает из факта держания *in capite* (так называемое держание правой руки)²¹, являясь, таким образом, следствием, а не причиной обладания землей.

На страницах лексикографии появляется статья, которая выделяется на общем фоне: она носит название «Клан Мак-Дафф». В ней речь идет о привилегии убежища, связанной с каменным крестом клана Мак-Дафф, расположенным на землях клана между Абернети и Ньюборо. В этой краткой словарной статье Скин демонстрирует, как, наряду с феодальными титулами и административно-судебными должностями в шотландском королевстве, существует общность, статус и привилегии которой не проистекают из феодальных отношений с шотландским монархом, а лишь подтверждаются им²². Клан Мак-Дафф — единственный клан, вынесенный в словарную статью — показан как отдельная неклассифицируемая группа, статус которой определяется уникальной привилегией. Титул графов Файф, который принадлежал главе клана Мак-Дафф, в формулировке Скина, нес с собой отдельный комплекс привилегий — право главы клана возлагать корону на шотландского монарха, право людей клана идти первыми в королевской армии, и, что особенно примечательно, сам клан (а не графы Файф) обладал регальными правами, дарованными королем²³.

Построения шотландского интеллектуала полностью игнорировали английский дискурс о знати, восходящий к трактатам Николаса Аптона, Сент-Олбанской книге и трактату Джона Ферна²⁴, и были привязаны к построениям континентальных цивилистов. Как в выборе терминов для объяснения, так и в выборе источников этих трактовок он исключительно последовательно ограничивался областью правового. По-видимому, доминирование принципов гражданского права с его четко определенной предметной областью и устойчивым терминологическим аппаратом стимулировало спецификацию сферы правового, но в дальнейшем препятствовало размежеванию правового и социального.

Наконец, можно предположить, что востребованность среди шотландских интеллектуалов кальвинистской антииерархической теологии коллективного завета²⁵ избранного народа с Богом объяснялась отсутствием к XVI столетию возможности выстроить в масштабах королевства единую и иерархически организованную структуру общины с использованием общего для всех ее компонентов правового или «социального» параметра. Представляется возможным, что теология пресвитерианской общины компенсировала данную структурную лакуну в шотландской правовой мысли.

²⁰ Skene J. De Verborum Significatione. S.v. Banrents.

²¹ Skene J. De Verborum Significatione. S.v. Milites.

²² Skene J. De Verborum Significatione. S.v. Clan-macduff.

²³ Grant A. Franchise North of the Border // *Liberties and Identities in the Medieval British Isles* / ed. M. Prestwich. Woodbridge, 2008. P. 155–199.

²⁴ Хоменкова В.Ю. Сэр Джон Ферн и формирование антикварного нарратива о Nobilitas // *Средние века*, 2023. Т. 84. № 3. С. 198–215.

²⁵ Elazar D.J. *Covenant and Commonwealth. From Christian separation through the Protestant Reformation. The Covenant Tradition in Politics*. Vol. 2. New Brunswick; London. 1996. P. 132–137.

Библиография / References

Паламарчук А.А. Рождение социальной терминологии в раннестюартовской антикварной традиции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021758-2-1/> (дата обращения: 25.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840021758-2

Федоров С.Е. Дискуссия об истинном благородстве и социальные классификации знати в антикварных текстах раннего нового времени // Вестник СПбГУ. История. 2023. Т. 68. № 3. С. 712–727.

Хоменкова В.Ю. Сэр Джон Ферн и формирование антикварного нарратива о Nobilitas // Средние века. 2023. Т. 84. № 3. С. 198–215.

Fedorov S. Ye. Diskussija ob istinnom blagorodstve i social'nye klassifikacii znati v antikvarnyh tekstah rannego novogo vremeni [Debate on the True Nobility and Social Classifications of the Nobility in the Early Modern Antiquarian Corpora] // Vestnik SPbGU. Istoria [Vestnik of St.Petersburg State University. History]. 2023. T. 68. № 3. S. 712–727. (In Russ.) (In Russ.)

Khomenkova V. Ju. Sir John Fern i formirovanie antikvarnogo narrativa o Nobilitas [Sir John Fern and Formation of Antiquarian Narrative on Nobilitas] // Srednie veka [The Middle Ages]. 2023. Vol. 84. № 3. S. 198–215. (In Russ.)

Palamarchuk A.A. Rozhdenie social'noj terminologii v rannestjuartovskoj antikvarnoj tradicii [The Birth of Social Terminology in the Early Stuart Antique Tradition] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. Vyp. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021758-2-1/> (access date: 25.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840021758-2 (In Russ.)

Ashgate Critical Essays on early English Lexicographies. Vol. 4. The Seventeenth century / ed. J. Cosindine. Farnham, 2012.

Barrow G.W.S. The Kingdom of the Scots: Government, Church and Society from the eleventh to the fourteenth century. New York, 1973.

Brown K. Noble Society in Scotland: Wealth, Family and Culture, from Reformation to Revolution. Edinburgh, 2004.

Cosindine J. Sixteenth-Century English Dictionaries. Oxford, 2022.

Cowell J. The Interpreter: or Booke Containing the Signification of Words... as Are Mentioned in the Lawe Writers. Cambridge, 1607.

Craig Th. Thomae Craigi de Riccarton Jus Feudale. Lipsiae, 1716. P. 140.

Donaldson R. A Mixed Edition of "De verborum significatione" // The Bibliotheca: A Scottish Journal of Bibliography and Allied Topics. 1962. Vol. 3. № 6. P. 219–220.

Elazar D.J. Covenant and Commonwealth. From Christian separation through the Protestant Reformation. The Covenant Tradition in Politics. Vol. 2. New Brunswick; London. 1996. P. 132–137.

Grant A. Franchise North of the Border // Liberties and Identities in the Medieval British Isles / ed. M. Prestwich. Woodbridge, 2008. P. 155–199.

Kelley D.R. De Origine Feudorum: The Beginnings of an Historical Problem // Speculum. 1964. Vol. 39. № 2. P. 207–228.

Lancashire J., Damianopoulos J. The early Modern English Law Lexicon // Legal Lexicography. A comparative perspective / ed. M. MacAodha. Farnham, 2014. P. 30–44.

Legal Lexicography: A Comparative Perspective / ed. M. Aodha. London; New York, 2016.

Levack B.P. The Formation of the British State: England, Scotland and the Union of Crowns 1603–1707. Oxford, 1987. P. 88–91.

MacQueen H.L. Law and Legal Consciousness in medieval Scotland. Leiden, 2024.

Rastell J. Exposiciones terminorum legum anglorum. Et natura breuium cum diuersibus casibus regulis et fundamentis legum tam de libris Magistri Litteltoni quam de aliis legum libris Imprynted at London, 1523.

Regiam Majestatem Scotiae Veteres Leges et Constitutiones, Ex Archivis Publicis, Et Antiquis Libris Manuscriptis Collectae, Recognitae, Et Notis Juris Civilis, Canonici, Nortmannici Auctoritate Confirmatis, Illustratae, Opera & Studio Joannis Skenaei, Regiae Majestati a Conciliis & Archivis Publicis. Annotantur in Margine, Concordantiae Juris Divini, Legum Angliae, Et Juris Novissimi Scotiae quod Acta Parlamenti, Vulgo, Vocant. Catalogum Eorum quae in his Libris Continentur Vicesima Pagina, Indicat. Cum Duplici Indice, Altero Rerum, Altero Verborum Locupletissimo. Edinburgh, 1609.

Skene J. De Verborum Significatione: The Exposition of the Termes and Difficill Wordes, Contained in the Foure Buikes of Regiam Majestatem, and Uthers, In the Acts of Parliament, Infestments; And Used in Practique of this Realme. Edinburgh, 1597.

Taylor A. Homo Ligius and unfreedom in Medieval Scotland, 1093–1286 // New Perspectives on Medieval Scotland / ed. M. Hammond. Woodbridge, 2013. P. 85–116.

The lavves and acts of Parliament, maid be King Iames the First, and his royal successours kinges of Scotland. Edinburgh, 1597.

DOI: 10.31857/S0130386424050039

© 2024 г. Е.А. ТЕРЕНТЬЕВА

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «ТРАКТАТЕ О ЗНАТИ» Ж.А. ДЕ ЛАРОКА ДЕ ЛАЛОНТЬЕРА (1678)

Терентьева Екатерина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: e.a.terenteva@spbu.ru

Scopus Author ID: 57201729500, Researcher ID: C-9045-2019

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-00267; «Рождение социального: социальная терминология и классификации в интеллектуальном дискурсе раннего Нового времени».

Аннотация. «Трактат о знати» Жиль-Андре де Ларок де Лалонтьера, впервые опубликованный в 1678 г., принадлежит к распространенному в Европе раннего Нового времени жанру трактатов о знатности, различных видах знати и способах аноблирования. Ларок де Лалонтьер, выдающийся французский генеалогист, геральдист и королевский историограф XVII в., позиционировал свой труд как итоговую работу по проблемам знати и знатности. Его объемный трактат, весьма подробный и продуманно структурированный, неоднократно использовался в качестве источника исследователями французского дворянства, однако никогда не становился предметом специального исследования в отечественной историографии. В настоящей статье приводится обзор проблем, затронутых в «Трактате», рассмотрена его структура и логика расположения материала и применяемые автором методы. Используемая Лароком де Лалонтьером социальная терминология переведена на русский язык и анализируется с точки зрения отражения в ней оформления границ благородного сословия во Франции. Демонстрируется тематическая и эпистемологическая связь нобилиарного дискурса во Франции с эрудитским интеллектуальным течением. Протекавший в это время процесс замыкания благородного сословия требовал уточнения границы между знатью и простолюдинами. В связи с этим внутренняя структура французской знати мало интересовала Ларока, и основное внимание он уделит именно уточнению ее нижней границы. Наиболее подробно в его труде трактуются термины, определяющие пограничные, нижние ступени знатности. Дискуссионный вопрос о соотношении и достоинстве старой, родовой, и новой, служилой знати решается Лароком в пользу их равнозначности.

Ключевые слова: Жиль-Андре де Ларок де Лалонтьер, Франция, знать, знатность, французское дворянство, нобилиарный дискурс, трактаты о знати, XVII в.

E.A. Terenteva

Social Terminology in “Traité de la Noblesse” by Gilles-André La Roque de La Lontière (1678)

Ekaterina Terenteva, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: e.a.terenteva@spbu.ru

Scopus Author ID: 57201729500, Researcher ID: C-9045-2019

The research was supported by Russian Science Foundation, project № 23-28-00267; “The Rise of the Social: Social terminology and Classifications in the Early Modern Intellectual Discourse”.

Abstract. The “*Traité de la noblesse*” by Gilles-André de La Rocque de La Lontière is an example of the treatises on nobility that were prevalent in early modern Europe. The author, a renowned French genealogist, heraldist, and royal historiographer, presented his work as a comprehensive summary and conclusion on the issues surrounding nobility in French society. Although Larocque’s voluminous treatise has been referenced by researchers of the French nobility, it has not been the subject of in-depth investigation by Russian historians. This paper aims to address this gap in the historical literature by analysing the major problems outlined in the treatise and the social terminology used by Larocque as a reflection of the process of defining the boundaries of the noble estate in early modern France. The close subject and epistemic connection between the nobiliary discourse and the French erudite intellectual current is demonstrated. The process of closure of the nobility that took place at that time required the delineation of the boundary between the nobility and the roturiers. In this regard, the internal structure of the French nobility was of little interest to La Rocque, who focused on clarifying its lower border. He provides a detailed account of the terms used to define the borderline between the lower levels of nobility. Larocque addresses the controversial question of the dignity of the old and new nobility, concluding that they are equivalent.

Keywords: Gilles André de La Roque de La Lontière, France, nobility, noble status, French nobility, discours nobiliaire, seventeenth century.

Осмысление современниками проблем выстраивания границ благородного сословия во Франции раннего Нового времени воплощалось в публикации разнообразных по жанру и тематике ученых трактатов, объединенных темой знати как особой группы и неизменно пользовавшихся популярностью во французском обществе. Это были как теоретические «трактаты о знати»¹, так и работы, посвященные истории и особенностям отдельных аспектов существования знати: генеалогические истории, нобилиарии, трактаты о геральдике. На протяжении XVI–XVII вв. интеллектуалы предлагали собственные варианты ответов на вопрос о границах благородного сословия, трактовали понятие и природу знатности как таковой, рассуждали о ее видах и способах передачи, а также о внутренней структуре французской знати и ее особенностях. В результате активного осмысления проблем нобилитета фактически происходило его теоретическое конструирование, развивавшееся параллельно реальным общественным процессам, и складывался обширный и не лишенный противоречий нобилиарный дискурс². Степень его влияния на реальные социальные процессы, связанные со знатью, еще только предстоит изучить. В настоящем исследовании речь идет именно об интеллектуальных процессах осмысления и теоретического конструирования благородного сословия.

В формировании нобилиарного дискурса значительную роль играли те, кто по роду своей деятельности имел отношение к истории и современности благородного сословия – генеалогисты, геральдисты, феодисты³, чиновники, занимавшиеся расследованиями дворянства. Обращение к подобному предмету в XVI–XVII вв. подразумевало принадлежность к эрудитскому интеллектуальному течению, не имевшему институциональных рамок и объединенному общими методами и тематикой⁴. Эрудитский метод предполагал работу

¹ См.: *Pollet C. Définir la noblesse. Ecriture et publication des traités nobiliaires au XVIIe siècle. Angleterre – France – Espagne. Rennes, 2023.*

² Подробнее о термине «нобилиарный дискурс» см.: *Терентьева Е.А. Трактаты о знати и благородстве во Франции второй половины XVI–XVII вв. // Средние века. 2023. № 84 (4). С. 111–131.*

³ *Favier J. Feudiste // Encyclopædia Universalis. URL: <https://www.universalis.fr/encyclopedie/feudiste/> Universalis.fr (дата обращения: 07.08.2024).*

⁴ О методах эрудитов см.: *Терентьева Е.А., Паламарчук А.А. Рождение национального историописания во Франции: труды и исторический метод Андре Дюшена // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 2. С. 80–92; Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Федоров С.Е. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021. О роли эрудитов в осмыслении границ благородного сословия во Франции в XVI–XVII вв. см.: *Терентьева Е.А. Конструирование нобилитета: благородное сословие в трудах французских эрудитов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). URL: <https://history.jes.u/s207987840021781-8-1/> (дата обращения: 04.03.2024).**

с разнообразными источниками и аккумулярование в трактате по той или иной теме всех связанных с ней доступных автору материалов. Тематически эрудитские сочинения были связаны с изучением французских «древностей», т.е. институтов и должностей, титулов, гербов, генеалогий, материальных остатков прошлого, причем раскрытие этих сюжетов подчинялось общей идее возвеличивания Франции и французской монархии в современную автору эпоху. И по тематике, и по применяемым методам, включая скрупулезную работу с оригинальными источниками, которая требовала порой многочисленных поездок по Франции, и даже по социальной принадлежности к знати или чиновничеству те интеллектуалы, которые занимались анализом прошлого и настоящего французской знати, отвечали всем признакам эрудитов. Именно они и формировали нобилиарный дискурс во Франции. Своеобразным итогом его развития или по меньшей мере одним из последних для XVII в. этапов конструирования нобилитета во французском интеллектуальном дискурсе стал труд Ж.А. де Ларока де Лалонтьера «Трактат о знати и ее различных видах», впервые опубликованный в 1678 г. и сочетавший в себе как продолжение процессов такого конструирования, так и новые элементы.

Это сочинение с момента своего появления и до сих пор остается одним из самых известных французских трактатов о знати. Он дважды переиздавался в XVIII в. (1710 г., 1734 г.)⁵, а в 1994 г. было опубликовано его научное издание⁶. «Трактат о знати» Ларока использовался исследователями для реконструкции представлений о знати его современников⁷, а также в работах по истории знания⁸, но не становился предметом самостоятельного исследования. Однако анализ структуры этого труда, особенностей использования его автором социальной терминологии и применяемого метода представляются весьма перспективными.

Жиль Андре де Ларок де Лалонтьер (1598–1686) был нормандским генеалогистом, королевским историографом и одним из известнейших геральдистов эпохи. В третьей четверти XVII в., когда создавался «Трактат», в существовании благородного сословия все еще была велика роль личной памяти его представителей и личных знаний об отдельных сторонах его жизни. В конце XVII в. требование о предоставлении документальных свидетельств принадлежности семейства к благородному сословию было недавним нововведением; еще недавно достаточно было свидетельства очевидцев благородного образа жизни предшествующих поколений того или иного семейства. Большую роль в жизни знати и в решении спорных вопросов знатности и старшинства по-прежнему играли геральдисты. К этому моменту изучение генеалогий стало делом, с одной стороны, уважаемых интеллектуалов (эрудитов)⁹, результаты работы которых могли использоваться членами линьяжа для

⁵ *La Roque de La Lontière G.A. de. Traité de la noblesse, de ses différentes espèces, de son origine, du gentilhomme de nom et d'armes. Rouen, 1710; Idem. Le Traité de la noblesse et de ses différentes espèces, nouvelle édition, augmentée des Traités du blason des armoiries de France, de l'origine des noms et sur-noms, et du ban et arrière-ban. Rouen, 1734.*

⁶ *La Roque de La Lontière G.A. de. Le Traité de la noblesse et de ses différentes espèces / avant-propos de J. de Bodinat, annoté par H.-M. Langle, J.-L. de Tréouret de Kerstrat. Paris, 1994.* Существуют современные репринтные переиздания, в частности подготовленные Французской национальной библиотекой по запросу: *La Roque de La Lontière G.A. de. Le Traité de la noblesse et de ses différentes espèces (ed. 1678). Paris, 2012. (Impression à la demande).*

⁷ Наиболее заметные из таких работ: *Jouanna A. L'idée de race en France au XVIème siècle et au début du XVIIème siècle: 1498–1614. Vol. 1–3. Lille, 1976; Idem. Le devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l'État moderne: 1559–1661. Paris, 1989; Schalk E. From valor to pedigree. Ideas of nobility in France in the sixteenth and seventeenth century. Princeton (NJ), 1986; Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; Её же. Дворянство Франции в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия / отв. ред. В.А. Ведюшкин. М., 1997. С. 50–80; Noblesse oblige. Identités et engagements aristocratiques à l'époque moderne. Rennes, 2017; Pollet C. Définir la noblesse.*

⁸ *Ribard D. Travail intellectuel et violence politique: théoriser la noblesse en France à la fin du XVIIe siècle // Le mot qui tue. Une histoire des violences intellectuelles de l'Antiquité à nos jours / eds V. Azoulay, P. Boucheron. Seyssel, 2009. P. 353–368; Idem. Livres, pouvoir et théorie. Comptabilité et noblesse en France à la fin du XVIIe siècle // Revue de synthèse. 2007. T. 128. № 3–4. P. 395–417.*

⁹ См.: Терентьева Е.А. Конструируя нобилитет...

доказательства своего статуса, а с другой — чиновников по расследованию дворянства, т.е. превратилось в государственно значимую деятельность по очищению второго сословия от узурпаторов. В XVII в. генеалогические штудии перестали быть частным делом отдельных семейств; теперь они стали необходимы и французской короне. В этом смысле жизнь Ларока представляет прекрасный пример сочетания двух этих тенденций, поскольку, помимо написания ученых трактатов, он лично участвовал в расследованиях дворянства, инициированных Кольбером, в Руанском округе¹⁰.

Тот факт, что представитель знати, каковым, безусловно, являлся Ларок де Лалонтьер, сочетал знания в области геральдики, генеалогий и истории с длительным опытом в службе королю на этом поприще, придавал его суждениям особый авторитет. К этому времени он был уже автором нескольких получивших признание во Франции работ: трактата о гербах Бурбонов (1626), генеалогической истории дома Аркур (1676), трактат о гербе (1673) и трактата о бане и арьербане (1676)¹¹, а также ряда других, менее масштабных, сочинений по французской истории и генеалогиям нормандского дворянства¹². Кроме того, прожив долгую жизнь (к моменту публикации «Трактата» ему уже было 80 лет), Ларок де Лалонтьер стал свидетелем всех перемен, происходивших с французской знатью, и трансформаций политики короны по отношению к ней. В результате действительно мог считать себя и считаться выдающимся специалистом в этой области.

История создания «Трактата о знати» непосредственно связана с этими обстоятельствами. Невольным инициатором написания фундаментального труда Ларока и одновременно его адресатом в Посвящении назван Шарль де Сен-Мор, герцог Монтосье (1610—1690), пэр Франции, который был воспитателем наследника престола Людовика Великого Дофина (1661—1711). За какое-то время до первой публикации «Трактата о знати» в 1678 г., в годы юности дофина (на момент публикации ему исполнится уже 17 лет), де Сен-Мор пригласил Ларока де Лалонтьера «в августейшем присутствии Монсеньора Дофина» высказать свое мнение о знати и ее разнообразных видах как признанного авторитета в этой области¹³. Такое внимание, подразумевавшее признание его заслуг на высочайшем уровне, безусловно, польстило Лароку и, по его словам, вдохновило на создание всеобъемлющего систематизированного одноименного трактата объемом около 500 страниц и содержащего 174 главы.

Впрочем, в предисловии Ларок добавляет, что изначально идея создания труда о различных видах знати родилась у него при написании сочинения о жантильоме имени и герба (принятый в отечественной науке¹⁴ компактный дословный вариант перевода термина *gentilhomme de nom et d'armes*, под которым подразумевается знатный человек, принадлежащий к старинной фамилии и носящий имя родового имения), который был, в свою очередь, необходим для понимания читателем его же трактата по геральдике¹⁵. Он преподносит свой «Трактат о знати» как ответ на рефлексию других авторов по поводу знати, подчеркивая, что может сказать больше, чем они, и ответить на все существующие вопросы. Многообразие же спорных вопросов, связанных с избранной темой, на протяжении своего труда упоминается неоднократно¹⁶. Ларок изначально критикует тенденцию сведения к минимуму разновидностей знати и в очередной раз подчеркивает собственную

¹⁰ Ribard D. Travail intellectuel et violence politique. P. 353—368.

¹¹ La Roque de La Lontière G.A. de. Les blasons des armes de la royale maison de Bourbon et de ses alliances recherches. Paris, 1626; *Idem*. Histoire généalogique de la maison de Harcourt. 1662. Vol. 4. Additions et corrections; Additions et corrections; Additions et corrections; Additions et corrections; Suppléments; *Idem*. Traité singulier du blason, contenant les règles des armoiries, des armes de France et de leur blason, ce qu'elles représentent, et le sentiment des auteurs qui en ont écrit. Paris, 1673; *Idem*. Traité du ban et arrière-ban. De son origine, et de ses convocations anciennes et nouvelles. Paris, 1676.

¹² Ribard D. Livres, pouvoir et théorie. P. 395—417.

¹³ La Rocque de la Lontière G.A. de. Traité de la noblesse, de ses différentes espèces. Paris, 1678 (далее — *La Rocque de la Lontière G.A. de*. Traité de la noblesse). Epître.

¹⁴ См., например: Пименова Л.А. Дворянство Франции в XVI—XVII вв. С. 50—80.

¹⁵ La Rocque de la Lontière G.A. de. Traité de la noblesse. Preface.

¹⁶ Ibid. Ch. 68. P. 263.

компетентность в этой теме, серьезному изучению которой он посвятил много времени. По его словам, результатом этих штудий, подтвержденных «многочисленными грамотами и прочими оригинальными документами, и бесчисленными постановлениями, принятыми по этому вопросу», как гласит подзаголовок на титульном листе, и стал представляемый публике трактат. Таким образом, «Трактат о знати» Ларока воспринимается им не только как итоговое, но и как полемическое произведение¹⁷. Действительно, оно наполнено не только ссылками на произведения других авторов, как древних и средневековых, так и современных ему, но и критическими выпадами против мнений, с которыми он не согласен. Впрочем, тех, с кем он не согласен, Ларок, как правило, не называет, ограничиваясь нейтральными выражениями «есть те, которые считают»; «по мнению некоторых» и т.п. В то же время он неоднократно ссылается на признанных авторитетов французского нобилиарного дискурса раннего Нового времени — Тирако, Тьеррия и Луазо¹⁸, а также на авторов трактатов о знати других европейских стран, особенно Англии, когда находит у них подтверждение собственным мыслям.

Логика изложения материала по каждому заявленному вопросу, как правило, подчиняется традиционному для эрудитского интеллектуального течения стремлению собрать и скомпоновать все имеющиеся точки зрения, выстроив своеобразный умозрительный «кабинет» идей и представлений¹⁹. Там, где это не является для него принципиальным, Ларок не высказывает собственного мнения и лишь описывает существующие по тому или иному вопросу взгляды (как, например, в главе о возникновении пэрства²⁰). Однако в вопросах, которые представляются ему несущественными, после традиционного для эрудитов перечисления вариантов мнений он высказывает и аргументирует собственное. Не избежал Ларок и традиционного для эрудитского историописания приглашения читателя к диалогу: в данном случае он обратился с такой просьбой к своему адресату, герцогу Монтоске, подчеркивая его умудренность опытом и беспристрастность суждений ввиду неопытного благородства и великодушия²¹, и ссылался на собственные беседы с современниками на интересующие его дискуссионные темы, касавшиеся знати и знатности²². Как интересовавшая Ларока тематика, так и используемая им эпистема определенно говорят о его принадлежности к эрудитскому интеллектуальному течению, вопреки тому, что современные французские исследователи относят его к разряду «историков»²³. Между тем включение Ларока в число эрудитов XVII в. представляется весьма существенным, так как позволяет не только акцентировать внимание на применявшейся им эпистеме, но и дополнить современные представления о собственно эрудитском дискурсе.

Материалы, составляющие «Трактат о знати» Ларока де Лалонтьера, можно разделить на несколько групп, отчасти тематически пересекающихся между собой. Трактат открывается изложением соображений автора относительно основных понятий: «знатность», «знатный» и «незнатный», их происхождения и различных видов, а также способах передачи и репрезентации²⁴. Вторую группу составляют описания отдельных титулов и достоинств²⁵. Отдельные сегменты труда посвящены фьефам²⁶, понятию рыцарства и различным рыцарским

¹⁷ О полемичности трактатов о знати в целом см.: *Pollet C. Définir la noblesse*. P. 276.

¹⁸ См., например: *La Rocque de la Lontière G.A. de. Traité de la noblesse*. P. 337.

¹⁹ О кабинете как жанре эрудитских сочинений и принципе организации материала см.: Терентьева Е.А. The early modern genre of cabinet in the heritage of French erudites // Вестник СПбГУ. История. 2018. № 1. С. 148–157.

²⁰ *La Rocque de la Lontière G.A. de. Traité de la noblesse*. Ch. 30. P. 117.

²¹ *Ibid. Epître*.

²² *Ibid. Preface*.

²³ *Ribard D. Travail intellectuel et violence politique*. P. 353–368.

²⁴ *La Rocque de la Lontière G.A. de. Traité de la noblesse*. Ch. 1–2, 8, 13–17, 30, 62, 68, 72, 77–79, 80–83, 85, 88–89, 91, 125, 164–165.

²⁵ *Ibid. Ch. 3–7, 9–12, 83–87, 95*.

²⁶ *Ibid. Ch. 18–20*.

орденам²⁷; специфическим видам знатности²⁸; знати отдельных регионов Франции²⁹. Ряд глав связан со знатностью отдельных родов и известных деятелей французской истории, в частности Жанны д'Арк³⁰. Обширная группа материалов объединена темой аноблирования и иных существующих способов приобретения знатности³¹; к этому сегменту примыкают материалы, посвященные проблеме незаконнорожденных детей — бастардов³². Лишению дворянства, его возможным причинам и особенностям посвящен особый, компактно расположенный и достаточно обширный раздел³³. Пять глав в разных частях трактата посвящены проблемам соотношения и вариантам взаимодействия знатности и различных видов церковного служения³⁴. Кратко рассматривается проблема восприятия знати одной страны за ее пределами³⁵; наконец, в заключительном разделе трактата дана краткая характеристика знати различных стран и народов — от Англии и Германии до израильтян³⁶.

Общие соображения о знатности Ларока исходят из идеи о природной иерархичности мира и любых сколько-нибудь сложных сообществ³⁷. Он излагает концепцию изначально воинского происхождения знатности, еще в античности дополненной представлениями об обязательно свойственных знатному мудрости и справедливости. Наследственная составляющая знатности для него логически вытекает из необходимости сохранить достоинства «великого человека» в его потомках, поскольку «то, что связано с человеком, исчезает вместе с ним»³⁸.

Трактовка Лароком понятия noblesse окончательно убедила автора настоящей статьи в уместности употребления для перевода термина noblesse терминов «знать» и «знатность» вместо более распространенного варианта «дворянство». В современной российской историографии до сих пор не сформировалось единой непротиворечивой системы перевода на русский язык французских титулов и достоинств. Сложившаяся традиция переводить noblesse как «дворянство» неоднократно становилась предметом дискуссий³⁹; и даже осторожный подход А.Д. Люблинской, предлагавшей использовать термин «дворянство» для французских реалий не ранее XVII в., не всегда позволяет адекватно переводить тексты трактатов о благородстве и знатности XVI–XVII вв. Ситуация осложняется тем, что термин noblesse, как известно, не всегда определял социальную категорию, но использовался и в моральном смысле, и в зависимости от контекста может означать «дворянство», «знать», «знатность» и «благородство». В настоящей статье noblesse переводится как «знать» и «знатность», исходя из латинской этимологии термина nobilitas, что позволяет наиболее близко передать значение, вкладываемое в него Лароком, а термин noble, в зависимости от контекста, как «знатный» или «благородный».

Термин noblesse Ларок определяет через понятие известности, т.е. в буквальном смысле как «знатных», «зную», с многочисленными примерами сходных определений от библейского Второзакония и Плутарха до французских авторов XVI в. Однако здесь же без собственных оценочных суждений он пишет и о том, что некоторые смешивают термины «знатный» (фр. noble — лат. nobilis) и «родовитый» (фр. gentil — лат. natalibus)⁴⁰. Впрочем,

²⁷ Ibid. Ch. 98–124.

²⁸ Ibid. Ch. 31, 39, 41–42, 50, 53–56, 92, 94.

²⁹ Ibid. Ch. 32–37, 40, 53, 71, 75.

³⁰ Ibid. Ch. 43–48.

³¹ Ibid. Ch. 8, 21–29, 57–61, 63–67, 69–70, 73–75, 77–78, 90, 92, 94, 96.

³² Ibid. Ch. 38, 126–143.

³³ Ibid. Ch. 135–163.

³⁴ Ibid. Ch. 49, 84, 86, 97, 142.

³⁵ Ibid. Ch. 76.

³⁶ Ibid. Ch. 29, 33, 51–52, 166–174.

³⁷ Ibid. Ch. 1. P. 1.

³⁸ Ibid. P. 1–2.

³⁹ О дискуссии между Б.Ф. Поршневым и А.Д. Люблинской см.: Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. А.Д. Люблинская versus Б.Ф. Поршнев: что было не так в книге «Народные восстания во Франции перед Фрондой»? // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М., 2020. С. 257–292.

⁴⁰ *La Rocque de la Lontière, G.A. de. Traité de la noblesse. Ch. 1. P. 3.*

о собственной убежденности Ларока в наследственности знатного достоинства можно судить из других разделов его сочинения: «Наиболее уважаема та знать, которая тянется от длинной череды предков, по счастью рождения»⁴¹.

Так же и этимологию термина «жантильом» (*gentilhomme*, *gentil-homme*)⁴² Ларок возводит римским «родственникам» — *gentiles*, а определяется как «свободнорожденный», т.е. из рода, который никогда не принадлежал к простолюдинам — ротюрье, и используется как прямой синоним термина «знатный» (*noble*): «Истинно знатными (*noble*) не считаются те, род которых когда-либо доказанно принадлежал к простонародью (*roture*)». И хотя зачастую невозможно проследить всех предков семейства до незапамятных времен, «чем большую древность своей знатности удается доказать, тем более уважаемой и блестящей она является»⁴³. Таким образом, понятие «жантильом» неразрывно связано для Ларока с родовитостью (*gase*).

Жантильому имени и герба посвящена одна из самых пространных глав трактата Ларока⁴⁴, в которой он подчеркивает важность древности рода и более высокий статус жантильома имени и герба по отношению к иным представителям знати, поскольку эта часть знати сформировалась в эпоху «начала фьефов ... и гербов и прославилась девизами и военными подвигами, поскольку военное дело было тогда дозволено только тем, кто жил благородно»⁴⁵. В любых обстоятельствах, даже в случае вхождения в аноблированную семью с принятием ее имени жантильом имени и герба сохраняет это свое качество в индивидуальном порядке, «потому что эта добродетель перешла к нему с кровью его предков»⁴⁶. «Аноблированные же могут стать знатными со временем, но они никогда не достигнут ступени жантильомов, принадлежащих к старинной фамилии и носящих имя родового имени»⁴⁷. Ларок считает возможным использовать термин «знать» (*noblesse*) как синоним термина «жантильомы»⁴⁸.

Примечательно, что титулованная знать мало интересует Ларока. В его трактате лишь однажды упоминается ее обозначение как группы: *noblesse titrée*⁴⁹, но она не противопоставляется нетитулованной в том смысле, о котором говорили его английские современники, четко разделявшие *nobilitas nominata* от *nobilitas denominata*⁵⁰. Для него титулованная знать — лишь один из видов знати. Титульный состав французской знати — бароны, виконты, графы, маркизы и герцоги — перечисляется дважды. Первый раз в первой главе трактата в контексте определения их истоков, где говорится, что короли удостоивали знать таких титулов, сообщая ей власть над другими своими подданными. При этом передача титулов перечисляется в ряду других действий короны в отношении знати: поручения знатым первых должностей, в том числе при королевском дворе, и назначения в качестве послов. Вторично лестница титулов (с добавлением шателенов) приводится в главе 83

⁴¹ Ibid. P. 2.

⁴² Здесь и далее цитаты на французском языке приводятся в написании Ларока.

⁴³ *La Rocque de la Lontière G.A. de. Traité de la noblesse. Ch. 4. P. 5.*

⁴⁴ Ibid. Ch. 7. P. 8—18.

⁴⁵ Ibid. P. 8.

⁴⁶ Ibid. Ch. 8. P. 19.

⁴⁷ Ibid. Ch. 9. P. 21.

⁴⁸ Ibid. Ch. 95.

⁴⁹ Ibid. Preface.

⁵⁰ См.: *Фёдоров С.Е. Nobilitas в антикварном дискурсе XVI—XVII вв. и рождение социального* // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021843-6-1/> (дата обращения: 04.03.2024). DOI: 10.18254/S207987840021843-6; *Его же. Аристократия при ранних Стюартах (1603—1629). СПб., 2023; Его же. Дискуссия об истинном благородстве и формирование социальных классификаций знати в антикварных текстах XVI—XVII веков* // Вестник СПбГУ. История. 2023. № 3. С. 712—727; *Его же. Рыцарство и титулованная знать в антикварной эпистеме XVI—XVII вв.* // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 7 (129). URL: <https://history.jes.su/s207987840027294-2-1/> (дата обращения: 17.03.2024). DOI: 10.18254/S207987840027294-2

«Феодалные и политические достоинства», где объясняется их этимология и приводятся параллели этих титулов в других европейских странах. Титулованная часть знати определяется для Ларока ее земельными владениями, которые связаны с титулами⁵¹, и поэтому, по-видимому, являются бесспорными.

В целом можно утверждать, что внутренняя структура и родовитой, и титулованной знати для Ларока малосущественна, несмотря на название его трактата и заявленную цель описать «различные виды» (*differentes espèces*) знати. Эти виды уточняются в его трактате с точки зрения самых спорных, по общему мнению (на что он обычно указывает), и/или пограничных видов знатности, а единый список всех видов приводится лишь однажды в предисловии.

Ларок выделяет 20 видов знати. Первый вид — незапамятная (*immemoriale*), уходящая корнями в феодальную эпоху. Второй — военная (*militaire*), полученная в награду за военные заслуги. Третий — акцидентная (*accidentelle*) — гражданская (*civile*), или политическая (*politique*), берущая исток от должностей (*charges*). Четвертый — сотрапезная (*commensale*), связанная со стародавними обязанностями королевских слуг. Пятый — свободная (*liberale*), которая берет начало от проявленного рвения при защите родины. Шестой — духовная (*spirituelle*), литературная (*litteraire*) и ученая (*des sçavans*), связанная с достижением совершенства в этих областях. Седьмой — титулованная (*titrée*), «которая ведет свое аноблирование от рыцарского титула». Восьмой — пожалованная/инфеодированная (*infeodée*), или знать фран-фьефа (*de franc-fief*), обладание которой определяется фьефом. Девятый — привилегированная (*privilegiée*), происходящая от мэрии и должностей секретарей. Десятый — передающееся по материнской линии (*uterine*), или кутюмная (*coutumière*). Одиннадцатый — стекольная (*verrière*), «какое ремесло кажется механическим, однако же не лишает знатности». Двенадцатый — «лучная» (*archère*), которую принято возводить к вольным стрелкам. Тринадцатый — покупная (*venale*), основанная на эдиктах и грамотах «на основе финансов». Четырнадцатый — объявленная (*prononcée*), возникающая в случае, когда по соглашению жителей определенной местности получают решение о подтверждении предполагаемой и мало обоснованной знатности. Пятнадцатый — прибывшая (*debarquée*), т.е. прибывшая из других стран. Шестнадцатый — заимствованная (*empruntée*), возникающая в случае, если аноблированный передает свою грамоту неаноблированному. Семнадцатый — привитая (*greffée*), присваиваемая на основании сходства имени с именем знатного рода. Восемнадцатый — защищенная (*protégée*), передающаяся через брак. Девятнадцатый — узурпированная (*usurpée*), т.е. приписанная себе в письменном контракте. Наконец, двадцатый — служилая (*officiuse*), «которая служит страстям и наклонностям грандов» и связана с их желанием возвысить собственных слуг⁵².

Комментарии к каждому из видов занимают от одной до трех строк. После этого обобщающего перечисления эти обозначения видов знати почти не встречаются в основном тексте трактата. Такое дробное деление представляется в значительной мере продуктом интеллектуального конструирования, поскольку его нельзя назвать однозначной. В «Трактате» Ларок неоднократно подчеркивает, что проблема знатности в его время оставалась весьма дискуссионной⁵³. По всей видимости, он ставил перед собой цель прояснить наиболее сложные из связанных с ней вопросов, и именно этим определяется тот факт, что о внутреннем составе французской титулованной знати в его труде говорится немного. В большей степени его интересовали границы благородного сословия, причем нижняя граница значительно больше, чем верхняя.

Верхняя граница знати по Лароку пролегает между королем, титул которого стоит особняком и которому лишь «повинуются», и пэрами Франции. Кстати, Ларок не преминул здесь подчеркнуть высокий статус французского короля в ряду европейских монархов в силу того, что он «подчиняется одному Богу», в отличие от, например, Богемии, подчиненной

⁵¹ *La Rocque de la Lontière G.A. de. Traité de la noblesse. Ch. 83. P. 297–306.*

⁵² *La Rocque de la Lontière G.A. de. Traité de la noblesse. Preface.*

⁵³ *Ibid. Ch. 68. P. 263.*

императору⁵⁴. Ларок кратко прослеживает историю возникновения пэрства со времен существования шести светских и шести духовных пэров Франции, особо указывая, что и в его время порядок их следования в коронационной церемонии и размещения во время заседаний Суда пэров определяется по дате креации нового пэрства⁵⁵. При этом он отмечает, что пэрство не связано с личностью своего носителя, но связано именно с землей, имеющей соответствующий статус, и что пэрское достоинство (*dignité*) не является должностью (*office*)⁵⁶. Эта глава «Трактата о знати» относится к числу реферативных, где Ларок практически не высказывает своего мнения и излагает имеющиеся точки зрения, не настаивая, например, на конкретном времени возникновения пэрства во Франции как явления. Из этого можно сделать вывод, что проблема верхней границы знати перед ним не стояла, так же как и проблема структуры титулованной знати, и не требовала сколько-нибудь серьезной трактовки, будучи очевидной.

Наиболее проблематичным представлялся Лароку вопрос о нижней границе французской знати. Именно этой теме посвящены первые главы его трактата, размещенные сразу после общих замечаний о происхождении знатности и рассуждений о названиях «знатный» и «незнатный». В них речь идет о титулах экюйе (*écuyer*), баннерета (*banneret*), бакалавра (*bachelier*), различных обозначениях дворян, не посвященных в рыцари — дамуазел (*damoise*), капталь (*captal*), валет (*valet*). Наиболее подробно Ларок останавливается на терминах, описывающих качества (*qualités*) пограничные, а зачастую и вызывавшие споры относительно принадлежности к знати.

Традиционно начиная каждую из глав с этимологии термина, далее Ларок классифицирует названные качества с точки зрения их отношения к знати. Этимология экюйе — щитоносца — относится к изначальной традиции ношения знатью щитов и гербов, а также к термину «конюшня», поскольку щитоносцы рыцарей ухаживали и за их лошадьми. Относительно же знатности экюйе, к которой он возвращается дважды — в главах 3, 6, 9 и 68, он предлагает классифицировать термин «знатный человек» как родовое обозначение (*genre*), а термин «экюйе» — как видовое обозначение (*espèce*), «причем первый во все времена был более уважаемым, чем второй»⁵⁷.

Ларок оспаривает бытовавшую в его время идею, которая основывалась на весьма распространенной в XVII в.⁵⁸ «расовой» теории знатности (*noblesse de race*), согласно которой «знатным человеком» (*noble homme*) мог называться тот, кто не принадлежал к родовой знати, и только обладание качеством (*qualité*) экюйе, шевалье, мессир или просто «знатный» могло считаться доказательством знатности⁵⁹. Ларок же настаивает, что именно обозначение (*titre*) «знатный» отсылает к понятию известной добродетели (*vertu connue*) и означает даже более высокое положение, чем титул «экюйе». В обоснование своей идеи он возвращается к происхождению титула «экюйе» от щитоносца, т.е. того, над кем знатные имели значительное превосходство. Он в очередной раз ссылается на английских авторов, находя поддержку у Томаса Смита и Эдварда Чемберлена, которые ставили экюйе ниже знати, и утверждали, что любой знатный человек — джентльмен, но не любой джентльмен знатен⁶⁰.

Дамуазел (*damoise*) или дамуазо (*damoiseau*) и латинский вариант этого, как он его называет, качества, *domicellus* трактуется Лароком как мелкий сеньор, в отличие от более крупного или более старшего. Со ссылкой на Этьена Пакье указывается этимология всех

⁵⁴ Ibid. Ch. 83. P. 297.

⁵⁵ Ibid. Ch. 30. P. 119.

⁵⁶ Ibid. P. 120.

⁵⁷ Ibid. Ch. 68. P. 263.

⁵⁸ Jouanna A. L'idée de race en France au XVIème siècle...; *Iadem*. Le devoir de révolte; Schalk E. Op. cit.; Pollet C. Nature, sang et noblesse: le débats relatifs à la transmission de la vertu et du statut social dans les traités nobiliaires parus en Europe de l'Ouest au XVIIe siècle // Dossiers du Grihl. 2023. № 3. URL: <https://doi.org/10.4000/dossiersgrihl.10337> (дата обращения: 04.03.2024); Pollet C. Définir la noblesse.

⁵⁹ La Rocque de la Lontière G.A. de. Traité de la noblesse. Ch. 68. P. 263–264.

⁶⁰ Ibid. P. 264.

этих терминов как уменьшительных вариантов «дом» (dom), т.е. «сеньор», по той же логике, по которой употребляются их женские варианты — «дама» (dame) для замужней и «дамязель» (damoiselle) для незамужней женщины.

Особо рассматривается понятие валета — оруженосца, которое означало также благородного служителя, но в конце концов было низведено до обозначения королевского столового слуги (tranchans du roi, écuycers tranchans). По Лароку, валет в любом из этих вариантов приравнивается, вопреки распространенному в то время мнению, к экойе. Любопытно, что одним из доводов в пользу значимости роли валета Ларок считает не только занятие должности валетов (valet tranchans) знатными или аноблированными персонами, но и присутствие валетов в колоде игральных карт наряду с королями и королевами⁶¹.

В то же время в соответствующих главах отношение этих именованый к знати обозначено Лароком не совсем отчетливо. И только из глав, посвященных титулу экойе, можно сделать определенные косвенные выводы о его роли как нижней границы знати. И только в главе 9 «Баннерет, бакалавр, экойе и их различия»⁶² Ларок вновь возвращается к идее о том, что граница знати пролегает по титулу экойе: ниже экойе стояли только пажи⁶³. Здесь же он трактует соответствие именованый «мессир», «монсеньор» и «месье» титулу баннерета как более старшего относительно экойе («королями были установлены три степени: баннереты, бакалавры и экойе»). Под баннеретом понимался жантильом, владевший большим фьефом, что давало ему право нести собственное знамя в королевских армиях, «не будучи ни виконтом, ни бароном, ни шателеном»: «Они были известны как баннереты, а часто носили титул барон и именовались шевалье баннерет»⁶⁴. Были также экойе-баннереты, также владевшие правом бана, но еще не посвященные в рыцари. Ларок подчеркивает, что в гербовники помещались только баннереты и бакалавры, занимавшие нижнюю ступень лестницы знатных достоинств, на верхней ступени которой находились король и принцы. Обыкновенно экойе туда включались только в том случае, если они получали рыцарское достоинство (l'honneur de chevalerie)⁶⁵.

Наряду с проблемой границы между знатью и ротюрье, наиболее дискуссионной для Ларока была проблема достоинства должностной знати. В XVI—XVII вв. во французском интеллектуальном дискурсе соперничали две основные тенденции в осмыслении знатности: первая основывалась на традиционных для средневековья представлениях о ее врожденном характере, которые опирались на взгляды Аристотеля; вторая, будучи гуманистической рецепцией идей античных стоиков, утверждала приобретаемый характер знатности⁶⁶.

И хотя поначалу Ларок, казалось бы, излагает концепцию врожденной знатности, на самом деле его обширный трактат сочетает в себе оба эти подхода, поскольку в ряде разделов речь идет и о различных видах знатности, приобретаемой человеком лично в ходе службы. Здесь позиция Ларока выглядит достаточно противоречивой, так как, с одной стороны, «исток жантильомов, принадлежащих к старинной фамилии и носящих имя родового имения, в древней добродетели, а основание прочих знатных куда менее лестно»⁶⁷, а с другой, утверждает он, — личная знатность, связанная с выполнением тех или иных важных и почетных функций, прежде всего связанных с представлением государя, представлена Лароком как не менее значительная, чем знатность, унаследованная от предков.

⁶¹ Ibid. Ch. 6. P. 7–8.

⁶² Ibid. Ch. 9. P. 21–29.

⁶³ Ibid. P. 29.

⁶⁴ Ibid. Ch. 9. P. 23.

⁶⁵ Ibid. P. 25.

⁶⁶ Подробнее об этом см.: Терентьева Е.А. Трактаты о знати и благородстве во Франции второй половины XVI—XVII вв. С. 111–131; об этих сюжетах см. на английском материале: Фёдоров С.Е. Nobilitas в антикварном дискурсе XVI—XVII вв...; *Его же*. Дискуссия об истинном благородстве... С. 712–727; *Его же*. Рыцарство и титулованная знать в антикварной эпистеме XVI—XVII вв.

⁶⁷ La Rocque de la Lontière G.A. de. Traité de la noblesse. Ch. 7. P. 10.

Проблема получения знатности через должности (offices) и определенные занятия (emplois) поднимается в трактате Ларока многократно⁶⁸. Причем главное утверждение автора, которое противоречит его собственным рассуждениям о родовой знати, заключается в том, «вопреки распространенному мнению», политическая (politique), или гражданская (civile) знать превосходит родовитую знать (noblesse de race). Эта «политическая» знать, которая обозначена как «акцидентная» (accidentelle), подчеркивает он, не отличается от «первоначальной» (originelle) не только во Франции и в Англии (которые Ларок объединяет и подчеркивает сходство их систем знатности ссылками на английских авторов и трактаты о знати), но и в других странах⁶⁹.

Похожие рассуждения касаются знатности и прерогатив докторов права — «судебной знати» (noblesse comitive)⁷⁰. Ларок обосновывает их знатность тем, что доктора сражаются при помощи своего красноречия и писем не меньше, чем если они были вооружены шпагами и щитами⁷¹. Основным же теоретическим обоснованием достоинства должностной знати является их служба как королевских представителей — идея, неоднократно встречающаяся у Ларока. Так, он пишет «о знатности бальи и сенешалей», что их властные полномочия распространяются на армию, правосудие и финансы, и они отправляются в провинции, чтобы проверять, творят ли правосудие герцоги и графы⁷².

Таким образом, идея об общественном служении знати переплетается в труде Ларока с мыслью об исключительности знати и теорией, с одной стороны, безусловности передачи знатности по крови и не менее безусловном праве короля даровать знатность — с другой.

В «Трактате» нашла зримое воплощение тенденция дробного описания благородного сословия: Ларок де Лалоньер настаивал именно на дробной классификации французской знати и претендовал на итоговый характер своего труда. При очевидном стремлении выстроить иерархическую структуру в рамках фрагментированного благородного сословия в предложенную им единую классификацию вошли и родовая, и гражданская, и титулованная, и нетитулованная, и ненаследственная знать, что свидетельствует о стремлении в эрудитском ключе объединить и систематизировать все ее существующие виды в рамках одного труда. При этом речь идет именно о процессе осмысления бытия благородного сословия Франции, а также его интеллектуального конструирования человеком, который претендовал на всеохватность своих знаний о рассматриваемом вопросе и праве на то, чтобы его мнение рассматривалось как непреложная истина, поскольку всю свою жизнь он посвятил систематическому изучению французской знати. Тем не менее ему не удалось избежать некоторых противоречий, хотя основные тенденции в осмыслении им границ французского благородного сословия вполне очевидны.

Особенности социальной терминологии, используемой Лароком в его итоговом труде, демонстрируют специфические черты процесса интеллектуального конструирования знати как социальной группы во Франции последней четверти XVII в. При заявленном стремлении уточнить внутреннее многообразие французского благородного сословия на самом деле основное внимание оказалось уделено автором границе между вторым и третьим сословием, т.е. между знатью (noblesse; gentilshommes) и простолюдинами (roturiers). Одновременно как проблемный рассматривался им и вопрос о статусе разнородной группы, которую принято называть «дворянством мантии» (термином, который у Ларока не встречается совершенно). При этом внутреннее многообразие родовой французской знати, титулованной и нетитулованной, как и само подобное ее разделение, остались почти совершенно не описанными. Однако в целом в «Трактате о знати» прослеживается стремление

⁶⁸ Ibid. Ch. 31, 41–42, 53.

⁶⁹ Ibid. Ch. 31. P. 121.

⁷⁰ Ibid. Ch. 42. P. 183.

⁷¹ Ibid. P. 184.

⁷² Ibid. Ch. 53. P. 222–224.

как определить границы знати как социальной группы, так и подчеркнуть многообразие элементов, составляющих эту группу, и их многофункциональность⁷³.

Библиография

- Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Федоров С.Е. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021.
- Пименова Л.А. Дворянство Франции в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия / отв. ред. В.А. Ведюшкин. М., 1997. С. 50–80.
- Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986.
- Пронина Е.А. Пером о шпаге: генеалогии французского и фламандского дворянства Андре Дюшена // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 111–117.
- Терентьева Е.А. Конструируя нобилитет: благородное сословие в трудах французских эрудитов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021781-8-1/> (дата обращения: 04.03.2024).
- Терентьева Е.А. Трактаты о знати и благородстве во Франции второй половины XVI–XVII вв. // Средние века. 2023. № 84 (4). С. 111–131.
- Терентьева Е.А., Паламарчук А.А. Рождение национального историописания во Франции: труды и исторический метод Андре Дюшена // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 2. С. 80–92.
- Фёдоров С.Е. Nobilitas в антикварном дискурсе XVI–XVII вв. и рождение социального // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021843-6-1/> (дата обращения: 04.03.2024). DOI: 10.18254/S207987840021843-6
- Федоров С.Е. Аристократия при ранних Стюартах (1603–1629). СПб., 2023.
- Федоров С.Е. Дискуссия об истинном благородстве и формировании социальных классификаций знати в антикварных текстах XVI–XVII веков // Вестник СПбГУ. История. 2023. № 3. С. 712–727.
- Фёдоров С.Е. Рыцарство и титулованная знать в антикварной эпистеме XVI–XVII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 7 (129). URL: <https://history.jes.su/s207987840027294-2-1/> (дата обращения: 17.03.2024). DOI: 10.18254/S207987840027294-2
- Berrendero J.A.G. “Raison du sang” et “raison de lignage”. La définition de la noblesse par le roi d’armes José Alfonso de Guerra y Villegas // Cahiers de la Méditerranée [En ligne], 97/2 | 2018, mis en ligne le 18 juin 2019. URL <http://journals.openedition.org/cdlm/11907> (дата обращения: 22.03.2024).
- Jackson R.A. Peers of France and Princes of Blood // French Historical Studies. Vol. 7. № 1. 1971. P. 27–46.
- Jouanna A. L’idée de race en France au XVIème siècle et au début du XVIIème siècle: 1498–1614. Vol. 1–3. Lille, 1976.
- Jouanna A. Le devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l’État moderne: 1559–1661. Paris, 1989.
- Noblesse oblige. Identités et engagements aristocratiques à l’époque moderne / sous dir. de N. Le Roux, M. Wrede. Rennes, 2017.
- Pollet C. Nature, sang et noblesse: le débats relatifs à la transmission de la vertu et du statut social dans les traités nobiliaires parus en Europe de l’Ouest au XVIIe siècle // Dossiers du Grihl. 2023. № 3. URL: <https://doi.org/10.4000/dossiersgrihl.10337> (дата обращения: 04.03.2024).
- Pollet C. Définir la noblesse. Ecriture et publication des traités nobiliaires au XVIIe siècle. Angleterre – France – Espagne. Rennes, 2023.
- Ribard D. Livres, pouvoir et théorie. Comptabilité et noblesse en France à la fin du XVIIe siècle // Revue de synthèse. 2007. Т. 128. № 3–4. P. 395–417.
- Ribard D. Travail intellectuel et violence politique: théoriser la noblesse en France à la fin du XVIIe siècle // Le mot qui tue. Une histoire des violences intellectuelles de l’Antiquité à nos jours / eds V. Azoulay, P. Boucheiron. Seyssel, 2009. P. 353–368.
- Schalk E. From valor to pedigree. Ideas of nobility in France in the sixteenth and seventeenth century. Princeton (NJ), 1986.
- Terenteva E.A. The early modern genre of cabinet in the heritage of French erudites // Вестник СПбГУ. История. 2018. № 1. С. 148–157.

References

Fedorov S. E. Rytsarstvo i titulovannaia znat’ v antikvarnoi episteme XVI–XVII vv. [Knighthood and Titled Nobility in the Antiquarian Episteme of the 16th–17th Centuries] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel’nyj

⁷³ См.: Фёдоров С.Е. Nobilitas в антикварном дискурсе XVI–XVII вв...

- zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T. 14. Vyp. 7 (129). URL: <https://history.jes.su/s207987840027294-2-1/> (access date: 17.03.2024). DOI: 10.18254/S207987840027294-2 (In Russ.)
- Fyodorov S.E. Aristokratija pri rannih Stuartah (1603–1629) [The Aristocracy under the Early Stuarts (1603–1629)]. Sankt-Peterburg, 2023. (In Russ.)
- Fyodorov S.E. Diskussii ob istinnom blagorodstve i formirovanie social'nyh klassifikacij znati v antikvarnykh tekstakh XVI–XVII vekov [Debate on the true nobility and social classifications of the nobility in the early modern antiquarian discourse] // Vestnik SPbU. Istoriia [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2023. № 3. S. 712–727. (In Russ.)
- Fyodorov S.E. Nobilitas v antikvarnom diskurse XVI–XVII vv. i rozhdenie social'nogo [Nobilitas in the 16th–17th centuries antiquarian discourse and emergence of the social] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. Vyp. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021843-6-1/> (access date: 22.03.2024). DOI: 10.18254/S207987840021843-6 (In Russ.)
- Palamarchuk A.A., Terenteva E.A., Fyodorov S.E. Rozhdenie natsional'nogo istoriopisaniia v Anglii i Frantsii [The Birth of the National Historical Writing in England and France]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Pimenova L.A. Dvorjanstvo Francii v XVI–XVII vv. [The French Nobility in the 16th and 17th centuries] // Evropejskoe dvorjanstvo XVI–XVII vv.: granicy soslovija [The European nobility in the 16th and 17th centuries: Limits of Estate] / otv. red. V.A. Vediushkin. Moskva, 1997. S. 50–80. (In Russ.)
- Pimenova L.A. Dvorianstvo nakanune Velikoi frantsuzskoi revoliutsii [The nobility on the eve of the Great French revolution]. Moskva, 1986. (In Russ.)
- Pronina E.A. Perom o shpage: genealogii francuzskogo i flamandskogo dvorjanstva André Duchesne [With the pen on the sword: Genealogies of French and Flemish Nobility by André Duchesne] // Vestnik SPbGU. Ser. 2 [Vestnik of Saint Petersburg University]. 2011. № 2. S. 111–117. (In Russ.)
- Terenteva E.A. Konstruirovaniye nobilitet: blagorodnoe soslovie v trudakh francuzskikh eruditov [Constructing the nobility: the noble estate in the works of French erudites] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. Vyp. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021781-8-1/> (access date: 04.03.2024). (In Russ.)
- Terenteva E.A. Traktaty o znati i blagorodstve vo Francii vtoroi poloviny XVI–XVII vv. [French treatises on nobility in the second half of 16th and in the 17th centuries] // Srednie veka [Srednie veka]. 2023. № 84 (4). S. 111–131. (In Russ.)
- Terenteva E.A., Palamarchuk A.A. Rozhdenie nacional'nogo istoriopisaniia vo Frantsii: trudy i istoricheskii metod André Duchesne [The rise of national historical writing in France: André Duchesne and his historical methodology] // Vestnik SPbGU. Ser. 2 [Vestnik of Saint Petersburg University]. 2015. Vyp. 2. S. 80–92. (In Russ.)
- Berrendero J.A.G. "Raison du sang" et "raison de lignage". La définition de la noblesse par le roi d'armes José Alfonso de Guerra y Villega // Cahiers de la Méditerranée [En ligne], 97/2 | 2018, mis en ligne le 18 juin 2019. URL: <http://journals.openedition.org/cdlm/11907> (access date: 22.03.2024).
- Jackson R.A. Peers of France and Princes of Blood // French Historical Studies. Vol. 7. № 1. 1971. P. 27–46.
- Jouanna A. L'idée de race en France au XVIème siècle et au début du XVIIème siècle: 1498–1614. Vol. 1–3. Lille, 1976.
- Jouanna A. Le devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l'État moderne: 1559–1661. Paris, 1989.
- Noblesse oblige. Identités et engagements aristocratiques à l'époque moderne / sous dir. de N. Le Roux, M. Wrede. Rennes, 2017.
- Pollet C. Nature, sang et noblesse: le débats relatifs à la transmission de la vertu et du statut social dans les traités nobiliaires parus en Europe de l'Ouest au XVIIe siècle // Dossiers du Grihl. 2023. № 3. URL: <https://doi.org/10.4000/dossiersgrihl.10337> (access date: 04.03.2024).
- Pollet C. Définir la noblesse. Ecriture et publication des traités nobiliaires au XVIIe siècle. Angleterre – France – Espagne. Rennes, 2023.
- Ribard D. Livres, pouvoir et théorie. Comptabilité et noblesse en France à la fin du XVIIe siècle // Revue de synthèse. 2007. T. 128. № 3–4. P. 395–417.
- Ribard D. Travail intellectuel et violence politique: théoriser la noblesse en France à la fin du XVIIe siècle // Le mot qui tue. Une histoire des violences intellectuelles de l'Antiquité à nos jours / eds V. Azoulay, P. Boucheron. Seyssel, 2009. P. 353–368.
- Schalk E. From valor to pedigree. Ideas of nobility in France in the sixteenth and seventeenth century. Princeton (NJ), 1986.
- Terenteva E.A. The early modern genre of cabinet in the heritage of French erudites // Vestnik SPbGU. Istoriia. [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2018. № 1. P. 148–157.

© 2024 г. Г.А. ШАТОХИНА-МОРДВИНЦЕВА

«НЕ ПОЖЕЛАЛА БЫ НИЧЕГО ЛУЧШЕГО, ЧЕМ БЫТЬ ПРИГЛАШЕННОЙ К ЭТОМУ ОБЪЕДИНЕНИЮ СИЛ»: ПРИСОЕДИНЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ НИДЕРЛАНДОВ К ЛИГЕ ВООРУЖЕННОГО НЕЙТРАЛИТЕТА В 1780 году

Шатохина-Мордвинцева Галина Алексеевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: galina1149@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211015065; ORCID: 0009-0003-5975-4034; Researcher ID: AAV-6600-2020

Аннотация. Одним из важных международных актов России XVIII в. стала провозглашенная императрицей Екатериной II 28 февраля (10 марта) 1780 г. Декларация о вооруженном нейтралитете. В период Войны за независимость США 1775–1783 гг., вылившейся в войну между Великобританией и коалицией государств, основной задачей изложенных в декларации принципов была охрана прав морского нейтралитета, позволявших кораблям нейтральных стран свободно продолжать торговлю с воюющими державами. Благодаря усилиям российской дипломатии сформировалась Лига вооруженного нейтралитета (так называемый Первый вооруженный нейтралитет, 1780–1783), в которую одной из первых вошла Республика Соединенных провинций Нидерландов. Историки ранее к теме присоединения Республики к Лиге вооруженного нейтралитета не обращались, данная статья — первый шаг к изучению вопроса. Исследование выполнено на основе документов Архива внешней политики Российской империи МИД РФ — донесений чрезвычайного посланника Российской империи при Генеральных штатах Республики Д.А. Голицына. Донесения написаны на французском языке, перевод текстов — автора статьи. В круг изучения вошли документы за 1778–1781 гг., подробно освещающие весь спектр внешне- и внутривнутриполитической жизни Республики. В статье уделено внимание следующим вопросам: как в Соединенных провинциях восприняли российскую Декларацию о вооруженном нейтралитете, чем руководствовались Генеральные штаты страны, вступая в союз Вооруженного нейтралитета, как действовал в Республике механизм выработки политических решений. Исследование показало, что присоединение Соединенных провинций к Лиге вооруженного нейтралитета было оправданным с точки зрения стремления Республики не отступать от выбранного ею с середины 1750-х годов нейтрального внешнеполитического курса и заинтересованности в сохранении прочных связей с Россией. Однако противодействие Англии и начало Четвертой англо-голландской войны не позволили Соединенным провинциям стать деятельным участником Лиги вооруженного нейтралитета.

Ключевые слова: Республика Соединенных провинций Нидерландов, Россия, внешняя политика, международные отношения, нейтралитет, нейтральные государства, Екатерина II, Декларация о вооруженном нейтралитете 1780 г., дипломаты, Д.А. Голицын, Лига вооруженного нейтралитета, Война за независимость США 1773–1785 гг., Четвертая англо-голландская война.

G.A. Shatokhina-Mordvintseva

“I Would Not Wish for Anything Better Than to be Invited to This Unification of Forces”: Accession of the Republic of the Seven United Netherlands to the First League of Armed Neutrality (1780)

Galina Shatokhina-Mordvintseva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: galina1149@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211015065; ORCID: 0009-0003-5975-4034; Researcher ID: AAV-6600-2020

Abstract. The Declaration of Armed Neutrality, proclaimed by Empress Catherine II on 10 March (O.S. 28 February) 1780, constituted one of the most significant Russian international legal acts of the eighteenth century. During the US War of Independence (1775–1783), which resulted in a war between Great Britain and a coalition of states, the primary objective of the principles set forth in the declaration was to safeguard the rights of maritime neutrality. This allowed ships of neutral countries to continue trade with the belligerent powers without impediment. As a result of the endeavours of Russian diplomacy, the First League of Armed Neutrality (1780–1783) was established. The Republic of the Seven United Netherlands was among the inaugural members. Historically, the Republic's accession to the League of Armed Neutrality has not been a subject of extensive examination. Consequently, this article represents an initial contribution to the field of research on this matter. The study draws on the documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, more specifically the reports of Dmitry Golitsyn, Envoy Extraordinary of the Russian Empire to the States General of the Republic. The envoy's reports are written in French and have been translated by the author of the article. The study focuses on documents from the period between 1778 and 1781, providing a detailed account of the foreign and domestic political life of the Republic. The author addresses several key issues, including the perception of the Russian Declaration of Armed Neutrality in the United Provinces, the rationale behind the States General's decision to join the League of Armed Neutrality, and the operational dynamics of the Republic's political decision-making process. The author presents a compelling argument that the accession of the United Provinces to the First League of Armed Neutrality was a strategic move that aligned with the Republic's long-standing policy of maintaining neutrality towards foreign countries, a stance it had adopted since the mid-1750s. Additionally, the author highlights the Republic's interest in strengthening its ties with Russia, which was a significant factor in its decision to join the League. Nevertheless, the opposition of England and the subsequent outbreak of the Fourth Anglo-Dutch War prevented the United Provinces from becoming an active participant in the League of Armed Neutrality.

Keywords: the Republic of the Seven United Netherlands, Russia, foreign policy, international relations, neutrality, neutral states, Catherine II, Declaration of Armed Neutrality, diplomats, Dmitry Golitsyn, First League of Armed Neutrality, US War of Independence 1773–1785, Fourth Anglo-Dutch War.

В последней трети XVIII в. Республика Соединенных провинций Нидерландов в союзе европейских держав постепенно переходила на вторые роли, утратила она и положение страны-лидера в континентальной торговле. Во всех основных хозяйственных отраслях (особенно в торговле и колониальных делах) наблюдалась стагнация. Ухудшение положения в экономике Республики объяснялось прежде всего упадком нидерландского стапельного рынка, на который ориентировалась вся ее экономическая система¹. Властелином мира стала Великобритания с ее развитой промышленностью и сильным флотом, позволявшим осуществлять быстрый массовый сбыт товаров.

¹ См. подробнее: Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма в Нидерландах // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978. С. 172–173.

На фоне экономического спада все резче проявлялись противоречия в политической системе Соединенных провинций, в которой по-прежнему сочетались республиканские (Генеральные штаты во главе с ратпенсинарием (великим пенсинарием) провинции Голландии) и в какой-то мере монархические (в лице статхаудера) элементы правления. Это нередко вызывало в стране внутривластные конфликты, выдвигавшие на авансцену то оранжистов, сторонников статхаудеров из династии Оранских-Нассау, то купеческую олигархию, отстаивавшую партикуляризм провинций и свободу предпринимательства. С начала 1770-х годов в Республике росло недовольство проанглийской политикой принца Вильгельма V Оранского, с 1766 г. занимавшего должность статхаудера во всех семи провинциях². Позиционируя себя нейтральным государством, Соединенные провинции по существу выступали на континенте в качестве младшего партнера Великобритании, что наносило большой ущерб широким слоям населения и экономике страны в целом. При том что после Семилетней войны 1756–1763 гг. нейтралитет Соединенных провинций³ оставался неизменным, проанглийская ориентация оранжистов выражалась в невнимании к насущным проблемам государства, например к необходимости усилить нидерландский флот, старение которого привело к постепенному сокращению поступлений от колониальной торговли. Экономические проблемы вызывали протесты населения, особенно мелкой и средней буржуазии бедных восточных провинций, где в 1770-е годы начало формироваться движение «патриотов», ратовавших за демократические перемены в обществе на основе идей Просвещения. Являясь противниками внешнеполитической «старой системы» (проанглийской), «патриоты» выступали за установление более тесных отношений Республики с Францией, союз с которой предоставил бы шанс заключить выгодный стране франко-нидерландский торговый договор⁴.

В это время в Соединенных провинциях отмечалось смещение активности из сферы торговли в банковское дело. Нидерландский денежный рынок был по-прежнему непоколебим, внешний долг невелик, а в структуре фондовых капиталов страны большая часть (например, 76% в 1782 г.) приходилась на внешние займы и государственный долг. До определенного момента Республика вообще не испытывала недостатка в наличных деньгах, что и придало Амстердаму в последней трети XVIII в. статус финансового центра континента. Соединенные провинции превратились в государство-рантье и основного кредитора многих европейских стран, но главным образом своего конкурента Великобритании⁵.

Решающую роль в изменении англо-нидерландских отношений сыграла начавшаяся в 1775 г. Война за независимость в Северной Америке. Большинство нидерландцев были на стороне американцев: в событиях в Северной Америке они видели не только повторение восстания Нидерландов против Испании в XVI в., но и претворение в жизнь идей английских и французских просветителей, получивших к тому времени широкое распространение в Соединенных провинциях. Основные положения Декларации независимости США 1776 г. были близки «патриотам», которые поддерживали действия американцев

² В Соединенных провинциях статхаудер в мирное время председательствовал в судах провинций, а в случае внутренних конфликтных ситуаций ему отводилась роль арбитра; в военное время являлся главнокомандующим армией и флотом.

³ См. об этом: *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Внешняя политика Нидерландов. 1713–1763 гг.: становление голландского нейтралитета. М., 1998.

⁴ О движении «патриотов» см.: *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Ван дер Капеллен // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 38–53.

⁵ Рост нидерландских инвестиций в английскую экономику с 1740-х до начала 1780-х годов непрерывно повышался, составив в 1779–1780 гг. 19,2% от всего объема нидерландских инвестиций. См.: *Бааш Э.* История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. М., 1949. С. 189–198; *Чистозонов А.Н.* Указ. соч. С. 172; *Carter A.* Dutch Foreign Investment, 1738–1800 // *Economica* (20). 1953. № 80. P. 329–330.

и развернули в Республике обширную кампанию за признание США⁶. Нидерландское купечество, помимо симпатии чисто политического свойства и выгоды от нейтрального мореплавания, видело в независимых североамериканских территориях перспективного торгового партнера⁷. Поэтому военные действия британской армии в североамериканских колониях вызвали на всех уровнях власти в Республике бурные дебаты по вопросам англо-нидерландских отношений (союзнических и торговых), в основе которых лежали договоры 1674 и 1678 гг.

В России внимательно следили за колебанием общественных настроений в Республике, отношения с которой традиционно были отмечены переплетением взаимных политических, дипломатических и финансовых интересов. Торговля не прерывалась, судоходная связь между Республикой и Россией (с Архангельском, а впоследствии и с Петербургом) оставалась оживленной. Но с 1770-х годов Соединенные провинции начали уступать свои позиции в товарообороте с Россией Великобритании, торговый договор с которой Россия подписала в 1766 г. Объемы российско-нидерландской торговли сокращались, как и число нидерландских кораблей, прибывавших в русские порты⁸.

Война за независимость США серьезно повлияла на отношения великих европейских держав. По мере развития событий за океаном позиция Великобритании на континенте ослабевала, центр дипломатической борьбы переместился в Версаль. Императрица Екатерина II, стремившаяся к улучшению российско-французских отношений (которые в этот период были достаточно сдержанными⁹), уделяла особое внимание дипломатическим донесениям из Соединенных провинций, где с каждым годом усиливались профранцузские настроения. Пост чрезвычайного посланника Российской империи при Генеральных штатах с 1769 г. занимал Дмитрий Алексеевич Голицын¹⁰, ранее находившийся на дипломатической службе во Франции. Опытный дипломат внимательно следил за малейшими изменениями внешнеполитических предпочтений Республики, что нашло отражение в его содержательных депешах, отличавшихся аналитическим характером.

Весной 1778 г. война Великобритании с Францией (после подписания в феврале 1778 г. двух американо-французских договоров о союзе и о торговле, что фактически являлось признанием Версалем независимости североамериканских колоний) стала почти свершившимся фактом¹¹. В этой ситуации Соединенные провинции, связанные договорными обязательствами с обеими странами, должны были четко определить свою позицию.

В депеше от 17 марта 1778 г. вице-канцлеру графу И.А. Остерману Д.А. Голицын сообщал, что в случае разрыва Франции с Великобританией Республика предпочтет сохранить нейтралитет, и не следует этому препятствовать¹². В то же время относительно нидерландской нейтральной позиции посланник рассуждал так: «Не хотелось бы чтобы Соединенные провинции оставались нейтральными в этой войне, так же как они были в последней войне (Семилетней.— Г.Ш.-М.). Опыт показал, что Франция теряет, а Англия много выигрывает

⁶ Соединенные провинции первыми де-факто признали независимость Соединенных Штатов. Это произошло в ноябре 1776 г., когда у берега острова Синт-Эстатиус (владения Республики в Карибском море) появился бриг североамериканских повстанцев «Эндрю Дориа» и губернатор острова приказал приветствовать Great Union Flag салютом. См.: История Нидерландов. Гаага, 1995. С. 33.

⁷ Солидный доход нидерландским купцам стала приносить в том числе и контрабандная торговля через острова Вест-Индии. См.: *Jongste J.A.F. de. De Republiek onder het erfstadhouderschap 1747–1780 // Algemene Geschiedenis der Nederlanden. D. 9. Haarlem, 1980. P. 90.*

⁸ *Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т.1. Варшава, 1897. С. 258–260; Бааш Э. Указ. соч. С. 306–307.*

⁹ Противодействие Франции вызывала активная политика России в разрешении Польского и Восточного вопросов. См.: *Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 317–318, 331.*

¹⁰ О Д.А. Голицыне (1734–1803) — дипломате, ученом, историке и экономисте — см. подробнее: *Цверева Г.К. Дмитрий Алексеевич Голицын. Л., 1985.*

¹¹ См.: *Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость, 1775–1783. М., 1976. С. 23–25.*

¹² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1778 г. Д. 190. Л. 26–26 об.

от этого нейтралитета». Но если Франция объединится с Австрией и выступит против Республики, которая поддержит Великобританию, едва ли последняя, по мнению Голицына, будет в состоянии защищать свои южные границы¹³. Посланник отмечал, что на флоте Республики катастрофически не хватает матросов, и неизвестно, откуда их набирать: норвежцы, которые раньше нанимались на голландские суда, не желали больше идти на заграничную службу. Армия Республики была слаба и малочисленна¹⁴, плохо дисциплинирована, в основном пополнялась за счет наемников (главным образом, германцев), но и с этим в последнее время появились проблемы, поскольку армии других государств не готовились к боевой готовности¹⁵.

При этом общее положение дел в стране Голицын охарактеризовал следующим образом: Республика пребывает скорее в летаргическом сне или некоторой апатии; денег у государства нет, оно является должником и не выделяет средства на развитие экономики, однако частные лица имеют деньги в избытке. Эти богатые нидерландцы, подчеркивал дипломат, даже в период международной напряженности не спешат открывать свои кошельки и помогать государству, в то время как в Республике опасаются ухудшения финансового положения в Великобритании, долг которой Соединенным провинциям превышает сумму в 400 млн флоринов¹⁶.

В июне 1778 г. с началом Англо-французской войны (1778–1783) в Соединенных провинциях по решению Генеральных штатов был объявлен сбор средств на постройку 24 линейных кораблей для пополнения флота и защиты своей торговли¹⁷. Сохраняя статус нейтральной державы, Республика надеялась получить определенную выгоду от нейтральной торговли с Американским континентом. Но «страх разочаровать англичан» не позволил ей подписать с новым государством договор, подобный франко-американскому. Ратпенсионарий Соединенных провинций П. ван Блейсвейк¹⁸, получив от находившегося с дипломатической миссией во Франции Б. Франклина официальное письменное предложение заключить Генеральным штатам с 13 Соединенными провинциями Америки аналогичный договор о дружбе и торговле, даже не осмелился на него ответить¹⁹. Опасения не были беспочвенными. После того как 1 июля Генеральные штаты Республики приняли решение сохранять в этом военном конфликте нейтралитет, а Государственный совет разработал план по увеличению армии страны²⁰, британское правительство ввело запрет на ведение нидерландцами торговли во французских и испанских портах (правда, уже в октябре 1778 г. эти меры были смягчены). Английские каперы без предупреждения захватывали корабли Республики, подозревая, что в трюмах находятся контрабандные товары. Был даже остановлен нидерландский торговый флот, конвоируемый пятью линейными кораблями, под предлогом, что его груз якобы предназначался для Северной Америки. В Соединенных провинциях негодовали по поводу этих унижительных для чести нидерландского флага действий англичан, однако, не располагая достаточным для конвоирования своих торговых караванов числом боевых кораблей, Республика не могла этому противостоять. К тому же часть провинций выступала против конвоя, считая, что это наоборот приведет к усилению контроля над нидерландскими судами со стороны Великобритании. Генеральные штаты, не

¹³ Там же. Л. 30 об.

¹⁴ Например, из приложения к депеше Голицына от 16 января 1778 г. (смете военных расходов Республики на этот год) следовало, что в 1778 г. сумма, выделявшаяся провинциями на оснащение армии, по сравнению с 1777 г. уменьшилась // Там же. Л. 10–11.

¹⁵ Там же. Л. 29–30.

¹⁶ Там же. Л. 29–29 об., 35.

¹⁷ Там же. Л. 52 об.–53.

¹⁸ П. ван Блейсвейк был ратпенсионарием Голландии в 1772–1787 гг.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1778 г. Д. 190. Л. 54–55.

²⁰ Там же. Л. 61–61 об., 71–74. Впрочем, Генеральные штаты этот план так и не приняли, как не был из-за разногласия провинций положительно решен вопрос и о постройке к весне 1779 г. 32 новых кораблей и их вооружении // Там же. 1779 г. Д. 199. Л. 71.

жая на фоне усиления в стране профранцузских настроений ссориться с Лондоном, оттягивали принятие решения об увеличении морских сил и организации регулярного конвоя²¹.

Конфликт с Лондоном мог привести к началу военных действий на континенте и, как следствие, к возможному сближению Республики с Францией. При этом обе стороны конфликта, Франция и Великобритания, испытывавшие финансовые затруднения в ходе войны, стремились получить заем необходимых сумм у Соединенных провинций²². Впрочем, не было почти ни одной европейской державы, которая с течением времени не обратилась бы за помощью к нидерландскому денежному рынку²³.

Французский двор требовал, чтобы Республика соблюдала строгий нейтралитет в англо-французской войне. В Версале делали особый акцент на том, что если государство нейтрально, то оно не должно сопровождать свои торговые суда военным конвоем, так как в этом можно усмотреть нарушение принципов нейтральной торговли. Франция противилась этому еще и из опасения, что Лондону удастся ограничить свободу нидерландского судоходства, предоставленную Республике по Англо-голландскому договору 1674 г., настояв на внесении поправок в некоторые его пункты (трактуя их в свою пользу), а в этом случае нейтралитет Республики был бы иллюзией²⁴.

Лондон стал угрожать, что не будет пропускать нидерландские суда со строительными материалами во французские порты (в годы Семилетней войны нейтральная Республика беспрепятственно поставляла во Францию мачтовый лес и другие строительные материалы). В Соединенных провинциях указывали на статьи договора 1674 г., предоставлявшие им право свободной торговли. В случае войны одной из держав с третьей стороной, та из них, которая оставалась нейтральной, по договору сохраняла за собой не только право транспортировки на своих судах товаров, принадлежавших враждующим сторонам, но и право следовать правилу «свободное судно — свободный груз» (исключая при этом товары, определенные указанным договором как контрабанда). Генеральные штаты даже готовы были пойти на то, чтобы не сопровождать корабли со строительным материалом конвоем. Однако подобное решение возмущало купцов Амстердама и их французских компаньонов²⁵. Они считали, что конвой торгового флота позволил бы успешно доставлять товары во французские порты и свидетельствовал бы о выполнении обязательств нейтральной страны в полном объеме, отказ же от конвоирования как раз и воспринимался ими как отклонение Республики от выбранного ею нейтрального курса²⁶.

Основываясь на праве свободной торговли нейтральных стран во время войны, нидерландские судовладельцы не желали мириться с предписанным английским правительством новым регламентом для корсарских кораблей, которым разрешалось останавливать и сопровождать в английские порты нидерландские торговые суда, груженные морскими припасами, а также и нидерландские военные корабли, которые подвергались там тщательному досмотру. Иногда эти «досмотры» заканчивались трагически: в октябре 1778 г. арматорами в порыве ярости был убит капитан голландского торгового судна, на борту которого англичане не нашли контрабандных товаров. Но в тот же день это судно было остановлено

²¹ Там же. 1778 г. Д. 191. Л. 15–17 об., 23 об., 27–28.

²² Там же. Л. 43 об. — 44.

²³ Не являлась исключением и Россия, частично финансировавшая свои военные кампании за счет крупных нидерландских займов. Усилиями Д.А. Голицына и посредничестве амстердамской фирмы Раймонда и Теодора де Сметов Россия получила первые займы в 1769 г. и до 1782 г. заключила семь договоров о займах на общую сумму 17 млн гульденов. См.: Бааш Э. Указ. соч. С. 191; Голландцы и русские. 1600–1917. Из истории отношений между Россией и Голландией. Гаага, 1989. С. 111, 113.

²⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1778 г. Д. 191. Л. 45–45 об., 48.

²⁵ По сообщению Голицына, французский посланник в Гааге делал все от него зависящее, чтобы «поддерживать враждебность амстердамцев против англичан», но заставить амстердамцев выступить против англичан просто невозможно, резюмировал Голицын // Там же. Л. 40.

²⁶ Там же. Л. 35–35 об., 39–40.

уже другими арматорами, последние, узнав от команды, что капитан был убит, захватили голландский корабль «под предлогом сохранения наследства»²⁷.

Генеральные штаты подчеркивали, что торговля Соединенных провинций с Францией морскими припасами²⁸ (речь шла о строительных материалах (древесине). — *Г.Ш.-М.*) не противоречит нейтральному статусу государства, поскольку это не является контрабандой. На то же указывал и Вильгельм V в тексте «Послания принца Оранского Штатам Фрисландии» от 24 января 1779 г. Такие же товары страна может поставлять и Великобритании, так же как и законно охранять своих подданных, свои торговые караваны с важным грузом (например, корабельным лесом) сопровождать конвоем, из соображения безопасности вооружать торговые суда, поскольку торговля — важнейший источник благосостояния страны. При этом английские военные корабли или английские корсары не должны преследовать суда Республики²⁹.

Но с начала 1779 г. английские корабли с целью следить за судами, выходящими или прибывающими в порты Республики, уже подходили непосредственно к голландским берегам, что создавало опасность прямого военного столкновения.

В связи с осложнением внешнеполитической обстановки³⁰ в Республике росло недовольство политикой правящей партии оранжистов, которых обвиняли, в частности, в непоследовательных действиях Генеральных штатов в отношении с Францией, порождавших проблемы в торговых делах. На этом фоне противостояние профранцузской («патриотической») и проанглийской (оранжистской) партий усиливалось. Но по сообщениям Голицына (от марта 1779 г.), несмотря на всю агитацию «патриотов», проанглийская партия была все же намного сильнее: «Колоссальные суммы голландцев помещены в национальный долг Англии, и страх, что Франция не отказалась от своего прежнего плана завоевания, да и другие причины этому (усилению проанглийской партии. — *Г.Ш.-М.*), по существу, способствуют»³¹. В мае 1779 г. за то, чтобы военный конвой сопровождал торговые корабли со строительными материалами, выступали только провинции Голландия и Фрисландия, остальные же эту идею находили пагубной и считали, что надо учитывать мнение Лондона³².

В июле Лондон на основании Англо-голландского союзного договора 1678 г. потребовал от Генеральных штатов предоставить Великобритании вспомогательные войска (армию численностью 6 тыс. человек и 20 линейных кораблей) для ведения военных действий и борьбы с восставшими колониями. В сентябре английский посланник Дж. Йорк представил Генеральным штатам повторную памятную записку с теми же требованиями лондонского двора, правда, число линейных кораблей было уменьшено до 12³³. Штаты не считали, что должны оказывать военную помощь Великобритании. Эта тема широко обсуждалась не только в политических кругах страны, она нашла отражение во многих нидерландских памфлетах и анонимных сочинениях того времени. Вот, например, что по этому поводу писал автор получившего широкую известность анонимного³⁴ труда «Голландские письма, или Политическая корреспонденция о нынешнем состоянии Европы, в частности Республики семи Соединенных провинций»: «Лондон основывает свои требования на следующих договорах: 1674 г., от 9 марта 1678 г., 1679 г., 1688 г., 1689 г., 1713 г., 1716 г., 1731 г. Мы признаем и существование этих договоров, и то, что на их основании мы обязаны оказать

²⁷ Там же. Л. 54–54 об.

²⁸ В тексте донесений — французское слово *la munition*.

²⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1779 г. Д. 198. Л. 30–31 об.

³⁰ В апреле 1779 г. Испания заключила союз с Францией, в июне объявила войну Англии, и совместные франко-испанские силы осадили британскую военную крепость Гибралтар.

³¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1779 г. Д. 198. Л. 46 об.

³² Там же Л. 84.

³³ Там же. Д. 199. Л. 19, 67.

³⁴ Предположительно, автором этого многотомного сочинения был французский литератор, журналист, переводчик и путешественник Дериваль де Гомикур (настоящее имя Огюстен-Пьер Дамьен, 1723–1790).

помощь Англии: но когда подвергнутся атаке ее владения в Европе (подчеркнуто мной. — Г.Ш.-М.), а не в том случае, когда она сама будет провоцировать эту атаку. Когда действительно окажется, что французы и испанцы — это агрессоры, у нас не будет ни малейшего повода ответить отказом на просьбы Англии. Все обязательства взаимны, без взаимности не может быть никакого обязательства. Если мы обязаны на основе заключенных и перечисленных англичанами договоров им помогать, они, в свою очередь, на основе договора 1674 г. обязаны, и это было в период нескольких войн, позволять нам свободно перевозить, даже в порты противников, все виды морских припасов. Они нарушили этот договор, и это освобождает нас от обязательства предоставлять им нашу помощь»³⁵.

В течение лета 1779 г. в Генеральных штатах не были решены ни вопрос о вспомогательных войсках, ни вопросы увеличения нидерландской армии и флота, ни проблемы конвоя торговых судов. И спорам в органах управления провинций не было видно конца. В августе только Голландия выступала за введение неограниченного конвоя, шесть других провинций были против. Наконец, в середине сентября Генеральные штаты приняли окончательное решение «не предоставлять конвой торговым кораблям Республики с грузом строительных материалов»³⁶. По сообщениям Голицына, в конце октября 1779 г. в порту острова Тексел в ожидании попутного ветра находилось много голландских торговых судов, груженных продуктами. В сопровождении военного конвоя они должны были выйти в направлении Средиземного моря, и от того, как эта эскадра пройдет Ла-Манш, задержат ли ее англичане (Лондон твердо настаивал на том, что, невзирая на конвой, будет вести досмотр нидерландских судов) и каковы будут в этом случае действия Генеральных штатов, зависело дальнейшее развитие англо-нидерландских отношений³⁷.

В начале января 1780 г. англичане захватили нидерландский военный корабль из эскадры сопровождения торговых судов, следовавших во Францию, и, по поступившей из Лондона информации, готовились к захвату еще пяти конвойных кораблей голландского флота, направлявшегося в Средиземное море. Капитаны нидерландских Ост- и Вест-Индских компаний также были предупреждены о возможных столкновениях с английскими судами. А после инцидента, когда два английских арматорских корабля преследовали голландское рыболовецкое судно до берега Схевенингена и произвели несколько выстрелов в направлении этой приморской деревеньки, по всему голландскому побережью до Катвейка была выставлена войсковая охрана³⁸. К середине января уже несколько нидерландских судов было захвачено англичанами и испанцами, а к концу января со строительными материалами только семь благополучно пришли в порты Франции³⁹.

Голицын в депешах, отправленных в Петербург в январе — феврале 1780 г., подчеркивал, что положение дел в Соединенных провинциях нельзя оценивать как безнадежное, наоборот, «Республике стоит только пожелать, и она с легкостью вернет себе прежнее влияние на политические дела Европы. Она имеет много денег, много всякого рода запасов для флота, и уже это позволит ей легко свой флот укрепить». А в депеше от 3 марта он написал даже так: «Все же никогда еще состояние Республики не было столь процветающим, как сейчас, частные лица не знают, что и делать со своими деньгами, и при всем этом она (Республика. — Г.Ш.-М.) пребывает в состоянии оцепенения из-за отсутствия в ее правительстве мыслящих людей»⁴⁰. Но «оцепенение» в правительственных кругах страны скорее вызывал страх, что Англия объявит Республике войну.

В России с тревогой наблюдали за ухудшением отношений между Великобританией и Соединенными провинциями, так как считали англо-нидерландский союз надежным

³⁵ [Dérival de Gomicourt]. Lettres hollandoises, ou Correspondance politique, sur l'état présent de l'Europe, notamment de la République des sept Provinces-Unies. T. II. Amsterdam, 1779. P. 190—191.

³⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1779 г. Д. 199. Л. 10, 15, 39—40 об., 57—57 об.

³⁷ Там же. Л. 84—84 об.

³⁸ Там же. 1780 г. Д. 207. Л. 3, 5.

³⁹ Там же. Л. 23 об.—24.

⁴⁰ Там же. Л. 22, 38, 52 об.

барьером на пути усиления Франции на континенте (в противном случае «Республика Голландская может поставлена быть в необходимость предать себя в руки Версальского двора»)»⁴¹.

Заявление Екатерины II воюющим державам весной 1779 г., что Россия намерена с целью защиты торговли ее подданных объединить для совместного действия в Северном море вооруженную эскадру своих кораблей со шведской и датской, в Соединенных провинциях произвело сенсацию. Исходя из вышеизложенного в статье материала, понятно, почему эту новость в Республике с ее опытом ведения нейтральной торговли восприняли с большой радостью, и она «не пожелала бы ничего лучшего, чем быть приглашенной к этому объединению сил». Российский посланник отмечал также, что стремление России выступить посредником в урегулировании англо-французского конфликта мечтающая о мире Франция воспринимает положительно и не будет никаких осложнений с тем, чтобы выработать необходимые условия. «Если речь пойдет о свободе торговли и независимости Америки, — писал Голицын в депеше от 30 апреля 1779 г. Остерману, — она примет мир с удовольствием. С Англией здесь, возможно, будут сложности, но если это делать совместно с Испанией, Швецией, Данией и той же Голландией, можно было бы ее образумить. Ваше превосходительство возможно воспримет это как мечту, но я прошу учитывать, что это желание наиболее разумной партии Европы: только Императрица может ей вернуть мир, без нее конец этой войне не предвидится»⁴².

Переговоры, которые в течение 1779 г. Россия вела с Данией и Швецией, оказались безрезультатными. Война, являвшаяся по сути войной на морских коммуникациях и втянувшая в свою орбиту многие европейские государства, наносила все больше потерь морской торговле нейтральных стран. Особенно отличался захватом торговых судов британский флот, и действия «именно английских каперов заставили императрицу Екатерину II искать действительного средства для обуздания их хищнических нападений на нейтральных подданных»⁴³. Петербург подчеркивал свою беспристрастность и нейтралитет в англо-американском конфликте, но на практике действия российской стороны принимали антианглийскую направленность. Россия, обеспокоенная тем, что Великобритания стремилась диктовать судам других стран свои условия их передвижения, желала освободить свою торговлю от чрезмерной зависимости от английского флота⁴⁴ и больше использовать для перевозки российской товаров суда других стран⁴⁵.

Для защиты нейтрального торгового судоходства Екатерина II предложила всем государствам, не участвовавшим в войне Великобритании с Северной Америкой (речь шла в первую очередь о Дании, Соединенных провинциях и Швеции), объединиться в Лигу нейтральных держав⁴⁶. В рескрипте Екатерины II от 14 февраля 1780 г. Голицыну были даны

⁴¹ См.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Трактаты с Англиею 1710—1801. Т. IX (X). СПб., 1892. С. 301.

⁴² АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1779 г. Д. 198. Л. 80 об.—81.

⁴³ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. С. 297.

⁴⁴ Из-за слабости российского флота транспортировка товаров осуществлялась в основном на иностранных судах, главным образом английских. Так, в 1775 г. из 414 судов, занятых во внешнеторговом обороте России, было 17 русских и 236 английских. Только по Петербургскому порту в 1778 г. 84% вывоза российских товаров осуществляли иностранные купцы. См.: Очерки истории СССР. Т. 9. XVIII в. Вторая половина. М., 1956. С. 127—128.

⁴⁵ См. подробнее об инициативах российского двора и политике лондонского кабинета: О вооруженном морском нейтралитете. Составлено с Высочайшего соизволения по документам Московского главного архива Министерства иностранных дел. СПб., 1859. С. 2—5; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. С. 298—304; *Мадариаса И. де.* Указ. соч. С. 607—609.

О выработке Екатериной II доктрины вооруженного нейтралитета и действиях английского посла в Петербурге Дж. Гарриса см.: *Лабутина Т.Л.* «Дитя интриги и безумия»: реакция британской дипломатии на политику вооруженного нейтралитета Екатерины II // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 60—73; *Новикова А.Д.* Официальная дипломатия и неформальные связи при дворе Екатерины II: посольство Джеймса Гарриса в Россию // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 127—139. DOI: 10.31857/S013038640014894-1

⁴⁶ См.: О вооруженном морском нейтралитете... С. 5—7.

следующие указания: «Мы желаем, чтоб Вы в настоящем месте пребывания вашего старались испытать мысли правительства тамошнего, относительно сего поведения гишпанского (речь шла о действиях Испании против нейтральных, в том числе и российских, судов в Кадисе, где они были задержаны в феврале 1780 г. — Г.Ш.-М.) и мер приемлемых им к охранению своей коммерции от обеих воюющих сторон. Вы можете познать его наклонность вступить с нами в равное дело, чтоб учинить обоим сторонам общее представление, в чем разумеем мы свободную торговлю и плавание, и какие именно товары контрабанду в себе заключают; и что мы не можем сносить равнодушно подобного прикосновения к флагу и собственности подданных наших: но при том, изведывая мнения тамошних, надлежит Вам остерегаться прежде времени обязываться в чем-либо словом и именем НАШИМ (так в документе. — Г.Ш.-М.), в ожидании дальнейших наших повелений»⁴⁷.

В ответной депеше в Петербург Голицын написал, что Соединенные провинции, считавшие Россию державой, вокруг которой нейтральные страны должны объединиться, поддержат идею заключения их союза для защиты свободного мореплавания и национальной торговли, и в скором времени Генеральные штаты приступят к разработке конкретного плана подготовки вооруженной эскадры. Но существующие разногласия между провинциями Республики, как и разногласия правительства с самым богатым городом Амстердамом, могут помешать его скорой реализации⁴⁸.

«Декларация императрицы Екатерины II о вооруженном нейтралитете от 27 февраля (9 марта), адресованная ко дворам Лондонскому, Версальскому и Мадридскому» была утверждена императрицей в этот же день, а на следующий — 28 февраля (10 марта) 1780 г. — сообщена иностранным державам. Международно-правовое обоснование Декларации о вооруженном морском нейтралитете было сформулировано российской дипломатией, а одну из главных ролей в этом процессе сыграл Голицын⁴⁹.

Важнейшей задачей этого акта⁵⁰ являлась охрана прав морского нейтралитета. Положения статей декларации заключались в следующем: а) нейтральные корабли свободно могут совершать рейсы из одного порта в другой и приставать к берегам даже воюющих стран, исключая заблокированные места; б) неприятельская собственность под нейтральным флагом пропускается беспрепятственно; в) предметами военной контрабанды признаются только те, что перечислены в статьях 10 и 11 торгового договора России с Англией от 20 июня 1766 г. (оружие, амуниция и прочие предметы, непосредственно служащие военным целям⁵¹); г) блокируемым портом является тот, вход в который фактически закрыт неприятельским флотом; д) эти правила должны служить основанием в ходе судебных разбирательств и вынесении решения о законности призов⁵². Провозглашенная Россией декларация внесла в международное право новые начала, защищающие права морской

⁴⁷ См.: Отпуски рескриптов Екатерины II чрезвычайному посланнику в Гааге Д.А. Голицыну // АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1780 г. Д. 204. Л. 1 (134).

⁴⁸ См. секретную депешу посланника Д.А. Голицына вице-канцлеру И.А. Остерману от 7 (18) февраля 1780 г. // Там же. Д. 207. Л. 35–39.

⁴⁹ См.: *Болховитинов Н.Н.* Указ. соч. С. 46–48; *Цвирева Г.К.* Указ. соч. С. 45–46.

⁵⁰ См. документ: *Martens G.F. de. Recueil des principaux traités, d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, de limites, d'échanges etc. conclus par les puissances de l'Europe tant entre elles qu'avec les puissances et Etats dans d'autres parties du monde depuis 1761 jusqu'à présents.* Т. II. 1779–1786. Gottingue, 1791. Р. 74–76; О вооруженном морском нейтралитете... С. 64–66; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. С. 307–310; *Александренко В.Н.* Указ. соч. Т. II. Материалы. Варшава, 1897. С. 202–207.

⁵¹ В этих статьях представлены практически без изменений статьи 11 и 12 первого Англо-русского договора о дружбе и торговле от декабря 1734 г. См. текст этих статей: *Александренко В.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 311–313.

⁵² См.: *Александренко В.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 205–206.

Приз — а) имущество, захваченное воюющими на море или во внутренних водах (судно и его груз); б) сам акт («захват»).

торговли нейтральных стран во время войны⁵³, и стала первым международным актом, определявшим предметы военной контрабанды⁵⁴.

На основе указанных в декларации положений начался процесс заключения Россией с рядом европейских стран соответствующих конвенций о защите провозглашенных принципов от возможного их нарушения⁵⁵. В апреле 1780 г. официальные документы, касающиеся этого предложения, были получены в Гааге. В депеше Остерману от 7 апреля Голицын написал, что «декларация произвела здесь настоящую сенсацию: отовсюду только и слышится имя нашей августейшей Государыни». Однако предложение России подверглось долгому обсуждению в Генеральных штатах: проанглийская партия утверждала, что «намерения нейтральных держав, в целом справедливые и основывающиеся на договорах с Англией, не могут быть приняты лондонским двором, ожидающим, что его враги извлекут выгоду из свободы торговли и мореплавания, чтобы запастись всякими товарами, отсутствующими у них, поскольку английские корабли этой свободе торговли мешают»⁵⁶. 13 апреля 1780 г. Штаты провинции Голландии проголосовали за то, чтобы принять российское предложение, остальные провинции только приступили к рассмотрению этого вопроса. Решительно против были настроены Штаты Зеландии, в которых проанглийские настроения традиционно преобладали. Местом двусторонних переговоров должен был стать Петербург и резидент Й.И. Сварт, представлявший Соединенные провинции (1787–1791) при дворе Екатерины II, наделялся соответствующими полномочиями⁵⁷.

Голицын с досадой отмечал, что в Республике необычайно сложно добиваться каких-либо результатов, так как никто не хочет брать на себя ответственность, в том числе и Вильгельм V, а единогласного решения можно и не дожидаться. Но уже в конце апреля провинции Утрехт, Оверэйссел и Гелдерн поддержали Голландию. Лондон продолжал угрожать Республике: если она не предоставит помощь, прописанную в нидерландско-английских договорах, он прекратит их действия, а если примет предложения России — объявит войну и «без предупреждения захватит ее владения в Ост- и Вест-Индии». И все же Генеральные штаты отказали Великобритании в выделении ей военной помощи и начали процесс согласования с провинциями условий сопровождения конвоями торговых судов⁵⁸.

В ответ активизировались английские каперы, которые захватили несколько нидерландских судов, груженных товарами, «принадлежавшими врагам Великобритании», а также товарами, следовавшими в порты Франции и Испании и трактовавшимися англичанами как контрабанда⁵⁹. Сложившаяся ситуация ускорила решение вопроса о начале переговоров с Россией о присоединении Республики к Лиге нейтральных держав. Резолюция была принята Генеральными штатами 26 июня 1780 г., а в депеше от 18 июля Голицын сообщал, что на переговоры в Петербург отправятся в «ранге чрезвычайных и полномочных послов барон де Старренбюрг и господин Хеккерен де Брандсенбюрг»⁶⁰. Речь шла о депутате Штатов от провинции Голландия и Западная Фрисландия Виллеме Людовейке графе ван

⁵³ Ранее морские державы придерживались правил, собранных в *Consolato del mare*, сборнике морского права эпохи Средневековья, в силу которых признавался законным захват неприятельской собственности и на нейтральном корабле. Великобритания, часто действовавшая согласно этому правилу, заявляла, что таким образом препятствует возможному злоупотреблению флагом нейтральных держав. См. подробнее: *Александренко В.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 308–310.

⁵⁴ См.: *Даневский Вс.* Исторический очерк нейтралитета и критика Парижской морской декларации. М., 1879. С. 83.

⁵⁵ В Лигу вооруженного нейтралитета вступили: в 1780 г. Дания и Швеция; в 1781 г. Соединенные провинции, Пруссия и Австрия; в 1782 г. Португалия; в 1783 г. Королевство обеих Сицилий. Франция, Испания и США признали положения декларации, но формально не присоединились. Великобритания декларацию Екатерины II не признала. См.: *Александренко В.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 322.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1780 г. Д. 207. Л. 68–68 об.

⁵⁷ Там же. Л. 76–76 об., 78 об. — 79.

⁵⁸ Там же. Л. 82, 88, 89 об.

⁵⁹ Там же. Д. 208. Л. 3–3 об.

⁶⁰ Там же. Л. 34, 40.

Вассенар ван Старренбюрг (1744—1833) и депутате Штатов от провинции Утрехт Дерке Яне ван Хееккерен ван Брандсенбюрг (1742—1796).

Какую же сторону в этом деле принял Вильгельм V? Голицын в депешах подчеркивал, что статхаудер выражал заинтересованность в укреплении отношений с Россией и возможности Соединенных провинций беспрепятственно следовать выбранному нейтральному курсу. Не являясь сторонником усиления профранцузских настроений, он все же не был и стопроцентно проанглийски ориентирован и, конечно же, не забывал об интересах своего государства. Вильгельм V выражал желание, чтобы Республика присоединилась к конвенции, как это сделали Дания и Швеция, хотя, безусловно, влияние на статхаудера проанглийской партии было велико⁶¹.

В Республике к осени 1780 г. ситуация осложнилась. Выражение симпатий к Америке, прежде всего голландскими купеческими кругами (это проявлялось в игнорировании требований англичан запретить продажу американских товаров, доставленных на французских судах, и заход американских торговых судов в порты Республики), еще больше обострило отношения между Великобританией и Соединенными провинциями. Действия англичан вызвали протест торговой буржуазии Голландии, обратившейся в Генеральные штаты с требованием принять решение о так называемом «неограниченном конвое» торговых караванов военными кораблями, способными в случае необходимости вступать в бой с английскими эскадрами. Для обеспечения безопасности своих торговых судов штаты провинции Голландии требовали поддержать предложение России по созданию Лиги нейтральных держав. Но, как всегда, все сводилось к бесконечным обсуждениям вопроса в Генеральных штатах. Англичане же стали не только конфисковывать грузы и суда, следовавшие из Республики в Северную Америку, но и принуждать экипажи захваченных судов к службе в английском флоте.

К тому же в сентябре 1780 г. Лондону стало известно о намерении города Амстердама тайно заключить торговый договор с Американскими штатами. В депешах вице-канцлеру И.А. Остерману и первоприсутствующему в Коллегии иностранных дел графу Н.И. Панину Д.А. Голицын в сентябре — ноябре 1780 г. сообщал о подтверждавших этот факт документах и отправлял в Петербург их копии⁶². Также и Йорк неоднократно представлял Генеральным штатам по этому поводу памятные записки, в которых указывал, что Лондон располагает проектом договора, но штаты провинции Голландии настаивали на том, что переговоры с Американскими штатами не вели и не собираются это делать⁶³.

Лондон прилагал все усилия, чтобы помешать Соединенным провинциям вступить в Лигу нейтральных держав. Но Генеральные штаты, несмотря на давление английской дипломатии заставить Республику следовать в фарватере английской внешней политики, не отказывались от выбранной цели. После долгих и продолжительных дебатов, в ходе которых обсуждался представленный депутатам 2 октября 1780 г. отчет о состоявшихся в Петербурге 15 сентября переговорах Ван Вассенара и Ван Хееккерена с Паниным и Остерманом, Генеральные штаты одобрили «Резолюцию Соединенных провинций Нидерландов о присоединении их к системе вооруженного нейтралитета». Она была принята 20 ноября 1780 г. большинством голосов четырех провинций. Однозначно против выступила провинция Зеландия, а Гелдерн и Утрехт представили 1 ноября свои отдельные резолюции⁶⁴.

⁶¹ Там же. Д. 209. Л. 13—14.

⁶² Проект этого договора был составлен на основе документов, проработывавшихся еще 4 сентября 1778 г. в ходе переговоров в Ахене между амстердамским купцом и банкиром Ж. де Нёфвилле и американским дипломатом У. Ли. Но за всем этим процессом стоял амстердамский пенсионарий Э.Ф. ван Беркел, политический противник Вильгельма V. См.: Там же. Л. 17—17 об., 23—41; Депеши чрезвычайного посланника в Гааге Д.А. Голицына первоприсутствующему в Коллегии Н.И. Панину // Там же. Д. 206. Л. 68—71 об.

⁶³ Там же. Д. 209. Л. 21—21 об., 49—50, 57—59.

⁶⁴ *Extrait des Résolution des Etats Généraux des Provinces Unies des Pays-Bas*. Lundy. 20 novembre 1780 // Там же. Д. 206. Л. 64—67 об.; *Martens G.F. de*. Op. cit. P. 375—378.

Морские силы Республики могли придать лиге больший вес и сделать этот союз опасным для Англии. Последовала ожидаемая реакция. 20 декабря Лондон фактически санкционировал морскую войну с Соединенными провинциями, дав разрешения арматорам с 21 декабря преследовать любое нидерландское судно. 25 декабря Йорк покинул Гаагу. Генеральные штаты направили предписание также покинуть Лондон своему посланнику графу Велдерну⁶⁵.

24 декабря 1780 г. (3 января 1781 г.) в Петербурге Ван Вассенар, Ван Хееккерен и Сварт подписали акт о присоединении Соединенных провинций к многосторонней конвенции о защите торгового судоходства⁶⁶.

Ратификационная грамота Акта присоединения Соединенных провинций к многосторонней Конвенции о вооруженном морском нейтралитете от 24 декабря 1780 г. (ст. ст.) была подписана в Гааге 8 февраля 1781 г. Ван дер Гусом⁶⁷ и контрассигнирована секретарем Генеральных штатов Хендриком Фагелем. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Петербурге 22 февраля 1781 г. (ст. ст.), эта же дата стоит и на ратификационной грамоте российской стороны, подписанной Екатериной II и контрассигнированной графом Н. Паниным и графом И. Остерманом⁶⁸.

Подписывая в Петербурге в первых числах января 1781 г. акт о присоединении Республики к многосторонней конвенции о вооруженном нейтралитете, обе стороны, по всей вероятности, были в курсе того, что Республика по факту является уже державой воюющей⁶⁹. А обмен ратификационными грамотами произошел, когда так называемая Четвертая англо-голландская война (1780–1784) на морских коммуникациях уже набирала обороты. Этот юридический казус российской сторона объясняла так: «Мы предъявленные от Лондонского двора причины на разрыв его с Голландией признали посторонними для вооруженного нейтралитета, а посему и повелели крейсирующим эскадрам нашим почитать сию Республику воюющею державою относительно до Англии»⁷⁰.

Уже в начале 1781 г. в Генеральных штатах понимали, что война закончится катастрофой для страны. Английский флот имел численное превосходство, а нидерландский находился в плачевном состоянии: из 70 боевых кораблей, числившихся в списке, меньше половины были оснащены оружием. В середине июля 1781 г. Республике все же удалось сформировать эскадру из 25 кораблей и трех яхт для сопровождения торговых судов. Эскадра должна была сопровождать торговые караваны до входа в Зунд, а там встречать суда, прибывающие с Балтики; встречать и сопровождать суда Ост-Индской компании, следовавшие в Норвегию; сопровождать суда, следовавшие из Кадикса, а также суда Ост- и Вест-Индских компаний, отправлявшиеся в Америку и на остров Яву. Но спустя неделю самый большой корабль эскадры «Принц Виллем», оснащенный 74 пушками и с 550 членами команды на борту, сел на мель, что приостановило действия всей эскадры⁷¹.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1780 г. Д. 206. Л. 72–73.

⁶⁶ См. документ: *Martens G.F. de*. Op. cit. P. 117–121, 378–379; О вооруженном морском нейтралитете... С. 157–161.

⁶⁷ В подписи отсутствуют инициалы. По-видимому, документ подписан Андрианом ван дер Гусом (1722–1797), бургомистром Гааги.

⁶⁸ См.: АВПРИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 162; *Het Nationaal Archief, Den Haag. Akte van ratificatie te St. Petersburg uitgevaardigd door de keizerin van Rusland van de akte van accessie, door haar op 24 december 1780 uitgevaardigd, inzake de gewapende neutraliteit. 1781 februari 22.*

⁶⁹ В пункте 2 «Указа адмиралтейской Коллегии о конвенции, заключенной с Республикою Голландской о вооруженном нейтралитете. 1781 г.» от 15 марта читаем: «По случаю возгоревшейся между тем войны у Республики Голландской с короною Великобританскою, которая атаковала ее прежде действительного подписания здесь акта приступления ее к тем конвенциям, предъявляя с своей стороны к таковому разрыву притчины совсем посторонния и с сей конвенциею ничего общего не имеющие» // АВПРИ. Ф. Дела о вооруженном морском нейтралитете. Оп. 20/1. 1781 г. Д. 4. Л. 2.

⁷⁰ Из проекта рескрипта вице-канцлера И.А. Остермана полномочному министру в Лондон И.М. Симолину от 31 июля 1781 г. // Там же. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. 1781 г. Д. 70. Л. 81 об.–82.

⁷¹ Там же. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. 1781 г. Д. 220. Л. 11–13 об.

В столкновениях на море нидерландцы терпели одно поражение за другим, число их захваченных торговых судов исчислялось сотнями. Единственное крупное морское сражение произошло 5 августа 1781 г. в южной части Северного моря на Доггер-банке, где нидерландский конвой, сопровождавший торговый флот, столкнулся с английской эскадрой. Это сражение стало первым в ходе войны, в котором нидерландский флот не был побежден (оно завершилось тактической ничьей), но последним в истории флота Соединенных провинций. До конца войны нидерландский флот максимально избегал столкновения с британским, что привело к фактической морской блокаде Республики.

Еще в начале войны Россия, опасаясь, что распад традиционного союза морских держав нарушит равновесие сил в Европе, предложила выступить посредником и примирить стороны. Республика предложение Екатерины II приняла, но преследовавшие нидерландский флот неудачи в морских сражениях, вызвавшие в Соединенных провинциях накал политической борьбы и рост профранцузских настроений, помешали России быстро решить этот вопрос⁷². В то же время не прекращавшийся процесс дипломатических переговоров удерживал стороны от боевых столкновений⁷³.

Четвертая англо-голландская война лишила Соединенные провинции возможности принять активное участие в нейтральном союзе и сыграла роль катализатора их политического и экономического упадка. Некогда могущественная Республика утратила прежнюю независимую позицию среди европейских держав и на многие десятилетия способность следовать нейтральным внешнеполитическим курсом.

Библиография

- Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I, II. Варшава, 1897.
- Бааш Э.* История экономического развития Голландии в XVI—XVIII веках. М., 1949.
- Болховитинов Н.Н.* Россия и война США за независимость, 1775—1783. М., 1976.
- Голландцы и русские. 1600—1917. Из истории отношений между Россией и Голландией.* Гаага, 1989.
- Даневский Вс.* Исторический очерк нейтралитета и критика Парижской морской декларации. М., 1879.
- История Нидерландов.* Гаага, 1995.
- Лабутина Т.Л.* «Дитя интриги и безумия»: реакция британской дипломатии на политику вооруженного нейтралитета Екатерины II // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 60—73.
- Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
- Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Трактаты с Англией 1710—1801. Т. IX (X). СПб., 1892.
- Новикова А.Д.* Официальная дипломатия и неформальные связи при дворе Екатерины II: посольство Джеймса Гарриса в Россию // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 127—139. DOI: 10.31857/S013038640014894-1
- О вооруженном морском нейтралитете. Составлено с Высочайшего соизволения, по документам Московского главного архива Министерства иностранных дел. СПб., 1859.
- Очерки истории СССР. Т. 9. XVIII в. Вторая половина.* М., 1956.
- Цверева Г.К.* Дмитрий Алексеевич Голицын. Л., 1985.
- Чистозонов А.Н.* Генезис капитализма в Нидерландах // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978. С. 71—177.
- Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Ван дер Капеллен // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 38—53.
- Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Внешняя политика Нидерландов. 1713—1763 гг.: становление голландского нейтралитета. М., 1998.
- Carter A.* Dutch Foreign Investment, 1738—1800 // *Economica* (20). 1953. № 80. P. 322—340.
- [*Dérival de Gomicourt*]. Lettres hollandaises, ou Correspondance politique, sur l'état présent de l'Europe, notamment de la République des sept Provinces-Unies. Т. II. Amsterdam, 1779.

⁷² Проект рескрипта кн. Голицыну «О вмешательстве России в англо-голландские отношения и попытки примирения держав» 29 января 1781 г. // Там же. Д. 216; Депеша Д.А. Голицына вице-канцлеру И.А. Остерману от 10 августа 1781 г. о принятии предложения русской императрицы о посредничестве в войне между Голландией и Англией // Там же. Д. 219. Л. 15.

⁷³ Прелиминарное соглашение между Республикой и Англией было заключено 2 сентября 1783 г., а мирный договор (Парижский мир) был подписан только 20 мая 1784 г.

Jongste J.A.F. de. De Republiek onder het erfstadhouderschap 1747–1780 // *Algemene Geschiedenis der Nederlanden*. D. 9. Haarlem, 1980. P. 73–91.

Martens G.F. de. Recueil des principaux traités, d'alliance, de paix, de trêve de neutralité, de commerce, de limites, d'échange etc. conclus par les puissances de l'Europe tant entre elles qu'avec les puissances et états dans d'autres parties du monde depuis 1761 jusqu'à présent. T. II. 1779–1786. Gottingue, 1791.

References

Aleksandrenko V.N. Russkie diplomatischeeskie agenty v Londone v XVIII v. [Russian diplomatic agents in London in the 18th century]. T. I, II. Varshava, 1897. (In Russ.)

Baash Je. Istorija jekonomicheskogo razvitiya Gollandii v XVI–XVIII vekah [The history of the economic development of the Netherlands in the 16th–18th centuries]. Moskva, 1949. (In Russ.)

Bolhovitinov N.N. Rossiya i vojna SSHa za nezavisimost' [Russia and the U.S. War of Independence], 1775–1783. Moskva, 1976. (In Russ.)

Chistozvonov A.N. Genezis kapitalizma v Niderlandah [The genesis of capitalism in the Netherlands] // Problemy genezisa kapitalizma [Problems of the genesis of capitalism]. Moskva, 1978. S. 71–177. (In Russ.)

Cverava G.K. Dmitrij Alekseevich Golitsyn [Dmitry Alekseevich Golitsyn]. Leningrad, 1985. (In Russ.)

Danevskij Vs. Istoricheskij ocherk nejtraliteta i kritika Parizhskoj morskoy deklaracii [A historical sketch of neutrality and criticism of the Paris Maritime Declaration]. Moskva, 1879. (In Russ.)

Gollandcy i russkie. 1600–1917. Iz istorii otnoshenij mezhdru Rossiej i Gollandiej [Dutch and Russians. 1600–1917. From the history of relations between Russia and the Netherlands]. Gaaga, 1989. (In Russ.)

Istorija Niderlandov [The history of the Netherlands]. Gaaga, 1995. (In Russ.)

Labutina T.L. "Ditja intrigi i bezumija": reakcija britanskoj diplomatii na politiku vooruzhennogo nejtraliteta Ekateriny II ["The child of intrigue and madness": the reaction of British diplomacy to the policy of armed neutrality of Catherine II] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 2. S. 60–73. (In Russ.)

Madariaga I. de. Rossiya v jepohu Ekateriny Velikoj [Russia in the Era of Catherine the Great]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Martens F.F. Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossieju s inostrannymi derzhavami. Traktaty v Anglieju [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers. Treatises with England] 1710–1801. T. IX (X). Sankt-Peterburg, 1892. (In Russ.)

Novikova A.D. Oficial'naja diplomatija i neformal'nye svjazi pri dvore Ekateriny II: posol'stvo Dzhejmisa Garrisa v Rossiju [Official diplomacy and informal ties at the court of Catherine II: the Embassy of James Harris to Russia] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 127–139. DOI: 10.31857/S013038640014894-1 (In Russ.)

O vooruzhennom morskom nejtralitete. Sostavleno s Vysochajshego soizvolenija, po dokumentam Moskovskogo glavnogo arhiva Ministerstva inostrannyh del [On armed maritime neutrality. Compiled with the Highest permission, according to the documents of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. Sankt-Peterburg, 1859. (In Russ.)

Ocherki istorii SSSR [Essays on the history of the USSR]. T. 9. XVIII v. Vtoraja polovina [18th century - the second half]. Moskva, 1956. (In Russ.)

Shatohina-Mordvinceva G.A. Van der Kapellen [Van der Kapellen] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2009. № 5. S. 38–53. (In Russ.)

Shatohina-Mordvinceva G.A. Vneshnaja politika Niderlandov. 1713–1763 gg.: stanovlenie gollandskogo nejtraliteta [The foreign policy of the Netherlands. 1713–1763: the formation of Dutch neutrality]. Moskva, 1998. (In Russ.)

Carter A. Dutch Foreign Investment, 1738–1800 // *Economica* (20). 1953. № 80. P. 322–340.

[*Dérival de Gomicourt*]. Lettres hollandoises, ou Correspondance politique, sur l'état présent de l'Europe, notamment de la République des sept Provinces-Unies. T. II. Amsterdam, 1779.

Jongste J.A.F. de. De Republiek onder het erfstadhouderschap 1747–1780 // *Algemene Geschiedenis der Nederlanden*. D. 9. Haarlem, 1980. P. 73–91.

Martens G.F. de. Recueil des principaux traités, d'alliance, de paix, de trêve de neutralité, de commerce, de limites, d'échange etc. conclus par les puissances de l'Europe tant entre elles qu'avec les puissances et états dans d'autres parties du monde depuis 1761 jusqu'à présent. T. II. 1779–1786. Gottingue, 1791.

НАЧАЛО СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мира)

Кудрявцева Елена Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: demetr22@mail.ru

Scopus Author ID: 57353047500; ORCID: 0000-0002-6036-9104

Аннотация. Черноморская торговля имела исключительно важное значение для развития экономики российского государства после присоединения Крыма и Северного Причерноморья. Однако еще до выхода России к Черному морю и строительства первых гаваней донское купечество в торговых операциях использовало греческие торговые суда. Строительство коммерческого и военного флота в портах Николаева и Херсона еще было делом будущего. После того, как Россия заключила первые торговые договоры с Францией, Турцией, Италией и Республикой Семи Соединенных Островов, черноморская торговля получила новые возможности. В средиземноморских странах с воодушевлением встретили новую торговую державу, коммерческие связи с которой сулили большие выгоды. Со всей очевидностью это стало ясно после того, как в черноморские порты стала поступать пшеница из Новороссии, которая хорошо продавалась не только в Средиземноморье, но и за его пределами. Тем не менее главным торговым партнером России оставалась Османская империя, власть которой распространялась на Балканы, Малую Азию и Северную Африку, включая многочисленные греческие острова. Большая роль в торговле принадлежала православной Греции и островам Архипелага. В Россию поступали фрукты, рис, вина, оливковое масло, а взамен южнорусские купцы отправляли юфть, пушной товар, необработанное железо и пшеницу. После того, как в 1830 г. Греция получила независимость, стала развиваться торговля с ней, торговые корабли которой издавна перевозили русские товары, а греческие мореплаватели считались наиболее опытными во всем Средиземноморье. Успех дальнейшего развития черноморской торговли во многом зависел от строительства кораблей, которое вышло на другой уровень после учреждения новых портов в Крыму и в Приазовье. История становления черноморской торговли не обделена вниманием отечественных и зарубежных исследователей. Они опирались на изданные статистические сведения и материалы русско-южных архивов. Автор привлекает новый пласт источников — это сведения, поступавшие от российских консулов в Архипелаге, Турции и Греции, а также материалы Коммерческой канцелярии российской миссии в Константинополе, которая вела собственный учет всех проходивших через Проливы коммерческих судов. Автор вводит в оборот новые, неиспользованные ранее документы из фондов Архива внешней политики Российской империи. Целью предпринятого исследования стало расширение рамок уже сложившихся представлений о начале южнорусской морской торговли и первых шагах одесского и таганрогского купечества.

Ключевые слова: Россия, Османская империя, Греция, Черное море, торговля, торговые связи, Крым, порты, Средиземноморье.

E.P. Kudriavtseva**The Origins of Russia's Mediterranean Trade: The 250th Anniversary of the Küçük Kaynarca Treaty***Elena Kudriavtseva, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: demetr22@mail.ru**Scopus Author ID: 57353047500; ORCID: 0000-0002-6036-9104*

Abstract. The Black Sea trade was a crucial factor in the economic development of the Russian state following the incorporation of Crimea and the Northern Black Sea region into the empire. Nevertheless, even prior to reaching the Black Sea and the establishment of the first harbours, the Don merchants were engaged in commercial activities utilising Greek merchant vessels. The construction of merchant and military fleets in the ports of Nikolaev and Kherson was still a distant prospect. Following the conclusion of the first trade treaties between Russia and France, Turkey, Italy and the Septinsular Republic, the Black Sea trade opened up new prospects. The Mediterranean countries welcomed the new trading power with enthusiasm, anticipating the potential benefits of trade relations with it. This became evident when wheat from Novorossiia, which enjoyed good sales not only across the Mediterranean but also beyond, was shipped to Black Sea ports. Nevertheless, the Ottoman Empire continued to be Russia's main trading partner. Its vast territory stretched across the Balkans, Asia Minor, and North Africa, including numerous islands of the Archipelago. The southern regions of the Ottoman Empire provided Russia with a range of commodities, including fruit, rice, wine, and olive oil. In return, Russian merchants exported Russian leather, furs, iron, and wheat southwards. Following Greece's independence in 1830, trade with this state, which had long been a conduit for Russian goods and whose sailors were renowned for their expertise in the Mediterranean, began to flourish. The advancement of the Black Sea trade was contingent upon the construction of ships, which reached a new standard following the establishment of additional ports in the Crimea and the Azov region. The evolution of the Black Sea trade has been a subject of interest for scholars, both Russian and international, who have utilized published statistical data and materials from the archives of Southern Russia. The author draws on a hitherto untapped body of sources, namely information from Russian consuls in the Archipelago, Turkey, and Greece, as well as materials from the Commercial Office of the Russian mission in Constantinople, which kept meticulous records of all commercial ships passing through the Straits. The author draws upon hitherto unexplored records from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire in order to expand the framework of established perceptions concerning the inception of South Russian maritime trade and the initial endeavours of the merchants of Odessa and Taganrog.

Keywords: Russia, Ottoman Empire, Greece, Black Sea, trade, trade relations, Crimea, ports, Mediterranean.

Изучение развития черноморской торговли имеет определенную традицию в отечественной научной литературе. Труды Н.Л. Рубинштейна, Ф.К. Караджи, С.А. Покровского, В.А. Золотова, А.Л. Шапиро посвящены начальному периоду черноморской торговли России, ее становлению¹. В работах Ф. Вентури, В.Г. Сироткина, Н.И. Яковкиной, И.С. Шарковой исследуются межгосударственные коммерческие связи на заре выхода

¹ Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; Рубинштейн Н.Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // Исторические записки. Т. 54. М., 1955; Шапиро А.Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. // Исторические записки. Т. 55. М., 1956; Золотов В.А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону, 1963; Караджа Ф.К. Вопросы развития черноморской торговли после Кючук-Кайнарджийского мира: 1774–1787 гг. // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984.

России в Средиземноморский регион². Все эти работы опираются на отечественные и зарубежные архивные материалы. Однако данная тема исследования далеко не исчерпана, если оставлены без внимания такие важные и информативные источники, как донесения российских консулов и торговых агентов на просторах Восточного Средиземноморья и в Архипелаге. Именно этим донесениям уделено основное внимание в представленной статье.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. не только предоставил России выход к Черному морю, отдельные гавани в Крыму с возможностью строить морские порты и флот, но и впервые гарантировал свободный проход русских торговых судов через Черноморские проливы. Все это предоставляло совершенно новые перспективы для развития России как причерноморской державы, которая могла строить свою внешнюю политику с учетом выхода в Средиземноморье и на Балканы и развивать экономику южных областей, обеспеченную широкими торговыми возможностями.

Статьи Кючук-Кайнарджийского (1774), Ясского (1791), Бухарестского (1812) и Адрианопольского (1829) мирных договоров включали условия о свободе торговли России на просторах Черного и Средиземного морей. Очевидным стремлением Российского государства стало обеспечение своих экономических и политических приоритетов в регионе Черноморских проливов, включая достижение наиболее выгодных условий товарооборота со странами Средиземноморья, повышения здесь статуса своего политического присутствия, а также укрепления обороны южных границ государства. Достигнуть этих целей можно было только укрепив влияние России на вновь присоединенных территориях Крыма и Новороссии.

Ведущую роль в торговле с Россией через черноморские порты играла Турция. При установлении торговых отношений с территориями Османской империи, населенными христианскими народами, российские власти принимали во внимание конфессиональное единство с православными подданными Турции и пытались оказать им посильную материальную помощь. Прежде всего это касалось жителей Балканского полуострова — греков, сербов, болгар, жителей Дунайских княжеств. Одновременно православные народы, населявшие острова Греческого Архипелага, приморские области Греции и обладавшие большим опытом мореплавания и торговли, раньше всех включались в торговые отношения с новыми южнорусскими территориями, приобретенными Россией во второй половине XVIII в.

В рескрипте императрицы Екатерины II послу России в Великобритании И.М. Симолину от 26 марта 1784 г. говорилось, что «для всех с империей нашей в дружбе пребывающих народов» в Крыму открыты пристани в Херсоне, Феодосии и Севастополе. Объявлялось также, что к этим «пристаням» дозволено плавание «всем народам», которым торговля с Россией предоставляет выгоды. Екатерине II приписывались слова, что «русская торговля может процветать только тогда, когда будет производиться через юг». Выгодность ее была очевидна для средиземноморских стран. В статье VII Ясского договора о вечном мире и дружбе России и Турции, заключенном 29 декабря 1791 г., о взаимной торговле говорилось как о залоге доброго согласия между державами. Новые черноморские порты в Крыму служили не только военными форпостами и крепостями, но и торговыми пунктами, связь с которыми через Черноморские проливы была наиболее удобной и выгодной.

Однако задолго до присоединения Крыма к России — еще в 50–60-е годы XVIII в. — черноморская торговля уже начала развиваться. Ее значительно ограничивали отсутствие портов на побережье Черного моря — торговля осуществлялась с Дона, а также собственного

² Сироткин В.Г. Из истории дипломатических и торговых отношений России с Францией и Англией в первые годы XIX в. // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX века. М., 1964; *Его же*. Возобновление франко-русского торгового трактата 1787 г. в 1802 г. // Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970; Яковкина Н.И. Франко-русские торговые отношения в начале XIX века // Вестник ЛГУ. 1965. № 2. Вып. 1; Вентури Ф. Итало-русские отношения с 1750 по 1825 г. // Россия и Италия. М., 1968; Шаркова И.С. Русские и итальянские записки об установлении прямых торговых связей между Россией и Италией в последней трети XVIII в. (по материалам архива Воронцовых) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VII. Л., 1976.

торгового флота. В 1756 г. была организована купцами из Москвы, Калуги и Ярославля «Российская компания для торговли с Константинополем, Венецией и Италией»³. В 1760–1770-е годы в Комиссию о коммерции — законосовещательный орган, вырабатывавший меры по развитию торговли и промышленности, — от купцов поступило предложение об организации новых консульств в Средиземноморье для оказания помощи в торговых операциях.

Иностранные торговые компании с большим воодушевлением встретили российских купцов в своих портах. Французское правительство объявило о готовности освободить русские суда от некоторых платежей и о льготах своим купцам, ведущим торговлю с портами в Черном море: русские суда, приходящие в Марсель, освобождались от 20% обязательной пошлины⁴. В 1782 г. итальянский торговец Дж. Кристиан де Милер составил «Проект торгового договора между его величеством королем Сардинии и ее величеством императрицей всея Руси»⁵. Проект подразумевал развитие двусторонней торговли, которая к этому времени не была интенсивной. Заинтересованность в прямых связях выказали купцы из Венеции, Генуи и Ливорно, потому как до этого времени торговые операции велись через Лондон и Гамбург. Английская торговля в Черном море была крайне незначительна, поскольку в основном шла через Балтику. Средиземноморские страны получали из России пеньку, лен, железо, воск, меха и икру. Поставляли в Россию рис, вино, сухофрукты, сыр и предметы роскоши. 4 августа 1775 г. был издан указ «О правилах привоза и отвоза товаров при черноморских портах», по которому пошлина на турецкие, левантийские и греческие товары снижалась на 25%⁶.

Русско-турецкая торговля занимала первое место в товарообороте черноморских портов. С мая по август 1779 г. из Константинополя в Таганрог, Еникале и Херсон прибыло 35 турецких купеческих судов, а в турецкую столицу отправилось 12 российских кораблей, 3 из которых принадлежали «содержателю торговой в Константинополе конторы Ивану Сидневу». Все суда Сиднева были приобретены в Англии, поскольку российское судостроение было развито слабо⁷. Другими российскими судами владели таганрогские и еникальские купцы. Они везли в Константинополь воловьей кожи, железо, масло, сало и меха — всего в 1780 г. на сумму 73 053 руб.⁸

Для облегчения торговой деятельности российский посланник в Турции А. Стахийев 1 сентября 1779 г. назначил новым консулом в Дарданеллах Т. Тарагона «для беспрепятственного кораблеплавания и торгового обращения российских подданных в областях Ближневосточной Порты», а также «для призрения и покровительства российских торговых людей и морских служителей в случающихся им там нуждах и обстоятельствах»⁹. Стахийев докладывал, что в Турции заинтересованы в торговле с Россией, а местный купец Аренс, имевший связи с торговыми домами в Вене, Триесте, Лондоне и Марселе, выразил желание заказать некоторые товары из черноморских портов¹⁰. Позже Стахийев оповещал императрицу, что турецкие власти заинтересованы в поставках железа из России, находя, что цены на него намного выгоднее тех, которые запрашивала Швеция. Порты намеревались не продлевать турецко-шведский договор на поставку полосного железа, а хотела бы заказать некоторое количество такового из России «на показ»¹¹.

По «Генеральной табели привозным в Константинополь и вывозным Беломорским в Россию товарам с начала 1776 г. по сентябрь 1789 г.» следовало, что на российских судах

³ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 359.

⁴ Караджа Ф.К. Указ. соч. С. 41.

⁵ Вентури Ф. Указ. соч. С. 27.

⁶ Караджа Ф.К. Указ. соч. С. 40.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 553. Л. 16.

⁸ Там же. Д. 558. Л. 69–71.

⁹ Там же. Д. 553. Л. 36.

¹⁰ А. Стахийев — Екатерине II. 21 февраля 1780 г. // Там же. Д. 92. Л. 54.

¹¹ А. Стахийев — Екатерине II. 3 апреля 1780 г. // Там же. Д. 554. Л. 63.

в Константинополь было привезено товаров на 171 481 руб. Самыми дорогими оказались пушнина и паюсная икра; пшеница в это время занимала еще одно из последних мест. Знаменательно, что наряду с традиционными видами товаров — салом, канатами, воском — упоминаются 28 ящиков чая и ревень. Они поступали в Россию из Китая и транзитом шли в Константинополь¹². Согласно табели из Средиземноморья в Россию поступали перец, сандал, сахар, кофе, корица, ром, сладкие вина. В связи с малочисленностью российских судов, основная масса товаров отправлялась в Россию на турецких кораблях; общая стоимость товаров, ввезенных в 1779 г. в черноморские порты, достигала 90 644 руб., а привезенных в Константинополь из России — 161 690 руб. Таким образом, уже в конце XVIII в. русско-турецкая торговля имела положительный баланс¹³.

В 1783 г. был подписан очередной торговый договор с Турцией, в 1787 г. — с Королевством обеих Сицилий и Францией, в 1785 г. — с Австрией¹⁴. В 1786 г. все черноморские порты России получили статус порто-франко. За 1781—1787 гг. в Херсоне возникло 5 иностранных торговых компаний и 12 иностранных купеческих домов¹⁵. Особую заинтересованность в установлении торговых связей с черноморскими портами проявили итальянцы и французы. По торговому договору 1787 г. французы получили целый ряд привилегий: французские суда с русским хлебом не облагались пошлиной и на 25% были уменьшены пошлины с ввозимых из Франции вин¹⁶. Все эти привилегии действовали только на Черном море. Одним из первых в конце 1770-х годов в Херсоне обосновался французский купец Антуан де Сен Жозеф, основавший торговый дом, который финансировался правительством. У Антуана были планы сосредоточить в руках Франции всю русскую торговлю хлебом и снабжать им Италию, Сицилию, Сардинию и Испанию¹⁷.

Несмотря на достаточно быстрый рост иностранного присутствия, это были лишь первые шаги черноморской торговли, которая в 1780-х годах не могла конкурировать с балтийской. В 1780 г. обороты черноморской торговли составляли лишь 2-3% от общих российских оборотов¹⁸. В свою очередь, балтийская торговля находилась в руках англичан и голландцев. Заморские купцы могли принимать российское подданство и этим обходить правила русско-турецких трактатов, статьями которых предписывалась возможность хождения по Черному морю судов только под русским или турецким флагом¹⁹. В 1786 г. на Черном море плавало 80 судов под русским флагом и столько же под турецким²⁰.

Хлебная торговля с шестого места, которое она занимала в конце XVIII в., в начале XIX в. вышла на первое²¹. В это время по ходатайству России Порта разрешила торговым судам Англии и Франции проходить через Проливы. Если в 1793—1797 гг., еще до экспедиции Ф.Ф. Ушакова в Средиземноморье, к черноморским портам прибыло 471 торговое судно, то в 1802 г. — 706, а в 1805 г. — 1251. Уже в первые годы XIX в. обороты черноморской торговли значительно возросли. Несмотря на то что за 10 лет — с 1794 по 1804 г. — объем черноморской торговли увеличился в 18 раз, в целом на этот регион приходилось лишь 4—5% всей торговли России. Вывоз товаров превышал ввоз — эта тенденция закрепились за южными портами на много лет. Можно говорить, что именно черноморская торговля обладала наиболее благоприятным торговым балансом.

¹² Генеральная табель привозным в Константинополь и вывозным Беломорским в Россию товарам с начала 1776 г. по сентябрь 1789 г. // Там же. Д. 558. Л. 77.

¹³ Там же. Л. 82—83 об.

¹⁴ Сироткин В.Г. Возобновление франко-русского торгового трактата... С. 196.

¹⁵ Караджа Ф.К. Указ. соч. С. 43.

¹⁶ Сироткин В.Г. Из истории дипломатических и торговых отношений... С. 458.

¹⁷ Яковкина Н.И. Указ. соч. С. 75.

¹⁸ Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 358.

¹⁹ Сироткин В.Г. Возобновление франко-русского торгового трактата... С. 196.

²⁰ Караджа Ф.К. Указ. соч. С. 43.

²¹ Покровский С.А. Указ. соч. С. 253.

С конца XVIII в. бурно развивалась Одесса. Ее порт, наряду с Таганрогом, стал наиболее привлекательным для иностранных судов. В 1803 г. из 980 иностранных кораблей 552 шли именно в Одессу. Прибыль одесских купцов достигала 80%²². Таганрог считался главным русским портом в Азовском море, именно здесь была открыта первая таможня. В 1806 г. только Таганрогу и Одессе предоставлялось право хранения на складах товаров внешней торговли²³. С открытием одесского порта потеряли свое былое значение Николаев, Херсон и Очаков. По «Генеральной табели...» за 1801–1802 гг. перевес судов, идущих в Одессу, становится все очевиднее: в марте 1801 г. из Константинополя в Одессу вышло пять российский и пять турецких судов, в то время как в Таганрог, соответственно, два и три; в мае того же года десять «цесарских судов» направились в Одессу, тогда как в Таганрог — лишь два; Республика Семи Соединенных Островов отправила два судна в Одессу и одно в Таганрог²⁴. Расцвет одесской торговли был вызван особыми условиями ее развития. В 1817 г. Одессе был дарован статус порто-франко, что вызвало приток капиталов и оживило загруженность порта. Сюда прибывали торговые корабли из Англии, Франции, Австрии, Голландии, Италии, Греции, Бельгии, Америки и Турции. Привозными товарами, расхажившимися по всей России, были кофе, сыр, оливковое масло, табак, сухие фрукты. Из товаров роскоши — ткани, украшения. В 1830 г. оборот торговли одесского порта составлял: 18 282 522 руб. привоз и 34 936 172 руб. вывоз из России²⁵. Вывозились кукуруза, икра, свечное сало, железо. В том же году в Одессу пришло 542 коммерческих судна, из них: 9 английских судов, 3 греческих, остальные торговые корабли имели русский флаг. Отошли с товарами 587 судов. Увеличилось количество турецких торговых кораблей: если за 1802–1804 гг. в Одесский порт прибыло 732 турецких купеческих судна, то в 1849–1853 гг. — уже 1797.

Активную роль в торговле с Новороссией продолжала играть Франция. Стахийев писал Екатерине II, что французский посол сообщал ему о заинтересованности Франции получать русские товары²⁶. В 1801 г. князь К.-Г. Нассау-Зиген, французский аристократ, ставший адмиралом черноморского гребного флота, предложил французскому правительству проект акционерного общества по экспорту русского хлеба из глубинных районов Приднестровья. Для этого хлеб предполагалось сначала сплавлять на баржах к Черному морю, а потом перегружать на торговые морские суда²⁷. Торговые связи с Габсбургской монархией осуществлялись через порт Триеста.

Планы торговли с Россией поддерживал и Наполеон, который писал Александру I: «Государство Вашего Величества и Франция приобрели бы много выгод, если бы открылась прямая торговля между нашими портами на Средиземном море и Россией через Черное море»²⁸. Не оставали и англичане: в 1803 г. уполномоченный английского правительства У. Итон, побывавший в черноморских портах, представил свой план торговли. Как истый англичанин, он подчеркивал значение Причерноморья в качестве «ворот» во внутреннюю Россию, Сибирь, Персию, Бухару и Польшу. Английские товары посредством торговли с Южной Россией могли бы, по его мнению, свободно пойти на Каспий, Балтику и Белое море²⁹. В 1800 г. российский посол в Константинополе В.С. Томара докладывал Павлу I о желании английских купцов торговать в Черном море и просил у императора разрешения на эту торговлю. Для прохода в Черное море иностранные суда должны были брать у Порты ферман, а у российского посла — паспорт. Это право, писал Томара, дано российскому представителю по Кючук-Кайнарджийскому договору. В.С. Томара предписал статскому

²² Яковкина Н.И. Указ. соч. С. 76.

²³ Золотов В.А. Указ. соч. С. 31.

²⁴ АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1 (1802). Л. 10–11.

²⁵ Таблица операций порта Одесса в 1830 г. // Там же. Д. 2. Л. 2.

²⁶ А. Стахийев — Екатерине II. 21 октября 1880 г. // Там же. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 558. Л. 97.

²⁷ Сироткин В.Г. Из истории дипломатических и торговых отношений... С. 459.

²⁸ Там же. С. 461.

²⁹ Там же. С. 464.

советнику Купеческой канцелярии И. Фродингу не выдавать паспортов иностранным купцам, если они не обратятся в Канцелярию российской миссии³⁰.

Однако свобода торговли была лишь первой ступенью к политическому проникновению западных держав в Россию. На франко-турецких переговорах в Париже в 1802 г. Ш.М. Талейран пытался вместе со статьей о свободном плавании французских торговых судов в Черном море протащить статью о плавании там военных французских кораблей³¹. Это стало известно в России, правительство которой немедленно потребовало от Порты закрыть Черное море для военных флотов нечерноморских держав.

Торговля с Францией осложнялась политическими причинами. После революции целый ряд французских аристократических семейств выразил желание переселиться в Таврическую губернию. «Многие из эмигрантов, здесь находящихся, высказывали желание основать жилище по Черному морю», — писал полномочный посол в Османской империи В.П. Кочубей³². Помощник французского посла при Порте Оттоманской Ю.-Б. Маре просил, наряду со многими, о разрешении получить землю в области Таврической или губернии Екатеринославской. Со своей стороны, российский посол считал возможным оказать эту милость французам «королевской партии», бежавшим от революции.

После французской революции 8 апреля 1793 г. Екатерина II издала манифест, по которому запрещался ввоз в Россию французских товаров. Коммерческие связи возобновились 8 февраля 1801 г., однако запретительные меры сохранялись относительно некоторых предметов роскоши. Запрету подлежал ввоз кружев, лент, обоев, фаянсовой и хрустальной посуды, шелковых тканей. В результате запретительных мер русско-французские торговые связи через южные порты развивались недостаточно интенсивно. В 1802 г. среди всех прибывших в Одессу кораблей было лишь одно французское коммерческое судно, в 1803 г. — два, в 1804 г. — одно. В том же году в Марсель пришло девять русских кораблей из Черноморского региона.

Развивались торговые связи с Италией. Из 815 кораблей, прибывших в черноморские порты в 1803 г., 283 имели пунктом назначения итальянские порты — Мессину, Геную, Ливорно, Неаполь³³. Неаполитанское правительство высказало заинтересованность в товарообмене с Россией и готовность заключить с ней торговый договор.

Сведения о состоянии черноморской торговли поступали в Коммерческую канцелярию российского посольства в Константинополе, где велся учет всех прибывающих из России и идущих туда коммерческих судов — турецких и средиземноморских. В «Ведомости прибывающим и отправленным... судам» за декабрь 1800 г. пунктом назначения торговых кораблей из Средиземноморья значились Одесса, Таганрог и Херсон, причем Одесса в начале XIX в. еще на заняла своего передового места в общей торговле с Левантом³⁴. Так, из Таганрога в 1800 г. в Константинополь прибыло 49 торговых судов, в то время как из Одессы — 18³⁵. Такое же соотношение сохранялось в числе кораблей, отправляющихся из Константинополя в Черное море: из общего числа судов под русским флагом в 95 единиц 62 направлялись в Таганрог и 28 — в Одессу³⁶. Набор привозимых из средиземноморских стран товаров оставался неизменным на протяжении многих лет. Прежде всего это были продукты южных областей: виноградные вина, изюм, финики, орехи греческие, миндаль,

³⁰ В. Томара — Павлу I. 1 (13) апреля 1800 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 913. Л. 47.

³¹ Яковкина Н.И. Указ. соч. С. 78.

³² В. Кочубей — П. Зубову. 1 (12) сентября 1794 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 798. Л. 7 об-8.

³³ Шаркова И.С. Указ. соч. С. 312.

³⁴ Ведомость прибывшим и отправленным отсюда в Черное и Азовское моря российским и прочим купеческим судам в течение сего декабря месяца 1800 г. // АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1 (1802).

³⁵ В. Томара — Павлу I. 1 (13) марта 1801 г. // Там же. Л. 22.

³⁶ Там же. Л. 4.

оливки, гранаты, оливковое (деревянное) масло, лимоны, апельсины, сыр и морские губки³⁷. В Константинополь из России поставлялся пушной товар, железо, икра, масло, сало, воск, юфть, пшеница, парусина, холст, чай, пенька³⁸.

Коммерческая канцелярия аккуратно посылала в Коллегию иностранных дел России не только перечень отправленных из Константинополя в Черное море и прибывших отсюда судов, но и отдельно отчитывалась за товары, прибывшие морем и «сухим путем» через Дунайские княжества. Учету подлежали не только отечественные суда, но и турецкие, «цесарские», коммерческие суда из Архипелага и из Республики Семи Соединенных Островов. Особую важность имели суммы товарооборота, которые также подсчитывались отдельно — как вывозные, так и привозные. Все эти данные поступали в департамент внешней торговли, а затем в министерство финансов.

Русско-турецкая война 1806–1812 гг. не нарушила регулярного морского товарообмена между Турцией и Россией. Комитет министров постановил в 1810 г. «дать полную свободу купеческому плаванию» по Черному морю и прибыванию к его портам греческих и анатолийских судов³⁹. Принятые правила подразумевали пропуск «без задержания и даже без осмотра» всех турецких торговых судов и их беспрепятственное возвращение. Исключению подлежали суда, идущие к турецким берегам, которые следовало осматривать «на предмет военных припасов». Запрещено также было следовать к восточному берегу Черного моря от Анапы до Мингрелии под угрозой ареста судна и его конфискации⁴⁰. Эти правила следовало довести до сведения владельцев торговых судов, идущих к портам Черного моря. Государственный канцлер Н.П. Румянцев предложил расширить контакты с турецкими городами и отправить «парламентеров» в Трапезунд и Синоп, поскольку это были города, где происходили «знатные торги» с другими турецкими городами. С прибывающими туда купцами «высших степеней» можно было бы установить выгодный торг. Для его расширения следовало отправить в Турцию новых консулов и просить турецкое правительство об их приеме⁴¹. Для большего успеха данного предприятия Румянцев предлагал привлечь к переговорам бывшего консула России в Трапезунде Рубо де Понтеве, в это время проживавшего в Крыму⁴². Планировалось послать его в Трапезунд для разведывания «истинного расположения умов» и получения коммерческих сведений из Турции. Военный министр по заданию канцлера направил Рубо де Понтеве письмо с просьбой готовиться к этой миссии⁴³.

Очередное осложнение в русско-турецкой торговле последовало после Наваринского сражения, когда турецко-египетский флот был разбит объединенными силами Англии, Франции и России. Российский представитель черноморского купечества в Константинополе З. Захаров сообщал российскому посланнику А.И. Рибопьеру, что турецкие власти установили твердую цену на привозимый из Одессы и Таганрога хлеб, ультимативно настаивая на исполнении этого условия⁴⁴. Это ограничение явилось очередным этапом ослабления торговли между Россией и Турцией с начала греческой революции 1821 г. В 1825 г. феоdosийский градоначальник докладывал К.В. Нессельроде, что в этом году турецкие корабли не приходили в крымские порты и отпуск товаров «российского производства» не выполнялся вовсе⁴⁵. «Нельзя надеяться на улучшение торговли нашей, — писал министр финансов России Е.Ф. Канкрин, — в портах Черного моря до совершенного прекращения греческих обстоятельств». В российском МИД были обеспокоены сложившимся положением в торговле и запрашивали миссию в Константинополе о предположительных видах

³⁷ Генеральная табель товарам, вывезенным из Константинополя в Россию // Там же. Л. 6.

³⁸ Там же. Л. 5.

³⁹ Выписка из журнала Комитета министров. 18 мая 1810 г. // Там же. Д. 1 (1810). Л. 6.

⁴⁰ Там же. Л. 6 об.

⁴¹ Там же. Л. 8.

⁴² Н.П. Румянцев — маркизу Траверсе. 3 августа 1810 г. // Там же. Л. 10.

⁴³ Де Траверсе — Н.П. Румянцеву. 8 августа 1810 г. // Там же. Л. 11.

⁴⁴ Захар Захаров — А.И. Рибопьеру. 30 декабря 1827 г. // Там же. Д. 3 (1827). Л. 1 об.

⁴⁵ Е.Ф. Канкрин — К.В. Нессельроде. 28 июля 1825 г. // Там же. Д. 4 (1825). Л. 3.

на улучшение политической обстановки в Османской империи. В ответ находившийся при миссии М.Я. Минчаки, исполнявший в отсутствие посланника необходимые обязанности по поддержанию русско-турецких отношений, которые не были разорваны официально, сообщал, что Порты не выдвигала никакого запрета на плавание своих торговых судов по Черному морю. Однако «настоящие причины, препятствующие приходу в Черноморские наши порты турецких кораблей, происходят единственно от затруднительного положения сношений наших с Портою, а паче всего от упадка в Оттоманской империи народного богатства и общественного состояния, произошедшие от внутренних смутений, терзающих с 1822 г. сию страну», — писал Минчаки в Азиатский департамент. Военная активность греков в водах Архипелага, добавлял Минчаки, препятствует турецкому судоходству: «Ныне почти невозможно никакому турецкому судну явиться в Архипелаг, дабы пройти в Средиземное море без опасения попасть в плен грекам»⁴⁶.

Упадок турецкой торговли в Черном море негативно сказывался и на российской. По сведениям, поступавшим к министру финансов от начальника Одесского таможенного округа, общая торговля в порту уменьшалась в связи с поступающими распоряжениями иностранных торговых домов приостановить закупку товаров. К тому же в связи с неспокойной обстановкой на море суммы страхования судов возросли с 3 до 10%⁴⁷. Цены на русскую пшеницу понизились, одесские купцы, занимавшиеся отправкой русского хлеба за границу, становились банкротами. Только один из одесских купцов — купец 2-й гильдии Казати — потерял 170 тыс. руб.

Торговые связи с греческими островами Архипелага и материковой Грецией имеют давнюю историю. Грекам принадлежала ведущая роль в мореплавании в Средиземноморском бассейне, именно на греческих судах велась российская торговля, поскольку строительство южнорусского флота началось только в конце XVIII в. Еще долгое время, даже после спуска на воду торговых судов с верфей в Николаеве и Херсоне, основными шкиперами на этих судах оставались греки в качестве наиболее квалифицированных мореплавателей. На южном берегу Крыма и в Новороссии селились греки, бежавшие от турецкого насилия. Еще в конце XVIII в. Кочубей сообщал Екатерине II о желании греков, искавших спасения в России после гонений в Морее, принять российское подданство. Однако Кочубей предупреждал, что зачастую, получив паспорта, греки возвращались на родину, чтобы под прикрытием нового документа заниматься незаконными делами. «Большую часть, говоря истину, [переселенцы] составляют сволочь, от которой мало пользы ожидать можно», — писал Кочубей⁴⁸. Он предлагал ужесточить правила выдачи паспортов грекам, чтобы «затруднить сколь можно вход в государство людей злонамеренных». Со своей стороны, императрица утвердила правила, по которым греки с острова Занта могли легче переселиться в Таврическую область. Известно, что турки, не считая жителей этого острова венецианцами, чинили препятствия их свободному плаванью через Босфор. «Немалое» число жителей острова было отправлено с разрешения российской императрицы на жительство в Очаков и Севастополь⁴⁹.

Число греков-беженцев резко возросло после начала Греческого восстания в 1821 г. Греки переселялись на юг России массово: в 1829 г. их число достигло 10 тыс.⁵⁰ В мае этого года адмирал М.Н. Кумани привез из Сизополя 600 греков, а позже — еще 400. В «Записке...» генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабии М.С. Воронцов, на территорию подведомственную управлению которого шло интенсивное переселение, предлагал обратиться к генералу И.Н. Инзову — главному попечителю южных колоний — с предложением принятия греков как земледельцев в его колониистское ведомство. Воронцов считал, что следует ограничить число принимаемых, направляя их на поселение в Бессарабию для

⁴⁶ М.Я. Минчаки в Азиатский департамент. 25 сентября 1825 г. // Там же. Л. 5.

⁴⁷ Е.Ф. Канкрин — К.В. Нессельроде. 9 августа 1827 г. Секретно // Там же. Л. 7.

⁴⁸ Там же. Ф. Сношения России с Турцией. 1780 г. Оп. 89/8. Д. 849. Л. 43–47.

⁴⁹ Там же. Д. 798. Л. 5.

⁵⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1018. Л. 31.

занятия земледелием. Со стороны военного министра А.И. Чернышева поступило другое предложение — принимать в российское подданство только греков-мореходов для использования их морского опыта во флоте.

Русско-греческие связи отличались многосторонностью, учитывая конфессиональное единство стран. После завоевания Грецией независимости в 1830 г. торговые отношения Греции с Россией заметно оживились. Практически вся торговля России с греческими островами велась на судах, принадлежавших греческим судовладельцам. В 1833 г. российский консул в Море И.И. Власопуло докладывал в Азиатский департамент МИД, что в греческих водах практически нет русских судов — в том году только два коммерческих корабля прибыли из России в Навплию и Патрас⁵¹. Одесса и Таганрог имели торговые связи с островами Сира, Санторини, Милос, с портами Наварин, Патрас, Пирей. Из российских портов доставлялась пшеница, железо, икра. Коммерческий советник в Патрасе Каллогераки в 1845 г. представил отчет о движении торговли в греческих водах. Согласно этому документу, в 1844 г. в Сиру пришло 60 судов, в Санторини — 8, в Наварин — 18, Пирей — 10, Патрас — 2 коммерческих судна под русским флагом⁵². Интенсивная торговля осуществлялась с портом Салоники. По донесениям консула А. Мустакиди, в 1840 г. в Салоники прибыло 843 коммерческих корабля — греческих, турецких и русских⁵³. Эти торговые обороты оценивались в 12 млн турецких пиастров, причем вывоз вдвое превышал привоз. Уже в 1842 г. русские коммерческие суда заняли третье место среди прибывших торговых судов в Салониках, после греческих и турецких⁵⁴.

Российский посланник в Греции Э.И. Персиани регулярно отправлял в Азиатский департамент отчеты о движении морской торговли в Море. В отчете за 1845 г. подробно перечислялись товары, ввезенные и вывезенные из Греции за этот год: в Россию везли оливковое масло, краски, белое вино — всего на сумму 115 309 руб. серебром, а ввезено в Грецию русского железа, пшеницы и воска было на 453 779 руб. серебром⁵⁵. В 1850 г. между Россией и Грецией был заключен новый торговый договор.

В связи с активной торговлей с островами Архипелага, на прибрежных территориях Черного моря открывались новые греческие консульства. Генеральное консульство по Южной России с 1841 г. возглавлял Мано Эва, с 1847 г. — Паппадато, а с 1850 г. — П. Цициний⁵⁶. Главой консульского поста в Керчи в 1841 г. числился Д. Меллас, в 1847 г. — П. Спанопуло⁵⁷. В 1844 г. консулом в Таганроге стал местный купец 1-й гильдии П. Травло, передавший свою должность в 1850 г. Сакеллариди⁵⁸. В 1841 г. М. Вадалис сменил на посту вице-консула в Измаиле М. Фокианоса⁵⁹.

Часто греческие острова становились перевалочными пунктами, через которые товары из черноморских портов отправлялись дальше в Европу, Турцию и континентальную Грецию. Следует отметить, что порой невозможно с точностью определить количество и стоимость товаров, подлежавших обмену между Россией и Грецией, поскольку зачастую эти грузы отправлялись не прямо к месту назначения, а имели транзитные пункты прибытия, могли перегружаться и доставляться к месту назначения коммерческими судами других стран. На эту особенность русско-греческой торговли обращали внимание чиновники министерства иностранных дел, ответственные за учет торгового оборота.

⁵¹ И.И. Власопуло в Азиатский департамент. 5/27 апреля 1833 г. // АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 2 (1834). Л. 10.

⁵² И.И. Власопуло — Л.Г. Сенявину. 18 марта 1845 г. // Там же. Д. 8 (1833—1838). Л. 11—35.

⁵³ А. Мустакиди в Азиатский департамент. 18/30 апреля 1842 г. // Там же. Д. 1 (1841). Л. 9.

⁵⁴ Там же. Л. 17 об-18.

⁵⁵ Там же. Д. 8 (1833—1838). Л. 33.

⁵⁶ Там же. Оп. 32. Д. 1 (1841). Л. 1; Д. 2 (1841). Л. 6; Д. 1 (1850). Л. 7.

⁵⁷ Там же. Д. 4 (1844). Л. 3; Д. 1 (1844). Л. 16.

⁵⁸ Там же. Д. 2 (1841). Л. 6.

⁵⁹ Там же. Д. 1 (1841). Л. 1.

Среди традиционных торговых партнеров России в Средиземноморье, Турции и Греции появлялись новые, торговля с которыми сулила видимые выгоды. Еще в 1827 г. на имя Нессельроде поступил доклад, в нем говорилось о необходимости установить прямые торговые отношения с Египтом. В частности, указывалось на то, что Медицинское управление министерства внутренних дел ежегодно заготавливает значительное количество аптечных материалов, необходимых для обеспечения армии и флота. Обычно эти материалы выписывались из Европы, преимущественно из Лондона и Гамбурга, тогда как большинство необходимых лекарственных средств производились в Африке и Азии.

Воспользовавшись случаем посылки в Египет российского дипломатического чиновника, предполагалось навести справки о возможности установления прямых торговых контактов с регионами Сирии и Египта. При этом прилагался список необходимых лекарственных средств, среди которых упоминались опиум и алоэ⁶⁰. Однако торговля с Сирией развивалась очень медленно. По докладу российского консула в Бейруте К. Базили, из 300 прибывающих ежегодно к берегам Сирии коммерческих судов только 8 имели русский флаг⁶¹. Привоз из России состоял из пшеницы, кукурузы и железа. Обратной связи с Сирией не было, тогда как Англия и Франция, поставляя туда мануфактуру, вывозили шелк, шерсть, морские губки, табак, «перлы и кораллы». Общий торговый баланс Сирии Базили затруднился составить, но предположил, что он складывался не в пользу этой области, поскольку, по мнению консула, она беднеет.

Предложение закупать лекарственные средства в Египте были отправлены генеральному консулу России в Александрии А. Пеццони (1827–1831). Он не замедлил выслать в МИД подробную опись всех интересующих министерство товаров с ценами на них⁶².

Однако после изучения вопроса оказалось, что большинство лекарственных товаров приобретаются в Индии, а не в Египте, и выписываются в Россию из Англии через торговый дом Андерсона и Маберли. Решение вопроса затянулось, и уже в 1833 г. чиновник Константинопольской миссии Рикман получил предписание вновь заняться выяснением цен на лекарства.

После завершения Босфорской экспедиции русского флота в 1833 г., в которой принимал участие полковник Генерального штаба А.О. Дюгамель, он был назначен генеральным консулом в Египет. На данной ему перед отъездом аудиенции Николай I рассказал, чего он ждет от этой миссии: «Нам необходимо иметь в Египте человека, на которого можно вполне положиться. Я желаю, чтобы Россия имела влияние на Египет; по своему географическому положению и могуществу она должна иметь силу на всем Востоке... Если с Египтом могут завязаться выгодные для моих подданных торговые сношения, то я буду весьма этому рад»⁶³. Дюгамель должен был подключиться к вопросу о закупке лекарств. О том, что проблема обсуждалась на самом высоком уровне, свидетельствует тот факт, что в ее решении принял участие действительный статский советник А.С. Норов, сотрудник министерства внутренних дел, ученый, путешественник и библиофил.

В 1834 г. Норов получил годовой отпуск для посещения Святых мест Палестины. Он имел задание министерства встретиться с Дюгамелем, поскольку предполагал посетить Александрию. Вопрос оставался прежним — насколько выгодно закупать лекарства в Египте? Дюгамель еще раньше изложил свое мнение в письме на имя директора Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина. Генеральный консул считал, что лекарственный груз, который должен идти в черноморские порты через порты Италии и Франции, будет невыгоден России в финансовом отношении, поскольку требовалось платить высокие пошлины безо всякой уверенности в хорошей сохранности товаров⁶⁴. В свою очередь, Норов,

⁶⁰ Доклад на имя К.В. Нессельроде. 25 февраля 1827 г. // Там же. Оп. 34. Д. 1 (1827). Л. 1–2.

⁶¹ К. Базили. Записка о внешней торговле Сирии. 20 мая 1841 г. // Там же. Д. 4 (1841). Л. 21.

⁶² Там же. Д. 1 (1827). Л. 4–15.

⁶³ Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 4. С. 509–510.

⁶⁴ А.О. Дюгамель — К.К. Родофиникину. 10/22 ноября 1836 г. // АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1 (1827). Л. 31.

прибыв в Каир, встретился с испанским вице-консулом Петраки и директором главного медицинского заведения Египта Клот-беом. В результате проведенных консультаций Норов пришел к выводу, что прямые поставки из Египта в Россию несравненно выгоднее тех, что идут из Лондона. Однако, предупреждал Норов, на этом пути много препятствий: уплата высоких пошлин и фрахта судов, разница денежного курса, расход на укладку и укупку медикаментов, а также учет порчи материалов в дороге — все это служило удорожанию товаров. А если прибавить к этим трудностям возможность вспышек чумы и кораблекрушений, то следовало согласиться с мнением о крайней рискованности подобных предприятий⁶⁵. К тому же в Одессе следовало открыть аптекарский магазин для приема товаров из Египта.

Несмотря на обоснованность данных сомнений, высказанных Норовым, Медицинский совет в Петербурге не разделял его опасений, заключив, что они основаны лишь на предположениях. Было принято постановление получать медицинские товары через торговый дом, открытый Петраки. Однако окончательное решение последовало после консультаций с новороссийским генерал-губернатором М.С. Воронцовым, который высказался за доставку лекарств из Англии, «где все превосходного качества». Возможно, на это мнение оказало влияние воспитание и продолжительное пребывание самого Воронцова в Англии, где долгое время на должности российского посла находился его отец С.Р. Воронцов. Попытка попробовать доставить в Одессу лишь небольшое количество товара было отвергнуто самим Петраки, посчитавшим данные условия невыгодными для себя⁶⁶.

Несмотря на то что вопрос о поставках лекарственных средств не получил своего положительного решения, проблема торговли с Египтом не ушла с повестки дня. В конце 1840-х годов Е.П. Ковалевским, будущим директором Азиатского департамента российского МИД, всегда выступавшим за расширение политических и торговых связей России со странами Востока, был написан «Проект торговли России с Египтом и берегами Черного моря». Согласно этому документу, египетский паша, раздраженный высокими ценами на железо, получаемое из Англии и Австрии, выдвинул предложение доставлять железо из России, поскольку оно оказывалось на 40% дешевле европейского, хотя и уступало ему в качестве. Это предложение Мухаммед Али передал российскому консулу в Египте А.М. фон Фоку (1845—1853). В свою очередь, консул докладывал российскому посланнику в Константинополе В.П. Титову о выгодности установления прямых контактов между Египтом и главными портами Черного моря. Для этого следовало бы прислать в Александрию партию русских товаров: чугунную посуду, самовары, мангалы, подсвечники, кофейники и изделия из железа и меди, которые можно было бы сбывать через торговый дом Г. Анастази⁶⁷. Пробную партию товаров предполагалось послать через почтовые пароходы, курсирующие между Одессой и Константинополем в случае их захода в Смирну⁶⁸. Из донесения фон Фока следовало, что Анастази в 1840 г. стоял во главе российского генерального консульства, в связи с чем «питает самые благонамеренные чувства к России» и может взять на себя все хлопоты по приему и сбыту товаров. Из Египта можно было выгодно закупать хлопчатую бумагу, которая нашла бы сбыт в коммерческих домах Одессы и Таганрога. Выгодно получать из Египта кофе, слоновую кость, красильные вещества, шелк и муслин, а в ответ поставлять из России кожи и юфть, а также канат, поскольку местный делался из пальмовых листьев и имел плохое качество.

Известно, что Мухаммед Али выражал заинтересованность в торговле с Россией. В 1847 г. по инициативе паши в Россию были посланы инженеры для обучения горному делу на Урале. Мухаммед Али принял решение послать в Одессу своего коммерсанта для учреждения торгового дома. Вплоть до начала русско-турецкой войны 1828—1829 гг. одесский купец Н. Корси держал в городе торговый дом египетского паши, при котором проживал

⁶⁵ Д.Н. Блудов — К.В. Нессельроде. 3 октября 1836 г. // Там же. Л. 33.

⁶⁶ Там же. Л. 34—38.

⁶⁷ Фон Фок — В.П. Титову. 27 марта 1849 г. // Там же. Д. 1 (1848—1853). Л. 8.

⁶⁸ Проект торговли России с Египтом и берегами Черного моря // Там же. Л. 18.

уполномоченный паши Ю. Богос. Коммерческие дела торгового дома пострадали после начала военных действий, и в середине 1828 г. стало известно, что он задолжал по векселям крупную сумму в 143 155 руб.⁶⁹ Согласно сведениям, поступавшим в Комиссию по убыткам русской торговли, некоторые российские купцы выражали заинтересованность в торговле с Египтом и посылали свои суда в Александрию. Не всегда эта инициатива заканчивалась благополучно, поскольку известно, что среди пострадавших от грабежей на море числился ростовский купец М. Чернущенко, имевший торговые связи с Египтом⁷⁰.

Проект Ковалевского был рассмотрен и принят на высочайшем уровне. В черноморских и азовских портах предполагалось организовать торговые компании и утвердить их устав. Эта миссия возлагалась на бессарабского генерал-губернатора, однако запланированная деятельность была внезапно остановлена. Выяснилось, что среди российского купечества не оказалось достаточного количества желающих для организации компании. Несмотря на то что отдельные купцы торговали с Египтом, эти связи были непостоянны и не представляли существенных выгод⁷¹. Одесское отделение Коммерческого совета постановило, что товары из Египта обойдутся дороже аналогичных из Англии и Франции. Московское купечество также не поддержало идею организации торговой компании, поскольку Египет представлялся слишком далекой землей с неясными перспективами выгоды, спрос на товары был признан «ненадежным». Черноморское купечество, по мнению московского, должно было бы лучше ориентироваться в связях с Египтом и перспективах торговли.

* * *

Таким образом, оценивая развитие черноморской торговли в конце XVIII — начале XIX в., следует признать ее стремительный рост после присоединения Крыма к России и организации там портов. Опираясь на данные, приведенные в обширном — более 45 листов — отчете главы российской миссии в Константинополе за 1800—1801 гг., можно составить картину общего состояния торгового судоходства в Черном море в этот период. Сведения о количестве судов, шедших к черноморскими портам и обратно, о пунктах назначения, странах отправления, о характере груза и его цене давали основания произвести точный расчет общего баланса товарообмена. Эти расчеты позволяют утверждать, что даже в первые годы XIX в., когда русская торговля из черноморских портов только начинала свое развитие, торговый баланс, хотя и незначительно, но неизменно складывался в пользу России. При этом надо иметь в виду, что торговля пшеницей, выращиваемой на землях Новороссии, еще не набрала оборотов в начале века и не составляла наибольшей доли среди вывозимых из Черноморского региона товаров.

Можно говорить, что черноморская торговля к середине XIX в. вышла на новые рубежи — она имела положительный торговый баланс и расширяла свою географию, включая все новые Средиземноморские страны. Торговый флот России еще продолжительное время требовал пополнения, поскольку ощущался явный недостаток российских коммерческих судов, вследствие чего черноморская торговля на протяжении всего исследуемого периода велась в основном на греческих и турецких судах. Бурное развитие земледелия в Новороссии вело к росту числа торговых домов в Одессе и Таганроге и, как следствие, к развитию торговых связей, прежде всего с Константинополем. Несмотря на то что многочисленные русско-турецкие войны тормозили развитие коммерции, однако всякий раз после заключения мирных договоров она быстро восстанавливалась, поскольку русская пшеница уже заняла к тому времени ведущее место в мировой торговле — ее вывозили далеко за пределы Средиземноморского бассейна.

⁶⁹ Комиссия по убыткам русской торговли М.С. Воронцову. 18 июля 1828 г. // Там же. Ф. ГА-Б1. Оп. 1881/5. Д. 47. Л. 103.

⁷⁰ Комиссия по убыткам русской торговли М.С. Воронцову. 19 сентября 1828 г. // Там же. Л. 292.

⁷¹ Управляющий министерством финансов К.В. Нессельроде. 2 апреля 1853 г. // Там же. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1. Л. 32 об.

Библиография

- Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 4. С. 489–526.
- Вентури Ф. Итало-русские отношения с 1750 по 1825 г. // Россия и Италия. М., 1968. С. 25–50.
- Золотов В.А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону, 1963.
- Караджа Ф.К. Вопросы развития черноморской торговли после Кючук-Кайнарджийского мира: 1774–1787 гг. // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984. С. 39–45.
- Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.
- Рубинштейн Н.Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // Исторические записки. М., 1955. С. 343–361.
- Сироткин В.Г. Возобновление франко-русского торгового трактата 1787 г. в 1802 г. // Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970. С. 189–233.
- Сироткин В.Г. Из истории дипломатических и торговых отношений России с Францией и Англией в первые годы XIX в. // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX века. М., 1964. С. 451–465.
- Шапиро А.Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. // Исторические записки. Т. 55. М., 1956. С. 253–288.
- Шаркова И.С. Русские и итальянские записки об установлении прямых торговых связей между Россией и Италией в последней трети XVIII в. (по материалам архива Воронцовых) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VII. Л., 1976. С. 302–319.
- Яковкина Н.И. Франко-русские торговые отношения в начале XIX века // Вестник ЛГУ. 1965. № 2. Вып. 1. С. 70–85.

References

- Autobiografija A.O. Dugamela [Autobiography of A.O. Dugamel] // Ruskij arhiv [Russian archive]. 1885. № 4. S. 489–526. (In Russ.)
- Karadza F.K. Voprosi razvitijachernomorskoj trgovli posle Kuchuk-Kajnardzijskogo mira [The questions of the development of Black sea trade after the peace of Kucuk-Kaynardzi] (1774–1787) // Rosija i jugovostochnaja Evropa [Russia and the South-Eastern Europe]. Kishinev, 1984. S. 39–45. (In Russ.)
- Pokrovsky S.A. Vneshnaja trgovlja i vneshnetorgovaja politika Rossii [Foreign trade and foreign trade policy of Russia]. Moskva, 1947. (In Russ.)
- Rubinshteyn N.L. Vneshnaja trgovlja Rossii i russkoje kupechestvo vo vtoroj polovini XVIII veka [Foreign trade of Russia and Russian merchants in the second half of 18th] // Istoricheskije zapiski [Historical notes]. Moskva, 1955. S. 343–361. (In Russ.)
- Shapiro A.L. Sredizemnomorskije problem vneshnej politiki Rossii v nachale XIX veka [The problems of Russian foreign policy in Mediterranean in the beginning of 19th] // Istoricheskije zapiski [Historical notes]. Vol. 55. Moskva, 1956. S. 253–288. (In Russ.)
- Sharkova I.S. Russkije i italijanskije zapiski ob ustanoveniiipramih trgovih svazej mezdju Rossijej i Italiej v poslednej treti XVIII veka (po materialam arhiva Voronzovih) [Russian and Italian notes about trade relations between Russia and Italy in the last third of 18 (under the materials of Voronzov's archive)] // Vspomogatelnije istoricheskije disziplini [Supportive historical disciplines]. Vip. VII. Sankt-Peterburg, 1976. S. 302–319. (In Russ.)
- Sirotkin V.G. Iz Istoriji trgovih i diplomaticheskikh otnoshenij Rossii s Franziej i Anglij v pervie godi XIX veka [History of trade and diplomatic relations of Russia with France and England in the first years of 19th] // Mezdunarodnije otnoshenija. Politika. Diplomacija. XVI–XIX [International relations. Policy. Diplomacy. 16th–19th]. Moskva, 1964. S. 451–465. (In Russ.)
- Sirotkin V.G. Vozobnovlenije franko-russkogo trgovogo traktata 1778 v 1802 [Resuming of the trade treaties of 1778 in 1802 between Russia and France] // Franko-russkije ekonomicheskije svazi [Economic communications between Russia and France]. Moskva; Paris, 1970. S. 189–233. (In Russ.)
- Ventury F. Italo-russkije otnoshenija s 1750 po 1825 [Italian-Russian relations from 1750 to 1825] // Rossija i Italija [Russia and Italy]. Moskva, 1968. S. 25–50. (In Russ.)
- Yakovkina N.I. Franko-russkije trgovije otnoshenija v nachale XIX veka [Trade relations between Russia and France in the beginning of 19th] // Vestnik LGU [Bulletin of the University of Leningrad]. 1965. № 2. Vip. 1. S. 70–85. (In Russ.)
- Zolotov V.A. Vneshnaja trgovlja juznoj Rossii v pervoj polovine XIX veka [Foreign trade of South Russia in the first half of 19th]. Rostov-na-Donu, 1963. (In Russ.)

© 2024 г. А.В. МАРЕЙ

ПО ЗАКОНУ ИЛИ ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ: ДЕБАТЫ В ИСПАНСКОМ КОНГРЕССЕ ДЕПУТАТОВ ВОКРУГ ЗАКОНОПРОЕКТА О ДИКТАТУРЕ 1848 года

Марей Александр Владимирович — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук РАНХиГС при президенте РФ (Москва, Россия).

E-mail: fjodalgo@gmail.com

Scopus Author ID: 55270372800; *ORCID:* 0000-0001-6185-0453; *Researcher ID:* F-8569-2015
Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2022-326).

Аннотация. С 1 по 4 марта 1848 г. в Конгрессе депутатов в Мадриде проходили дебаты по законопроекту о передаче правительству генерала Рамона Марии Нарваэса чрезвычайных полномочий. В настоящей статье автор анализирует основные аргументы противоборствующих сторон (партий прогрессистов и модерадос), рассматривая полемику между ними в широком контексте общественно-политических событий, происходивших в Испании весной 1848 г. Данное исследование является первой попыткой изучения этой темы в отечественной историографии. Политический опыт Испании 1848 г. особенно актуален в контексте анализа событий «Весны народов». Прогрессисты, критиковавшие законопроект, призывали действовать строго в соответствии с существовавшими правовыми нормами, по сути отказывая правительству в возможности сопротивляться революционной угрозе. Модерадос, являвшиеся партией власти, отстаивали право кабинета министров на превентивные меры по обеспечению государственной безопасности. Основным источником исследования являются протоколы заседаний кортесов 1848 г.; в рамках статьи приводится также анализ современной научной литературы по теме, прежде всего испанской. В результате проведенного исследования автор приходит к следующим выводам: ограниченность суверенитета Испании в период правления Изабеллы II, свидетельством чего является активное вмешательство в ее внутреннюю политику Великобритании и Франции; окончательное формирование в стране двухпартийной политической системы как следствие событий 1848 г.; поддержка и прогрессистами, и модерадос идеи сохранения в Испании конституционной монархии.

Ключевые слова: Испания, внутренняя политика, законотворчество, политические партии, прогрессисты, модерадос, диктаторские режимы, Нарваэс, парламенты, кортесы, революция 1848 г.

A.V. Marey

By Law or by Justice: Debates in the Spanish Congress of Deputies Around the Bill on Dictatorship of 1848

Alexander Marey, Center of Perspective Social Studies, ISS, RANEPa (Moscow, Russia).

E-mail: fjjodalgo@gmail.com

Scopus Author ID: 55270372800; ORCID: 0000-0001-6185-0453; Researcher ID: F-8569-2015

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2022-326).

Abstract. In the article, the author analyses the discussions that took place in the Congress of Deputies in Madrid between 1 and 4 March 1848 regarding a bill that would transfer extraordinary powers to the government of General Narváez. He situates them within the broader context of the events that transpired in Spain during the spring of 1848, subsequently analysing the principal arguments advanced by the various parties. Those of the progressive persuasion who assailed the bill called for action in strict accordance with the law, but in essence sought to deny the government the right to resist what it regarded as the revolutionary threat. The Moderados, who represented the party in power, defended the government's right, among other things, to take preventive measures to protect against the revolution. The author underscores that in Spain, there were merely two remaining parties, with varying specifics but similar overarching tenets. Both the Moderados and the progressives represented a central position within the political spectrum, aligning with the principles of liberalism. Some of them were of the opinion that large-scale reforms were necessary, while others preferred a gradual approach to innovation. However, neither of these perspectives envisioned Spain without a constitutional monarchy, particularly without the monarchy established by Isabella II. Radicals on both sides, both right and left, were expelled from the country with the assistance of French and British military forces. Consequently, the author characterises Spain under Isabella II as a state with limited sovereignty.

Keywords: Spain, domestic politics, lawmaking, political parties, progressives, Moderados, dictatorships, Narváez, parliaments, Cortes, and the Revolution of 1848.

Одним из наиболее важных последствий Французской революции конца XVIII в. и Наполеоновских войн для европейских стран стала трансформация общественно-политической сферы, выразившаяся, в частности, в вовлеченности в процесс обсуждения и принятия важных государственных решений большего числа представителей различных социальных групп, чем в предшествующий период. В первой половине XIX в. политика приобрела публичный характер¹ (прежде всего речь идет о внутренней политике, так как внешняя продолжала оставаться прерогативой монархов и их правительств). Парламентские дебаты, партийные дискуссии, информация о которых немедленно оказывалась в печатных СМИ и являлась предметом обсуждений в салонах, на банкетах или в тертулиях, стали неотъемлемой частью социально-политической жизни большинства европейских государств. Общественное мнение превратилось в значимый фактор, с которым не могли не считаться правящие элиты². Вследствие этого при принятии политических решений важным критерием наряду с «легальностью», трактуемой преимущественно как верность букве закона

¹ Подробнее см.: Хоффман Ш.Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914 / пер. с нем. Ю.В. Корякова, Д.А. Сдвижкова. М., 2017.

² См.: Ozouf M. "Public Opinion" at the End of the Old Regime // The Journal of Modern History. 1988. Vol. 60. P. 1–21; The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture: in 4 vols. Vol. 3. The Transformation of Political Culture 1789–1848 / eds F. Furet, M. Ozouf, K.M. Baker. Oxford, 1989; Chartier R. Public Sphere: Eighteenth-century History // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / eds N. Smelser, P. Baltes. Amsterdam, 2015. P. 610–614; Calhoun C. Public Sphere: Nineteenth and Twentieth-century History // Ibid. P. 615–619.

и тщательное следование ему, становится «легитимность», которая интерпретируется как опора прежде всего на общественное мнение. В рамках настоящей статьи рассматривается вопрос о том, как эти два критерия использовались для обоснования позиций испанских политических партий в период дебатов, проходивших в Конгрессе депутатов (нижняя палата парламента) весной 1848 г., когда Европу захлестнула очередная волна революций. Следует отметить, что данный вопрос не получил широкого освещения в испанской историографии. Пожалуй, можно выделить лишь одну научную работу, в которой указанная проблематика была рассмотрена довольно подробно. Речь идет о монографии Сонsoles Кабесы Санчес-Альборнос, являющейся продолжением ее диссертационного исследования³.

В рассматриваемый период в Испании действовали две парламентские партии, известные как прогрессисты и модерадос (умеренные). Первая из них отличалась либеральными взглядами, вторая характеризовалась более консервативной идеологией⁴. При этом ни прогрессисты, ни модерадос не придерживались радикальных взглядов. Важно отметить, что группировки, выражавшие эти взгляды, не были представлены в кортесах. Объективное понимание причин сложившейся в Испании к середине XIX в. общественно-политической ситуации невозможно без анализа ключевых событий предшествующего периода истории страны.

После смерти в 1833 г. короля Фернандо VII на испанский престол взошла его трехлетняя дочь Изабелла II. Одновременно с этим свои претензии на трон предъявил брат Фернандо — инфант дон Карлос, незаконно короновавший себя под именем Карла V. В Испании началась гражданская война, вошедшая в историю под названием Первой карлистской. На сторону дона Карлоса встали в основном представители консервативной части общества. Его поддерживали армия, духовенство и крестьянство. Вокруг Изабеллы сплотилась высшая знать королевства, объединенная надеждой на проведение либеральных реформ в ближайшем будущем. Так сформировались два основных политических лагеря — «карлисты» и «исабелины». Среди последних в скором времени произошел раскол на сторонников немедленных конституционных реформ и утверждения «доктрины народного суверенитета», именовавших себя «прогрессистами», и приверженцев идеи конституционной монархии, выступавших за «разделенный суверенитет» и постепенные реформы умеренного характера (они стали известны как «модерадос»).

События в Испании вызвали неоднозначную реакцию европейских государств. «Северные державы» — Пруссия, Австрия и Россия — поддержали карлистов, в то время как Великобритания и Франция симпатизировали исабелинам. По инициативе Лондона и Парижа в 1834 г. был заключен договор о создании так называемого Четверного союза, по условиям которого Великобритания и Франция должны были оказывать помощь монархам Испании и Португалии в их борьбе с претендентами на престол, получая взамен возможность влиять на проведение либеральных реформ в этих странах. Следует отметить, что Париж в большей степени поддерживал партию модерадос, а Лондон — прогрессистов. Во второй половине 1830-х — начале 1840-х годов у власти в Испании находились преимущественно прогрессисты, закрепившие свое верховенство Конституцией 1837 г. Однако после государственного переворота 1843 г. и свержения пробритански настроенного регента генерала Бальдомеро Эспартеро их место заняли модерадос. Победа последних положила начало так называемому умеренному десятилетию (1844–1854). Одной из первых реформ модерадос стало принятие Конституции 1845 г., которая и действовала в Испании в рассматриваемый в настоящей статье период⁵.

Когда в Мадриде стало известно о революционных событиях в Париже 22–24 февраля 1848 г., в частности об отречении короля Луи-Филиппа и провозглашении Французской республики, а также о сопутствовавших этому вооруженных столкновениях на улицах города,

³ См.: *Sánchez Albornoz S.C. Los sucesos de 1848 en España. Madrid, 1981.*

⁴ Настоящая статья частично основывается на исследовании, включенном автором в изданную в 2023 г. монографию, хотя и не повторяет его. См.: *Доносо Кортес Х. Речь о диктатуре / пер. с исп., комм., иссл. А.В. Марей. СПб., 2023.*

глава правительства Испании генерал Рамон Мария Нарваэс обратился к Изабелле II с просьбой предоставить правительству чрезвычайные полномочия. Королева ответила согласием, и по поручению Нарваэса был составлен соответствующий законопроект, который вместе с сопроводительной запиской был представлен на рассмотрение кортесов 28 февраля⁶. Согласно этому документу, правительство получало право в случае необходимости временно приостанавливать осуществление личных прав и свобод, зафиксированных в Статье 7 Конституции Испании 1845 г.⁷, вводить чрезвычайные налоги и сборы, а также прибегать к займу. К законопроекту было предложено семь поправок, подготовленных членами фракции прогрессистов⁸ и представленных Конгрессу депутатов на следующий день, 29 февраля⁹. Среди авторов поправок следует особо отметить таких политиков, как Николас Мария Риверо¹⁰, Педро Лопес Градо¹¹, Мануэль Апонте, более известный как маркиз де Торреоргас¹², Хосе Ордас Авесилья¹³, Томас Хазн¹⁴, Хосе-Мария Оренсе, также носивший титул маркиза де

⁵ Об этих событиях см. подробнее: *Comellas García-Llera J.L.* Los moderados en el poder, 1844–1854. Madrid, 1970; *Cánovas Sánchez F., Jover Zamora J.M.* El Partido Moderado. Madrid, 1982; *Romeo Mateo M.C.* Lenguaje y política del nuevo liberalismo: moderados y progresistas, 1834–1845 // *Ayer*. 1998. № 29. P. 37–62; *Vilches J.* Progreso y libertad. El Partido Progresista en la Revolución liberal española. Madrid, 2001; *Historia contemporánea de España: en 2 vols. Vol. 1. 1808–1931 / ed. J. Canal.* Gerona, 2017. P. 511–597; *Peyrou F.* Tribunales del pueblo: Demócratas y Republicanos durante el reinado de Isabel II. Madrid, 2018. P. 21–39. Интересный взгляд на происходившие в Испании события в период с 1833 по 1840 г. (со стороны Франции) представлен в монографии отечественного исследователя И.В. Игнатченко. См.: *Игнатченко И.В.* Адольф Тьер: судьба французского либерала первой половины XIX века. М., 2017. При этом важно отметить, что в этом произведении автор именует прогрессистов «радикалами» и «революционерами», в то время как последние не являлись ни теми ни другими.

⁶ *Diario de las sesiones de Cortes. Congreso de los diputados. Sesión del lunes 28 de febrero de 1848.* № 72. P. 1448; *Ibid.* Apéndice primero al num. 72. P. 1461–1462.

⁷ Конституция Испании, 1845 г. Статья 7: «Ни один испанец не может быть задержан, арестован или отлучен от своего места жительства, а также никто не может вторгаться в его дом, кроме случаев, предписанных законами и в форме, установленной ими». Статья 8: «Если безопасность государства потребует в чрезвычайных обстоятельствах временной отмены во всей монархии или в ее части того, что было изложено в предыдущей статье, пусть это будет определено отдельным законом». См.: *Constitución de 1845 // El Congreso de los diputados.* URL: https://www.congreso.es/constitucion/ficheros/historicas/cons_1845.pdf (дата обращения: 24.07.2024).

⁸ Показательно, что практически все авторы поправок в 1849 г. выйдут из партии прогрессистов и создадут Демократическую партию. См.: *Sánchez Albornoz S.C.* Op. cit. P. 46–47.

⁹ *Diario... Sesión del martes 29 de febrero de 1848.* № 73. P. 1489.

¹⁰ *Риверо, Николас Мария* (1814–1878) — один из основателей Демократической партии. До 1849 г. входил в Партию прогрессистов, придерживаясь наиболее радикальных политических взглядов. Подробнее см.: *Fernández García A.* Nicolás María Rivero // *Diccionario biográfico electrónico.* Real Academia de la Historia. 2018. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/4492/nicolas-maria-rivero> (дата обращения: 07.05.2024).

¹¹ *Лопес-Градо и Салас-Оманья, Педро* (1809–1888) — один из наиболее активных членов партии прогрессистов. В 1849 г. за свою последовательную критику политики правительства был арестован и приговорен к высылке на Филиппины, но затем помилован. В 1849 г. уехал во Францию (откуда вернулся уже после падения власти модератос), где продолжал свою политическую деятельность. Подробнее см.: *Feito Rodríguez H.* Pedro López Grado y Salas-Omaña // *Ibid.* URL: <https://dbe.rah.es/biografias/62512/pedro-lopez-grado-y-salas-omana> (дата обращения: 07.05.2024).

¹² Подробнее о Мануэле Апонте см.: *Lozano Lozano J.* Los marqueses de Torreorgaz, D. García Ramón de Arce y Aponte y D. Manuel Aponte y Ortega: un ejemplo de aristócratas libertinos en el s. XIX // *Revista Mansabora.* URL: <https://revistamansabora.com/los-marqueses-de-torreorgaz-d-garcia-ramon-de-arce-y-aponte-y-d-manuel-aponte-y-ortega-un-ejemplo-de-aristocratas-libertinos-en-el-s-xix/> (дата обращения: 04.05.2024).

¹³ *Авесилья, Хосе Ордас* (1813–1856) — журналист, адвокат, один из наиболее известных деятелей партии прогрессистов, яркий и остроумный оратор. В 1849 г. (наряду с Николасом Риверо и Анисето Пуйджем) стал одним из основателей Демократической партии. Подробнее см.: *Aguado Cabezas E.* José Ordax Avicilla // *Diccionario biográfico electrónico.* Real Academia de la Historia. 2018. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/27074/jose-ordax-avicilla> (дата обращения: 07.05.2024).

¹⁴ *Де Сан-Педро, Томас Хазн Гонсалес* (1807–1856) — юрист, депутат парламента от округа Эстелья (Наварра). Разделял политические взгляды прогрессистов. См.: *Urquijo Goitia J.R.* Tomás Jaén González

Альбаида¹⁵, и Анисето Пуйдж. Забегая вперед, отметим, что ни одна из предложенных прогрессистами поправок не была принята Конгрессом депутатов по тем или иным причинам.

Обсуждение законопроекта о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий началось на заседании нижней палаты испанского парламента 1 марта 1848 г. и продлилось до 4 марта включительно¹⁶. Как указывали некоторые депутаты в своих репликах¹⁷, для Конгресса это было необычайно быстрое, даже стремительное обсуждение, чему способствовало присутствие главы правительства и его министров и их активное участие в дебатах. О напряженном характере дискуссии по законопроекту свидетельствует и следующее обстоятельство: в обычные дни заседания кортесов открывались в 14:30–14:45 и продолжались до 17:30–18:00, тогда как ни в один из дней начала марта 1848 г. депутаты, начиная в обычное время, не расходились ранее 20:30.

Первым взял слово председатель правительства герцог Валенсии Р.М. Нарваэс. Его выступление было кратким и формально не касалось обсуждаемого законопроекта. Нарваэс ни словом не упомянул о нем. Он лишь зачитывал телеграммы, полученные из Франции от испанского посланника Антонио Луиса де Арнау. Официальной целью главы правительства было проинформировать депутатов о ходе революционных событий в Париже. Фактически же он задал тон всему дальнейшему обсуждению: практически каждый выступавший парламентарий говорил о своем отношении к «событиям во Франции» или «в соседнем королевстве». Собственно, этого Нарваэс и добивался, поскольку, как видно из преамбулы к законопроекту, именно Французская революция 1848 г. стала основной официальной причиной запроса правительством чрезвычайных полномочий¹⁸.

Следует отметить, что депутаты Конгресса, внимательно изучавшие законопроект, обращали внимание не только на отсылку к революционным потрясениям, которые привели к падению монархии во Франции, но и на упоминание о «всяких возможных происшествиях» в Испании, к которым правительство пыталось подготовиться надлежащим образом. Соответственно, все последующие выступления парламентариев строились практически по одному сценарию вне зависимости от того, к какой партии они принадлежали: сначала анализировались события во Франции и в Италии (где в ходе революции в Папской области Пий IX был вынужден бежать из Рима в Гаэту), а затем рассматривался вопрос, что угрожает (и угрожает ли) непосредственно Испании. И если все депутаты сходились в том, что нет оснований опасаться французской интервенции, то по вопросу о «внутренней опасности» среди них обнаружились серьезные разногласия.

Первый из депутатов, выступавший по вопросу о принятии законопроекта, — член партии модерадос, историк и, выражаясь современным языком, «политолог» Андрес

de San Pedro // Ibid. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/84830/tomas-jaen-gonzalez-de-san-pedro> (дата обращения: 05.05.2024).

¹⁵ *Оренсе Мила-де-Арагон-и-Эрреро, Хосе Мария, маркиз де Альбаида* (1803–1880) — депутат парламента от Паленсии, один из лидеров партии прогрессистов, с 1849 г. один из руководителей Демократической партии. Активный участник революционных событий в Мадриде в марте и в мае 1848 г., за участие в которых был отправлен в изгнание во Францию. На протяжении последующих 20 лет неоднократно участвовал в различных заговорах (часть из которых были организованы под его непосредственным руководством) против глав правительства Испании (генералов Рамона Марии Нарваэса, Леопольдо О’Доннелла, Хуана Прима). В 1870 г. пытался провести через парламент закон об отделении церкви от государства, в 1873 г. приветствовал провозглашение Испании федеральной республикой. С 1874 по 1877 г. находился в добровольном изгнании во Франции. Скончался в 1880 г. у себя в поместье в Испании. Подробнее см.: *Maciá M. Orense Milá de Aragón y Herrero* // Ibid. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/7322/jose-maria-orense-mila-de-aragon-y-herrero> (дата обращения: 04.05.2024).

¹⁶ *Sánchez Albornoz S.C.* Op. cit. P. 43–75.

¹⁷ См.: *Diario... Sesión del viernes 3 de marzo de 1848.* № 76. P. 1557.

¹⁸ «Когда в сопредельной великой и могучей стране происходят события эпохального значения, а в разных государствах Европы ощущаются мощные политические потрясения, испанское правительство не может и не должно откладывать приговора ко всяким возможным происшествиям. Храня нейтралитет в данных обстоятельствах, оно обязано неусыпно заботиться о троне королевны доньи Изабеллы II ради независимости Родины». См.: *Diario... Apéndice primero al № 72.* P. 1461.

Боррего¹⁹ — призвал придерживаться полного нейтралитета по отношению к Франции. Касаясь положения дел в Испании, он указал на необходимость строгого соблюдения Конституции 1845 г. Ни словом не высказавшись непосредственно против законопроекта, за что его критиковали некоторые из последующих ораторов, он все же выразил свое негативное отношение к документу, что было немедленно отмечено его коллегами по партии. В частности, Фернандо Кальдерон Кольянтес²⁰, получивший слово непосредственно после А. Боррего, в некоторой растерянности заметил, что оказался «неподготовлен к тому, чтобы рассматривать вопрос под углом, предложенным сеньором Боррего», опасаясь, что ему придется парировать прямые обвинения в неконституционном характере законопроекта.

После этого слово взял лидер парламентской фракции прогрессистов, знаменитый мадридский адвокат Мануэль Кортина²¹, сразу заявивший, что именно с его речи и начнется «подлинная оппозиция законопроекту»²². На этом выступлении стоит остановиться немного подробнее хотя бы по той причине, что практически все депутаты (вне зависимости от их партийной принадлежности), высказывавшиеся после М. Кортины в рамках рассматриваемых дебатов, так или иначе ссылались на него. Речь депутата можно разделить на две основные части.

В первой из них Кортина привел доказательства того, что предлагаемый законопроект противоречит Конституции Испании 1845 г. По его мнению, этот документ игнорировал полномочия Конгресса депутатов и ограничивал личные права подданных королевства. С точки зрения Кортины, лишь кортесы могли вводить в действие Статью 8 Основного закона страны, и они не должны были делегировать данные полномочия никаким другим органам власти, в том числе правительству, так как это означало бы «отречься от нашей власти, отказаться от важнейшего из полномочий Конгресса, одним словом, признать... то, чего никто, разумеется, признавать не захочет, а именно, бессилие и недостаточность институтов представительства»²³. По словам лидера фракции прогрессистов, правительство считает, что на момент подачи законопроекта в Конгресс депутатов, обстоятельства, требующие введения чрезвычайного положения, еще не сложились, следовательно, министры были движимы лишь «тираническим желанием ограничить личные права и свободы

¹⁹ *Боррего Монтеро, Андрес* (1802–1891) — писатель, историк, государственный деятель. В первой половине своей политической карьеры примыкал к левому крылу модерадос, в рядах которых оставался до начала 1850-х годов. В более поздний период симпатизировал Либеральному союзу, сменившему Партию прогрессистов. Подробнее см.: *Vilches J. Andrés Borrego Moreno // Diccionario biográfico electrónico. Real Academia de la Historia. 2018. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/9017/andres-borrego-moreno> (дата обращения: 08.05.2024).* Помимо серьезных исторических трудов, перу А. Боррего принадлежат многочисленные работы, посвященные политико-правовому устройству Испании, анализу выборной системы правления и т.д. См., в частности: *Borrego A. Manual electoral para el uso de los electores de la opinión monárquico-constitucional. Madrid, 1837; Idem. De la organización de los partidos en España considerada como medio de adelantar la educación constitucional de la nación y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid, 1855.*

²⁰ *Кальдерон де ла Барка-и-Кольянтес, Фернандо, маркиз Рейноса* (1811–1890) — политик консервативной ориентации, юрист, член партии модерадос, ежегодно переизбиравшийся в Конгресс депутатов с 1842 по 1853 г. С 1857 г. являлся членом Королевской академии нравственных и политических наук. Подробнее см.: *Del Mar Sánchez González M.D. Fernando Calderón de la Barca y Collantes // Diccionario biográfico electrónico. Real Academia de la Historia. 2018. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/14250/fernando-calderon-de-la-barca-y-collantes> (дата обращения: 08.05.2024).*

²¹ *Кортина-и-Аренсана, Мануэль* (1802–1879) — политик, член партии прогрессистов, юрист по образованию. Многократно избирался в Конгресс депутатов от партии прогрессистов, с 1840 по 1841 г. занимал пост министра внутренних дел Испании. С 1848 г. являлся деканом Мадридской коллегии адвокатов, в 1849–1850 гг. и в 1855–1857 гг. — президентом Королевской академии юриспруденции и законодательства, с 1858 г. — пожизненным сенатором. Подробнее см.: *Pérez-Bustamante R. El abogado Manuel Cortina y su época (1802–1879). Valencia, 2014; Martí Mingarro L. Manuel Cortina y Arenzana // Diccionario biográfico electrónico. Real Academia de la Historia. 2018. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/5161/manuel-cortina-y-arenzana> (дата обращения: 08.05.2024).*

²² *Diario... Sesión del miércoles 1 de marzo de 1848. № 74. P. 1503.*

²³ *Ibid. P. 1504.*

испанских верноподданных». И если исходить из того, что единственной целью конституции является гарантия личных прав и свобод граждан, то, проводя через кортесы обсуждаемый законопроект, исполнительная власть пытается ни много ни мало, как нарушить Основной закон государства²⁴. Это означает, что в данном запросе правительству необходимо отказать. Следует призвать его перейти «на почву строгой легальности».

Оттолкнувшись от этого тезиса, Кортина перешел ко второй части своей речи. Будучи столь же длинной, как и первая, она была посвящена обоснованию необходимости реформы Закона о выборах депутатов и прихода к власти партии прогрессистов. По мысли Кортины, обладавшие на тот момент парламентским большинством модерадос не понимали чаяний испанского народа, что могло стать причиной революции, аналогичной той, которая потрясла Францию. Более того, по мнению оратора, его политические оппоненты находились у власти «столь давно, что уже устали от нее», а попытка антиконституционного государственного переворота, предпринятая модерадос путем введения обсуждаемого закона, не только не позволит им удержать власть, но и обрушит страну в революционный хаос²⁵. Следует отметить, что все депутаты от оппозиции, выступавшие в последующие три дня, говорили либо о том, что предлагаемый законопроект является иллегальным, так как нарушает конституцию, либо о том, что к власти следует допустить прогрессистов, а модерадос должны добровольно от нее отказаться.

Из депутатов, выразивших сомнения в легальном характере обсуждаемого законопроекта, стоит особо отметить Томаса Хаэна, Анисето Пуйджа, Хуана Альвареса Мендисабаль и Патрисио Эскосуру²⁶. Все они, аргументируя свою позицию по данному вопросу, высказывали разные мнения о том, против кого был направлен этот документ. В то же время сравнительный анализ выступлений указанных парламентариев позволяет выделить в них общие места. Так, практически все они были единодушны в том (и с ними, заметим, были согласны все бравшие слово депутаты от модерадос), что в Испании нет партии, которая была бы настроена против Изабеллы II или против конституционной монархии. Карлисты, как утверждали выступавшие, были к тому моменту разгромлены, республиканцев как организованной политической силы также не существовало. Исходя из этого, в речи от 2 марта А. Пуйдж намекал на то, что правительство опасалось прогрессистов. Подобное заявление могло быть расценено как открытое обвинение кабинета министров в репрессиях по партийному признаку, поэтому депутат несколько смягчил свои слова, сказав, что, по его мнению, «кое-кто в правительстве склонен в каждом прогрессисте видеть скорее политического врага, нежели испанца»²⁷. Х.А. Мендисабаль, выступавший на следующий день после Пуйджа, пошел еще дальше, заявив, что настоящая цель предлагаемого законопроекта — это роспуск кортесов и узурпация правительством практически неограниченной власти в стране. Именно данным обстоятельством, с его точки зрения, объяснялась непонятная спешка министров, стремившихся провести закон через парламент как можно скорее. В этом Мендисабаль был солидарен с депутатом Мануэлем Апонте, первым среди прогрессистов произнесшим слово «диктатура» для обозначения режима, который, по его утверждению, пытался установить генерал Нарваэс.

Гораздо более сильное впечатление на депутатов от партии власти произвела речь П. Эскосуры, на что указывает количество откликов на нее и их крайне негативный характер. Как и Кортина, один из лидеров прогрессистов в своем выступлении коснулся проблемы ограничения личных свобод подданных Королевства Испания, но сделал это лишь для того, чтобы отметить исключительную важность обсуждаемого законопроекта. По его утверждению, правительство требовало от граждан поступиться самым ценным из

²⁴ Ibid. P. 1505.

²⁵ Ibid. P. 1509.

²⁶ *Де ла Эскосура Моррог, Патрисио* (1807—1878) — военный, писатель, государственный деятель. В начале своей политической карьеры поддерживал правительство, примыкал к модерадос. В 1847 г. перешел в ряды прогрессистов, вскоре став одним из лидеров партии.

²⁷ *Diario... Sesión del jueves 2 de marzo de 1848. № 75. P. 1534.*

того, чем они обладали, т.е. личной безопасностью, гарантировать которую как раз и был призван закон. Подобные требования правомерны лишь в ситуации, когда стране угрожает опасность. Однако ничего подобного в Испании не наблюдалось. Кортесы не должны были уступать правительству в этом вопросе, поскольку рассматриваемый законопроект, по мнению Эскосуры, с большой долей вероятности мог послужить причиной революционных волнений. Депутат сравнивал его со знаменитым Законом о подозрительных, принятом якобинским правительством Франции 17 сентября 1793 г.²⁸ Эскосура полагал, что «революционный» характер предлагаемого кабинетом министров документа становится очевидным при попытке дать ответ на вопрос, против кого он направлен. В отличие от Пуйджа, Эскосура считал, что мишенью закона избраны не прогрессисты, а некие «заговорщики». Однако обвиняемого в заговоре можно признать таковым, по мнению депутата, лишь тогда, когда против него вынесен соответствующий приговор суда, основанный на исчерпывающих уликах, подтверждающих его вину. В данном случае Эскосура предложил строгий легалистский подход к обсуждаемой проблеме, подкрепляя свою позицию еще одним соображением, к сожалению, весьма актуальным и в наши дни: самое страшное в предлагаемом законе — не он сам по себе и не вводимые с его помощью меры. Самое страшное — неизбежные и многочисленные судебные ошибки, жертвами которых станут ни в чем не повинные люди. Наконец, по мнению Эскосуры, рассматриваемый документ нарушает классический принцип Оккама. Его принятие не будет означать отмены всех существующих законодательных положений о государственной измене, покушении на монарха и т.д. (в противном случае посредством одного этого закона правительство не сможет сдерживать народные волнения и предотвратить преступления против королевы и отечества). Это означает, что он явно излишен, так как все необходимые правовые нормы, гарантирующие безопасность государства, уже содержатся в других юридических актах.

Альтернатива предлагаемому законопроекту также была представлена в наиболее полной форме Эскосурой и еще одним депутатом, выступавшим немного ранее, — Х.-М. Оренсе. Оба этих оратора не ограничивались недовольством по поводу Закона о выборах (подобно М. Кортине) или заявлениями о необходимости передачи власти прогрессистам (как Ф.-М. Инфанте²⁹ и М. Апонте). Эскосура и Оренсе предлагали развернутую программу умеренных политических реформ, предполагавших введение всеобщего избирательного права, вооружение национальной милиции³⁰, замену действующих административных законов новыми. При этом обоим ораторам представлялось очевидным, что модератос откажутся от проведения данных реформ, что, по их мнению, делало неизбежным отстранение последних от власти.

Следует отметить, что из выступавших во время дебатов модератос лишь немногие высказывали возражения против аргументов, выдвинутых прогрессистами, зато среди этих немногих не было практически ни одного неизвестного оратора. За принятие законопроекта ратовали Хуан Браво Мурильо³¹, Франсиско Мартинес де ла Роса³², Мариано

²⁸ Ibid. P. 1537.

²⁹ *Инфанте Чавес, Факундо-Мария* (1790—1873) — военный и политический деятель, депутат парламента от Партии прогрессистов в 1847—1849 гг., с 1850 г. — пожизненный сенатор. Подробнее см.: *Pérez Nuñez J.* Facundo María Infante Chaves // *Diccionario biográfico electrónico*. Real Academia de la Historia. 2018. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/12895/facundo-maria-infante-chaves> (дата обращения: 10.05.2024).

³⁰ Национальная милиция, впервые созданная в Испании в 1812 г., в последующие годы несколько раз распускавшаяся и формирувавшаяся заново, являлась одним из вопросов, разделявших прогрессистов и модератос. Первые требовали ее усиления и вооружения, вторые предлагали ее роспуск и слияние с Национальной гвардией.

³¹ *Браво Мурильо, Хуан* (1803—1873) — государственный деятель, один из лидеров модератос. Подробнее см.: *Bullón de Mendoza A.* Juan Bravo Murillo // *Diccionario biográfico electrónico*. Real Academia de la Historia. 2018. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/9122/juan-bravo-murillo> (дата обращения: 10.05.2024).

³² *Де Паула Мартинес де ла Роса-и-Бердехо, Франсиско* (1787—1862) — политик, публицист, писатель, член Королевской академии истории, кавалер ордена Золотого руна, один из наиболее авторитетных представителей модератос. Подробнее см.: *Cuenca Toribio J.M.* Francisco de Paula Martínez de la Rosa y

Рока³³, Педро Пидаль³⁴, Луис Майянс³⁵. Некоторые из перечисленных депутатов в рассматриваемый период занимали важные посты в правительстве. Так, Х. Браво Мурильо являлся министром по налогам и управлению народным хозяйством, а Мариано Рока возглавлял военно-морское ведомство. Другие, как, например, Педро Пидаль, были на тот момент частными лицами³⁶, но впоследствии входили в состав кабинета министров, нередко занимая в нем ключевые посты. Их аргументы можно, обобщая, свести к несколькими основным тезисам.

Во-первых, необходимость принятия законопроекта обусловлена наличием угрозы со стороны Франции. Данная угроза проявлена не в форме потенциальной военной агрессии, как отмечали в своих выступлениях депутаты от фракции прогрессистов. Правительство опасается не интервенции со стороны соседнего государства, но распространяемой из его пределов политической пропаганды. Следствием этого, по мнению выступавших модераторов, могло стать повторение в Испании парижских событий февраля 1848 г. Подобное опасение звучало в чрезмерно эмоциональном выступлении Ф. Мартинеса де ла Росы, в ходе которого депутат воскликнул: «Республика, сеньоры! Республика, что означает — анархия во Франции и война в Европе! И кто этого не видит, тот слеп!» О революционной угрозе говорил и П. Пидаль, речь которого была не столь эмоциональна, и Л. Майянс, стремившийся опровергнуть аргументы, высказанные Мендисабалем. Обращает на себя внимание совпадение аргументов в поддержку принятия закона, предъявленных выступавшими депутатами от партии модераторов. Данное совпадение едва ли можно считать случайным. Не лишне предположить, что правительство располагало секретной информацией о готовящихся революционных выступлениях на территории Испании, что заставляло министров спешить с принятием закона. У Нарваэса и людей из его окружения вызывала подозрения деятельность посла Великобритании лорда Генри Бульвера, который поддерживал контакты с представителями партии прогрессистов, придерживавшимися наиболее радикальных взглядов (О. Авесилья, П. Эскосура, Х.М. Орэнсе и др.), а также с республиканцами (которые на тот момент не были объединены в партию или движение). Повторим, по всей видимости, у председателя правительства имелись основания опасаться скорых революционных выступлений.

Во-вторых, инициированный правительством документ не вступает в противоречие с испанским законодательством. Его рассмотрение проходит в полном соответствии с действующей в стране конституцией. По мнению выступавших модераторов, принятие законопроекта не будет означать узурпации власти кабинетом министров. Если бы правительство действительно вынашивало подобные планы, оно могло бы найти любой удобный повод для роспуска кортесов, даже не вынося документ на обсуждение парламентариев. Кроме того, как отмечали ораторы от модераторов, речь не шла о попытке Нарваэса и его министров распустить Конгресс депутатов, присвоив себе его законодательные функции; рассматриваемый документ предполагал предоставление правительству чрезвычайных полномочий лишь до следующего созыва кортесов, т.е. максимум до декабря 1848 г.

Berdejo // Ibid. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/11899/francisco-de-paula-martinez-de-la-rosa-y-berdejo> (дата обращения: 10.05.2024).

³³ Рока де Тогорес-и-Карраско, Мариано, маркиз де Молинс, виконт де Рокамора (1812—1889) — государственный деятель, реформатор военно-морского флота Испании. См. подробнее: *Requena Gallego M.* Mariano Roca de Togores y Carrasco // Ibid. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/4533/mariano-roca-de-togores-y-carrasco> (дата обращения: 05.05.2024).

³⁴ Пидаль-и-Карниадо, маркиз де Пидаль, Педро Хосе (1799—1865) — государственный деятель, историк, один из первых испанских публичных интеллектуалов. С июля 1848 г. по январь 1851 г. являлся министром иностранных дел Испании. Подробнее см.: *Ramos Corrada M.* Pedro José Pidal y Carniado // Ibid. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/9398/pedro-jose-pidal-y-carniado> (дата обращения: 05.05.2024).

³⁵ Подробнее о Луисе Майянесе см.: *Macía M.* Luis Mayáns y Enríquez de Navarra // Ibid. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/16340/luis-mayans-y-enriquez-de-navarra> (дата обращения: 10.05.2024).

³⁶ В Испании в рассматриваемый период парламентарии преимущественно имели статус частных лиц, занятых общественной работой.

Наконец, в-третьих, обсуждаемый законопроект не имел целью не допустить прихода партии прогрессистов (которые, как неоднократно отмечали модерадос, и так не могли одержать победу на выборах в Конгресс депутатов) к власти. При этом в целом, по мнению М. Роки и П. Пидалья, прогрессисты едва ли могли претендовать на роль правящей партии в силу раскола в их рядах. Оба выступавших депутата подчеркивали серьезнейшие различия во взглядах между М. Кортиной, с одной стороны, и П. Эскосурой и Х.-М. Оренсе — с другой. В данном вопросе они оказались, несомненно, правы. Не прошло и двух лет с момента окончания дебатов, как высказанный ими тезис подтвердился самым очевидным образом, когда Эскосура, Оренсе, Пуйдж и несколько десятков симпатизировавших им депутатов вышли из состава прогрессистов, чтобы организовать новую партию, названную ими Демократической³⁷.

Дебаты по законопроекту завершились очевидным триумфом правительства. По итогам предварительного голосования, проведенного 3 марта, за принятие законопроекта высказался 161 депутат, против — 54. Результаты прошедшего на следующий день окончательного голосования были несколько иными (149 — «за» и 45 — «против»), однако преимущество модерадос было неоспоримым. При практически троекратном перевесе голосов, поданных «за», документ был принят и отправлен на утверждение в Сенат и на подпись королеве. Противники законопроекта попытались перенести борьбу за пределы зала Конгресса депутатов. Целый ряд прогрессистских газет опубликовали петицию, адресованную Изабелле II, с просьбой не подписывать этот документ, однако они не добились успеха. 13 марта 1848 г. Закон о чрезвычайных полномочиях правительства вступил в силу.

Как уже отмечалось выше, в период дебатов кабинет министров располагал сведениями о готовящихся антиправительственных выступлениях. По всей видимости, данная информация была получена из источников, недоступных широкой публике. Действительно, всего через две недели после принятия Закона о чрезвычайных полномочиях, 26 марта, на улицах Мадрида началось восстание. Реакция Нарваэса была молниеносной. В тот же день было издано распоряжение правительства о приостановке действия Статьи 7 Конституции 1845 г. на всей территории Испании. Отдельным королевским указом были распущены кортесы. В Мадриде приказом военного коменданта генерала Хосе Фульгосио было введено чрезвычайное положение и созданы трибуналы для рассмотрения дел участников мятежа. Данный приказ действовал до 4 мая. В этот же период правительство усиливает режим цензуры, ограничивая выход в свет целого ряда периодических изданий³⁸. На подавление беспорядков ушло меньше суток, что было обусловлено как составом восставших, среди которых преобладали гражданские, а не военные, так и очень быстрыми и своевременными действиями Нарваэса. Выступления в других городах Испании (Валенсии, Сарагосе и т.д.) также не имели успеха.

Практически сразу после вступления в силу приказа об отмене чрезвычайного положения в Мадриде вспыхнуло новое восстание. Утром 7 мая взбунтовались полки «Испания» и «Чиклана», расквартированные в Мадриде. Волнения быстро охватили центр города. На этот раз ведущую роль в восстании играли военные. Их действия отличались куда большей эффективностью и скоординированностью, нежели «народные» выступления в марте. В ходе попытки урезонить восставших солдат был убит Х. Фульгосио. Новым комендантом Мадрида был назначен генерал Хуан де ла Песуэла, немедленно издавший приказ о введении в столице чрезвычайного положения. Восстание было подавлено к вечеру того же дня при непосредственном участии капитан-генерала Фернандеса де Кордовы, военного министра Франсиско де Паула Фигераса и главы правительства Испании Рамона Марии Нарваэса. Еще около недели продолжались волнения в Валенсии, Сарагосе и Севилье, но нигде они не достигали размаха мадридских событий.

³⁷ О демократах и республиканцах в Испании в период правления Изабеллы II подробнее см.: *Peyrou F. Op. cit.*

³⁸ Подробнее см.: *Sánchez Albornoz S.C. Op. cit. P. 77–86.*

В отличие от мартовских волнений, результатом майского восстания стали многочисленные жертвы как среди повстанцев, так и в правительственных войсках. В этот раз реакция правительства была гораздо более жестокой. Несколько обвиняемых были приговорены к смерти и расстреляны (26 марта также было вынесено несколько смертных приговоров, но все осужденные получили прощение от Изабеллы II), более тысячи повстанцев были отправлены в ссылку на Филиппинские, Марианские, Балеарские, Антильские острова, начались преследования прогрессистов³⁹.

Последнее обстоятельство было обусловлено тем, что уже во время первых допросов стало очевидно, что вдохновителями и организаторами майского восстания являлись наиболее известные представители партии прогрессистов, большинство которых, впрочем, успешно бежали во Францию и в Великобританию, где продолжали антиправительственную деятельность. Став политическими диссидентами, они внесли значительный вклад в подготовку революции 1868 г. в Испании. Помимо прогрессистов, в организации мартовских и майских выступлений принимали участие некоторые демократы и республиканцы, большинство которых находилось в 1848 г. за пределами страны. Представители этих политических групп не координировали между собой планы готовящихся выступлений, что во многом и стало причиной быстрого разгрома обоих восстаний. Однако существовало обстоятельство, объединявшее всех организаторов антиправительственных выступлений 1848 г., — деятельную поддержку им оказывал уже упомянутый британский посол в Мадриде Г. Бульвер⁴⁰. Известно, что он предоставлял восставшим финансовую помощь. Во время подавления мартовских и майских выступлений Бульвер укрывал в своем доме их участников, спасавшихся от преследований со стороны правительственных войск. Очевидно, что дипломат действовал в полном соответствии с директивами министра иностранных дел Великобритании лорда Генри Пальмерстона.

Не лишне предположить, что, если бы действия Бульвера (и Пальмерстона) ограничивались лишь финансовой помощью повстанцам и лицам, оппозиционно настроенным к режиму Нарваэса, реакция правительства на майские события не была бы столь жесткой. Однако интересы Лондона простирались гораздо дальше, о чем свидетельствует, в частности, знаменитая депеша Пальмерстона, направленная послу в Мадриде 16 марта 1848 г. В ней министр настоятельно рекомендовал Бульверу провести с Изабеллой II и с королевой-матерью Марией-Кристиной де Бурбон «разъяснительную работу» и дать им советы относительно основных принципов управления страной. В соответствии с этим документом британский посол должен был обратить внимание королевы на то, что в правительство желательно ввести «людей, облеченных доверием либеральной партии»⁴¹, т.е. прогрессистов. 7 апреля 1848 г. Бульвер переслал полученную от Пальмерстона депешу Изабелле II

³⁹ Ibid. P. 92–97.

⁴⁰ В 1848 г. Великобритания оказывала активную поддержку повстанцам, надеясь с их помощью сбросить правительство Нарваэса и привести к власти в Испании новый кабинет министров, состоявший из прогрессистов, который проводил бы политику либеральных реформ в интересах Лондона. Сохранилось достаточно большое количество документов, свидетельствующих об этом, в частности депеши Г. Пальмерстона Г. Бульверу. Подробнее см.: *Sánchez Albornoz S.C.* Op. cit. P. 11–15, 247–252; *García Hernández A.* España y el vizconde Palmerston, o sea Defensa de la dignidad nacional en la cuestión de los pasaportes a Sir Henry Lytton Bulwer. Madrid, 1848; *Becker J.* España e Inglaterra: sus relaciones políticas desde las paces de Utrecht. Madrid, 1906. P. 87–98; *Lema S.B.C. O'Lawlor, marques de.* Un momento político interesante y una carta de Donoso Cortés // *Boletín de la Real Academia de la Historia.* 1932. № 100. P. 547. *Comellas García-Llera J.L.* Op. cit; *Cánovas Sánchez F., Jover Zamora J.M.* Op. cit; *Romeo Mateo M.C.* Op. cit.; *Vilches J.* Progreso y libertad; *Historia contemporánea de España.* Vol. 1. P. 511–597; *Peyrou F.* Op. cit. P. 21–39.

⁴¹ В 1848 г. в Мадриде в рамках издания А. Гарсии Эрнандеса «Виконт Пальмерстон и Испания» был опубликован испанский перевод депеши. Английский текст этого документа приводится в протоколах заседания Палаты общин в Лондоне 5 июня 1848 г., в ходе которого обсуждалась высылка Г. Бульвера из испанской столицы. См.: *Expulsion of the British Ambassador from Madrid // HANSARD 1803–2005.* URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1848/jun/05/expulsion-of-the-british-ambassador-from> (дата обращения: 05.05.2024).

и генералу Нарваэсу, приложив к ней свою записку, в которой в ультимативном тоне требовал немедленного созыва кортесов и дачи объяснений парламентариям относительно причин недавних арестов нескольких из членов Конгресса депутатов⁴².

Подобное поведение британского посланника было сочтено абсолютно неподобающим, и 12 мая того же года он получил от Нарваэса указание покинуть пределы страны в течение 48 часов. В противном случае испанское правительство отказывалось гарантировать Бульверу не только дипломатическую неприкосновенность, но даже и жизнь. Высылка посланника привела к разрыву отношений с Великобританией. На их восстановление ушло несколько лет. При этом следует отметить, что революционные события в Испании с высылкой Бульвера практически сразу сошли на нет, что может служить еще одним косвенным доказательством того, что именно британский посол стоял за организацией мартовского и майского восстаний.

Одновременно с рассматриваемыми событиями в стране продолжалась Вторая карлистская война, иначе известная как «Война жаворонков»⁴³. Ее инициатором являлся сын Карлоса V, граф де Монтемолин, провозгласивший себя в мае 1845 г. королем Испании под именем Карлоса VI. В этот же период он претендовал на руку Изабеллы II, но когда последняя отказала ему и 10 октября 1846 г. сочеталась браком со своим двоюродным братом Франсиско де Асисом, он призвал своих сторонников к вооруженной борьбе за возвращение престола «законному наследнику». Дипломатическую и финансовую поддержку Карлосу VI оказывала Великобритания. Боевые действия продолжались около трех лет. Отряды карлистов были окончательно разгромлены лишь весной 1849 г.

* * *

Испания периода правления Изабеллы II представляет собой весьма интересный материал с точки зрения политического анализа. Как уже отмечалось, одним из последствий Четверного союза стало формирование в стране крайне своеобразной партийной системы. К концу 1840-х годов как крайне правые (карлисты), так и крайне левые (республиканцы) партии были разгромлены (во многом с помощью британских и французских войск), а их представители были вынуждены покинуть Испанию и искать прибежище в других европейских странах. В королевстве остались две политические силы — модерадос и прогрессисты. Эти партии расходились между собой во взглядах на те или иные проблемы, но совпадали в главном — они представляли собой центр политического спектра, т.е. либералов (именно так они позиционировали себя и именно в этом качестве они рассматривались в публицистике и научной литературе с середины XIX в. до сегодняшнего дня). Прогрессисты придерживались мнения о необходимости проведения масштабных политических преобразований, в то время как модерадос были преимущественно сторонниками умеренных реформ, однако ни те ни другие не мыслили Испанию без конституционной монархии, более того, без монархии Изабеллы II.

Эта партийно-политическая система, несомненно, носила искусственный характер и уже поэтому была обречена на достаточно быстрое падение. Его искусственность, кстати, подчеркивает следующий факт: практически все испанские диссиденты, к какому бы политическому лагерю они не примыкали, всегда находили себе место (чаще всего во Франции, где они также поддерживали контакты друг с другом и продолжали свою политическую деятельность). Следует отметить, что и для прогрессистов, и для модерадос Франция являлась местом добровольного изгнания. Когда тот или иной политик понимал, что его не устраивает действующее правительство, или что его идеи окончательно потеряли популярность, он иммигрировал в соседнюю страну (как правило, в Париж), где и жил некоторое время, после чего возвращался на родину.

⁴² См.: *Sánchez Albornoz S.C.* Op. cit. P. 249.

⁴³ О «Войне жаворонков» подробнее см.: *Vallverdú R.* La guerra dels Matiners a Catalunya (1846–1849). Una crisi econòmica i una revolta popular. Barcelona, 2002.

На всем протяжении правления Изабеллы II Великобритания и Франция продолжали оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Испании. Их вмешательство в дела королевства могло быть явным, как это случилось весной 1848 г., или практически незаметным. По сути, Испания при Изабелле II обладала лишь ограниченным суверенитетом.

Ситуация, как известно, разрешилась чередой политических потрясений, через которую Испании пришлось пройти в последней трети XIX в.: сначала Славная революция 1868 г., затем несколько безуспешных попыток воцарения новой династии и установление режима Первой республики в 1873 г. Далее последовало ее крушение в 1874 г. и реставрация Бурбонов. Впрочем, это была уже совсем другая история.

Библиография / References

- Доносо Кортес Х. Речь о диктатуре / пер. с исп., комм., иссл. А.В. Марей. СПб., 2023.
- Игнатченко И.В. Адольф Тьер: судьба французского либерала первой половины XIX века. М., 2017.
- Хоффман Ш.Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914 / пер. с нем. Ю.В. Корякова, Д.А. Сдвижкова. М., 2017.
- Donoso Kortes Kh. Rech' o diktature [Donoso Kortes J. Speech about Dictatorship] / per. s isp., komm., issl. A.V. Marcia. Sankt-Peterburg, 2023. (In Russ.)
- Ignatchenko I.V. Adol'f T'er: sud'ba frantsuzskogo liberala pervoi poloviny XIX veka [Adolphe Thiers: the Fate of French Liberal of the First Half of the 19th Century]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Khoffman Sh.L. Sotsial'noe obshchenie i demokratiia. Assotsiatsii i grazhdanskoe obshchestvo v transnatsional'noi perspektive, 1750–1914 [Social Communication and Democracy: Associations and Civil Society in a Transnational Perspective, 1750–1914] / per. s nem. Iu.V. Koriakova, D.A. Sdvizhkova. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Becker J. España e Inglaterra: sus relaciones políticas desde las paces de Utrecht. Madrid, 1906.
- Borrego A. De la organización de los partidos en España considerada como medio de adelantar la educación constitucional de la nación y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid, 1855.
- Borrego A. Manual electoral para el uso de los electores de la opinión monárquico-constitucional. Madrid, 1837.
- Calhoun C. Public Sphere: Nineteenth and Twentieth-century History // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / eds N. Smelser, P. Baltes. Amsterdam, 2015. P. 615–619.
- Cánovas Sánchez F., Jover Zamora J.M. El Partido Moderado. Madrid, 1982.
- Chartier R. Public Sphere: Eighteenth-century History // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / eds N. Smelser, P. Baltes. Amsterdam, 2015. P. 610–614
- Comellas García-Llera J.L. Los moderados en el poder, 1844–1854. Madrid, 1970.
- Diario de las sesiones de Cortes. Congreso de los diputados. Sesiones desde el lunes 28 de febrero hasta el sábado 4 de marzo de 1848. № 72–77. P. 1447–1669.
- García Hernández A. España y el vizconde Palmerston, o sea Defensa de la dignidad nacional en la cuestión de los pasaportes a Sir Henry Lytton Bulwer. Madrid, 1848.
- Historia contemporánea de España: en 2 vols. Vol. 1. 1808–1931 / ed. J. Canal. Gerona, 2017.
- Lema S.B.C. O'Lawlor, marques de. Un momento político interesante y una carta de Donoso Cortés // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1932. № 100. P. 547.
- Lozano Lozano J. Los marqueses de Torreorgaz, D. García Ramón de Arce y Aponte y D. Manuel Aponte y Ortega: un ejemplo de aristócratas libertinos en el s. XIX // Revista Mansabora. URL: <https://revistamansabora.com/los-marqueses-de-torreorgaz-d-garcia-ramon-de-arce-y-aponte-y-d-manuel-aponte-y-ortega-un-ejemplo-de-aristocratas-libertinos-en-el-s-xix/> (access date: 04.05.2024).
- Ozouf M. "Public Opinion" at the End of the Old Regime // The Journal of Modern History. 1988. Vol. 60. P. 1–21.
- Pérez-Bustamante R. El abogado Manuel Cortina y su época (1802–1879). Valencia, 2014.
- Peyrout F. Tribunales del pueblo: Demócratas y Republicanos durante el reinado de Isabel II. Madrid, 2018.
- Romeo Mateo M.C. Lenguaje y política del nuevo liberalismo: moderados y progresistas, 1834–1845 // Ayer. 1998. № 29. P. 37–62.
- Sánchez Albornoz S.C. Los sucesos de 1848 en España. Madrid, 1981.
- The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture: in 4 vols. Vol. 3. The Transformation of Political Culture 1789–1848 / eds F. Furet, M. Ozouf, K.M. Baker. Oxford, 1989.
- Valldurdi R. La guerra dels Matiners a Catalunya (1846–1849). Una crisi econòmica i una revolta popular. Barcelona, 2002.
- Vilches J. Progreso y libertad. El Partido Progresista en la Revolución liberal española. Madrid, 2001.

© 2024 г. А.О. ХОРОШЕВА

РОССИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В БРЮССЕЛЕ И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863–1864 годов

Хорошева Александра Олеговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: alexas23@yahoo.com

Scopus Author ID: 57205765063; Researcher ID: AAB-7328-2021

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. Оказавшись в изоляции по окончании Крымской войны, Россия взяла курс на отмену унижительных статей Парижского мира 1856 г. В рамках осуществления этой цели она начала сближение с Францией, которое завершилось подписанием соглашения 1859 г. Однако, добившись нейтралитета России в ходе австро-итало-французской войны 1859 г., Франция не торопилась выполнять ответные обещания в поддержке усилий России по отмене условий мира 1856 г. Более того, когда в 1863 г. начались волнения в Царстве Польском, Франция, объединив усилия с Великобританией и Австрией, начала интенсивную политико-дипломатическую атаку на Россию, дабы превратить польский вопрос из внутрirosсийского в международный. В поисках союзников для противодействия вмешательству великих держав Россия обратила внимание на соседнюю с Францией Бельгию. Король Леопольд I, заинтересованный в сохранении европейского равновесия, с недоверием относившийся к императору французов, а также доказавший, что польский вопрос не сможет помешать двусторонним связям России и Бельгии, являлся ценным посредником в отношениях с Парижем, Лондоном и Веной. Российский посланник в Бельгии Н.А. Орлов получал от него информацию, которая дополняла сведения, передаваемые другими российскими посольствами в Европе. Однако, выполняя получаемые из МИД инструкции, дипломат, известный своими независимыми взглядами и с сочувствием относившийся к судьбам польских эмигрантов, свободно озвучивал в общении как с российскими и иностранными государственными деятелями, так и с представителями царской семьи собственные суждения о возможности решения польского вопроса. В ходе польского кризиса Наполеон III попытался вовлечь Орлова в переговорный процесс. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов проанализирована деятельность посольства в Брюсселе в период польского восстания 1863–1864 гг. Исследование миссии Н.А. Орлова открывает новые страницы дипломатических отношений европейских государств в период международной напряженности начала 1860-х годов.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, Польша, Царство Польское, польское восстание 1863–1864 гг., дипломатические отношения, дипломаты, дипломатические переговоры, Бельгия, Франция, Н.А. Орлов.

A.O. Khorosheva**Russian Embassy in Brussels and the January Uprising, 1863–1864***Alexandra Khorosheva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: alexas23@yahoo.com**Scopus Author ID: 57205765063; Researcher ID: AAB-7328-2021**The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).*

Abstract. Following the conclusion of the Crimean War, Russia adopted a policy aimed at the abolition of the Treaty of Paris of 1856, which it perceived as humiliating. To this end, Russia commenced a process of rapprochement with France, resulting in the signing of an agreement in 1859. However, having secured Russian neutrality during the 1859 Italian War, France was reluctant to honour reciprocal commitments supporting Russian efforts to abrogate the terms of the 1856 Treaty. It became increasingly clear that Napoleon III's policy was lacking in sincerity when the Polish question reached a new level of aggravation. In a joint initiative with the United Kingdom and Austria, France launched a comprehensive political and diplomatic offensive against Russia with the intention of exerting pressure and transforming the Polish question into an international issue. Russia, on the other hand, required peace to enable the continuation of internal reforms. Consequently, it sought to identify strategies to resist the interference of the great powers. Belgium, neighbouring France, emerged as a key player in this endeavour. King Leopold I, motivated by the objective of maintaining European equilibrium, wary of the French emperor, and intent on demonstrating that the Polish question could not impinge upon the bilateral relationship between Russia and Belgium, proved to be a pivotal intermediary in the diplomatic negotiations with Paris, London, and Vienna. The reports of the Russian envoy to Belgium, Nikolai Orlov, served to supplement the information that had been transmitted by other Russian embassies in Europe. However, adhering to the instructions that had been provided by the Ministry of Foreign Affairs, Orlov, who was known for his independent views and sympathetic attitude towards the fate of Polish émigrés, openly expressed his own judgements on the possible solutions to the Polish question in his dealings with Russian and European statesmen, as well as with representatives of the Tsar's family. Consequently, during the Polish crisis, Napoleon III endeavoured to engage Orlov in the diplomatic process. In the article, the author analyses the activities of the embassy in Brussels in 1863–1864 drawing on a hitherto unexamined set of archival documents. In addition, she examines the extent to which the mission of Nikolai Orlov as a diplomat was successful. Furthermore, the article reveals new details of the diplomatic negotiations between European states that took place during the period of international tensions in the early 1860s.

Keywords: Russia, foreign policy, Poland, the Kingdom of Poland, the January Uprising of 1863–1864, diplomatic relations, diplomats, diplomatic negotiations, Belgium, France, Nikolai Orlov.

После восстания 1830 г. польские политические эмигранты нашли убежище в Европе, в том числе в Бельгии¹, где многие из них поступили на службу в армию и иные государственные структуры. Россия, сочтя оскорбительным для себя столь лояльное отношение к бунтовщикам, потребовала уволить польских офицеров из бельгийской армии. Заинтересованный в доброжелательных отношениях с Санкт-Петербургом Брюссель выполнил это требование. Накануне Крымской войны 1853–1856 гг. между странами были установлены официальные отношения². Польский вопрос перестал быть причиной недопонимания

¹ Об этом см.: Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы в 30–60-х годах XIX в. М.: СПб., 2017.

² Terlinden Ch. L'établissement des relations diplomatiques entre la Belgique et la Russie (1852–1853) // Revue d'histoire diplomatique. 1923. № 37. P. 398–431.

между Россией и Бельгией. Более того, вскоре неискренность политики Наполеона III стала очевидной в связи с обострением польского вопроса.

Упрочению взаимоотношений с Россией способствовали активные шаги короля Бельгии в попытке остановить Крымскую войну³. По окончании военного конфликта Александр II предполагал, что Леопольд I поможет наладить связи с французским императором Наполеоном III в преддверии подписания русско-французского соглашения. Надо отметить, что Леопольд предупреждал Россию о неискренности Наполеона⁴. В ходе австро-итало-французской войны 1859 г. Бельгия поддержал Австрию, что охладило российско-бельгийские отношения, а в начале польского кризиса Санкт-Петербург получил доказательства опасений бельгийского короля.

Вопрос о Польше Наполеон III пытался вынести на обсуждение еще в ходе Парижской мирной конференции 1856 г., но получил решительный отпор со стороны Александра II. Да и в решении итальянского вопроса французскому императору был необходим нейтралитет России. Когда в начале 1860-х годов в Царстве Польском начались волнения, польская эмиграция во Франции активизировалась и Наполеону III представился повод воспользоваться ситуацией для осуществления своих целей⁵. В условиях нового вызова Санкт-Петербургу было необходимо противодействовать дипломатическим усилиям европейских держав и попытаться сдержать польское влияние в Европе, поэтому значение дипломатической миссии в Брюсселе возрастало. Ее донесения, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), ранее не рассматривались исследователями при изучении польского кризиса. В связи с этим стоит подчеркнуть особую ценность, которую представляют исследуемые документы.

После внезапной кончины 16 апреля 1859 г. главы миссии А.Б. Рихтера чрезвычайным посланником и полномочным министром в Бельгии был назначен князь Н.А. Орлов (1827–1885), сын царского вельможи А.Ф. Орлова, внучатый племянник фаворита Екатерины II Григория Орлова⁶. Николай Алексеевич получил домашнее образование, в 1843–1846 гг. был назначен пажом высочайшего двора. В 1846–1849 гг. состоял флигель-адъютантом при великом князе Константине Николаевиче. В 1849 г. участвовал в Венгерском походе. В 1851 г. служил в Департаменте Генерального штаба, в 1852 г. в канцелярии Военного министерства. В 1856 г. ему даровали титул князя. Орлов отличился во время Крымской войны при штурме турецкой крепости Силистра, получил девять ран и лишился глаза, за храбрость был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотым палашом. Ввиду ослабленного здоровья князь не мог продолжать военную карьеру. С июля 1859 г. он находился на дипломатической службе, возглавив миссию в Брюсселе. В проекте инструкций отбывающему в Бельгию Орлову говорилось о необходимости заслужить доверие короля, искать личных встреч с ним, пользоваться его политической проницательностью в интересах службы императору России⁷.

В литературе сложился неоднозначный образ Н.А. Орлова-дипломата. Бельгийский исследователь В. Ронин, называя его «самым ярким и оригинальным» из российских посланников в Брюсселе, в то же время, ссылаясь на документы архива министерства иностранных

³ Хорошева А. О. Леопольд I и политика Бельгии накануне Крымской войны // Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 83–94. DOI: 10.31857/S013038640020486-2

⁴ См. подробнее: Хорошева А. О. Российское посольство в Брюсселе о политике Леопольда I в период австро-итало-французской войны 1959 года // Новая и новейшая история. 2023. № 6. С. 61–76. DOI: 10.31857/S013038640026630-1

⁵ См.: Черкасов П. П. Российско-французские отношения и польское восстание 1863 г. // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 94–112.

⁶ Орлов, Алексей Федорович (1786–1861) – российский военный и государственный деятель, генерал от кавалерии, дипломат, незаконнорожденный сын приближенного Екатерины II Ф.Г. Орлова. А.Ф. Орлов выполнял важные миссии, в том числе возглавлял делегацию на Парижском мирном конгрессе 1856 г.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 25. Л. 2–5.

дел Бельгии, пишет, что назначение Орлова в Брюссель было полной неожиданностью: «Назначая на этот пост представителя одной из самых влиятельных семей России, да еще и своего приятеля, Александр II хотел придать отношениям с Бельгией блеск и задушевность дружбы между монархами обеих стран». Автор также утверждает, что Орлову не давали серьезных поручений, и его деятельность в Брюсселе не отмечена особыми событиями, посланник часто покидал Бельгию, уезжая в Париж или Петербург⁸.

С этим суждением нельзя согласиться: анализ документов АВПРИ позволяет сделать вывод, что служба Орлова в Брюсселе была высоко оценена в министерстве и императором лично. У него сложились доверительные отношения с королем Леопольдом I⁹. Его донесения за 10 лет пребывания в бельгийской столице несут важную информацию о внутриполитическом положении Бельгии, о внешней политике Леопольда I, о международных переговорах по вопросу о выкупе судоходства по Шельде, о люксембургском кризисе 1867 г., в который были вовлечены Франция, Пруссия, Бельгия и Россия, о поступавших угрозах бельгийскому нейтралитету со стороны Франции и Пруссии накануне Франко-германской войны 1870–1871 гг.¹⁰ Документы МИД свидетельствуют также, что именно стараниями князя в Брюсселе в 1862 г. была построена часовня при российской миссии¹¹. Орлов, безусловно, был незаурядной личностью. Нельзя обойти вниманием его интерес к истории. Будучи на лечении в Италии, он изучал военную кампанию 1806–1807 гг. и написал «Очерк трехнедельного похода Наполеона против Пруссии в 1806 году» (СПб., 1856); в 1867 г. опубликовал рескрипты и письма Екатерины II графу А. Г. Орлову-Чесменскому, в 1868 г. – часть архива князя Г. Г. Орлова. В 1870 г. Орлов стал членом Русского исторического общества.

Не будет преувеличением сказать, что большая часть донесений дипломата посвящена анализу политики Наполеона III. Посланник действительно часто совершал служебные и частные вояжи во Францию, общался там с государственными деятелями и даже с самим императором. Орлову, как и его предшественникам на этом посту, ставилась задача аккумулировать информацию о французской политике, получаемую как в самой Бельгии, так и из Франции и Англии. Эти сведения могли существенно дополнить прежде всего депеши российского посла в Париже. Задача, поставленная перед дипломатом, облегчалась тем, что король Бельгии с подозрением относился к политике императора Франции и охотно делился своими опасениями в отношении действий Наполеона III. У короля были основания не доверять императору, отношения между странами были весьма непростыми. С приходом к власти Луи Наполеона Бонапарта в 1851 г. над королевством постоянно висела угроза аннексии со стороны Франции¹². В нейтральной Бельгии любое нарушение европейского равновесия вызывало тревогу. Король Леопольд так оценивал сложившуюся после Крымской войны в Европе ситуацию с позиции Бельгии: «Для нас, малых государств, ситуация печальна. В пору, когда существовал Священный союз, мы находились под защитой. Сейчас Россия занята своими проблемами. Австрия разоружена, Пруссия в опасном кризисе. И всему этому виной действия моих друзей англичан и их злосчастная идея начать войну с Россией в 1854 г.»¹³. Леопольд рассчитывал на альянс России, Австрии,

⁸ Ронин В. К. Между реформами и революцией. Русские в Бельгии: 1862–1905 // Страна синей птицы. Русские в Бельгии. М., 1995. С. 95.

⁹ См.: Намазова А. С. Российская империя и Королевство Бельгия: установление дипломатических отношений и первые посланники // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 101–103. DOI: 10.31857/S013038640016502-0

¹⁰ См. подробнее: Хорошева А. О. Международные гарантии нейтралитета Бельгии накануне Франко-прусской войны 1870–1871 гг.: позиция России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 9 (119). URL: <https://history.jes.su/issue.2022.3.9.9-119/?ysclid=lr0aw8oir327749635> (дата обращения: 26.05.2024.)

¹¹ Об этом см. подробнее Намазова А. С. Указ. соч. С. 102.

¹² См.: *Stengers J.* Léopold I et la France au lendemain du coup d'État du 2 décembre // *Les relations franco-belges de 1830 à 1934.* Metz, 1975. P. 21–64.

¹³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1862 г. Д. 17. Л. 227.

Пруссии и Великобритании, что могло обеспечить безопасность трону и династии¹⁴, а также на поддержку России в решении вопроса о выкупе навигации по Шельде, переговоры об этом с великими державами велись с 1859 г.¹⁵

В самом начале волнений в Царстве Польском, в ноябре 1861 г., Орлов получил секретное предписание из МИД «избегать любых контактов с польской эмиграцией», в то же время руководство уведомляло посланника, что император намеревался сохранить существующие институты управления в Польше¹⁶. Как мы полагаем, последнее предназначалось не только для передачи официальной позиции бельгийскому правительству в случае запроса, но в том числе и для посланника лично. Орлов был известен своими либеральными взглядами. В 1858 г. он представил Александру II записки «Мысли о расколе» и «О евреях в России», в которых рассуждал о необходимости терпимости к иноверцам. Орлов в 1860 г. посещал А. И. Герцена в Лондоне, выступал с критикой крепостного права, подал Александру II записку «Об уничтожении телесных наказаний в Российской империи и в Царстве Польском» (многие его соображения были внесены в указ 17 апреля 1863 г. об отмене телесных наказаний). У него было свое видение решения польского вопроса. В ноябре 1861 г. в конфиденциальном письме А. М. Горчакову он писал: «Могу сказать только Вам, что, по моему мнению, мы совершили и продолжаем совершать много ошибок в Польше. Самая большая, на мой взгляд, пойти по пути абсолютной реакции и прибегать к таким исключительным мерам, которые только дискредитируют тех, кто ими пользуется, и раздувают огонь еще больше вместо того, чтобы потушить»¹⁷. Накануне восстания, в ноябре 1862 г., Орлов посетил наместника в Царстве Польском великого князя Константина Николаевича, сторонника либеральных преобразований. Во время встречи дипломат высказывал свое мнение о предстоящем рекрутском наборе¹⁸ и предостерегал от незаконных действий, которые непременно вызовут волнения¹⁹.

Брожения в Польше усиливались²⁰. Во время аудиенций посланник сообщал Леопольду о положении в Царстве Польском. В ходе одной из встреч в декабре 1862 г. король высказал в ответ свои пожелания: «Дай Бог удачи, поляки, как мне кажется, сейчас обезумели. Надеюсь, великому князю удастся их исцелить»²¹. Однако ситуация обострилась, как и предполагал Орлов, после проведения рекрутского набора 3 (15) января. В ночь с 10 (22) на 11 (23) января 1863 г. произошло скоординированное нападение повстанцев на гарнизоны. Уже через день после начала восстания дипломат писал цесаревичу из Брюсселя:

¹⁴ Там же. Д. 18. Л. 31.

¹⁵ Россия, правительство которой было согласно со всеми условиями, предложенными Бельгией, наряду с другими державами, участвовала не только в переговорах, но и в выкупе судоходства по Шельде у Нидерландов. Договор был подписан 16 июля 1863 г., он отменял взимание пошлины для всех торговых кораблей, входящих в устье Шельды и следующих в Антверпен. Текст договора см. в: *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1864*. Saint-Petersbourg, 1864. P. 261–276.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1861 г. Д. 19. Л. 252.

¹⁷ Там же. Л. 223.

¹⁸ На январь 1863 г. было назначено проведение рекрутского набора, в обход закона 1859 г., не по жребию, а по заранее составленным спискам, в которые вошли преимущественно участники прошлых манифестаций.

¹⁹ Поездка Орлова отражена в его письмах наследнику престола, сыну Александра II, великому князю Николаю, с которым дипломат вел переписку. Письма опубликованы А. С. Нифонтовым, в шести из них Орлов предлагает решение польской проблемы, делится мыслями о внутриполитических преобразованиях в России. См.: *Нифонтов А. С. Письма Н. А. Орлова о России в 1859–1865 гг.* // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 136–148.

²⁰ Изложение хода Польского восстания 1863–1864 гг. не входит в задачи данного исследования. Подробнее см.: *Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ*. М., 2005; *Воронин В. Е. Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства*. М., 2008; *Польское январское восстание 1863 г. Исторические судьбы России и Польши*. М., 2014, и др.

²¹ Секретное письмо Орлова – Горчакову от 18 (30) декабря 1862 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1862 г. Д. 17. Л. 225.

«Действие, как всегда и везде, вызвало противодействие. Самоуправству и насилию противопоставили мятеж и убийства»²².

8 февраля 1863 г. Россия и Пруссия подписали конвенцию о совместной борьбе с восстанием, инициатива исходила из Берлина (конвенция Г. фон Альвенслебена). Горчаков не хотел ее подписания, но этого желал Александр II²³. С данного момента появился повод для международного вмешательства во внутрироссийские дела. Внешнеполитическое положение России ухудшалось, началась дипломатическая атака на нее²⁴. Орлов высказывал свои опасения в письме цесаревичу Николаю: «Положение наше нехорошо извне... Мы позабыли, что кроме внутренних реформ большая держава должна иметь союзы, которые, обеспечивая ее извне, давали бы ей возможность в мире и тишине заниматься улучшением внутреннего своего быта. Мы занялись последним, позабыв о первом. Оказалось, что при первом затруднении – все против нас». Посланник полагал, что противостоять образованию коалиции против России можно было в первую очередь заключив союз с Англией²⁵.

Как известно, как раз в этот момент Англия инициировала секретные переговоры против России. В начале марта Лондон предложил совместный с Парижем и Веной демарш. Целью его было скомпрометировать Наполеона III в глазах Александра II. Поначалу Франция не спешила высказываться, по мысли А. Дебидура, Наполеон «угадывал, в какую западню его хотели увлечь Англия и Австрия»²⁶. Однако вскоре он подвергся сильнейшему давлению общества и правительства. Так, министр внутренних дел граф В. де Персиньи выступил с критикой конвенции Альвенслебена и предлагал дать ответ, а принц Наполеон и императрица Евгения, по сообщению Орлова, получившего сведения от премьер-министра Великобритании лорда Дж. Пальмерстона, с которым он встретился в марте 1863 г., выступили за войну с Пруссией и имплицитно с Россией²⁷. Наполеон III не думал о военном решении вопроса²⁸, учитывая русско-пруссские договоренности по польскому вопросу, однако именно сейчас наступил удачный момент для достижения его собственных амбициозных целей.

Российскому посольству в Брюсселе было предписано внимательно следить за происходящим в европейских столицах и в самой Бельгии, а также «всеми имеющимися средствами бороться с польским влиянием»²⁹. В начале восстания, по сообщению Орлова, бельгийская пресса «позволяла довольно агрессивные выпады» в адрес России. В то же время «пропольских демонстраций ни в парламенте, ни на улицах, которым вряд ли что могло помешать, учитывая свободу прессы и собраний в Бельгии, не наблюдалось»³⁰. Промышленные круги Бельгии были заинтересованы в стабильных экономических отношениях с польским регионом, признавая «значительное увеличение промышленной и торговой активности Польши с момента ее присоединения к России». Исключение составляли оружейники Льежа, продававшие полякам оружие. Как Орлову стало известно из надежных источников, повстанцам было переправлено более тысячи револьверов и сотня ружей.

²² Цит. по: *Нифонтов А. С.* Указ. соч. С. 141.

²³ О полемике в отечественной историографии по этому вопросу см.: *Комзолова А. А.* Польское восстание 1863–1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. 2023. № 1. С. 68–74.

²⁴ Подробно об этом см.: *Нольде Б. Э.* Россия, Пруссия и Польша 1861–1863 // Вопросы мировой истории: сб. статей / под рук. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 86–117; *Ревуенков В. Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957; *Черкасов П. П.* Российско-французские отношения и польское восстание 1863 г.; *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т. 3. 1855–1894. М., 2018. С. 119–194.

²⁵ Цит. по: *Нифонтов А. С.* Указ. соч. С. 141.

²⁶ *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. II. Ростов-на-Дону, 1995. С. 216.

²⁷ *Notices secrètes.* 8 марта 1863 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 22. Л. 164. Ту же информацию передавал посол из Парижа (см. подробнее: *Черкасов П. П.* Александр II и Наполеон III. М., 2015. С. 275).

²⁸ См.: *Milza P.* Napoléon III. Paris, 2007. P. 622.

²⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 21. Л. 35.

³⁰ Там же. Л. 17. 25 февраля (9 марта) 1863 г.

Орлов не посчитал необходимым совершить официальный демарш перед бельгийским правительством по этому вопросу (он не получал соответствующих инструкций), однако в неофициальном общении с бельгийскими правительственными кругами упоминал, что прекрасно осведомлен об этом³¹.

Анализ депеш позволяет сделать вывод, что Орлов неукоснительно выполнял предписания МИД. В Санкт-Петербург он передавал, что открыто высказывался в разговорах с влиятельными лицами следующим образом: «Никогда наш августейший государь не сделает ни малейшей уступки перед вооруженным восстанием, и только тогда, когда оно будет усмирено, император подумает, что можно сделать для блага поляков»³². Он также доказывал абсурдность и непорядочность вербовщиков, вовлекавших молодых поляков-эмигрантов в Бельгии участвовать в мятеже. Как утверждал посланник, ему удалось оказать влияние на бельгийское общество. В доказательство Орлов пересылал в МИД вырезку из газеты, обычно печатавшей статьи против России. В статье утверждалось, что в Брюсселе мало сторонников «польского дела», а также выражалось недовольство тем, что бельгийское правительство следовало исключительно нейтральной позиции в отношении событий в Польше, в частности запрещало собрания «друзей поляков» в общественных местах³³.

В то же время, по свидетельству современника, литератора и общественного деятеля Е.М. Феоктистова, общавшегося с Н.А. Орловым, последний с сочувствием относился к полякам и «проливал слезы об их страданиях»³⁴. В 1863 г., не боясь скомпрометировать себя, Н.А. Орлов встречался с М.А. Бакуниным, ходатайствовавшим перед ним об участии польских повстанцев. Посланник продолжал озвучивать свое видение ситуации и возможности ее решения как в конфиденциальной, так и официальной переписке. 25 февраля Орлов в очередной раз писал цесаревичу: «Единственный исход состоит в отделении Царства Польского от России под монархией Константина Николаевича»³⁵, связанного с Россией военно-политическим союзом, который было необходимо направить против Австрии»³⁶. Дипломат считал, что польский вопрос осложнял ситуацию и в самой России, об этом в письме от 26 марта: «Если настоящий образ действий продолжится в Польше, то в России возникнет сильное и возрастающее год от году неудовольствие. Не Польша отложится от России, а русские сердца отложатся от царствующего дома», что грозило, по мнению Орлова, внутренними проблемами самодержавию. «И в народном, и в военном, и в династическом отношениях следует желать полного отделения Царства Польского от России. Пруссак, австриец и русские немцы будут всеми силами бороться против этой мысли, они увлекут за собою многих русских доктринеров и всех врагов Вашего семейства. Ясно и ощутительно, что, сохраняя за собою Польшу, царствующий дом рискует потерять русский престол»³⁷.

Свою точку зрения о необходимости отделения Польши посланник транслировал и Горчакову. 7 (19) марта 1863 г. Орлов направил в МИД записку о польском вопросе, в которой рассматривал несколько вариантов решения судеб поляков: 1. Продолжение существующего порядка. 2. Восстановление конституции 1815 г. 3. Создание Царства Польского как независимого отдельного государства. Последний пункт Орлов указал как наиболее приемлемый. На полях записки Горчаков оставил помету о своем согласии только со вторым пунктом³⁸. Позднее дипломат уточнял у вице-канцлера, была ли рассмотрена его записка, однако не получил утвердительного ответа. Возможно, Горчаков не счел целесообразным передавать ее императору, так как позиция Орлова категорически не совпадала с внутривластным курсом, но именно этот вариант предполагал предложить Александру II Наполеон III.

³¹ Там же. Л.18. 25 февраля (9 марта) 1863 г.

³² Там же. Л. 35.

³³ Там же. Л. 37. К депеше прилагается заметка в газете *La paix*.

³⁴ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Воспоминания. М., 1991. С. 73–75.

³⁵ Цит. по: Нифонтов А.С. Указ. соч. С. 141.

³⁶ Там же. С. 143.

³⁷ Цит. по: Нифонтов А.С. Указ. соч. С. 142.

³⁸ Брюссель, 7 (19) марта 1863 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 21. Л. 41.

В середине марта через сводного брата Луи Наполеона, бывшего посланника в России герцога де Морни, находившегося с Горчаковым в частной переписке, Наполеон III предложил Александру II дать Польше независимость под скипетром одного из членов династии. Этот план был отвергнут категорически. Было ясно, что независимая Польша вписывалась в проект Наполеона о союзе с Австрией: расширение границ Польши за счет австрийской Галиции, отказа Австрии от Венеции за счет компенсации турецких владений на Адриатике и прусской Силезии³⁹. План означал новую войну, к которой Австрия не была готова. Англия опасалась планов Франции, отговорила Австрию от принятия французской программы и не стала ее поддерживать. Не заинтересованная в восстановлении франкофильской Польши, она хотела увлечь Наполеона в ловушку, выставив инициатором антироссийских демаршей.

В середине апреля Франция, Англия и Австрия согласовали свои заявления по польскому вопросу. Соответствующие ноты были составлены каждым правительством, в них подчеркивалось, что расширение восстания в Польше ведет к его перерастанию в общеевропейскую проблему⁴⁰. Англия в своем заявлении напомнила России, что в результате польского восстания 1830 г. Николай I нарушил условия Венского конгресса 1815 г. об автономии Польши и отменил польскую конституцию в 1831 г. Франция заявила, что польский вопрос, став общеевропейской проблемой, нуждался в решении на международном конгрессе.

От посланника в Бельгии Горчаков получил сообщение, что по действительности, но действуя в согласии, Англия и Франция пытались также привлечь Бельгию на свою сторону⁴¹. В этой ситуации России было необходимо еще раз четко заявить о своей позиции. В частном письме Леопольду I от 14 апреля 1863 г. Александр II предупреждал: «Мы хотим мира, нам он необходим для развития наших внутренних реформ... Тем не менее, если, несмотря на все наши усилия достичь мирного решения, наши противники поставят нас в положение, не совместимое с достоинством короны и честью страны, мы решительно бросим перчатку и отдадим себя в руки Божьи, как в 1812 году»⁴².

Правительство Бельгии ответило Англии и Франции отказом официально осудить Россию. Глава правительства Ш. Рожье заявил Н.А. Орлову: «Нейтралитет Бельгии не позволяет ей вмешиваться в польские дела, как и в любые дела, которые напрямую не затрагивают интересы Бельгии». Тогда английский кабинет усилил давление на Леопольда I, который, как передавал Орлов, сомневался в том, что мир в Европе будет нарушен, но намеревался предпринимать максимум усилий перед заинтересованными в деле участниками для примирения и умеренности⁴³. 15 (27) апреля 1863 г. в секретной телеграмме Орлов писал, что Бельгия намерена соблюдать строгий нейтралитет и присоединится к всеобщему миру⁴⁴. В следующей телеграмме от 17 (29) апреля посланник сообщал, что позиция короля по вопросу о сохранении мира в Европе будет передана через бельгийского посланника в Санкт-Петербурге виконта де Йонге без прямого упоминания Польши⁴⁵.

Бельгия не хотела формально быть замешанной в польском вопросе. В то же время Леопольд I и через российского посланника, и лично обращаясь к Александру II в письмах, пытался уговорить Россию не противоречить Англии и идти на контакт, передавая пожелания английского кабинета по решению кризиса. В письме Александру II от 22 апреля Леопольд I призывал российского императора пойти на уступки, дабы не провоцировать спокойствие в Европе, так как во многих странах этот вопрос служит предлогом политических волнений. Король предостерегал: «Могут возникнуть большие сложности, возможно, стоит их предупредить и принять меры, которые могли бы удовлетворить настроения

³⁹ Дебидур А. Указ. соч. С. 223.

⁴⁰ См.: Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 200–211.

⁴¹ Орлов – Горчакову 22 апреля (4 мая) 1863 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 21. Л. 72.

⁴² Там же. Л. 299. В архиве находится проект письма, очевидно, оригинал был отослан Леопольду.

⁴³ Там же. Л. 72 об.

⁴⁴ Там же. Л. 264.

⁴⁵ Там же. Л. 265.

в Англии, где ожидают не столько улучшений, сколько чтобы все провинции, которые ранее входили в состав Польши, были бы вновь объединены»⁴⁶. Горчаков счел письмо «настолько куртуазным, насколько это возможно», о чем он написал Орлову, однако на его полях оставил помету: «Очевидно, что Леопольд пишет под диктовку Англии, хотя лучше было бы ему воздержаться от таких заявлений»⁴⁷. Тон этого комментария отражает раздражение российского министра предложением бельгийского короля и его зависимостью от позиции британского кабинета.

Тем временем Франция продолжила предпринимать интенсивную политико-дипломатическую атаку на Россию. Наполеон распространял слухи о своей просьбе к германским государствам разрешить проход армии через их территорию, имитировал военные приготовления, но, по мысли исследователя, он вряд ли задумывал войну, целью его демаршей было заставить нервничать Россию⁴⁸. У Горчакова существовали опасения, что, возможно, подготавливается новая «крымская коалиция». Но для прямого вмешательства в польские дела единственным возможным был вариант переброски войск через Балтийское море. Без помощи Англии Франция не смогла бы решить этот вопрос. Англия, в свою очередь, не спешила предпринимать активные действия. МИД получал сведения от Орлова о международной обстановке в Европе, и в частности позиции Англии. Ссылаясь на зашифрованную телеграмму от 22 апреля (4 мая) 1863 г., полученную от агента из Лондона, посланник докладывал: в ответ на австрийский запрос английский кабинет заявил, что, по его сведениям, Наполеон хочет войны, Англия, скорее всего, останется нейтральной. Австрии будет сложно остаться нейтральной, и она будет вынуждена примкнуть либо к России, либо к Франции⁴⁹. 24 апреля (6 мая) Орлов получил от агента в Лондоне и передал в Санкт-Петербург информацию, что Пальмерстон опасался Наполеона, антанта возможна между Австрией и Англией⁵⁰.

Понимая, что трем кабинетам будет сложно прийти к согласию, в ответной ноте европейским державам от 26 апреля Горчаков отклонил требования европейских держав и предложил сообщить основы соглашения по урегулированию⁵¹. Леопольд I, одобряя позицию России, все же предлагал пойти по пути смягчения требований Наполеона III. Орлов передавал Горчакову мнение Леопольда в депеше от 11 (23) мая 1863 г., написанной после аудиенции у короля 7 (19) мая: «В настоящее время необходимо польстить самолюбию императора французов, щедро одарив его проявлениями доверия и дружбы, сделав всякого рода уступки, при условии их соответствия чести и национальному достоинству России». Император, как казалось Леопольду, колебался между миром и войной: «Иногда он высказывает мысль о конгрессе, однако в настоящий момент его созыв не сможет способствовать практическому решению вопроса... Король весьма рассчитывает на Ваше (Горчакова. — А.Х.) мастерство и предыдущие шаги, чтобы повлиять на решения императора французов»⁵². Король также сообщил, что британское правительство в настоящее время находилось «под восторженным восхищением в пользу Польши», очень распространенном в массах. Министры склонялись к соблюдению нейтралитета, но текущее мнение может их с легкостью увлечь дальше тех целей, которые они предлагали. Леопольд советовал России принять участие в дискуссии о любых предложениях, которые последуют, и не отказываться ни от одного из них решительно и категорически. Король предполагал, что Австрия может выступить на стороне России в тот момент, когда российский император этого захочет. Что касается Пруссии, Леопольд боялся, что она может совершить ошибку, которая спровоцирует всеобщую войну. Король полагал, что чем быстрее будет подавлено восстание поляков, тем скорее исчезнут шансы начала войны. Тайной мечтой короля, по словам Орлова,

⁴⁶ Там же. Д. 13. Л. 6.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. С. 279–281.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 21. Л. 266.

⁵⁰ Там же. Л. 267.

⁵¹ История дипломатии. Т. 1. М., 1959. С. 706.

⁵² Депеша Орлова — Горчакову от 11 (23) мая 1863 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 21. Л. 104 об.

являлось восстановление альянса России, Пруссии и Австрии, «основанного на желании соблюдения всеобщей безопасности и интересов»⁵³. На полях депеши сохранилась помета Горчакова: «Давние речи старого лиса». Действительно, Леопольд ранее не раз допускал аналогичные высказывания⁵⁴. Однако политика балансирования между великими державами, целью которой было сохранение стабильности в Европе, была хорошо известна. С одной стороны, Леопольд призывал не злить императора французов, так как рассматривал англо-французское согласие как наиболее выгодное для государства, поскольку именно Англия могла умерить аппетиты Наполеона в отношении Бельгии и способствовать решению вопроса о свободе Шельды. Следуя своей политике, а также желая добиться для своей дочери Шарлотты титула императрицы, в 1861 г. поддержал англо-франко-испанскую интервенцию в Мексику. С другой — он рассчитывал на альянс России с Англией, будучи не менее заинтересованным в их поддержке на завершающем этапе проходивших в Париже переговоров по вопросу свободы Шельды⁵⁵.

В этот момент Наполеон III решил использовать российского посланника в Бельгии как дополнительный канал давления на Александра II. В Париже знали о взглядах Орлова на будущее Царства Польского. Возможно, императору стало известно об этом от генерала Флэри, с которым посланник тесно общался. Дипломат часто бывал в Париже (у супруги Николая Алексеевича, Екатерины Петровны Трубецкой, было загородное поместье в Бельфонте близ Фонтенбло). В мае от Флэри Орлов получил информацию, что Наполеон хотел бы с «честью выйти из польского дела», и передал ее в Санкт-Петербург. Посланник считал, что только личное общение Горчакова с Наполеоном помогло бы «изменить к лучшему ту плачевную ситуацию, которая нам угрожает, в преимущественную позицию для будущего нашей родины»⁵⁶. Однако российский МИД не спешил с ответом. Неожиданно в переговоры был вовлечен сам Орлов.

В начале июня посланник получил приглашение на аудиенцию к императору. Встреча должна была пройти конфиденциально 6 июня. Не поставив в известность А. М. Горчакова и российского посла в Париже А. Ф. Будберга, Н. А. Орлов поехал в Тюильри. На следующий день после встречи посланник отправил Горчакову зашифрованную телеграмму: «Предложения Наполеона приемлемы и неожиданны». Горчаков на полях оставил помету: «не терпится их узнать». Орлов предполагал, что скоро император напишет Александру II, что просил сохранить в секрете⁵⁷. Подробности аудиенции были изложены Орловым в конфиденциальном письме Горчакову. Со слов посланника, Наполеон заявил, что еще во время встречи с императором в Штутгарте (в сентябре 1857 г.) затрагивал польский вопрос, рискуя получить ответ, что вмешивается в дело, которое его не касается. Наполеон уверял Орлова, что в начале восстания ничего не предпринимал по своей воле и только лишь под давлением кабинета имел опрометчивость вмешаться дипломатическим путем. «Я должен был бы напрямую обратиться к Вашему суверену, к которому испытываю чувства верности и наиполнейшую преданность. Я боялся быть отринутым, так как это дело меня не касается. Поэтому я обратился за помощью к другим». На полях помета Горчакова: «настроив всю Европу против нас». Император предлагал Александру II «прекратить кровопролитие средствами, которые кажутся ему подходящими», добавив, что политическую атаку на Россию «придумали англичане и австрийцы». Эта фраза подчеркнута Горчаковым и поставлены три восклицательных знака на полях. Орлов позволил себе спросить, каковы личные взгляды Наполеона на польский вопрос⁵⁸. Император ответил: «Я бы предложил создать сильное правительство в Варшаве вице-королевства под руководством великого князя Константина Николаевича. Через десять лет вице-королевство можно передать великому князю

⁵³ Там же. Л. 105. Краткий отчет был представлен в телеграмме от 7 (19) мая 1863 г. (Там же. Л. 270).

⁵⁴ См.: *Хорошева А. О.* Российское посольство в Брюсселе ... С. 61–76.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 11. Л. 303–304.

⁵⁶ Дешеш Орлова от 4 (16) мая 1863 г. // Там же. Д. 21. Л. 84.

⁵⁷ Там же. Л. 271.

⁵⁸ Там же. Л. 112–113.

(Горчаков на полях оставил помету, что не понял предложения. — А.Х.)... Это всех устроит и все успокоится»⁵⁹. «Что касается дипломатического вопроса, — продолжил Наполеон III, — Вы думаете, чего-то можно добиться на конференциях? Вы так не думаете, и вы правы. Я бы на Вашем месте (министерства иностранных дел. — А.Х.) ответил на ноты, которые Вам будут пересланы. Я был неправ, что не написал императору Александру, я об этом подумаю»⁶⁰.

Получив депешу, Горчаков немедленно послал Орлову телеграмму: «Встреча с Наполеоном достойна сожаления... говорить с Наполеоном, тем более в таком ключе, в котором этот вопрос не рассматривает государь, неправомерно», и предписал Орлову держаться пассивно, не предпринимать никаких шагов без его ведома, не отвечать ни на какие предложения о встрече со стороны каких-либо эmissаров французского императора, воздержаться от любого демарша и даже какого-либо намека на них⁶¹. Так, несанкционированная посредническая миссия Орлова была окончена. Самостоятельные действия Орлова вызвали явное раздражение. Тем не менее посланник продолжил службу в Брюсселе.

5 (17) июня Горчакову была передана нота трех держав с повторением требования созыва конгресса великих держав по польскому вопросу, был выдвинут ряд политических предложений в отношении Царства Польского: амнистировать восставших, созвать представительное собрание, предоставить Польше местную автономию, обеспечить права католической церкви, принять приемлемую для поляков систему рекрута. Россия дала ответ через месяц. 13 июля Горчаков направил послам в Париже, Лондоне и Вене депеши, в которых вмешательство в польские дела объявлялось недопустимым, требования держав отклонялись на основании того, что Россия владеет Польшей не на основании договора 1815 г., а по праву завоевания⁶². Условием переговоров по Польше обозначалась капитуляция повстанцев и участие в них трех государств, предпринявших ее раздел ранее.

Тем временем поляки отказались от предложенной амнистии и восстание продолжилось с новой силой, вызвав, в свою очередь, ужесточение репрессий. В конфиденциальном письме от 9 (21) июля Орлов писал Горчакову: «Хорошо бы опубликовать обращение к иностранным дворам, в котором детально рассматриваются ужасы, совершенные повстанцами, в отношении которых были якобы применены меры, в которых столь часто клеветнически обвиняемые наши власти. Общественное мнение начинает уставать от поляков и, как представляется, расположено воспринимать правду»⁶³. Через несколько дней, 13 (25) июля 1863 г., он телеграфировал, что из Франции приходят тревожные сообщения о военных приготовлениях, что беспокоит бельгийское общество: «Из надежных источников, во Франции в будущем месяце готовят морскую экспедицию в Кронштадт. Уверяют, что Наполеон просил у Берлина дать категоричный ответ о возможной позиции Пруссии. Здесь большая паника. Король Леопольд расположен предоставлять информацию, если ее конфиденциальность будет сохранена, в том числе от бельгийского посланника в России де Йонге»⁶⁴. Предположения короля о возможной военной экспедиции в Кронштадт вызвали беспокойство у Александра II. В ответ 14 июля Орлову была передана шифрованная телеграмма: «Продолжайте собирать самые важные сведения. Мы очень признательны Королю»⁶⁵. Именно в эти дни шло подписание договора о выкупе судоходства Шельды. В шифрованной телеграмме от 16 июля Орлову было сообщено, что поддержка в вопросе Шельды была оказана лично королю Леопольду в благодарность за то, что он предоставляет важные сведения»⁶⁶.

⁵⁹ Там же. Л. 111–111 об.

⁶⁰ Там же. Л. 113–114.

⁶¹ Там же. Л. 128.

⁶² МИД России указывал это и ранее в ответ на ноты от 6 (18) апреля. См.: Айрапетов. Указ. соч. С. 152, 155.

⁶³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 21. Л. 135.

⁶⁴ Там же. Л. 276.

⁶⁵ Там же. Л. 322. На полях содержится резолюция Александра II: «Быть по сему».

⁶⁶ Там же. Л. 324.

Как известно, опасения Горчакова и Александра II не оправдались. Коалиция против России, которой боялись в начале польских событий, не складывалась. Ни Англия, ни Франция, ни Австрия не были готовы выйти за рамки дипломатических решений. Подтверждение этому МИД получил в телеграмме Орлова от 17 (29) июля: «Англия настроена мирно, нота дипломатическим представителям пока не подготовлена. Наполеон написал Э. Друэн де Люису, что раньше весны следующего года война невозможна. Проект ноты австрийцев составлен в весьма резком тоне, практически ультиматум, который делает Россию ответственной за последующие события, ноту будут смягчать»⁶⁷. Совместная нота в австрийской редакции была подписана 18 (30) июля, Франция рассчитывала привлечь к ней Англию⁶⁸. Со слов встретившегося с Орловым барона Ротшильда, заверившего его в своей преданности российским интересам, королева Виктория убедила короля Леопольда в том, что Англия мирно настроена. Франция еще не определилась, но стремится выйти из затруднительного положения⁶⁹. Бельгийское правительство выступило против франко-британской позиции, так как она была способна осложнить ситуацию и могла спровоцировать угрозу безопасности Бельгии.

Новые ноты от трех держав, в которых на Россию возлагалась ответственность за последствия польской смуты, были предъявлены в начале августа. Однако и эти угрозы не испугали Горчакова, и он не торопился давать ответ. Тем не менее позиция Александра II была озвучена Леопольду I. Скорее всего, расчет был сделан на то, что бельгийский король сообщит ее в Лондон. Письмо было составлено 15 августа 1863 г. Горчаковым и, по всей вероятности, отослано королю. В документе говорилось: «Основная задача состоит прежде всего в том, чтобы восстановить порядок и власть в Царстве Польском... Вы можете быть уверены в том, что я сделаю все возможное для того, чтобы обеспечить моим подданным в Царстве то же благополучие, над достижением которого я добиваюсь для остального населения моей Империи. Я страстно желаю, чтобы отношение государств, заинтересованных в мире, оказало содействие моим усилиям вместо того, чтобы чинить препятствия»⁷⁰. Тем самым четко проговаривалась неправомерность участия иностранных держав в решении польского вопроса.

Официально ответный меморандум российский МИД представил 7 сентября. В нем обосновывалась с политико-правовой точки зрения позиция России. Она отказывалась продолжать переговоры по польским делам: «Что касается той ответственности, которую она (Россия. — А.Х.) может принять на себя в своих международных отношениях, то эти последние определяются международным правом. Лишь нарушение основных начал этого права может навлечь ответственность»⁷¹. Король Леопольд в разговоре с российским посланником приветствовал ответ российского императора, назвав меморандум Горчакова «шедевром дипломатии»⁷².

Однако Наполеон III не оставлял идею конгресса, намереваясь под вуалью решения польского вопроса поднять проблему пересмотра условий Венского договора 1815 г., целью которого было расширение границ Франции по левому берегу Рейна⁷³. 4 ноября Наполеон обратился к европейским державам с приглашением участвовать в конгрессе в Париже. Это не могло не беспокоить не только короля Леопольда, но и бельгийское общество. В депеше от 4 (16) ноября 1863 г. Орлов сообщал, что общественное мнение в Брюсселе формируется под влиянием Парижа и Лондона, но выражается более свободно. Бельгийцы боятся, что Наполеон III будет призывать к созыву конгресса. Одна часть общества поддерживает польское восстание, видит в предложении созыва конгресса единственный способ избежать

⁶⁷ Там же. Л. 277.

⁶⁸ Телеграмма 19 (31) июля 1863 г. // Там же. Л. 278.

⁶⁹ Телеграмма от 3 (15) августа 1863 г. // Там же. Л. 281.

⁷⁰ Там же. Д. 13. Л. 11.

⁷¹ Цит. по: Айрапетов О.А. Указ. соч. С. 188.

⁷² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 21. Л. 284. Депеша от 14(26) сентября 1863 г.

⁷³ Подробнее о политике Наполеона III см., например: *Martel R. La France et la Pologne/ Réalités de l'Est Européen. Paris, 1931; Renouvin P. La politique extérieure du Seconde Empire. Paris, 1947.*

осложнений в виде войны. На самом деле, они неискренни. Они хотят войны⁷⁴. Другая часть, более многочисленная, верит в мирное решение вопроса, полагает, что, говоря о всеобщем арбитраже, предоставляя доказательства своих мирных намерений, Наполеон III стремится укрепить трон для своего сына, желая, чтобы с его династией были связаны воспоминания о том, как он принес Европе новый Вестфальский договор. В Бельгии прекрасно осознавали, что истинные цели императора — вернуть Францию к границам 1814 г. В целом, по свидетельству Орлова, бельгийское общество «устало от польского восстания», консервативные круги в большей степени симпатизировали полякам, либералы в меньшей, расценивая польское восстание как «борьбу абсолютной власти с остатками феодализма»⁷⁵.

В эти дни Орлов получил аудиенцию у Леопольда I и передал в Санкт-Петербург содержание беседы: король верил в мирные намерения Наполеона III, но считал утопией идею конгресса; полагал, что международная конференция не состоится, так как вопрос о территориальных изменениях сам заведет Наполеона в тупик и он сам откажется от своей идеи. Такое же мнение разделяли члены правительства, однако многие считали, что Наполеон так легко от нее не откажется, но в настоящее время возьмет на себя инициативу по разоружению⁷⁶. Бельгийское правительство получило предложение Франции принять участие в расширенном конгрессе. Поначалу оно не давало ответа, так как ожидало, что предпримет Англия⁷⁷.

Россия не спешила ответить на предложение. Однако, как известно, не она, а Англия еще 25 ноября не приняла идею конгресса. Австрия также опасалась, что Франция может опять сблизиться с Россией в обмен на поддержку в вопросе исправления границ. Таким образом, план Наполеона III провалился. Горчаков позднее писал: «Император Наполеон потерпел неудачу, что и признавал сам и что подчеркнул своим предложением общего конгресса»⁷⁸. По мнению посланника, «его положение во Франции, его малые военные возможности и, наконец, политическое и моральное состояние на континенте предполагают для него только случайные войны, войны локальные и пропагандистские войны»⁷⁹. Вмешательство в польский вопрос означало «закат его власти во Франции и его престижа в Европе»⁸⁰.

К весне 1864 г. обстановка в Царстве Польском стабилизировалась. Российская миссия способствовала публикации в правительственной газете *L'indépendance belge* детального анализа декретов 19 февраля (2 марта)⁸¹. Орлов передавал, что декреты об участии сельского населения Польши были приняты в Бельгии с живым восхищением всеми приверженцами порядка и законной свободы. Премьер-министр Рожье поздравил Орлова с проведением важной реформы в Польше, которая ознаменовала «новую эру в анналах этой несчастной страны». По свидетельству дипломата, французская пресса, инспирируемая польскими революционерами, свободно циркулировавшая в Бельгии, даже не посмела подать голос против декретов 19 февраля, умолчал о них⁸².

По окончании кризиса Наполеон III предпринял попытки возродить прежние доверительные отношения с Россией. Как известно, встреча Александра II с Наполеоном III состоялась в Ницце в октябре 1864 г.⁸³ Однако это не исправило ситуации. Российский император не доверял Наполеону III, его политику в Санкт-Петербурге считали «непостоянной,

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 21. Л. 236 об.

⁷⁵ Там же. Л. 237 об.

⁷⁶ Там же. Л. 239.

⁷⁷ Там же. Л. 288.

⁷⁸ Доклад А.М. Горчакова Александру II 3(15) сентября 1865 г. Санкт-Петербург // *Лопатников В.А. Горчаков. Время и служение*. М., 2015. С. 362.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1864 г. Д. 20. Т. 2. Л. 172.

⁸⁰ Там же. Л. 327.

⁸¹ Согласно им, крестьяне в Царстве Польском становились собственниками земель, находившихся в их пользовании, без выкупа, освобождались от повинностей, замененных поземельным налогом.

⁸² 13 (25) марта 1864 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1864 г. Д. 20. Т. 2. Л. 20–21.

⁸³ Императоры встречались и в 1865 г. в связи с трагическим событием в семье Александра II, в 1867 г. Александр II посетил Всемирную выставку в Париже, но визит был омрачен покушением на него.

нерешительной и неискренней»⁸⁴. Внешне наладить отношения с Россией стремилась и Англия. В беседе с Орловым 10 апреля 1864 г. лорд Пальмерстон заявил, что российский император – единственный на континенте суверен прогрессивно мыслящий, а его правительство отвечает современным требованиям, добавив, что отныне Россия и Англия будут вынуждены сблизиться и договориться⁸⁵.

Для успешного решения внутренних проблем, в частности в Польше, Россия во внешней политике, по словам Горчакова, будет стараться поддерживать всеобщий мир⁸⁶. Продолжая курс на отмену условий Парижского мира, тем не менее она не откажется от Франции как от противовеса не только Англии и Австрии, но и Пруссии, не принимая на себя при этом обязательств. В процессе осуществления поставленных задач немаловажную роль продолжают играть представители за границей, в том числе в Бельгии, суверен которой хотя и находился под английским влиянием, был полезен ввиду своей заинтересованности в сохранении европейского равновесия. Н.А. Орлов останется во главе миссии в Брюсселе до 1869 г., даже несмотря на то, что неофициально озвучивал свою личную позицию в период польского восстания 1863–1864 гг. Как мы полагаем, его деятельность не была сочтена деструктивной или противоречащей государственным интересам. В последующие годы дипломату было доверено руководство дипломатическими миссиями в главных европейских столицах, в частности в Париже, где он будет способствовать российско-французскому сближению.

Библиография

- Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т.3. 1855–1894. М., 2018.
- Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. II. Ростов-на-Дону, 1995.
- Комзолова А.А.* Польское восстание 1863–1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. 2023. № 1. С. 68–74.
- Лопатников В.А.* Горчаков. Время и служение. М., 2015.
- Намазова А.С.* Российская империя и Королевство Бельгия: установление дипломатических отношений и первые посланники // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 94–104. DOI: 10.31857/S013038640016502-0
- Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы в 30–60-х годах XIX в. М.; СПб., 2017.
- Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.
- Ронин В.К.* Между реформами и революцией. Русские в Бельгии: 1862–1905 // Страна синей птицы. Русские в Бельгии. М., 1995.
- Черкасов П.П.* Российско-французские отношения и польское восстание 1863 г. // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 94–112.
- Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. М., 2015.
- Хорошева А.О.* Леопольд I и политика Бельгии накануне Крымской войны // Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 83–94. DOI: 10.31857/S013038640020486-2
- Хорошева А.О.* Российское посольство в Брюсселе о политике Леопольда I в период австро-итало-французской войны 1959 года // Новая и новейшая история. 2023. № 6. С. 61–76. DOI: 10.31857/S013038640026630-1
- Хорошева А.О.* Международные гарантии нейтралитета Бельгии накануне Франко-прусской войны 1870–1871 гг.: позиция России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 9 (119). URL: <https://history.jes.su/issue.2022.3.9.9-119/?ysclid=lr0aw8oir327749635> (дата обращения: 26.05.2024.)
- Comte Corti, baron Buffin.* Léopold Ier, oracle politique de l'Europe. Bruxelles, 1927.
- Renouvin P.* La politique extérieure du Seconde Empire. Paris, 1947.
- Terlinden Ch.* L'établissement des relations diplomatiques entre la Belgique et la Russie (1852–1853) // Revue d'histoire diplomatique. № 37 (1923). P. 398–431.

⁸⁴ Записка Горчакова «О внешней политике России с 1856 по 1867 год» // *Лопатников В.А.* Указ. соч. С. 365.

⁸⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1864 г. Д. 20. Т. 1. Л. 231–232.

⁸⁶ Доклад А.М. Горчакова Александру II. 3 (15) сентября 1865 г., Санкт-Петербург // *Лопатников В.А.* Указ. соч. С. 358.

References

- Ajrapetov O.R.* Istoriya vneshnej politiki Rossijskoj imperii [History of Foreign Policy of the Russian Empire]. 1801–1914. T. 3. 1855–1894. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Aleksandr II i Napoleon III [Aleksandr II and Napoleon III]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Rossijsko-francuzskie otnosheniya i pol'skoe vosstanie 1863 g. [Russia-French relations and the Polish uprising of 1863] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2015. № 1. S. 94–112. (In Russ.)
- Debidur A.* Diplomaticheskaya istoriya Evropy` [Diplomatic History of Europe]. 1814–1878. T. II. Rostov-na-Donu, 1995. (In Russ.)
- Komzolova A.A.* Pol'skoe vosstanie 1863–1864 gg. v kontekste evropejskoj diplo-matii: sovremennyy'e ocenki rossijskix istorikov. Episode 5. History [The Polish Uprising of 1863–1864 in the Context of the European Diplomati. Seriya 5. Istoriya] // *Social'ny'e i gumanitarnyy'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura* [Modern Assessments of Russian Historians. Russian and foreign literature]. 2023. № 1. S. 68–74. (In Russ.)
- Lopatnikov V.A.* Gorchakov. Vremya i sluzhenie [Gorchakov. Time and service]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Namazova A.S.* Rossijskaya imperiya i Korolevstvo Bel'giya: ustanovlenie diplo-maticheskix otnoshenij i pervyye poslanniki [Russian Empire and the Kingdom of Belgium: Establishment of Diplomatic Relations and the First Envoys] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 94–104. DOI: 10.31857/S013038640016502-0 (In Russ.)
- Pol'skaya politicheskaya e'migraciya v obshhestvenno-politicheskoy zhizni Evropy` v 30–60-x godax XIX v. [Polish political emigration in the socio-political life of Europe in the 30s–60s of the 19th century]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)
- Revunenkov V.G.* Pol'skoe vosstanie 1863 g. i evropejskaya diplomatiya [Polish Uprising of 1863 and European Diplomacy]. Leningrad, 1957. (In Russ.)
- Ronin V.K.* Mezhdru reformami i revolyuciej. Russkie v Bel'gii [Between Reforms and Revolution. Russians in Belgium]: 1862–1905 // *Strana sinej pticy. Russkie v Bel'gii* [The Land of the Blue Bird. Russians in Belgium]. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Xorosheva A.O.* Leopold I i politika Bel'gii nakanune Kry'mskoj vojny` [Leopold I and the Politics of Belgium on the Eve of the Crimean War] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2022. № 6. S. 83–94. DOI: 10.31857/S013038640020486-2 (In Russ.)
- Xorosheva A.O.* Mezhdunarodny'e garantii nejtraliteta Bel'gii nakanune Franko-prusskoj vojny` 1870–1871 gg.: poziciya Rossii [International guarantees of Belgium's neutrality on the eve of the Franco-Prussian War of 1870–1871: Russia's position] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. Vy'p. 9 (119). URL: <https://history.jes.su/issue.2022.3.9-9-119/?ysclid-lzr0aw8oir327749635> (access date: 26.05.2024.) (In Russ.)
- Xorosheva A.O.* Rossijskoe posol'stvo v Bryussele o politike Leopold'a I v period avstro-italo-francuzskoj vojny` 1959 goda [The Russian Embassy in Brussels on the Policy of Leopold I in the Period of the Austro-Italian-French War of 1959] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2023. № 6. S. 61–76. DOI: 10.31857/S013038640026630-1 (In Russ.)
- Comte Corti, baron Buffin. Léopold Ier, oracle politique de l'Europe. Bruxelles, 1927.
- Renouvin P.* La politique extérieure du Seconde Empire. Paris, 1947.
- Terlinden Ch.* L'établissement des relations diplomatiques entre la Belgique et la Russie (1852–1853) // *Revue d'histoire diplomatique*. № 37 (1923). P. 398–431.

© 2024 г. С.А. ЛИМАНОВА

ЮБИЛЕЙ ПО ТЕЛЕГРАФУ. 50-ЛЕТИЕ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ (1887) В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПРЕССЫ

Лиманова Светлана Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН; Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: serovasvetlana@mail.ru

Scopus Author ID: 57220923106; Researcher ID: AAF-3549-2020; ORCID: 0000-0002-9189-0963.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00482 «Трансформация идей превосходства на Западе и в России в конце XIX — начале XXI в.».

Аннотация. Статья представляет обзор сообщений о праздновании юбилея королевы Виктории (1887) в ведущих газетах и журналах Российской империи («Правительственный вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Новое время», «Новороссийский телеграф», «Вестник Европы», «Всемирная иллюстрация» и др.). При всем обилии изданий по периоду правления королевы Виктории и повышенному интересу к теме юбилейных практик в самой Великобритании в таком ракурсе данная тема ранее не рассматривалась. Текст разделен на несколько тематических блоков: выявление особенностей русской периодики, подробное описание самого сценария торжеств, освещение участия представителей российского императорского дома в юбилее, закрепление представлений о Великобритании как о колониальной державе и др. Периодические издания во второй половине XIX в. являлись главным источником информации, поэтому пользовались невероятным спросом. С одной стороны, пресса позволяла формировать общественное мнение, а потому являлась действенным механизмом трансляции важных внутри- и внешнеполитических изменений, с другой стороны, по мере роста количества газет издатели вынуждены были все больше ориентироваться на запросы читателей. В распространении заграничных новостей в тот период ключевую роль играли телеграфные агентства, которые в какой-то мере стандартизировали исходящую информацию. В то же время были издания, которые могли предоставить сообщения собственных корреспондентов с места событий, что позволяло получать разного рода эксклюзивные сведения. Столичные газеты и журналы задавали тон публикациям в провинциальной прессе, которая зачастую ограничивалась пространными перепечатками. Таким образом, русская общественность могла узнать о новостях из далекой Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания, юбилеи, монархи, годовщины, королева Виктория, 1887 г., репрезентация власти, Россия, пресса, образ страны, образ события.

S.A. Limanova

Jubilee by Telegraph: The 50th Anniversary of Queen Victoria's Reign (1887) in the Mirror of the Russian Press

Svetlana Limanova, Archive Russian Academy of Sciences; Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: serovasvetlana@mail.ru

Scopus Author ID: 57220923106; Researcher ID: AAF-3549-2020; ORCID: 0000-0002-9189-0963

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 20-18-00482 “Transformation of ideas of superiority in the West and in Russia in the late 19th – early 21st century”.

Abstract. In the article, the author presents a review of reports on the celebration of Queen Victoria's Golden Jubilee (1887) in the leading newspapers and magazines of the Russian Empire, including The Government Gazette and Sankt-Peterburgskie Vedomosti. Additionally, the following periodicals were consulted: “Moskovskie Vedomosti”, “Novoe Vremya”, “Novorossiyskiy Telegraph”, “Vestnik Evropy” and “Vsemirnaya Illyustratsiya”, among others. Given the plethora of literature on the period of Queen Victoria's reign and the growing interest in jubilee practices amongst British scholars, this topic has yet to be considered from that particular perspective. The article is divided into several thematic sections, including an examination of the characteristics of Russian periodicals, a comprehensive account of the jubilee celebrations themselves, an analysis of the participation of members of the Russian imperial family in the festivities, a discussion of Britain's role as a colonial power, and more. In the latter half of the nineteenth century, periodicals constituted the principal source of information, and thus were in high demand. On the one hand, the press facilitated the formation of public opinion, thereby serving as an effective conduit for disseminating significant domestic and foreign policy developments. On the other hand, as the number of newspapers proliferated, publishers were compelled to increasingly prioritise the interests of their readership. At that time, telegraph agencies played a pivotal role in the circulation of international news, to some extent standardising the dissemination of information. Concurrently, there were publications that could claim to have their own correspondents on the ground, thereby facilitating the acquisition of a range of exclusive information. The capital's newspapers and magazines set the tone for the provincial press, which was often constrained to lengthy reprints. Consequently, the Russian public could access news from places as distant as Great Britain.

Keywords: Great Britain, jubilees, monarchs, anniversaries, Queen Victoria, 1887, power representation, Russia, press, national image, image of the event.

В начале лета 1887 г. представители европейских королевских домов, принцы и князья со всего мира устремились в Лондон на небывалое прежде торжество. Полувековой юбилей правления отмечала королева Великобритании и императрица Индии – Виктория. Об этом событии писали все лондонские, а вслед за ними и мировые газеты. Благодаря активно действовавшей телеграфной сети информация распространялась гораздо быстрее, чем раньше. Прогресс позволил сделать заочными свидетелями юбилейных празднований гораздо большее число людей, чем если это было бы исключительно городское, хоть и блестящее столичное торжество. Привлечению внимания способствовал и тот факт, что активно выполнявшая свои представительские функции королева после 1861 г., когда умер ее любимый супруг и советчик принц-консорт Альберт, отошла от светской жизни, погрузившись в траур на несколько десятилетий. Теперь же настал момент возвращения в полном величии, и многим хотелось узнать подробности таких перемен.

Периодические издания в Российской империи также постарались осветить «юбилей полувекового царствования» королевы Виктории – такое наименование наиболее часто встречалось в русском варианте. Телеграфные сообщения приходили через Северное телеграфное агентство, их источниками становились европейские газеты, а потому сведения, полученные таким образом, мало чем отличалась друг от друга. Далее из столичных газет они попадали в провинциальную прессу. Однако у некоторых изданий была возможность получить эксклюзивную информацию от собственных корреспондентов. Ко всему прочему в «толстых» журналах размещались черно-белые изображения с пояснительными описаниями или с сопутствующими аналитическими заметками по теме.

В данной статье рассматриваются наиболее популярные периодические издания Санкт-Петербурга, Москвы и Одессы, печатавшие на своих страницах европейские новости:

«Правительственный вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новости и биржевая газета», «Новое время»; «Московские ведомости»; «Новороссийский телеграф»; «Всемирная иллюстрация», «Вестник Европы». Анализ размещенной в них информации позволяет восстановить общую канву праздничных событий в далекой Великобритании, определить фокус внимания прессы и способы подачи материала, сделать некоторые выводы о значении торжества и его общественном восприятии. Ведь как было замечено одним из корреспондентов, газеты — «безошибочный барометр всего, что интересует общество»¹.

* * *

Специфика русских периодических изданий накладывала свой отпечаток на объем и содержание публикаций о юбилее королевы Виктории. К тому же торжества описывались и воспринимались не сами по себе, а в контексте международных отношений. И хотя различные иностранные известия появлялись регулярно, а любопытство читателей не могло не привлечь столь яркое и масштабное празднество, на выборе приоритетных сюжетов сказывались в том числе довольно прохладные отношения между Великобританией и Российской империей.

«Правительственный вестник», ежедневная газета при Главном управлении по делам печати, публиковал сведения о юбилее не на первой полосе, ограничиваясь в основном телеграфными сообщениями. Примечательно, что одной из первых новостей по поводу готовящегося юбилея стала информация («из достоверных будто бы источников») «о существовании заговора, имевшего целью произвести ряд динамитных покушений в торжественный день юбилея королевы»². В последующих выпусках была напечатана большая статья с заголовком «Юбилей английской королевы», составленная на основе перепечаток из иностранных газет, в весьма положительном ключе оценивавших ее правление: «Заграничные газеты переполнены подробностями об этом небывалом в Англии торжестве, на которое единодушно откликнулись, как один человек, миллионы подданных ее величества, рассеянных по всем странам света, и выражают уверенность, что в этот день английский народ проникся чувством справедливой гордости при мысли о тех громадных успехах, которые совершила Англия на всех путях своего государственного, экономического и политического преуспеяния за прожитые ею пятьдесят лет, в течении которых великобританский престол занимала ныне чествуемая монархиня»³.

«Санкт-Петербургские ведомости», позиционировавшие себя как политическая и литературная газета, рассказали о юбилее более подробно. Помимо телеграмм, размещавшихся по большей части на первых полосах, вышла подробная публикация «Юбилей королевы Виктории»⁴ и несколько специальных статей с пометкой «от нашего лондонского корреспондента» за подписью «Z.Z.». Одна из них была посвящена подготовке юбилейных празднований («Перед юбилеем королевы Виктории»⁵), другая — детальному описанию уличного лондонского декора («Праздничный Лондон»⁶). В совокупности они буквально создавали «эффект присутствия». Красочные описания не помешали, однако, отметить противоречия Англии и Турции с Россией и Францией по вопросу о заключении египетской конвенции⁷.

Не менее обстоятельно лондонские торжества и сопутствующие им мероприятия представляло еще одно ежедневное петербургское издание — «Новости и биржевая газета». Телеграммы перемежались здесь с довольно подробными сообщениями о том, как преобразился Лондон, какие юбилейные процессии ожидались, кто в них участвовал, а также — как

¹ Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 172. С. 1.

² Правительственный вестник. 1887. № 120. С. 2.

³ Там же. № 127. С. 2.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 161. С. 1.

⁵ Там же. № 156. С. 2.

⁶ Там же. 1887. № 163. С. 2.

⁷ Там же. 1887. № 157. С. 1.

проходили празднования в других городах Великобритании. Кроме того, газета, являвшаяся «рупором крупных промышленников», особое внимание уделила коммерческому аспекту торжеств. Одна из статей содержала подробную биографию королевы Виктории. Среди наиболее важных событий ее правления были отмечены «крымская кампания» и «франко-прусская война», сильно отдалившие Великобританию от России и, напротив, сблизившие ее с Германией⁸.

В «Новом времени», газете «европейского типа», к общим телеграфным новостям добавился небольшой фельетон под заглавием «Юбилейные дни в Лондоне» за подписью «Случайный турист». Судя по тексту, написанному с изрядной долей иронии, представленные в нем английские нравы оставляли желать лучшего: «Что было пьяных в “дзубилейные” (т.е. юбилейные. — С.Л.) дни — это, я думаю, едва ли могла узнать даже всезнающая лондонская полиция. Положительно на каждом шагу я наталкивался на мертвецки пьяных не только мужчин, но и женщин. Но мне пришлось, однако, видеть, как одного такого пьяного, растянувшегося поперек дороги, полисмен довольно быстро привел в чувство, отодрав его за уши. Способ оригинальный, но едва ли довольно уместный в такой свободной стране, как Англия, где совмещаются “королева и конституция”, как гласила блестящая надпись на одной из лучших улиц Лондона — Оксфорд-стрит»⁹.

«Московские ведомости», перепечатававшие все те же телеграммы, больше внимания сконцентрировали на разборе действий английского правительства и внутренних проблемах Великобритании. О британской русофобии в открытую писало одесское издание — «Новороссийский телеграф». Про юбилей рассказывали телеграммы и пространные статьи («Юбилей английской императрицы»¹⁰, «Юбилей императрицы Виктории»¹¹); в одном из выпусков было помещено черно-белое изображение королевы Виктории¹² с сопроводительным текстом биографического плана.

Солидные издания «Вестник Европы» и «Всемирная иллюстрация» тоже уделили внимание юбилейным торжествам. Отмечая заслуги правления королевы Виктории, «Вестник Европы», однако, рассуждал о проблемах с Ирландией и различии в интересах Великобритании и России на Востоке¹³. «Всемирная иллюстрация» отметила популярность королевы Виктории среди английского народа и «объединяющий» потенциал юбилея. Издание разместило два черно-белых портрета королевы: один — тот же, что и в «Новороссийском телеграфе», только лучшего качества; другой — в парадном облачении. Отдельный сюжет был посвящен подробному описанию торжественной церемонии в Вестминстерском аббатстве с соответствующим изображением¹⁴.

К особенностям публикаций следует также отнести своеобразную передачу английских названий в русских текстах. Например, на страницах прессы можно было встретить такие варианты написания, как «министерство Салисбюри», «архиепископ Кентербурыйский», «Вестмюнстерское аббатство», «Бокингамский дворец» и др. При цитировании текстов в данной статье названия приводятся в соответствии с современной транскрипцией, при необходимости — даются дополнительные пояснения в квадратных скобках.

Телеграммы приходили «в режиме реального времени», т.е. день в день. Публиковались они в ближайших выпусках, соответственно, на следующий день после получения. У них был особый лаконичный стиль, тем не менее умело создававший ощущение сопричастности моменту. Иногда размещались довольно пространные сообщения, особенно если это были перепечатки из иностранных газет.

⁸ Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 152. С. 1.

⁹ Новое время. 1887. № 4062. С. 2.

¹⁰ Новороссийский телеграф. 1887. № 3744. С. 1.

¹¹ Там же. № 3745. С. 3.

¹² Там же. 1887. № 3755. С. 2.

¹³ Вестник Европы. 1887. 7 кн. Июль. С. 411–413; Там же. 8 кн. Август. С. 872–873.

¹⁴ Всемирная иллюстрация. 1887. Т. XXXVII. № 17 (953). С. 335, 340; Там же. Т. XXXVIII. № 1 (963). С. 1, 12, 15.

Общий поток телеграмм о юбилее королевы Виктории выстраивает четкую последовательность основных событий, за которыми довольно оперативно могли следить читатели. Даты давались двойные: основная — как было принято в Российской империи (по юлианскому календарю), в скобках — европейская (по григорианскому). Общая канва столичных торжеств 1887 г. выглядела следующим образом: 8 (20) июня — королева прибыла в Букингемский дворец (Лондон) из Виндзора; 9 (21) июня — основное действо в Вестминстерском аббатстве (до 9 тыс. участников); 10 (22) июня — большой праздник в Гайд-парке для детей (до 30 тыс. участников); вечером — повсеместная иллюминация; 11 (23) июня — предварительный смотр войскам и флоту; 12 (24) июня — большой вечер в Букингемском дворце; 13 (25) июня — благодарственный рескрипт королевы на имя министра внутренних дел; банкет в Виндзорском дворце; 17 (29) июня — большой праздник в саду Букингемского дворца (до 7 тыс. участников); 20 июня (2 июля) — парад (смотр волонтеров) перед Букингемским дворцом (до 30 тыс. участников); 27 июня (9 июля) — смотр войскам в Альдершоте (Олдершоте) (до 60 тыс. участников); 11 (23) июля — королевский смотр военному флоту.

Отправной точкой и ключевой церемонией стало торжество в Вестминстерском аббатстве. Сам юбилей правления приходился на 8 (20) июня, однако его решено было перенести на один день в связи с тем, что 8 (20) июня 1837 г. умер предшественник королевы Виктории на троне — король Вильгельм IV. «Поэтому вполне понятно, — рассуждала пресса, — что королева Виктория, семейные чувства которой всем известны, не пожелала праздновать свой юбилей в день, с которым связаны воспоминания о семейном горе»¹⁵. Таким образом, главное празднество пришлось на 9 (21) июня 1887 г. В телеграммах сообщалось:

Лондон, 8 (20) июня. «Сегодня Королева прибыла сюда из Виндзора, и на пути следования от вокзала железной дороги до Букингемского дворца была восторженно приветствована несметными толпами народа. Город имеет праздничный вид. Погода стоит великолепная, и массы народа гуляют по улицам, осматривая приготовления к иллюминации, которая на главных улицах всех кварталов устраивается в колоссальных размерах. Дома убраны флагами, знаменами и аллегорическими фигурами с верноподданническими надписями. Праздник будет, вероятно, по грандиозности беспримерным в Англии. Из всех английских городов получают известия о подобных же приготовлениях»¹⁶.

9 (21) июня. «С раннего утра стоит великолепная погода. Уже с пяти часов все улицы, по которым должен был последовать королевский кортеж, наполнились толпами любопытных. Трафальгар-сквер и Пиккадилли представляют великолепное зрелище. Движение экипажей совсем приостановлено. В девять часов отворены были двери Вестминстерского аббатства для лиц, имеющих входные билеты»¹⁷.

«Королева встала рано и совершила в сопровождении принцессы Беатрисы прогулку по дворцовому саду. Ее величество весьма радуют полученные ею со всех сторон и во множестве поздравительные адреса и телеграммы. На пути следования кортежа сооружены в различных пунктах арки. В настоящую минуту (полдень) королева при пушечных выстрелах вступает в Вестминстерское аббатство»¹⁸.

«Королевский кортеж отличался большим блеском и проследовал в полном порядке и без всякого нарушения спокойствия. Кавалькада английских и иностранных принцев произвела громадный эффект. На всем пути следования кортеж был приветствован восторженными кликами народа»¹⁹.

«У главных дверей аббатства Королева и принцы были встречены архиепископом Кентерберийским, после чего ее величество и их высочества направились к своим местам у главного алтаря. После благодарственного молебствия и благословения архиепископом принцы и принцессы дефилировали перед сидевшей на коронационном троне королевой

¹⁵ Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 152. С. 1.

¹⁶ Правительственный вестник. 1887. № 121. С. 2.

¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 157. С. 2.

¹⁸ Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 154. С. 1.

¹⁹ Правительственный вестник. 1887. № 121. С. 3.

и приносили ее величеству поздравления. На королеве не было королевского облачения, но оно было положено на троне. После богослужения королева возвратилась тем же порядком в Букингемский дворец. Церемония в аббатстве имела весьма грандиозный характер. Впервые со времени кончины принца-супруга королева сложила с себя траур»²⁰.

Такого рода «живой репортаж» позволял выделить основные этапы и одновременно посмотреть на торжество с разных ракурсов — будь то волнительные минуты ожидания рядом с королевой в дворцовом саду или спешащие по украшенным улицам несметные толпы ее верноподданных. Однако более подробную информацию при всем желании здесь нельзя было почерпнуть. Телеграммы от газеты к газете были идентичными. Вот почему читатели ждали специальных статей, в которых приводились бы более подробные сведения. Это были такие же телеграфные сообщения, только уже от специальных корреспондентов.

Утро в день главной церемонии описывалось так: «Ясное безоблачное небо при солнечном блеске и легком восточном ветерке произвело на лондонцев самое приятное впечатление. Малейшая непогода в этот день сочлась бы за дурное впечатление. ... Декоративные украшения поражали своею массивностью. Вестминстерское аббатство казалось громадным оперным театром со всеми своими пристройками, амфитеатром и галереями под самым потолком. Все эти места были заняты самыми высокими лицами. В 11 часов произошло движение и раздались звуки труб»²¹. Затем следовало подробнейшее описание процессии, состоявшей из заграничных гостей и многочисленных родственников королевы.

Детально было описано, что происходило внутри собора: «В особенности был грандиозен эффект декорированной сверху донизу внутренности Вестминстерского аббатства. Высоко над эстрадами выступал как бы висевший в воздухе обширный балкон с тремястами лиц, в белых костюмах, составлявших хор, специально подобранный по голосам для столь торжественного случая. По правую сторону от королевской эстрады разместились более шестисот лордов и леди в роскошных нарядах; по левую расположились члены палаты общин, с их спикером во главе. Вокруг эстрады заняли места царственные гости королевы, принцы и принцессы и индийские князья. У паперти Вестминстерского собора королеву встретил архиепископ Кентерберийский, и под звуки триумфального марша Генделя²² ее величество с маленькой короной на голове направилась через всю церковь к устроенному для нее богато-разукрашенному помосту, на который под роскошным балдахином был поставлен трон. Торжественное богослужение в соборе продолжалось около сорока минут и окончилось в половине второго часа. Архиепископ Кентерберийский призвал на королеву благословение Царя царствующих, и после молитв за здоровье и долголетие монархини хоры пропели нарочно сочиненные для торжества кантаты, закончив их обычным *Te Deum*»²³. Внутренне убранство Вестминстера было также подробно представлено на страницах журнала «Всемирная иллюстрация»²⁴.

Разнообразная подача информации позволяла полное воссоздать картину происходящего, включая не только действие и его визуализацию, но и насыщенность церемоний, топографию празднеств, состав участников, степень их вовлеченности в торжества; выявить наиболее широко освещаемые и эффектные моменты. Разумеется, при этом русские издания старались угодить собственной публике, показав связь зарубежных торжеств с Россией.

Официальными представителями Российской империи на празднествах английской королевы стали великий князь Сергей Александрович (брат императора Александра III) и его супруга великая княгиня Елизавета Федоровна (урожденная Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская, по материнской линии — внучка королевы Виктории). Их перемещения и участие в торжествах фиксировались газетными телеграммами.

²⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 157. С. 2.

²¹ Новороссийский телеграф. 1887. № 3748. С. 3.

²² Гендель был автором четырех коронационных гимнов для британских королей.

²³ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 161. С. 1.

²⁴ Всемирная иллюстрация. 1887. Т. XXXVIII. № 1 (963). С. 12, 15.

Из Лондона телеграфируют (от 5 июня): «Великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна встречены были вчера на дебаркадере русским послом г. Стаалем и всеми чинами русского посольства. В числе лиц, ожидавших приезда их высочеств, находились также герцог и герцогиня Эдинбургские (герцог Эдинбургский — второй сын королевы Виктории; герцогиня Эдинбургская — великая княжна Мария Александровна, дочь императора Российской империи Александра II, соответственно, сестра императора Александра III. — С.Л.), граф Гренвиль, г. Гартингтон и др. Вечером в доме русского посольства назначен был в честь их высочеств большой парадный обед»²⁵. «Музыка почетного караула от гвардейского полка играла русский народный гимн. Население сердечно приветствовало августейших гостей»²⁶.

Лондон. 8 (20) июня. «Его императорское высочество великий князь Сергей Александрович назначен кавалером ордена Бани Большого креста»²⁷.

16 (28) июня. «Великий князь Сергей Александрович был вчера на рауте у германского посла Гацфельдта»²⁸; 17 (29) июня. «Великий князь Сергей Александрович выехал сегодня вечером в Дармштадт»²⁹.

Кроме того, в статьях отмечалось, что «русские гости поселятся во дворце герцога Эдинбургского» (т.е. в Кларенс Хаусе), а великий князь Сергей Александрович будет находиться в свите, сопровождающей королеву Викторию в торжественной процессии от Букингемского дворца к Вестминстерскому аббатству в главный день празднований³⁰. Эти краткие заметки отразили событийно-церемониальную часть пребывания великокняжеской четы с 5 (17) по 17 (29) июня 1887 г. в столице Великобритании.

В то же время в ряде газет появились примечательные описания празднований англичанами юбилея королевы Виктории в России. Представители английской колонии в Петербурге организовали обед в Hôtel de France. Большая парадная зала отеля была декорирована тропическими растениями, а также русскими и английскими национальными флагами. На одной из стен был размещен большой парадный портрет королевы Виктории, восседающей на троне, с короной на голове. Стол был сервирован более чем на сто персон; меню обеда было украшено гербом Великобритании. В середине обеда сэр Мориер, английский посол в Петербурге, провозгласил тост за здоровье императора Александра III, после чего заиграл русский гимн. Затем он же провозгласил тост в честь «обожаемой собравшимися королевы», и прозвучал английский гимн. Следующий тост был за здоровье английской наследного принца Уэльского, его супруги и семьи. Большую речь о заслугах королевы Виктории перед английской нацией и главнейших событиях ее царствования произнес священник английской церкви в Кронштадте мистер Риддл. Все тосты сопровождалось шумными возгласами и английским гимном. В память юбилея петербургская английская колония собрала по подписке более 5 тыс. руб. в пользу местного общества вспомоществования бедным соотечественникам.

От имени присутствующих сэр Мориер отправил королеве Виктории поздравительную телеграмму: «Вашего величества подданные в С.-Петербурге, собравшиеся, чтобы праздновать достославную годовщину 50-летия царствования вашего величества, просили меня поднести это скромное, но сердечное поздравление к стопам вашего величества. Вместе с тем они воссылают пламенные мольбы ко Всевышнему, да ниспошлет он на многие годы свое благословение на частную жизнь и публичную деятельность вашего величества и да будет обеспечено вам всякое счастье и благополучие»³¹.

²⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 158. С. 1.

²⁶ Новороссийский телеграф. 1887. № 3741. С. 1.

²⁷ Правительственный вестник. 1887. № 121. С. 2.

²⁸ Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 161. С. 1.

²⁹ Новое время. 1887. № 4059. С. 1.

³⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 156. С. 2; Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 152. С. 2; Новороссийский телеграф. 1887. № 3741. С. 3.

³¹ Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 157. С. 2.

Еще одна телеграмма была адресована в английские газеты: «Английская колония в С.-Петербурге праздновала сегодня вечером юбилей королевы банкетом в Hôtel de France, на который собралось множество англичан. Председательствовал за столом английский посол со своими помощниками, английским консулом, маркизом Эйлса и многими именитыми англичанами. Верноподданнические тосты, предложенные его превосходительством, были встречены самым восторженным образом. От лица всех присутствовавших на банкете англичан отправлена была английским послом верноподданническая телеграмма королеве в Виндзорский дворец»³².

В Москве в честь того же события прошло торжественное богослужение в английской церкви Св. Андрея: «Церковь снаружи была украшена русскими и английскими национальными флагами, а внутри убрана живыми цветами и экзотическими растениями»³³. Там собрались представители городской администрации и английской колонии. «Ровно в 11 часов, в момент прибытия генерал-губернатора, хор певцов и орган исполнили русский народный гимн, и пастор Бернард произнес слово, в котором изобразил исторический очерк царствования королевы Виктории, и обращаясь к генерал-губернатору, выразил глубокую благодарность государю Императору за покровительство, оказываемое английской колонии; затем был исполнен английский национальный гимн, во время которого медленно спалал занавес с стеклянного изображения Вознесения Господня. За богослужением произнесены были молитвы о здравии королевы Виктории, принца Уэльского и его супруги, и о здравии и благоденствии государя Императора, государыни Императрицы и всего царствующего дома. Королеве Виктории от английской колонии послана поздравительная телеграмма»³⁴.

Празднования происходили и в Варшаве: «Вся местная английская колония собралась на торжественное богослужение в англиканской часовне на Смольной улице. Магазины, принадлежащие английским подданным, в течение целого дня были закрыты. Вечером члены английской колонии собрались на раут к своему вице-консулу г. Винцеру. В палисаднике, выходящем на Уздовскую аллею, весь вечер играл военный оркестр, и горела газовая звезда с инициалами V.R.³⁵, над которой развевался английский национальный флаг. На Иерусалимской аллее, на балконе квартиры отсутствующего английского консула г. Гранта горел больших размеров газовый щит с буквами V.R., над которым сияла корона, а внизу надпись — God save the Queen. С балкона тоже был спущен громадный английский национальный флаг»³⁶.

Особым изяществом отличалось послание королеве Виктории из Одессы: «Одесская английская колония по случаю ...пятидесятилетнего юбилея царствования великобританской королевы Виктории отправила ее величеству приветственный адрес. Этот адрес, написанный на пергаменте, помещен в роскошный, весьма изящный переплет, покрытый красным бархатным плюшем с прекрасной серебряной отделкой местной работы. На крышке адреса изображен красивый серебряный вензель королевы с великобританским гербом. Стоимость этого альбома-адреса определяется в 400 руб. В тексте адреса в сжатом виде указываются достоинства королевы Виктории как управительницы Великобритании, а также выражаются пожелания того, чтобы Провидение сохранило королеву на многие годы для управления соединенным государством Великобритании»³⁷. Само празднование происходило в одесской англиканской церкви: «В 11 часов утра состоялось молебствие, на которое были приглашены все одесские иностранные консулы и многие другие почетные гости, а также представители одесской английской колонии»³⁸.

³² Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 157. С. 2.

³³ Правительственный вестник. 1887. № 121. С. 2.

³⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 157. С. 2.

³⁵ Victoria Regina (лат.).

³⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 160. С. 2.

³⁷ Новороссийский телеграф. 1887. № 3744. С. 2.

³⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 160. С. 2.

В этих локальных торжествах можно выделить общие элементы: знаковое место празднования, декорирование пространства с использованием национальной символики (как английской, так и русской), произнесение праздничных речей и отправка поздравительных адресов. Таким способом выходцы из Великобритании старались показать символическую связь со своей страной и отдать дань уважения длительному правлению королевы Виктории. Подобные проявления верноподданнических чувств шли в унисон с общим амбициозным замыслом королевского юбилея.

Судя по перепечаткам из заграничной прессы, королева Виктория не сразу согласилась на столь широкое празднование юбилея своего правления: «Идея об юбилее пустила корни очень нескоро. Но мало-помалу, несмотря на сарказмы радикалов, с идеей об юбилее народ начал соединять понятие о каком-то необыкновенно торжественном и великолепном, еще никогда не виданном празднике. Энтузиазм английского народа разгорячался постепенно и сообщил королеве и высшим сферам до такой степени, что ежедневно стали делаться новые распоряжения и траты для большей пышности торжества»³⁹. В результате юбилей подготовили с колоссальным размахом, который считывался во всем — разнообразное городское убранство, продолжительная праздничная процессия по лондонским улицам, блистательные наряды, череда праздничных мероприятий, вечерняя иллюминация и т.д. Все было организовано как грандиозный спектакль. При этом сам сценарий торжества строился таким образом, чтобы включить в него не только Лондон, но также и другие города Англии, и ее заморские территории⁴⁰. А в центре всего этого была — королева Великобритании, императрица Индии (она приняла титул 28 апреля 1876 г., торжественное провозглашение состоялось 1 января 1877 г.), «повелительница 320 миллионов, во владениях которой солнце никогда не заходит»⁴¹.

Как сообщали газеты, празднования начались с Индии, которая «предупредила (т.е. опередила. — С.Л.) Англию и уже отпраздновала юбилей своей любимой королевы. Во всех главных городах с утра в честь королевы раздавались пушечные салюты, войска совершали по городу парадные прогулки, а здания были блестяще декорированы. Вице-король принимал в Малабаре многочисленные изъявления верноподданнических чувств и массу адресов. Отвечая на них, лорд Рей сказал, что только благодаря благотворному управлению императрицы Виктории Индия могла достигнуть того прогрессивного развития, которое делает народ столь счастливым и довольным. В храмах, в день празднования юбилея, во всей Индии соединились все нации: индийцы, англичане, евреи и др. Вечером, при блестящей иллюминации и фейерверке в Бомбае⁴² статуя императрицы была освещена 20 тысячами ламп»⁴³.

В самом Лондоне праздничную процессию от Букингемского дворца до Вестминстерского аббатства открывала впечатляющая группа: «Во главе длинной вереницы придворных экипажей ехала в коляске, запряженной четверкой рослых лошадей, королева гавайская, в черном платье, украшенном белыми лентами, и с длинным красным шлейфом. Ее медноцветное лицо и ярко сверкающие белые зубы обратили на нее общее внимание толпы. За ее экипажем следовали коляски с индийскими принцами, костюмы которых, облитые золотом и украшенные драгоценными камнями, производили поражающий эффект»⁴⁴. За ними следовало второе отделение, состоявшее из членов родственных с английским королевским домом фамилий, а еще далее — карета с королевой Викторией.

Декорирование столицы Великобритании подчеркивало национальный и имперский колорит. На лондонских улицах можно было увидеть смешение всевозможных праздничных и национальных цветов — красный и пурпурный, желтый, с вкраплениями голубого

³⁹ Новороссийский телеграф. 1887. № 3748. С. 3.

⁴⁰ При всей своей пышности юбилейные торжества могли восприниматься по-разному. Подробнее см.: *Taylor M. Empress. Queen Victoria and India. London, 2018. P. 227–246.*

⁴¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 156. С. 2.

⁴² Имеется в виду Бомбей, в настоящее время Мумбай.

⁴³ Новороссийский телеграф. 1887. № 3744. С. 1.

⁴⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 161. С. 1.

и белого, реже — зеленого; развевающиеся флаги; вызолоченные изображения короны. Описания в газетах отличались насыщенностью и детализацией: «От крыш домов спускается еще целый ряд флагов, укрепленных горизонтально, и самые здания сверху донизу украшены щитами, лентами и зеленью. На углу Реджент-стрит, над улицей скрещиваются, образуя ряд триумфальных ворот, три громадные хоругви темно-красного цвета, отороченные белым с голубым. Золотыми буквами на них сделаны надписи: “Британские острова”, “Индийская империя” и “Колонии”; верхушки хоругвей украшены коронами»⁴⁵.

Дневное убранство сменялось эффектной вечерней иллюминацией: «Лондон принимает какой-то феерический вид, которого не устыдилась бы и Венеция; газ, электричество, стеклянные и фарфоровые лампы. Хрустальные щиты и короны группируются, рассыпаются, сверкают и горят. Очертания многих зданий обозначены рядами разноцветных лампочек, что имеет чрезвычайно нежный и красивый вид; такие же лампы обрамляют контуры окон, ниш и дверей, унижают перила балконов, на которых горит герб Великобритании или три пера принца Уэльского, или звезды орденов Подвязки и Бани. Дворец лорд-мэра весь усыпан огнями; на фронте громадная подпись: “Да хранит Бог твой престол”, восемь колонн, поддерживающих фронтон, обвиты огненной спиралью. “Английский банк” проткан огненными гербами, звездами и коронами; “биржа” перевита огневыми гирляндами, девизами и трофеями, до 30 000 ламп и тысячи газовых огней составляют все эти роскошные огненные рисунки, покрывающие как фасад здания, так и его флигеля, не оставляя квадратного фута пустого пространства. На здании “страхового общества” сотни красных и зеленых ламп обрамляют большой овальный транспарант с портретом королевы, над которым висит громадная хрустальная корона. Портрет обвит лаврами, а по сторонам его два меньших медальона с изображениями принца и принцессы Уэльских. На фронте “народного банка” горит хрустальный щит с надписью “Боже, храни королеву”, и с такою же хрустальною короною наверху. Редакции газет, клубы соперничают друг перед другом роскошью и разнообразием огневых эффектов»⁴⁶.

В и без того многолюдном Лондоне, чье население насчитывало примерно четыре миллиона жителей, в юбилейные дни произошел большой приток дополнительных зрителей и участников торжеств: «В Лондоне теперь небывалый наплыв посетителей, преимущественно из английских колоний и Соединенных Штатов. Индийские раджи и разные другие тамошние державцы снуют по улицам целыми дюжинами. Стечение публики в Гайд-парке в аристократические часы неимоверное. Как-то не верится, что находишься на вольном воздухе. Народу так много, что кажется, будто очутился в битком набитом концертном зале или театре»⁴⁷. Тут же взлетели цены, в том числе на места, с которых можно было лицезреть торжественную процессию.

Вслед за столицей Великобритании празднования с увеселениями продолжились в других городах Англии, Шотландии, Ирландии. В Виндзоре в качестве угощения для народа выставили целиком зажаренного быка; по возвращении сюда после лондонских торжеств королева Виктория присутствовала на открытии собственной мраморной статуи. (Автором этой статуи был британский скульптор и медальер Дж. Бем, который разработал также дизайн юбилейной монеты 1887 г.) Принц Уэльский с сыновьями почтили своим присутствием Дублин, там также был устроен праздник для народа⁴⁸. В рамках юбилейных торжеств королева даровала помилование многим осужденным за проступки против военной дисциплины и всем арестованным за маловажные нарушения. Повсеместно были открыты «подписки для основания в память юбилея пятидесятилетия благополучного царствования королевы Виктории различных благотворительных и учебных заведений»⁴⁹; распространялась и продавалась юбилейная сувенирная продукция.

⁴⁵ Там же. № 163. С. 2.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 152. С. 2.

⁴⁸ Там же. № 161. С. 1.

⁴⁹ Там же. № 154. С. 2.

Юбилейные торжества призваны были продемонстрировать национальное единство, создать образ «большой дружной семьи». Как и в своей колониальной политике, проходившей под лозунгом реализации цивилизаторской миссии⁵⁰, Великобритания продолжала декларировать идею процветания и поддерживать положительный образ метрополии⁵¹. Однако на деле население входивших в состав Великобритании колоний неоднократно сталкивалось с превосходством титульной нации над другими. Устоявшиеся практики неприятия английского господства на местах нашли свое проявление и в юбилейные дни, причем не только в дальних владениях, где происходило неизбежное противостояние политическим интересам других стран.

«Героиня праздника ...вправе бы, кажется, была пожелать... чтобы готовящееся торжество совершилось при полном спокойствии и радостном настроении всей страны, — передавал “Новороссийский телеграф”. — Роковой ход событий не позволяет, однако, этого. Ирландский вопрос, смутное положение дел на индо-афганской границе и целый ряд дипломатических неудач, которыми сопровождалось последнее возвращение к власти консерваторов, составляют не совсем-то подходящую рамку для юбилейного торжества»⁵². Про беспорядки в Ирландии в прессу попало еще несколько более подробных и весьма тревожных сообщений: «В Корке народ сделал попытку разбить окна блестяще иллюминированного здания консервативного клуба. Полиция принялась действовать тесаками, и в общей свалке были ранены многие лица, по некоторым сведениям, до ста человек. Перед зданием городской ратуши развевались траурные флаги, и многие “националисты” разгуливали по улицам с флером на руке. Вечером “националисты” и “лоялисты” устроили процессии с флагами и музыкой. Первые пели “спаси, Боже, Ирландию”, а вторые — “Боже, храни королеву”. В других ирландских городах празднование юбилея также сопровождалось демонстрационной выставкой траурных знамен»⁵³. «Такие же беспорядки произошли и в Белфасте, где начальник констеблей был ранен в ногу, а полицейский инспектор сбит с ног брошенным в него камнем»⁵⁴. В преддверии юбилея лондонская полиция особенно опасалась нападения ирландских фанатиков на главных действующих лиц торжеств, а потому в столице были приняты повышенные меры безопасности. Однако обеспечить порядок во всех городах, по всей видимости, не удалось.

Примечательно, что демонстрация английских промонархических и антимонархических настроений нашла свое воплощение и в городах Соединенных Штатов Америки. На основании обстоятельной статьи русской журналистки В. Мак-Гахан, проживавшей в Америке, вырисовывалась пестрая картина политических предпочтений: с одной стороны, английские резиденты и американцы, преклоняющиеся перед всем английским, с другой — протестующие американцы ирландского происхождения. В результате первые организовали в Нью-Йорке в большом зале Metropolitan Opera House заседание с участием мэров Нью-Йорка и Бруклина, на котором произносились восторженные, верноподданнические речи в адрес английской королевы. Вторые в это время устроили в одной из церквей Нью-Йорка панихиду в память полутора миллионов ирландцев, умерших от голода в Ирландии в царствование королевы Виктории, а затем поминки по случаю «пятидесятилетних страданий»; все участники были в траурном облачении. В Бостоне прошли уличные протестные демонстрации, грозившие перерасти в беспорядки, но вовремя остановленные местной полицией. Нью-йоркские «хвалебные речи» не нашли особого отклика у рядовых американцев, поскольку «Англия во все времена была отъявленным, злейшим врагом

⁵⁰ Симонов А.В. Имперская идеология в британских средствах массовой информации в конце XIX — начале XX века // Диалог со временем. Вып. 52. 2015. С. 360—368.

⁵¹ Богомолова Н.Н. Британская империя периода «нового империализма»: формирование представлений о колониальном обществе // Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории. М., 2012. С. 57—77.

⁵² Новороссийский телеграф. 1887. № 3743. С. 1.

⁵³ Санкт-Петербургские ведомости. 1887. № 164. С. 3.

⁵⁴ Новороссийский телеграф. 1887. № 3752. С. 3.

американских штатов и стала дружественна им лишь когда увидала, что молодой американский народ способен при случае постоять за себя»⁵⁵.

Еще одним камнем преткновения для Великобритании являлась Индия, все ухудшавшееся положение которой, по словам «Новороссийского телеграфа», способствовало росту британской русофобии. Если в других своих колониях Англия создавала хотя бы видимость равноправия в управлении, то в Индии не соблюдалось даже этого. Большая часть земель была объявлена собственностью короны, назначена очень дорогая аренда, земля и вода облагались высокими пошлинами, процветало ростовщичество. Россия же действовала в покоренных соседних с Индией странах иначе, в связи с чем делался вывод, что «страх англичан за Индию коренится гораздо больше в их сознании своей вины, чем в опасении русского нашествия»⁵⁶.

При всем внешнем блеске торжеств в честь 50-летия правления королевы Виктории у Великобритании действительно имелись серьезные, разноплановые проблемы, к которым постоянно добавлялись новые: «Юбилейный год обещает сделаться весьма памятным для Англии. Прекрасная погода, содействовавшая успеху торжества юбилея королевы, продолжается и до сих пор, и из добра начинает делаться серьезным злом. Засуха господствует теперь в Англии уже несколько недель и принимает размеры настоящего народного бедствия»⁵⁷.

При наличии столь очевидных внутренних противоречий особого внимания заслуживает изучение способов формирования и репрезентации юбилейного образа королевы как универсального консолидирующего символа Великобритании. Ведь как писал в дни юбилея Бернард Шоу, начинающий драматург ирландского происхождения (и будущий лауреат Нобелевской премии по литературе), «искренняя вера в идеальную монархическую власть еще живет среди нас. И как олицетворение этого идеала — наши молитвы за королеву, что основательно поддерживает трон»⁵⁸.

Юбилей позволил подвести итоги прошедших 50 лет и «высветить» роль королевы Виктории в судьбе Великобритании: «Лондонские газеты и большие журналы, оглядываясь на полувековое царствование королевы Виктории, указывают на меры, принятые парламентом для облегчения быта бедных классов; на толчок, данный развитию торговых сношений введением железных дорог и пароходства; на преуспевание промышленности, на громадное расширение колониального владычества Англии, на ряд знаменитых государственных людей, ученых, писателей, мыслителей, украсивших своими трудами полувековое царствование королевы Виктории, и выражают уверенность, что английский народ, вникнув в смысл всего ими пережитого за последние пятьдесят лет, не преминет в своих молитвах просить Всевышнего благословить дальнейший царственный путь своей монархини, духовная связь которой с многомиллионным английским народом так наглядно выразилась на торжествах ее полувекового юбилея»⁵⁹.

Как ни странно, «великой и главнейшей заслугой» королевы была названа ее «пассивность»⁶⁰: «Строго соблюдая постановления английской конституции, королева Виктория была... скорее, внимательной зрительницей, чем непосредственной участницей всех событий, обуславливавших эти успехи, но та громадная популярность, которую она пользуется в стране, именно на этом и основывается. Англичане глубоко благодарны своей государыне за то, что она не пользовалась древними prerogatives королевской власти для деятельного вмешательства в управление страной. В течение полувека отсутствие такого вмешательства главы государства придало истории Англии тот характер вполне свободного

⁵⁵ Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 172. С. 1—2.

⁵⁶ Новороссийский телеграф. 1887. № 3737. С. 1.

⁵⁷ Московские ведомости. 1887. № 172. С. 2.

⁵⁸ Цит. по: *Остапенко Г.С.* Британская монархия от королевы Виктории до наследников Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М., 2015. С. 125.

⁵⁹ Правительственный вестник. 1887. № 127. С. 2.

⁶⁰ Вестник Европы. 1887. 7 кн. Июль. С. 411.

развития сил и политических условий жизни нации, который составляет ее поразительную оригинальность за последние пятьдесят лет»⁶¹.

Еще одной характерной особенностью стало то, что юбилейные празднества, являвшиеся отражением всего правления королевы Виктории, показали возможность сосуществования разновекторных явлений и настроений: «Весьма характерно, однако, что все эти торжества находятся как бы только в чисто внешней связи с юбилеем королевы Виктории. Разные группы населения прославляют свои интересы или политические и социальные принципы, не имеющие ничего общего с царствованием королевы Виктории. Квакеры восстают против войны, хотя все царствование королевы было непрерывным рядом войн. Члены англиканской церкви в речах и проповедях высокопарно восхваляют принцип государственной церкви, хотя при королеве Виктории сектантство сделало в Англии изумительные успехи. Гомрулеры⁶² толкуют на банкетах о полной независимости Ирландии от Великобритании, хотя королева Виктория никогда, понятно, не сочувствовала отторжению Ирландии от Великобритании. Словом, каждый англичанин справляет как бы свой праздник, совершенно независимый от юбилея королевы»⁶³.

Какими бы ни были чаяния англичан, их объединяла эпоха, связанная с именем беспрецедентно долго царствовавшей правительницы великой империи: «Юбилей королевы превращается в целый ряд как бы отдельных празднеств, причем каждый кружок, вспоминая минувшие пятьдесят лет, чувствует осуществление своих специальных стремлений, удовлетворение своих собственных интересов, иногда находящихся в резком противоречии с интересами остальных кружков; объединяет же все эти отдельные праздники только отвлеченная идея, что расходящиеся и часто совершенно противоположные интересы развивались и находили себе удовлетворение в царствование королевы Виктории»⁶⁴.

С личностью королевы также связаны некоторые сентиментальные для англичан моменты, нашедшие отражение в юбилейных изданиях. Так, был подготовлен необычный альбом под заглавием «Собаки королевы» (The Queens Dogs), в котором были собраны портреты всех собак, принадлежавших королеве во время 50-летнего ее правления с соответствующей «биографией» и «генеалогией» каждой из них. Другой альбом представлял собрание костюмов королевы (The Queens Robes), которые она носила в течение 50 лет, с наглядными иллюстрациями. Art Journal выпустил интересную брошюру, содержащую снимки со всех картин главнейших английских художников, изображающих сцены из жизни королевы и ее семьи. Как отмечали «Новости и биржевая газета» для своих русских читателей, в числе этих снимков была также копия картины «Бракосочетание герцога Эдинбургского с великой княгиней Марией Александровной» (церемония состоялась в январе 1874 г. в Зимнем дворце Санкт-Петербурга при огромном стечении высокопоставленных гостей, от Великобритании на ней присутствовал принц Альберт Уэльский, старший сын королевы Виктории, будущий король Эдуард VII). «Религиозное лондонское общество» выпустило роскошно иллюстрированную биографию королевы (по доступной цене в 1 пенни)⁶⁵. Из всего этого складывался многогранный облик королевы Виктории — величественный и в то же время душевный, понятный и близкий большинству англичан. В России же ее оценивали в первую очередь как главу иностранного государства.

В то время как во внутренней политике Великобритании королеве Виктории удавалось поддерживать статус-кво «невмешательством» и «благосклонным вниманием», во внешней не обошлось без ее прямого участия в различных политических комбинациях: «Тут влияние королевы Виктории было гораздо значительнее, и направление, в котором оно проявилось, определяется главным образом неприязненными ее чувствами к России и симпатиями к Германии. Благодаря этому настроению королевы, консервативные кабинеты

⁶¹ Новороссийский телеграф. 1887. № 3743. С. 1.

⁶² Стронники Гомруля, т.е. движения за автономию Ирландии.

⁶³ Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 152. С. 1.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 2.

пользовались особенным сочувствием с ее стороны; а либеральные она, так сказать, только терпела. Не подлежит сомнению, что два наиболее важных события в международной жизни Европы за последние 50 лет, — именно крымская кампания и франко-прусская война — совершились при непосредственном участии английской королевы и привели, отчасти благодаря ее усилиям, к ослаблению могущества России и к соответственному увеличению могущества Германии»⁶⁶.

На страницах русских газет была предпринята попытка оценить возможные последствия такого внешнеполитического курса: «Насколько сосредоточение центра тяжести политического влияния в Берлине соответствует английским интересам, покажет будущее, ибо последствия этой важной международной эволюции еще далеко не вполне определились. Германия сделалась могущественной военной державой не только на суше, но и на море. Она претендует теперь на обширные заатлантические колонии и, идя по этому пути, уже неоднократно вступала в пререкания с Англией. В Сеуле, Пекине, Тегеране, на восточном и западном побережье африканского материка немецкие и английские интересы сталкиваются иногда даже в очень резкой форме. Наряду с англичанами немцы обладают наибольшими колонизаторскими способностями и наибольшим стремлением создать рынки для своей торговли в таких странах, где до сих пор одна Англия сбывала свои товары. Весьма вероятно, что в недалеком уже будущем Великобритании придется сожалеть об усердии, с каким она содействовала росту германского могущества»⁶⁷.

Тем не менее на момент проведения юбилея королевский выбор в самой Великобритании пользовался поддержкой и одобрением: «Но это дело будущего. В настоящее же время, когда большинство англичан убеждено, что самым опасным соперником Англии является Россия, германофильская политика королевы Виктории будет признана одною из важных заслуг ее царствования и нисколько не омрачит праздника, посвященного прославлению королевы, под управлением которой благосостояние и политические учреждения страны сделали очень значительные успехи»⁶⁸.

Сама виновница торжеств, получившая массу поздравительных телеграмм со всего света, судя по всему, осталась довольна состоявшимся празднеством (на это указывают дневники королевы и отзывы ее приближенных⁶⁹). В газетах был опубликован рескрипт королевы на имя министра внутренних дел Великобритании: «В этом рескрипте королева в прочувствованных выражениях благодарит за горячий прием, оказанный ей народом при следовании ее в Вестминстерское аббатство. Прием этот глубоко тронул королеву, которая видит в нем доказательство того, что народ оценил по достоинству ее труды и заботы в течение пятидесяти лет, из которых двадцать лет были для нее исполнены горя, так как она была лишена руки возлюбленного супруга, на которую прежде опиралась. Проявленное народом чувство послужит ей поощрением к тяжкому подчас труду в течение остатка ее жизни»⁷⁰. Многочисленные пожелания «долгих лет» сбылись — через 10 лет королева Виктория праздновала уже «бриллиантовый» юбилей своего правления, растиражированный в мировых газетных публикациях еще более, чем первый.

Монархическая пресса Великобритании стремилась в максимально положительном ключе осветить юбилей 1887 г., который в историографии принято называть «золотым». Вместе с тем русская периодика, несомненно, имевшая свою специфику подачи материала, не преминула обратить внимание на имевшие место промахи и противоречия. Это могло сказываться в подборке телеграмм и перепечаток из иностранных газет, а в еще большей степени относилось к аналитическим статьям и сообщениям специальных корреспондентов. Причем если образ самой королевы Виктории оставался церемониальным и величественно-нейтральным, то к ее правительству было гораздо больше весьма серьезных вопросов.

⁶⁶ Там же. С. 1.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ См.: *Хибберт К.* Королева Виктория. М., 2005. С. 530–534.

⁷⁰ Правительственный вестник. 1887. № 126. С. 2.

На фоне официальных поздравлений английскому королевскому дому в лице отправленной на юбилейные торжества великокняжеской четы, основные раздумья лежали в плоскости международных отношений, которые хоть пока и не обострялись, но складывались явно не в пользу России. «Логика весьма простая, — скептически замечали “Санкт-Петербургские ведомости”, — если это в Петербурге не нравится, то значит это полезно для Европы и должно получить ее одобрение. Взгляд не новый»⁷¹.

Библиография / References

Богомолова Н.Н. Британская империя периода «нового империализма»: формирование представлений о колониальном обществе // Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории. М., 2012. С. 57–77.

Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до наследников Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М., 2015.

Симонов А.В. Имперская идеология в британских средствах массовой информации в конце XIX — начале XX века // Диалог со временем. Вып. 52. 2015. С. 360–368.

Хибберт К. Королева Виктория. М., 2005.

Bogomolova N.N. Britanskaia imperiia perioda “novogo imperializma”: formirovanie predstavlenii o kolonial'nom obshchestve [The British Empire of the “new Imperialism” period: the formation of ideas about a colonial society] // Istoricheskoe znanie i poznavatel'nye praktiki perekhodnykh periodov vseмирной istorii [Historical knowledge and cognitive practices of transitional periods of world history]. Moskva, 2012. S. 57–77. (In Russ.)

Khibbert K. Koroleva Viktoriia [Queen Victoria]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Ostapenko G.S. Britanskaia monarkhiia ot korolevy Viktorii do naslednikov Elizavety II: kontseptsiiia upravleniia i lichnost' suverena [The British Monarchy from Queen Victoria to the successors of Elizabeth II: the concept of governance and the personality of the sovereign]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Simonov A.V. Imperskaia ideologiia v britanskikh sredstvakh massovoi informatsii v kontse XIX — nachale XX veka [Imperial ideology in the British media in the late 19th — early 20th century] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. Iss. 52. 2015. S. 360–368. (In Russ.)

Taylor M. Empress. Queen Victoria and India. London, 2018.

⁷¹ Новости и биржевая газета (2-е изд.). 1887. № 152. С. 1.

DOI: 10.31857/S0130386424050093

© 2024 г. А.Б. ЛАРИН

**«ЧИСТО КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР...»: РОССИЙСКАЯ
ЗЕМЛЕ(ВЛА)ДЕЛЬЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПРИКАСПИЙСКИХ
ПРОВИНЦИЙ ИРАНА И КАТЕГОРИЯ «КУЛЬТУРНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ»**

*Ларин Андрей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: ab-larin@mail.ru

Scopus Author ID: 57211600477; ORCID: 0000-0003-4932-3997; Researcher ID: Q-5730-2017

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. Статья посвящена анализу категории «культурное завоевание» применительно к политике Российской империи в прикаспийских провинциях Ирана накануне и в годы Первой мировой войны. Незадолго до начала конфликта на территории Астрабадской провинции возникли поселки русских крестьян-переселенцев, одновременно начинает формироваться и крупное российское землевладение в южном Прикаспии. Связанные с этими явлениями вопросы активно обсуждались по линии Министерства иностранных дел, Переселенческого управления и т.д. Феномен не получил достаточного освещения в историографии, хотя является важным в контексте развития подходов новой имперской истории. Одним из важных понятий, использовавшихся в рамках обсуждения и осмысления процессов российского проникновения в регион, стало сочетание «культурное завоевание». Эта категория активно использовалась как государственными, так и негосударственными акторами для концептуализации происходивших процессов экономического, политического и культурного взаимодействия в важном приграничном регионе. На основе анализа различного рода материалов (как архивных, так и опубликованных) — дипломатической переписки, проектов концессий, публикаций чиновников Переселенческого управления и т.д. — исследуются контексты употребления категории «культурное завоевание» (и смежных), предлагаемые варианты оптимальной политики в регионе. Отмечено, что это понятие было рамочным, не определялось отчетливо и включало в себя три основных компонента: политический, экономический и цивилизационный. При значительном сходстве интерпретаций понятия различными акторами, имелась существенная разница в понимании средств, методов и оптимальных путей «культурного завоевания» прикаспийских провинций.

Ключевые слова: Россия, Иран, колонизация, внешняя политика, Переселенческое управление, переселенчество, переселенцы, имперская политика, цивилизаторская миссия, «культурное завоевание», К.В. Иванов, С.Д. Сазонов.

A.B. Larin

**“Purely Cultural and Economic in Nature...”: Russian Agricultural Colonisation and Land
Ownership of the Caspian Provinces of Iran and the Category of “Cultural Conquest”**

Andrey Larin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ab-larin@mail.ru

Scopus Author ID: 57211600477; ORCID: 0000-0003-4932-3997; Researcher ID: Q-5730-2017

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. In this article, the author examines the concept of “cultural conquest” in the context of the Russian Empire’s policy towards the Caspian provinces of Iran, both prior to and during the Great War. In the period preceding the outbreak of hostilities, Russian peasant colonists began to settle in the Astarabad province, while concurrently, significant Russian land ownership emerged in the southern Caspian region. These developments were subjected to rigorous scrutiny by the Ministry of Foreign Affairs, the Resettlement Department, and other pertinent authorities. The phenomenon is not adequately represented in historiography, despite its significance in the context of New Imperial History. One of the pivotal concepts employed in analysing and comprehending the processes of Russian expansion into the region was the notion of “cultural conquest”. This category was actively employed by both state and non-state actors to conceptualise the ongoing economic, political, and cultural interactions in a crucial frontier region. The analysis of a wide range of materials, including archival and published sources such as diplomatic correspondence, concession projects, and publications by officials from the Resettlement Department, has been conducted with the aim of investigating the contexts of the use of the category “cultural conquest” (and related terms) as well as proposed options for optimal policy in the region. The author indicates that this concept was of a framework nature and comprised three principal components: political, economic, and civilisational. He demonstrates that despite significant similarities in the interpretations of the concept by different actors, there were differences in understanding the methods and optimal ways of “cultural conquest” of the Caspian provinces.

Keywords: Russia, Iran, colonisation, foreign policy, Resettlement Department, resettlement, settlers, imperial policy, civilising mission, “cultural conquest”, Konstantin Ivanov, Sergey Sazonov.

Исследования истории империй являются важным и актуальным направлением научного поиска в последние десятилетия. Появляются новые подходы и оценки, постепенно отказываются от упрощенных схем, зачастую характерных для предшествующей историографии. Так, серьезное внимание уделяется преодолению так называемого колониального подхода к пониманию империи, предлагаются альтернативные модели¹. Выходят обобщающие работы, посвященные имперскому измерению российской истории. Основное внимание в различных трудах сосредоточено на внутренней политике России на ее имперских окраинах: западных, восточных, южных². Между тем вполне перспективным видится применение определенных подходов и концепций в отношении политики России на примыкающих территориях соседних государств. Так, предложенная С.В. Любичанковским аккультурационная модель понимания империи³ вполне применима для тех процессов, что происходили в начале XX в. в приграничном регионе между Россией и Каджарским Ираном.

¹ Новейшие публикации по теме российской имперской политики см.: Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 1 (135). Региональная история России от империи к XXI веку: к 280-летию Оренбургского края // URL: <https://history.jes.su/s207987840029605-4-1/> (дата обращения: 15.05.2024). О течениях и подходах в современной историографии колониализма, империализма и т.д. см.: Мирзеханов В.С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Специальный выпуск. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 15.05.2024).

² См., например: Западные окраины Российской империи. М., 2006; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008; Кушко А., Таки В. (при участии Грома О.) Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012.

³ Любичанковский С.В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (дата обращения: 16.05.2024). Хотя он и определяет аккультурацию как «культурное влияние в рамках единого государственного организма, ставящее целью создать из новоприсоединенных жителей лояльных имперских подданных с собственной этноидентичностью», в той же статье он отмечает, что для осуществления

В частности, одним из важных и недостаточно изученных процессов в истории российской политики в Иране в начале XX в. является российская земле(вла)дельческая колонизация региона, начавшаяся незадолго до Великой войны и продолжавшаяся в военные годы⁴. Первые, еще стихийные поселения русских крестьян в регионе возникли после 1907 г. Постепенно число переселенцев росло, возникали новые деревни. Параллельно шел процесс формирования крупного землевладения в Астрабадской и Мазандеранской провинциях, начало которому было положено консулом в Астрабаде (современный Горган) К.В. Ивановым: он приобрел имение неподалеку от города. Его примеру последовали другие российские чиновники, офицеры, частные лица, они стали владельцами земель в приграничных областях Ирана. Достаточно скоро (и не без участия консула) этими процессами заинтересовались в Петербурге, представители МИД, а также Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ, с 1915 г. — Министерство земледелия) начали вырабатывать политическую линию в отношении происходившего.

Среди вопросов, занимавших умы имперских чиновников в связи с развивавшимся переселенческим движением и землевладением в приграничных провинциях Ирана, немало важное место занимало идеологическое обоснование оправданности и необходимости активной политики в регионе, его освоения. Существенное значение здесь имели соображения вполне прагматического характера, но и они вписывались в некий более широкий контекст, включавший базовые и общераспространенные представления эпохи. В этом смысле актуальной исследовательской задачей является выявление ключевых понятий и категорий, использовавшихся для описания, осмысления и репрезентации происходивших процессов. Их знание даст лучшее понимание внутренней логики действий ключевых акторов со стороны Российской империи, позволит представить более объемную картину многомерного взаимодействия между Россией и Ираном Каджаров, отнюдь не сводившегося к межгосударственным отношениям по линии Петербург — Тегеран, либо межимперскому соперничеству России и Британии.

В числе наиболее любопытных категорий такого рода необходимо назвать «культурное завоевание». Это понятие, как и смежные/синонимичные — «экономическое завоевание», «культурно-экономическое завоевание» и т.п., фигурирует во многих текстах эпохи Первой мировой войны, связанных с российским проникновением в Персию, прежде всего в ее северные регионы, входившие в российскую сферу влияния. Дипломатическая переписка, консульские донесения, проекты концессий, отчеты чиновников Переселенческого управления ГУЗиЗ, публицистика и т.п. — эти источники позволяют увидеть смысл понятия и контексты его употребления, проанализировать его инструментальное значение в ряду тех идеологов, что составляли общее поле дискурса имперской экспансии, явным и неявным образом задававшее базовые рамки осмысления проблематики, стиль мышления и пути достижения целей не только на общегосударственном уровне, но и на уровне частной инициативы, вписанной как в общеимперские проекты, так и в контекст международной политики.

Категория «культурное завоевание» использовалась прежде всего в связи с активизацией российского проникновения в Северную Персию в годы, предшествовавшие войне. Это понятие служило некой формой, которая могла вместить многообразное содержание.

аккультурации как культурного воздействия одного общества на другое без их смешивания в ходе культурного обмена «даже не обязательно находиться в рамках единого государственного организма, это может быть культурный обмен на фронтире, между населением двух соседствующих друг с другом стран и тому подобное».

⁴ См., например: *Гинзбург А.И.* Из истории возникновения русских поселений в Северном Иране // Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Сб. статей. Ташкент, 1965. С. 30–36; *Канода Н.Н.* Переселенческие поселки в Закаспийской области. (Конец XIX — начало XX в.) Ашхабад, 1973; *Сухорукоев А.Н.* Русские поселения на севере Ирана в начале XX века // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем. Материалы Международной научной конференции (IX Колосницынские чтения), 16–17 апреля 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 282–287.

При этом словосочетание встречалось достаточно часто, не будучи исключительно порождением публицистических попыток интеллектуализации весьма банальных рыночно-экономических процессов. Напротив, сами их акторы выступали в качестве носителей и распространителей соответствующего дискурса, который должен был в этом случае выполнять вполне инструментальную функцию дополнительного идейно-политического обоснования ценности тех или иных проектов не перед абстрактной читающей публикой, а перед правительственными чиновниками.

Это наглядно видно на примере различных концессий в Астрабадской и Мазандеранской провинциях, которые пытались получить российские предприниматели, рассчитывая на поддержку внешнеполитического ведомства. В марте 1914 г. войсковой старшина А.С. Святополк-Мирский обратился в МИД с ходатайством о скорейшем засвидетельствовании осуществленной им сделки на покупку 100 тыс. десятин земли в долине р. Горган (старое написание — Гюрген) для орошения и эксплуатации⁵. Параллельно с ходатайством его доверенное лицо подполковник в отставке А.Г. Ананьев представил записку о значении Гюргенской концессии. Преамбула к концессионному проекту весьма примечательна:

«Ввиду возрастающего стремления наших западных соседей к культурному завоеванию стран ближнего востока, всякое русское начинание в подобном же направлении является действием мудрым и патриотическим.

Одним из самых могущественных средств распространения культурно-экономического влияния на северную Персию представляется — приобретение в собственность и аренда лицами русского происхождения пустынных персидских земель для целей искусственного орошения»⁶.

Далее отмечалось, что «кроме общего культурного значения, заключающего (так в тексте. — А.Л.) в том, что создастся обширный благоустроенный район для жизни сотен тысяч людей», предлагаемый концессионный проект обладал важным значением в политическом, экономическом и военном отношениях. Так, в политическом отношении в сфере влияния России, причем непосредственно в приграничной полосе, возникнет крупное русское предприятие, «которое с радостью приветствуется местными кочевыми туркменами, видящими в начинании Святополк-Мирского залог их благополучия, так как многие из них осядут на орошенных землях». В экономическом смысле «предприятие явится на помощь кочевым туркменам, переживающим историческую эволюцию перехода от кочевой к оседлой жизни», а также создаст значительный район для русского переселения, послужит интересам российского хлопкового рынка. И даже в военном плане, помимо улучшения стратегической обстановки вспомогательных отрядов, которые будут оперировать в провинции и смогут опираться на «богатую Гюргенскую концессию», «существующие в настоящее время добрые наши отношения с воинственными туркменскими племенами, будут закреплены самым реальным образом путем улучшения экономического быта туркмен. Ясно, что туркмены явятся нашими надежными аванпостами»⁷.

Итак, документ позволяет увидеть, что под «культурным завоеванием» его составитель подразумевал в первую очередь хозяйственно-экономическое освоение важного приграничного региона. Однако оно, как видим, не сводилось только лишь и исключительно к получению прибыли концессионерами, либо же к решению экономических задач Российской империи в регионе, прежде всего развитию здесь хлопководства. Отметим акцент, который сделан на значении предполагаемого предприятия для обустройства края в целом, для его «окультуривания». Важным элементом рассуждений выступает значение концессии для приобщения к цивилизации местных туркмен, причем «цивилизующее» влияние

⁵ Телеграмма Святополк-Мирского. Астрабад, 4 Марта 1914 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 144. Оп. 489. Д. 4976. Л. 63.

⁶ Гюргенская концессия А.С. Святополк-Мирского // Там же. Л. 65.

⁷ Там же. Л. 65–66.

должно проявиться в содействии их переходу к оседлости⁸, а также в общем улучшении хозяйственно-бытовых условий жизни.

Весьма интересна и характеристика, данная концессии Святополк-Мирского российским пограничным комиссаром в Иране генерал-майором К.В. Лавровым. Базируясь в иранской части Туркменской степи (Гомбеде-Кавус), он непосредственно занимался взаимодействием с туркменами и играл важную роль в регионе. Показательно, что в отчете за 1913 г. Лавров уделяет существенное (и благожелательное) внимание проекту Гюргенской концессии. Он начинает с важности для интересов России переселенчества в Горгано-Атрекский район, необходимости правительственной поддержки в приобретении земель, перечисления местных непростых условий. Комиссар отмечает, что для туркмен и русских переселенцев становится доступным огромный фонд земель по правому берегу р. Горган, который нельзя было использовать ранее по причине отсутствия там орошения. Описание преобразований, которые должны наступить в жизни края после реализации проекта, характерным образом перекликается с запиской Ананьева.

«Призываемой ею (Гюргенской концессией. — А.Л.) к жизни мертвый правый берег, при намерении заселить его исключительно русским элементом, явится для переселенцев левого берега естественным выходом из создавшегося там тяжелого положения. ...Преследуя чисто коммерческие цели, Гюргенская концессия, однако, обязуется служить в этом крае исключительно русским интересам. Созданием этой концессии делается крупный шаг к культурному завоеванию Астрабадской провинции»⁹.

Здесь же Лавров в нескольких пунктах излагает то, что в его представлении и является содержанием «культурного завоевания». Итак, появление ряда крупных русских поселений, «сплоченных и организованных ее администрацией», составит «надежный оплот против всяких неприянных покушений». «Высокая культура» этого района обеспечит «шаткое теперь экономическое положение» лежащей неподалеку Атрекской линии. Свою пользу от концессии получит туркменское население края, причем она «ими заранее учитывается и послужит лишним звеном к укреплению добрососедских отношений». Предприятие послужит и интересам российской промышленности, уменьшив ее зависимость от американского хлопка¹⁰.

В заключение своих рассуждений Лавров встраивает международный контекст и междоусобную конкуренцию: «Политический момент в настоящее время таков, что к культурному завоеванию Персии стремятся все великие державы. Англичане, немцы, французы, даже бельгийцы и шведы шлют своих подданных в Персию, облегчают им создание концессий и торговых предприятий. Нужно смотреть как на нашу общую победу и торжество, когда в недалеком будущем под русское хлопководство отойдет значительная площадь этой плодородной персидской провинции»¹¹.

В предлагаемой схеме концессия выступала не просто в своем прямом качестве коммерческого предприятия, но, приобретая много более важные измерения, как средство «культурного завоевания» Астрабадской провинции. Они включали и мотивы возрождения края («призывание к жизни мертвого правого берега» Горгана), и идею «возвращения» цивилизации. Очевидным образом присутствует логика прогрессизма в отношении бытовой и материальной культуры местных туркмен, которые должны быть облагодетельствованы. Показателен и мотив конкуренции с иностранцами, которые также стремятся к «культурному завоеванию» Персии, а значит необходимо опередить их, выступив в качестве пионеров приобщения региона к европейской цивилизации, что будет содействовать общему престижу России, а также даст ей прямые материальные бонусы.

⁸ Оседлый образ жизни трактовался как более «прогрессивный», «цивилизованный» в сравнении с кочевым.

⁹ Отчет российского пограничного в Персии комиссара. За 1913 год. Копия // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 4976. Л. 123.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 123—123 об.

Схожие мотивы обнаруживаются и в иных проектах, поступавших в МИД. Так, в поданном в январе 1914 г. прошении генерал-майора А.С. Потапова о поддержке его предприятия обнаруживаются все те же мысли¹². Хотя он и не использует выражение «культурное завоевание», здесь также присутствует идея «цивилизации» края: «Излишним считаю настаивать на том, какое важное значение имело бы заселение русскими по национальности колонистами бассейна р. Гюрген и, следовательно, образование культурной полосы, которая разъединяла бы туркменские кочевья в сопредельном с Закаспийской областью районе и явилось бы значительным шагом нашим в смысле экономического проникновения в глубь Персии»¹³.

И здесь обнаруживается создание «культурной полосы», увязываемой с «экономическим проникновением». Обращалось внимание правительства и на необходимость скорейшего закрепления в важном приграничном регионе, чтобы опередить иностранцев, уже проявляющих серьезный интерес к краю¹⁴.

Предлагаемая концессия также была оросительной. Кроме того, предприниматель был намерен развивать инфраструктуру региона, обеспечивать местных жителей предметами обихода через ряд складов русских товаров, устраивать промышленные заведения¹⁵. Итак, и в этом проекте видна обширная программа развития края, его «окультуривания», «цивилизации».

Рассмотренные примеры отчетливо демонстрируют, что подразумевали российские предприниматели под «культурным завоеванием» Астрабадской провинции (очевидно, что эта логика может быть распространена и на иные регионы Ирана). Само слово «культура» выступает здесь во многих своих ипостасях, но что характерно, в том числе как вполне первоначальная античная *cultura* — обработка, возделывание земли. Видно и указание на преимущества хозяйственного освоения края, развитие здесь хлопководства (как стратегической для России отрасли) и других культур, становление промышленных предприятий (прежде всего обрабатывающих). Явно обнаруживается желание показать благотворность «культурного завоевания» для местного населения, прежде всего туркмен, которые будут «приобщаться цивилизации», переходить к оседлости и т.п. В проектах уделяется внимание развитию инфраструктуры, гуманитарной миссии. Отдельной темой звучит необходимость осуществить «культурное завоевание» первыми, опередив иностранцев.

Как видим, использование дискурса «культурного завоевания» было важным элементом обоснования вполне прагматических проектов по созданию предприятий в перспективной приграничной провинции. Это были устойчивые распространенные формулы, к которым обращались не в силу личных идеалистических побуждений. И в лице государственных служащих, непосредственных проводников российской политики, подобный язык был нормативным. Это позволяло избежать ненужных дипломатических сложностей в отношениях как с Ираном, так и с другими государствами, в том числе с Британией, и без того в эти годы непрестанно упрекавшей российскую сторону в нарушении положений конвенции 1907 г.¹⁶

¹² Подробнее о концессионном проекте этого генерала см.: Ларин А.Б. «Самая личность г. Потапова не внушает нам никакого доверия»: российское землевладение в Северном Иране и концессионные проекты генерала авантюриста // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840030111-1-1/> (дата обращения: 17.05.2024). О перипетиях его биографии см.: Дамье В.В. Русский генерал и китайские радикалы // Россия и современный мир. 2018. № 3. С. 30–51.

¹³ Прошение потомственного дворянина Алексея Степановича Потапова, поданное им в императорское Министерство иностранных дел 12 января 1914 года // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 4976. Л. 22.

¹⁴ Там же. Л. 21 об.–22.

¹⁵ Там же. Л. 22–22 об.

¹⁶ См., например: Annual Report on Russia for the year 1913 // British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Pt.I. Ser. A. Russia, 1859–1914 / ed. D. Lieven. Vol. 6. Russia, 1910–1914. Washington, 1983. Doc. 172. P. 359–362; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Воспоминания, мемуары. М.; Минск, 2001. С. 86–90.

Характерно в этом отношении письмо министра иностранных дел С.Д. Сазонова посланнику в Тегеране И.Я. Коростовцу, в котором он высказывает соображения по переселенческому вопросу. В финальной части рассуждений он постулирует: «Что же касается захвата нами этого района, то, имея чисто культурно-экономический характер, он может лишь послужить на пользу персидского правительства, которому будут вполне обеспечены поземельный и иные доходы в этой местности, ныне, как нам доподлинно известно, ничего не приносящей персидской казне; независимо от того, оживление земель по Гюргену и появление там русского элемента будет, несомненно, способствовать прекращению опустошительных набегов туркмен на окрестное персидское население и окажет просветительное влияние на этих кочевников»¹⁷. В предлагаемой риторике «захват» района носил «чисто культурно-экономический характер», что, видимо, должно было успокоить Тегеран.

Схожим образом и сам Коростовец заверял иранцев в этом отношении, объясняя как членам шахского правительства, так и представителям прессы, что у России в регионе «первостепенные экономические интересы», а «мирное проникновение русского элемента выгодно для самих персов», поскольку обогатит край и даст новые доходы казне¹⁸. Видно, что идея о благотворности российского экономического присутствия в Иране была важным элементом официального дискурса и неизменным средством репрезентации проводимой политики, долженствующим представить происходившие процессы диффузной экспансии в нужном свете на дипломатическом уровне.

Насколько искренними были эти заявления? Нужно признать, что в приведенных формулировках присутствовала изрядная доля лукавства. В этом же письме министр, ссылаясь на донесение Иванова от 16 декабря 1913 г. за № 62¹⁹, выражал принципиальное согласие с его позицией о желательности расширения русского землевладения в Северной Персии, особенно в районе р. Горган. Отметив потенциальные экономические выгоды, он также указывал, что «и в политическом отношении проникновение именно в этот район русского элемента может иметь для нас большое значение»²⁰. Этот тезис он обосновывал соображениями из области политической этнографии и географии приграничного региона между русско-иранской границей на севере (по р. Атрек) и р. Горган (с прилегающими территориями) на юге. Указав на неудачный характер проведенного в 1881 г. размежевания, в результате которого область обитания и кочевий туркмен оказалась разделена на русскую и иранскую части, он подчеркивал, что власть Тегерана никогда не распространялась на туркменские земли. И хотя вопрос переноса границы на Горган поднимался во властных кругах, по политическим соображениям (в особенности после заключения конвенции 1907 г.) его решение было признано в тех условиях неосуществимым²¹. Требовался какой-то альтернативный подход.

Сазонов формулировал достаточно прямо: «Для закрепления нашего настоящего положения в этой части пограничной полосы Персии и предотвращения возможного в будущем подчинения туркмен окрепшему шахскому прав[ительст]ву нам остается только прибегнуть к косвенным путям, одним из коих... было бы сплошное заселение долины Гюргена русским элементом, который служил бы, так сказать, барьером, отделяющим туркмен от

¹⁷ Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу. Письмо № 86. 1 (14) февраля 1914 г. Доверительно // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств (МОЭИ). 1878–1917. Сер. 3. 1914–1917. Т. 1. М.; Л., 1931. № 255. С. 325.

¹⁸ Делеша посланника в Тегеране. 14 марта 1914 г. № 17 // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 4976. Л. 76 об.–77.

¹⁹ Подробнее о его роли в развитии переселенческого дела в Астрабадской провинции см.: Ларин А.Б. «Сами персы ничего не предпримут для поднятия края»: консул К.В. Иванов о проблемах и перспективах российского переселенчества и землевладения в прикаспийских провинциях Ирана (начало XX в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028442-5-1/> (дата обращения: 17.05.2024).

²⁰ Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу. Письмо № 86. С. 322.

²¹ Там же. С. 322–323.

персов»²². Министр смотрел на переселенчество, как и на другие пути освоения региона, как на инструмент, позволяющий не только осуществлять хозяйственные задачи, но и стать паллиативным способом разрешения вопроса о границе.

Подобная логика прослеживается и у многих иных вовлеченных лиц. Коростовец в ответной депеше на письмо Сазонова, излагая свои мысли по проблеме колонизации русскими переселенцами туркменских земель в районе Горгана, также подчеркивал несомненность пользы «от закрепления за Россией этого района», задаваясь при этом вопросом, «как легче и беспрепятственнее осуществить эту цель»²³.

Иванов в заключительной части донесения, ставшего важным этапом в обсуждении проблемы переселенчества, писал: «Вообще же я думаю, что если нельзя разрубить гордиев узел и просто провести нашу границу по водоразделу и мы вынуждены ограничиваться экономическим завоеванием края, то следовало бы, по крайней мере, поставить последнее так, как принято теперь ставить все промышленные предприятия, давая им с самого начала полное оборудование, т.е. поспешить проведением сюда железной дороги, без коей экономическое завоевание нами края обречено идти черепашьям шагом и на массу жертв»²⁴.

В изложении Иванова особенно отчетливо видно, что для него «экономическое завоевание края» есть вынужденный путь, используемый постольку, поскольку политические обстоятельства не позволяют перенести границу империи к берегам Горгана. Государственные деятели накануне Великой войны исходили из существующего положения дел, прежде всего обусловленного договоренностями с Великобританией 1907 г. В то же время политические интересы в приграничной провинции, желание объединить под своим контролем все туркменское население, а также озабоченности по поводу безопасности этого участка пограничья, воспрепятствование активизации иностранцев в стратегически важном регионе в условиях обострения международной напряженности²⁵ требовали поиска возможных путей решения этих задач.

При этом в годы войны, когда процессы переселенческой колонизации продолжали развиваться, а степень вовлеченности государства в них только возрастала, высказывания разных лиц, прежде всего чинов Переселенческого управления ГУЗиЗ, о желательности включения прикаспийских провинций в состав Российской империи стали более прямыми и откровенными. Не вдаваясь более глубоко в рассмотрение этого вопроса, стоит отметить, что, к примеру, в отчете о работах Переселенческого управления за 1915 г. в заключении к разделу о колонизации Северной Персии после перечисления возможных преимуществ говорится: «Эти ожидаемые выгоды от присоединения прикаспийской Персии, конечно, лишь в слабой степени искупили бы те жертвы, которые постоянно приносила Россия в дело умиротворения смуты в Персидском государстве»²⁶. Подобная откровенность и прямота во многом должны объясняться обстоятельствами военного времени. В условиях высокой неопределенности, сильно расширившегося набора возможностей изменения

²² Там же. С. 323.

²³ Депеша посланника в Тегеране. 14 марта 1914 г. Л. 76.

²⁴ Выписка из секретного донесения российско-императорского консула в Астрабаде от 16 декабря 1913 года, за № 62 // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 240. Л. 147–147 об.

²⁵ Подробнее о взаимосвязи вопросов развития российской земле(вла)дельческой колонизации прикаспийских провинций и обеспечения безопасности Российской империи в данном регионе см.: Ларин А.Б. Политика колонизации как политика безопасности: российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029145-8-1/> (дата обращения: 17.05.2024).

²⁶ Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Пг., 1916. С. 312.

политической географии в случае успеха чиновники управления пытались артикулировать свои представления о желательном исходе²⁷.

Однако вопрос о «культурном завоевании» провинций южного Прикаспия нельзя сводить исключительно к средству опосредованного решения пограничного вопроса в Астрабадской провинции. Этот частный случай является показательным, но не должен рассматриваться в отрыве от общего контекста имперской политики в Северной Персии. Прежде всего, интересы России простирались далеко за пределы бассейна Горгана в Астрабадской провинции. Они включали и Мазандеран, и Гилян, и лежащий к западу от последнего Иранский Азербайджан etc. Да, наибольшее внимание уделяется Астрабаду, но это обусловлено, во-первых, непосредственным примыканием провинции к Закаспийской области (что требовало внимания к обеспечению стратегической безопасности), во-вторых, именно сюда по понятным причинам пошел первоначальный поток колонистов.

Сама же категория «культурное завоевание» (и схожие) должна интерпретироваться шире и универсальнее. Она, как видится, достаточно тесно сопряжена с понятием «русское дело в Персии», которое трактовалось многозначно, но в целом ассоциировалось с комплексом мероприятий и задач, которые стояли перед Российской империей в деле освоения Ирана, обеспечения там международных и внутривосточных интересов (которые в данном случае не получат отчетливо разграничить)²⁸. Традиционный подход к российско-иранским отношениям как к межгосударственным связям Петербурга и Тегерана (при активной роли Лондона), либо даже акценты на экономической экспансии России в Северной Персии, обращении ее в «полуколонию», не отражает в полной мере происходивших процессов. Подходы империи в регионе можно было бы определить в качестве «диффузной экспансии», когда сопредельные территории не рассматривались как зона исключительного суверенитета другой страны, а выступали объектом поэтапного освоения.

Его пути и формы, способы интеграции в «неформальную империю» могли быть различными, включение в политические границы России вовсе не было обязательным итогом (хотя война, конечно, серьезно подвинула границы потенциальных вариантов). В числе наиболее перспективных в предвоенные и военные годы виделось развитие земле(вла)дельческого освоения региона. Этот процесс происходил в двух основных, во многом пересекающихся вариантах. Первый, это формирование крупных земельных владений, в том числе обширных концессий, предполагавших не просто ведение земледельческого хозяйства, но развитие других форм экономической деятельности (о них шла речь выше). Вторым вариантом, наиболее интересным с точки зрения многих чиновников, было поощрение крестьянской переселенческой колонизации.

Именно этот вариант виделся предпочтительным как в МИД, так и в ГУЗиЗ. Последнее ведомство было весьма активно вовлечено в обсуждение и реализацию курса, направленного на поощрение, содействие и координацию процесса крестьянского переселения в прикаспийские провинции Персии. Его представители оставили значительные и интересные материалы, где высказывали свои взгляды как на этот вопрос непосредственно, так

²⁷ См. об этом подробнее: *Ларин А.Б.* «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (дата обращения: 17.05.2024).

²⁸ О категории «русское дело» см., например: *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. № 11 (29). С. 132–179; *Их же.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные» культуртрегеры // *Ab imperio*. 2008. № 2. С. 157–222; *Их же.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск, 2013. Применительно к Туркестану также: *Цыряпкина Ю.* «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 5. С. 1625–1641. О «русском деле в Персии» см. подробнее: *Ларин А.Б.* «Русское дело в Персии»: содержание и интерпретации понятия в конце XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014605-4-1/> (дата обращения: 17.05.2024).

и в целом на задачи и цели российской политики в регионе, перспективы его освоения. Эти тексты позволяют понять их видение процесса «культурного завоевания», с явным акцентом на роль крестьянской колонизации южного Прикаспия.

Конечно, при обосновании необходимости активного освоения края звучали тезисы ориенталистского²⁹ толка. Например, начальник Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин в составленной по итогам командировки «Отчетной записке о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии» дает следующую характеристику края: «Огромные площади свободной и плодородной земли. Ценнейшие рыбные и лесные богатства. Обильные выходы нефти, крупные залежи каменного угля, меди и железной руды. Причудливое сплетение гор и долин при субтропическом климате — естественное политическое и экономическое тяготение туземного населения к соседней великой Державе — России... Таковы Мазандеранская и Астрабадская провинции Персии»³⁰. Подобного рода описаний, показывающих все выгоды и перспективы освоения края, приводилось множество. Основные плюсы виделись в превращении провинций в важный район хлопководства для обеспечения российской промышленности, в снабжении внутренних регионов России строевым материалом, древесиной и дровами, а также южными фруктами и иными плодами.

При этом отмечалось, что все эти богатства и ресурсы не используются. Как писал другой сотрудник ведомства Б.В. Бессонов: «Северное побережье Персии... представляет собою край, сулящий громадные возможности в будущем, но пока полный нетронутых богатств»³¹. Постулировалось, что в текущем плачевном состоянии государство и общество Ирана не способны их освоить, так как величие и слава страны остались в прошлом. Отсылки к истории встречаются часто, преимущественно для того, чтобы подчеркнуть, отменить безотрадное настоящее³² и необходимость «освоения» региона. Так, финальный абзац записки в обоснование концессии Святополк-Мирского выдержан в отчетливо ориенталистских тонах и отсылает читателя к былой славе края: «В заключение необходимо упомянуть, что долина реки Гюргена входила в состав древнего Парфянского Царства, о благоустройстве и культуре которого свидетельствуют многочисленные развалины городов и следы значительных оросительных систем»³³. Российское «культурное завоевание» должно было восстановить эту связь времен, вернуть процветание.

Итак, повторяющаяся во многих текстах схема была достаточно незамысловата и основывалась на описании разнообразных богатств края, его природных ресурсов; неспособности ни местного населения, ни властей (в силу приписываемых им характеристик) в полной мере их использовать; благотворности и существенной пользы, которую приобрело бы и население, и персидское государство от расширения российского присутствия, прежде всего от крестьянской колонизации этих земель. Все это создавало некую законченную картину необходимости «культурного завоевания», базирующуюся главным образом на представлении о «цивилизаторской миссии» России³⁴.

Обширная крестьянская колонизация должна была сыграть ключевую роль в процессах «культурного завоевания» края, решить как частные, так и более широкие задачи Российской

²⁹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

³⁰ Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Пг., 1916. С. 42.

³¹ Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Пг., 1915. С. 88.

³² Там же. С. 25–26.

³³ Гюргенская концессия А.С. Святополк-Мирского. Л. 66.

³⁴ О цивилизаторской миссии, идеях превосходства, иерархии, вопросах отношения к неевропейскому населению и проч. см., например: Мирзеханов В.С. Идея превосходства и расовая иерархия во французской колониальной культуре // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000720-1-1/> (дата обращения: 21.05.2024); Его же. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.

империи в регионе. Так, эти воззрения отражены в работе «Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии» А.М. Сахарова, заведовавшего делом переселения. Вслед за министром иностранных дел он делал акцент на том, «какой большой политический вес имеет для нас колонизация долины Гюргена», подчеркивая, что она позволила бы разрешить «давно наболевший вопрос неудачного размежевания с Персией». Его резюме: «Таким образом, мирное завоевание Гюргена переселенцами исправит нашу старую ошибку и выполнит задачу, которая при иных обстоятельствах была бы по плечу лишь военной силе»³⁵.

Большое значение Сахаров отводил крестьянской колонизации и в деле укрепления экономических позиций России в регионе, что тесно увязывалось им с необходимостью борьбы с соответствующим влиянием Германии, желанием «с корнем вырвать распускающийся цветок немецкой торговли»³⁶. Он отмечал, что северная и центральная Персия, соединенные с «внутренней Россией» удобным водным путем, являются ее естественным рынком, на котором не составит труда «убить всякую конкуренцию наших западных соседей». Колонизация Астрабадской (и Мазандеранской) провинции, создав «прочный опорный пункт» для российской торговли в Иране, существенно облегчит задачу. Дальнейшее звучит уже практически как армейские планы «завоевания»:

«Контингент переселенцев в скором времени может дать значительное количество агентов, детально знакомых с условиями местного рынка. Покупная способность самих переселенцев, оживив и расширив русскую торговлю, привет местному населению потребность во многих наших фабрикатах, не находящихся до сих пор в Персии никакого сбыта (особенно это относится к области сельскохозяйственных орудий). Посредством базаров, мелочных лавок и разъездных торговцев предметы ежедневного обихода русской фабрики потекут непрерывным потоком во все глухие уголки северной Персии. Колонизация, наконец, укрепит в крае русскую власть, расширит связи с туземцами, улучшит пути и средства сообщения, увеличит кредитные обороты русского банка, оживит пароходство по Каспийскому морю и поставит ребром давно назревший вопрос о скорейшем осуществлении мероприятий по урегулированию навигационных условий по южному берегу Каспия... Несомненно, что косвенная колонизация ускорит также разрешение крайне важных для России железнодорожных проблем в Персии, сводящихся к устройству линий, связующих самые важные торговые центры Ирана (Хамадан, Тегеран и Решт, Тавриз и Ардебиль, Шахруд и Астрабад) с Каспийским морем»³⁷.

Сахаров заключал, что если в политическом отношении переселенческая колонизация является «оружием, направленным против Германии», то в экономическом она служит «одним из важных стимулов прочного завоевания нами персидского рынка». Специальное внимание он уделял перспективам хлопководства. Отметив подходящие условия для выращивания этой важной культуры, чиновник называл благоприятные последствия от предстоящей сельскохозяйственной эволюции, которая вернет «Гюргенской равнине то цветущее состояние, которым она пользовалась... еще тысячу лет назад»³⁸.

Наконец, Сахаров писал и о том, что «в связи с политическими и экономическими... задачами к югу от Каспия нельзя умолчать также и о культурной роли, предназначенной России на севере Персии». По его словам (и здесь он уходит от негативных ориенталистских характеристик), персы — «даровитый народ с подвижной, легко воспринимающей психикой». Их общекультурному и экономическому прогрессу препятствуют внутренняя анархия и религиозный фанатизм. Укрепление позиций России на севере Ирана, непосредственное знакомство с русскими позволит преодолеть эти препоны: принесет спокойствие в регион, сгладит религиозную нетерпимость и бытовую замкнутость населения. Постепенно будут внедряться европейские подходы к хозяйству, быту, медицине, станут

³⁵ Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Пг., 1915. С. 58.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 59.

³⁸ Там же. С. 59–61.

популярными русский язык и образование. Здесь речь идет уже о «культурном завоевании» в узком смысле, о приобщении к русской/европейской культуре, о «цивилизаторской миссии». Резюмируя, он писал: «Но все это дело будущего. Чтобы достичь вышеотмеченных результатов, мы должны положить немало труда. Только сознательное уяснение наших национальных задач в Иране и неуклонная твердая политика в этом направлении поможет нам в скорейшее время и с меньшей затратой сил приобщить Персию в обще-европейской культуре (так в тексте. — А.Л.) и связать ее узами общих интересов с Россией»³⁹. Важнейшим средством решения «национальных задач» он полагал земледельческую колонизацию. Сахаров здесь не оригинален, его коллеги по Переселенческому управлению выражали схожие идеи и так же подчеркивали ключевую роль русских крестьян-переселенцев в деле «культурного», «экономического завоевания» Северной Персии, содействия ее прогрессу и цивилизации⁴⁰.

Неудивительно, что он стремится наметить программу практических мероприятий (помимо очевидного поиска и приобретения свободных земель), нацеленных на обеспечение потребностей переселенческого движения. Он рассматривает «религиозно-просветительные нужды», «врачебно-продовольственную и остановочную помощь», «ветеринарную помощь», «агрономические мероприятия», «ссудную денежную помощь», «землеотводно-межевые работы», «гидротехническую помощь», «дорожные работы»⁴¹. Итак, чиновник предлагал как идейно-политическое, так и практическое обоснование крестьянского переселения.

Стоит обратить внимание и на то, что, подчеркивая первостепенную роль русского крестьянства в деле «культурного завоевания» прикаспийских провинций, представители государства зачастую достаточно критически/скептически высказывались относительно крупных землевладельческих концессий, концессий, организуемых российскими предпринимателями. В их бизнес-активности виделись угрозы. Уже в письме Сазонова Коростовцу наблюдается негативное отношение к идущему процессу формирования крупного землевладения⁴². В выкладках представителей ГУЗиЗ/Министерства земледелия в 1914–1916 гг. частных дельцов зачастую представляли в качестве главной опасности⁴³.

В чем же состояли эти угрозы «историческим национальным задачам» России, «русскому делу в Персии», о которых практически в одних выражениях писали чиновники этого ведомства? Во-первых, считалось, что частным предпринимателям гораздо выгоднее заселять свободные земли не русскими, а иранцами, их можно усиленно эксплуатировать, они менее требовательны в сравнении с русскими переселенцами и т.д. Во-вторых, для частного бизнеса и иранцев-колонистов самой выгодной, привычной и безубыточной культурой был рис. Однако его разведение требовало большого количества дефицитной воды, которая была нужна и для разведения хлопка. А именно в развитии хлопководства в наибольшей степени было заинтересовано российской правительство. Кроме того, специфика местного рисоводства способствовала распространению малярии. Наконец, существовали опасения, что крупных землевладельцев сложнее контролировать, а возможности диктовать свои условия у них будет больше, кроме того, не исключалось, что они станут приобретать земли со спекулятивными целями, а потому следовало спешить

³⁹ Там же. С. 61–62.

⁴⁰ Например: Бессонов Б.В. Указ. соч. С. 89–90.

⁴¹ Сахаров А.М. Указ. соч. С. 66–73.

⁴² Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу. Письмо № 86. С. 324.

⁴³ См., например: Чиркин Г.Ф. Указ. соч. С. 29. Ср.: Записка «О приобретении земель в Астрабадской и Мазандеранской провинциях Северной Персии через Учетно-Ссудный Банк Персии». Копия. В. Секретно // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 4976. Л. 227; Доклад заведывающего переселением в Сыр-Дарьинском районе. 9 декабря 1916 г. № 7434. г. Ташкент. Копия // Там же. Л. 269 об.

с приобретением земель под крестьянскую колонизацию⁴⁴. Вероятность создания компаний иностранцами (особенно немцами), либо вступления российских предпринимателей с ними в сговор также не исключалась.

Вышеизложенное показывает, что категория «культурное завоевание» была важным элементом дискурса российского проникновения в Северный Иран, российской политики в этой стране в эпоху Великой войны. Она активно использовалась (в различных формах: «экономическое завоевание», «культурно-экономическое завоевание» и т.п.) как государственными деятелями, так и частными лицами, преследовавшими собственные коммерческие интересы, однако стремившимися к сотрудничеству с властями и говорившими с ними на одном языке. Понятие «культурное завоевание» было рамочным, не определялось отчетливо, что было оправдано и обоснованно, поскольку его использование позволяло преодолеть налагаемые международными соглашениями ограничения и проводить в приграничных провинциях Ирана желаемую линию. Его неопределенность в рассматриваемых контекстах вполне вписывалась в осуществляемое властями освоение прикаспийских провинций, некую «диффузную экспансию», позволявшую проводить внешнюю политику как внутреннюю и *vice versa*. Так или иначе, «культурное завоевание» Астрабадской и Мазандеранской провинций включало три основных компонента: политический, экономический и цивилизационный. Первый предполагал решение определенных государственно-политических задач в регионе, прежде всего паллиативное решение вопроса о переносе границы *de facto* (а при удачном стечении обстоятельств после войны — и *de jure*) южнее, а также обеспечение безопасности региона, примыкающего к «русскому Туркестану», от иностранцев. Второй — экономическое освоение края — предполагало включение его в народнохозяйственный комплекс империи. Третий подразумевал приобщение местного населения к русской/европейской культуре, его включение в более широкое пространство европейской цивилизации. Впрочем, последняя цель достигалась не только за счет узконаправленных мероприятий по распространению образования, просвещения среди жителей края, снабжения их медицинской помощью и т.д., но как интегральный итог всей политики.

Важно отметить, что при сходстве интерпретаций понятия, явно или неявно фигурирующего в различных текстах, имелись существенные различия в понимании средств, методов, оптимальных путей «культурного завоевания» прикаспийских провинций. Возникшие почти одновременно и развивавшиеся параллельно процессы формирования крупного русского землевладения, мощных концессий и крестьянской переселенческой колонизации встречали разное отношение со стороны представителей государственного аппарата. Несмотря на заявляемую лояльность предпринимателей, имевших виды на осуществление крупных концессий, стремление представить проекты в качестве инструмента осуществления общегосударственного дела, они встречали в целом подозрительное отношение со стороны представителей власти (хотя могли и получать поддержку, одобрение). Особенно острой критике крупные землевладельцы подвергались со стороны чиновников ГУЗиЗ/Министерства земледелия, видевших в их предприятиях угрозы для «русского дела в Персии». По их представлениям, агентами «культурного завоевания» Северной Персии, главными культуртрегерами в регионе должны были стать русские крестьяне-переселенцы⁴⁵. Конечно, в этом нельзя не усмотреть очевидной предвзятости и корпоративного интереса чиновников, непосредственно заинтересованных в продвижении собственного взгляда

⁴⁴ См. аргументацию против крупных землевладельческих предприятий, совпадающую в том числе и текстуально: *Чиркин Г.Ф.* Указ. соч. С. 29–31. Ср. с поданной в Совет министров летом 1916 г. запиской за подписью министра земледелия А. Наумова (но очевидно составленной и контрассигнованной Чиркиным): «О приобретении земель...» (Л. 227–229); Доклад заведывающего... (Л. 269–270 об.). Причем Сахаров в этом докладе предлагал для обеспечения «русских национальных задач» наложить достаточно жесткие ограничения на права распоряжения крупными латифундиями.

⁴⁵ Вопрос, насколько переселенцы в приграничных провинциях Ирана в действительности были способны к выполнению этой миссии, требует специального рассмотрения. См.: *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Русское дело» на азиатских окраинах. С. 157–222.

на вопрос (пользовавшегося, надо сказать, поддержкой и в МИД). Впрочем, нельзя отрицать и вполне искренних соображений, которыми могли руководствоваться представители Переселенческого ведомства, владевшие ситуацией на местах. Так или иначе, это были споры о тактике «культурного завоевания», в то время как сама по себе цель — интеграция обширных пространств южного Прикаспия в общее пространство империи (экономическое, культурно-цивилизационное, в пределе — государственно-политическое) — не вызвала сомнений. Это неудивительно, учитывая общий контекст эпохи Великой войны, ассоциируемый с глобальным переустройством миропорядка и конкуренцией различных взглядов на контуры лучшего будущего.

Библиография

- Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Пг., 1915.
- Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Воспоминания, мемуары. М.; Минск, 2001.
- Гинзбург А.И. Из истории возникновения русских поселений в Северном Иране // Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Сборник статей. Ташкент, 1965. С. 30–36.
- Даме В.В. Русский генерал и китайские радикалы // Россия и современный мир. 2018. № 3. С. 30–51.
- Западные окраины Российской империи. М., 2006.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
- Канода Н.Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области. (Конец XIX — начало XX в.). Ашхабад, 1973.
- Кушко А., Таки В. (при участии Грома О.) Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012.
- Ларин А.Б. «Сами персы ничего не предпримут для поднятия края»: консул К.В. Иванов о проблемах и перспективах русского переселенчества и землевладения в прикаспийских провинциях Ирана (начало XX в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028442-5-1/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Ларин А.Б. «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Ларин А.Б. Политика колонизации как политика безопасности: российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029145-8-1/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Ларин А.Б. «Русское дело в Персии»: содержание и интерпретации понятия в конце XIX — начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014605-4-1/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Ларин А.Б. «Самая личность г. Потапова не внушает нам никакого доверия»: российское землевладение в Северном Иране и концессионные проекты генерала авантюриста // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840030111-1-1/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Любичанковский С.В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (дата обращения: 16.05.2024).
- Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств (МОЭИ). 1878–1917. Сер. 3. 1914–1917. Т. 1. М.; Л., 1931.
- Мирзеханов В.С. Идея превосходства и расовая иерархия во французской колониальной культуре // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000720-1-1/> (дата обращения: 21.05.2024).
- Мирзеханов В.С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Специальный выпуск. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 15.05.2024).
- Мирзеханов В.С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.
- Переселение и переустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Пг., 1916.
- Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. 2008. № 11 (29). С. 132–179.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные» культуртрегеры // *Ab imperio*. 2008. № 2. С. 157–222.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Пг., 1915.

Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.

Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.

Сухоруков А.Н. Русские поселения на севере Ирана в начале XX века // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницинские чтения), 16–17 апреля 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 282–287.

Цыряпкина Ю. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 5. С. 1625–1641.

Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Пг., 1916. С. 42.

Annual Report on Russia for the year 1913 // *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I. Series A. Russia, 1859–1914* / ed. D. Lieven. Vol. 6. Russia, 1910–1914. University Publications of America, 1983. Doc. 172.

References

Bessonov B. V. Russkiiye pereselentsy v Severnoi Persii [Russian immigrants in Northern Persia]. Petrograd, 1915. (In Russ.)

B'iukenen Dzh. Memuary diplomata: Vospominaniia, memuary [Memoirs of a diplomat: Memoirs]. Moskva; Minsk, 2001. (In Russ.)

Chirkin G. F. Otchetnaia zapiska o poezdke vesnoi 1916 g. v Astrabadskuiu i Mazanderanskuiu provintsii Severnoi Persii [A report note on a trip in the spring of 1916 to the Astrabad and Mazanderan provinces of Northern Persia]. Petrograd, 1916. S. 42. (In Russ.)

Dam'e V. V. Russkii general i kitaiskie radikaly [Russian general and Chinese radicals] // *Rossii i sovremennyy mir [Russia and the modern world]*. 2018. № 3. S. 30–51. (In Russ.)

Ginzburg A. I. Iz istorii vozniknoveniia russkikh poselenii v Severnom Irane [From the history of the emergence of Russian settlements in Northern Iran] // *Iz istorii Srednei Azii (dorevoliutsionnyi period) [From the history of Central Asia (pre-revolutionary period)]*: sbornik statei. Tashkent, 1965. S. 30–36. (In Russ.)

Kanoda N. N. Pereselencheskie poselki v Zakaspiiskoi oblasti. (Konets XIX – nachalo XX v.) [Resettlement settlements in the Transcasian region. (Late 19th – early 20th centuries)]. Ashkhabad, 1973. (In Russ.)

Kushko A., Taki V. (pri uchastii Groma O.) Bessarabiia v sostave Rossiiskoi imperii [Bessarabia as part of the Russian Empire] (1812–1917). Moskva, 2012. (In Russ.)

Larin A. B. “Novaia Apel'siniia”: apologiia proniknoveniia v Mazandaran i Astrabad v publikatsiiakh chinov rossiiskogo pereselencheskogo vedomstva [“The New Orangeland”: justification of the penetration into Mazandaran and Astrabad in the publications of the Russian Resettlement Department's officials] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2021. T. 12. Vyp. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (access date: 17.05.2024). (In Russ.)

Larin A. B. “Russkoe delo v Persii”: sodержanie i interpretatsii poniatiia v kontse XIX – nachale XX vv. [“Russian mission in Persia”: content and interpretation of the concept in the late 19th and early 20th century] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2021. T. 12. Vyp. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014605-4-1/> (access date: 17.05.2024). (In Russ.)

Larin A. B. “Samaia lichnost' g. Potapova ne vnushaet nam nikakogo doveriia”: rossiiskoe zemlevladienie v Severnom Irane i kontsessionnye proekty generala avantiurista [“The very personality of Mr. Potapov does not inspire us with any confidence”: Russian land ownership in Northern Iran and the concession projects of the adventurer General] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2024. T. 15. Vyp. 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840030111-1-1/> (access date: 17.05.2024). (In Russ.)

Larin A. B. “Sami persy nichego ne predprimut dlia podniiatiia kraia”: konsul K. V. Ivanov o problemakh i perspektivakh rossiiskogo pereselenchestva i zemlevladieniia v prikaspiiskikh provintsiiakh Irana (nachalo XX v.) [“The Persians themselves will not do anything to raise the region”: Consul K. V. Ivanov on the problems and prospects of Russian resettlement and land ownership in the Caspian provinces of Iran (Early 20th Century)] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational

Journal "History"]. 2023. T. 14. Vyp. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028442-5-1/> (access date: 17.05.2024). (In Russ.)

Larin A.B. Politika kolonizatsii kak politika bezopasnosti: rossiiskoe pereselenchestvo v Astrabadskuii provintsii Irana v epokhu Velikoi voyny [The policy of colonization as a defense policy: Russian resettlement to the Astrabad province of Iran in the era of the Great War] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T. 14. Vyp. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029145-8-1/> (access date: 17.05.2024). (In Russ.)

Liubichankovskii S.V. Akkul'turatsionnaia model' ponimaniia imperii kak metodologicheskaiia al'ternativa kolonial'nomu podkhodu [Accultural model of an Empire as a methodological alternative to the colonial approach] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2019. T. 10. Vyp. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (access date: 16.05.2024). (In Russ.)

Mezhdunarodnye otnosheniia v epokhu imperializma: dokumenty iz arkhivov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv (MOEI) [International relations in the Era of Imperialism: documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments (MOEI)]. 1878–1917. Seriia 3. 1914–1917. T. 1. Moskva; Leningrad, 1931. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Fenomen kolonializma v mirovoi istorii: temy i tendentsii noveishei istoriografii [The phenomenon of colonialism in world history: themes and trends of modern historiography] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T. 14. Spetsial'nyi vypusk. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (access date: 15.05.2024). (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Ideia prevoskhodstva i rasovaia ierarkhiia vo frantsuzskoi kolonial'noi kul'ture [The idea of superiority and racial hierarchy in French colonial culture] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2014. T. 5. Vyp. 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000720-1-1/> (access date: 21.05.2024). (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. XIX vek v mirovoi istorii (k vykhodu V toma "Vsemirnoi istorii") [The 19th century in world history (to the release of volume V of "World History")] // Novaya i Novejsaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2015. № 4. S. 3–19. (In Russ.)

Pereselenie i zemleustroistvo za Uralom v 1915 g. (Otchet o rabotakh Pereselencheskogo upravleniia za 1915 g.) [Resettlement and land management beyond the Urals in 1915 (Report on the work of the Resettlement Administration for 1915)]. Petrograd, 1916. (In Russ.)

Remnev A.V., Suvorova N.G. "Obrusenie" aziatskikh okrain Rossiiskoi imperii: optimizm i pessimizm russkoi kolonizatsii ["Russification" of the Asian outskirts of the Russian Empire: optimism and pessimism of Russian colonization] // Istoricheskie zapiski [Historical notes]. 2008. № 11 (29). S. 132–179. (In Russ.)

Remnev A.V., Suvorova N.G. "Russkoe delo" na aziatskikh okrainakh: "russkost'" pod ugrozoi ili "sornit'nye" kul'turtregery ["Russian business" on the Asian outskirts: "Russianness" under threat or "dubious" cultural barriers] // Ab imperio. 2008. № 2. S. 157–222. (In Russ.)

Remnev A.V., Suvorova N.G. Kolonizatsiia Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsennarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th century]. Omsk, 2013. (In Russ.)

Said E.V. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Sakharov A.M. Russkaia kolonizatsiia Astrabadskoi provintsii v Persii [Russian colonization of the Astrabad province in Persia]. Petrograd, 1915. (In Russ.)

Severnii Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [The North Caucasus as part of the Russian Empire]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Sukhorukov A.N. Russkie poseleniia na severe Irana v nachale XX veka [Russian settlements in northern Iran at the beginning of the 20th century] // Rossiia i Vostok: kul'turnye sviazi v proshlom i nastoiashchem: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (IX Kolosnitsynskie chteniia) [Russia and the East: cultural ties in the past and present: proceedings of the International Scientific Conference (IX Kolosnitsyn readings)], 16–17 aprelia 2014 g. Ekaterinburg, 2014. S. 282–287. (In Russ.)

Tsentral'naia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia as part of the Russian Empire]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Tsyriapkina Iu. "Bor'ba za russkoe delo": imperskaia kolonizatsiia Turkestana ["The struggle for the Russian cause": the imperial colonization of Turkestan] // Quaestio Rossica. 2022. T. 10. № 5. S. 1625–1641. (In Russ.)

Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii [The Western outskirts of the Russian Empire]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Annual Report on Russia for the year 1913 // British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I. Series A. Russia, 1859–1914 / ed. D. Lieven. Vol. 6. Russia, 1910–1914. University Publications of America, 1983. Doc. 172.

© 2024 г. **Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ**

РОССИЙСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И ДОНЕСЕНИЯМ ПОСЛАНИКА В БУХАРЕСТЕ Н.Н. ШЕБЕКО (1912–1913)

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Ниžний Новгород, Россия).

E-mail: fseleznev@mail.ru

Author ID: 57195267289; ORCID: 0000-0002-0934-3312

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00160, <https://rscf.ru/project/24-28-00160/>.

Аннотация. Статья посвящена российско-румынским отношениям в период Балканских войн (1912–1913). Источниковую базу работы составляют воспоминания русского посланника в Бухаресте Н.Н. Шебеко. Они небольшим тиражом были изданы в Париже в 1936 г. на французском языке. Автор опирается на русский текст мемуаров Шебеко, который хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке и до сих пор не введен в научный оборот. Материалы воспоминаний Шебеко сопоставляются с его докладами в МИД. Сочетание ценных подробностей из воспоминаний и официальных данных дипломатических донесений позволяет лучше понять логику действий великих держав и их дипломатических представителей в ходе борьбы за внешнеполитический курс Румынии в период Балканских войн. Цель статьи — рассмотреть эволюцию взаимоотношений русского посланника Н.Н. Шебеко с королем Румынии Каролом I, премьер-министром и министром иностранных дел Т. Майореску, министром внутренних дел Т. Ионеску, французским посланником в Румынии Ж.-К. Блонделем. Донесения Шебеко свидетельствуют, что он был инициативным дипломатом и нередко оказывал влияние на позицию русского МИД. Он, наряду с российским министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, внес большой вклад в привлечение Румынии на сторону Антанты. Сближению Румынии и России способствовало пожалование румынскому королю знака фельдмаршала российской армии, произведенное по предложению посланника. Координируя свои действия с представителями Франции и Англии, Шебеко помог предотвратить создание блока Румынии и Болгарии против Сербии накануне Второй Балканской войны. В ее ходе, благодаря его энергичным действиям, удалось предотвратить оккупацию Софии румынскими войсками.

Ключевые слова: Румыния, Балканские войны, Россия, внешняя политика, дипломатия, дипломаты, Болгария, Австро-Венгрия, Н.Н. Шебеко, С.Д. Сазонов.

F.A. Seleznev

Russian-Romanian Relations During the Balkan Wars in the to Memoirs and Reports of Nikolai Shebeko, Envoy to Bucharest (1912–1913)

Fedor Seleznev, Institute of International Relations and World History Lobachevsky Nizni Novgorod State University (Nizhnij Novgorod, Russia).

E-mail: fseleznev@mail.ru

Author ID: 57195267289; ORCID: 0000-0002-0934-3312

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation №24-28-00160, <https://rscf.ru/project/24-28-00160/>.

Abstract. Following the conclusion of the Crimean War, Russia adopted a policy aimed at the abolition of the Treaty of Paris of 1856, which it perceived as humiliating. To this end, Russia commenced a process of rapprochement with France, resulting in the signing of an agreement in 1859. However, having secured Russian neutrality during the 1859 Italian War, France was reluctant to honour reciprocal commitments supporting Russian efforts to abrogate the terms of the 1856 Treaty. It became increasingly clear that Napoleon III's policy was lacking in sincerity when the Polish question reached a new level of aggravation. In a joint initiative with the United Kingdom and Austria, France launched a comprehensive political and diplomatic offensive against Russia with the intention of exerting pressure and transforming the Polish question into an international issue. Russia, on the other hand, required peace to enable the continuation of internal reforms. Consequently, it sought to identify strategies to resist the interference of the great powers. Belgium, neighbouring France, emerged as a key player in this endeavour. King Leopold I, motivated by the objective of maintaining European equilibrium, wary of the French emperor, and intent on demonstrating that the Polish question could not impinge upon the bilateral relationship between Russia and Belgium, proved to be a pivotal intermediary in the diplomatic negotiations with Paris, London, and Vienna. The reports of the Russian envoy to Belgium, Nikolai Orlov, served to supplement the information that had been transmitted by other Russian embassies in Europe. However, adhering to the instructions that had been provided by the Ministry of Foreign Affairs, Orlov, who was known for his independent views and sympathetic attitude towards the fate of Polish émigrés, openly expressed his own judgements on the possible solutions to the Polish question in his dealings with Russian and European statesmen, as well as with representatives of the Tsar's family. Consequently, during the Polish crisis, Napoleon III endeavoured to engage Orlov in the diplomatic process. In the article, the author analyses the activities of the embassy in Brussels in 1863–1864 drawing on a hitherto unexamined set of archival documents. In addition, she examines the extent to which the mission of Nikolai Orlov as a diplomat was successful. Furthermore, the article reveals new details of the diplomatic negotiations between European states that took place during the period of international tensions in the early 1860s.

Keywords: Romania, the Balkan Wars, Russia, foreign policy, diplomacy, diplomats, Bulgaria, Austria-Hungary, Nikolai Shebeko, Sergey Sazonov.

Российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов в воспоминаниях посвятил отдельную главу отношениям с Румынией, где отметил, что сближение России с этой страной было одной из главных задач, которые он ставил перед собой. Сазонов, по собственному признанию, добивался осуществления этой цели «путем тщательного выбора наших представителей в Бухаресте, которым давал инструкции к установлению возможно дружественных отношений с румынским правительством и обществом»¹. Речь идет о российских посланниках Н.Н. Шебеко и сменившем его С.А. Поклевском-Козелле.

Почему министр иностранных дел отправил в 1912 г. в Бухарест именно Шебеко? Сазонов планировал укрепить союз Румынии и России женитьбой принца Кароля, сына Фердинанда, наследника румынского престола, на старшей дочери Николая II Ольге. С российским императором вопрос был согласован². Оставалось найти такого кандидата в посланники, который бы наилучшим образом подготовил соответствующую почву в Бухаресте. И, по авторитетной оценке дипломата А.В. Неклюдова, для осуществления матримониальной схемы, разработанной С.Д. Сазоновым, «никто не мог быть более полезным, чем Шебеко

¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 126.

² Там же. С. 129.

и его очаровательная жена в качестве уполномоченных и осторожных посредников между двумя дворами»³.

Доверию со стороны российского монарха к Николаю Николаевичу Шебеко (1863—1953) способствовала его продолжительная служба в Кавалергардском полку. Предки Н.Н. Шебеко происходили из Белоруссии и относительно поздно вошли в состав российского дворянства⁴. Его отец — Н.И. Шебеко — служил в Кавалергардском полку, а позднее занимал посты Бессарабского губернатора (1871—1879), командира Отдельного корпуса жандармов и товарища министра внутренних дел (1887—1895)⁵.

Н.Н. Шебеко, получив образование в Пажеском корпусе, более 10 лет служил в Кавалергардском полку и только в 1895 г. поступил на службу в МИД. Там он занимал должности 2-го секретаря посольства в Вене (1897—1899), 1-го секретаря посольств в Копенгагене (1899—1904) и Париже (1904—1906), с 1906 г. состоял в центральном аппарате МИД в качестве советника министра иностранных дел А.П. Извольского, затем был советником посольства в Берлине (1909—1912) и посланником в Румынии (1912—1913). О своей дипломатической службе Шебеко подробно рассказал в воспоминаниях, вышедших небольшим тиражом в Париже в 1936 г. на французском языке⁶. Русский текст мемуаров хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке⁷. В значительной степени на него мы и будем опираться в статье.

Воспоминания Шебеко изобилуют подробностями перипетий дипломатической борьбы, поскольку их автору удалось вывезти в эмиграцию копии своих донесений по балканским делам. Ныне они тоже хранятся в библиотеке Колумбийского университета⁸. Иногда автор использует тексты собственных докладов почти дословно.

Это, в частности, касается сюжетов, связанных с румынским королем Каролом I. Знакомству с ним Шебеко уделил много внимания в сообщении, направленном в МИД, и в мемуарах. Он подробно рассказывает, как сразу же после прибытия в Румынию в августе 1912 г. перебрался из Бухареста в Синаю, летнюю горную резиденцию монарха, где вручил ему верительные грамоты. По наблюдениям Шебеко, Кароль I «до конца остался немецким принцем Гогенцоллерном до мозга костей», причем германское происхождение монарха долгие годы «оказывало большое влияние на направление внешней политики Румынии»⁹. Укажем в этой связи, что еще в 1883 г. Кароль I (при рождении — Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген) заключил союзный договор с Австро-Венгрией, к которому отдельным протоколом присоединилась Германия.

Незадолго до приезда Н.Н. Шебеко в Румынию в Бухаресте побывал министр иностранных дел Австро-Венгрии Л. фон Берхтольд. Чтобы упрочить австро-румынский союз, он якобы обещал Румынии северную (русскую) Бессарабию. На слухи об этом очень остро отреагировала российская газета «Новое время». На ее страницах появилась злая карикатура, изображавшая Румынию в виде вождя вымышленного племени «ням-ням», схватившегося за карту России, которому Берхтольд говорит: «Берите, берите, мы все решили раздать»¹⁰. На другой день в передовице «Нового времени» Румыния обвинялась в неблагодарности¹¹.

³ Necludoff A. Diplomatic reminiscences. Before and during the World War, 1911—1917. London, 1920. P. 150.

⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 33. Д. 806. Л. 572—572 об.

⁵ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801—1906. Биобиблиографический справочник. СПб., 2006. С. 857.

⁶ Schebeko N. Souvenirs: essai historique sur les origines de la guerre de 1914. Paris, 1936.

⁷ Шебеко Н. Воспоминания: исторический очерк причин войны 1914 года // Columbia University, Bakhtmeteff Archive of Russian & East European Culture. Bib id: 4078064.

⁸ Columbia University Libraries. Archival Collection: Nikolai Nikolaevich Shebeko Papers, 1910—1946 // URL: https://findingaids.library.columbia.edu/ead/nnc-rb/ldpd_4078064/dsc/3 (дата обращения: 25.03.2024).

⁹ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 94—95.

¹⁰ Новое время. 19.VIII.1912.

¹¹ Новое время. 20.VIII.1912.

Вообще, политика Румынии в 1912–1913 гг. в русских газетах подвергалась «жесткой критике», а страна воспринималась как «авангард Австро-Венгрии в Юго-Восточной Европе, послушно проводящий антиславянский и антироссийский курс по указке из Берлина и Вены»¹².

Однако шум в российской прессе не испортил первую встречу Шебеко и Кароля I. Румынский монарх сразу принял примирительный тон и «категорично» заявил, что приглашал Берхтольда лишь с целью познакомиться с новым руководителем австрийской внешней политики лично. Миссия Берхтольда, по словам короля, ограничивалась изложением планов Австро-Венгрии совместно с другими великими державами призвать балканские государства не чинить препятствий правительству Османской империи (кабинету Мухтар-паши) в проведении децентрализации управления в европейских провинциях Турции¹³. Эти важные подробности в воспоминаниях Шебеко воспроизведены в полном соответствии с его же письмом Сазонову от 3 (16) сентября 1912 г.¹⁴

Во время первой встречи с румынским королем Шебеко понял, что, хотя тот «всеми фибрами своей души держался своей традиционной политики союза с Германией и Австро-Венгрией», воспоминания о войне 1877–1878 гг., когда молодой Кароль I сражался вместе с русской армией против турок, оставались «любимой страницей жизни этого монарха»¹⁵. В этой связи посланник, действуя в рамках стратегии Сазонова по сближению Румынии с Россией, в письме от 6 (19) сентября 1912 г. предложил оказать Каролю I какой-нибудь знак внимания «вроде пожалования его знаком фельдмаршала» в связи с исполнявшимся 17 (30) сентября 50-летием военной службы монарха. В письме от 11 (24) сентября 1912 г. он вновь напомнил о желательности награждения румынского короля. Приурочить вручение фельдмаршальского жезла дипломат советовал к 35-летию взятия Плевны¹⁶, так как король принимал участие в осаде этой турецкой крепости.

Инициатива Шебеко получила поддержку на самом высоком уровне. 17 (30) сентября 1912 г. российский император присвоил румынскому королю чин генерал-фельдмаршала российской армии¹⁷. Вручать фельдмаршальский жезл Николай II направил своего личного представителя великого князя Николая Михайловича. Церемония состоялась точно в день 35-й годовщины падения Плевны, 28 ноября (11 декабря) 1912 г., и, по воспоминаниям Шебеко, произвела сильное впечатление на короля. Между румынским монархом и российским посланником установились «весьма доверительные и хорошие отношения»¹⁸.

Это было очень важно для решения поставленной перед Шебеко двудеиной задачи по сближению России и Румынии и подготовке женитьбы Кароля, внучатого племянника короля, на великой княжне Ольге Николаевне. Однако решение вопроса об этом династическом браке пришлось отложить из-за начала Первой Балканской войны. Правда, российский посланник вскоре после прибытия был принят родителями принца Кароля — принцем Фердинандом и принцессой Марией. Дипломат увидел и самого потенциального жениха великой княжны. Но в воспоминаниях Шебеко обходит вопрос о перспективах этого молодого человека породниться с семьей российского монарха, заметив, что Кароль и его сестры «были тогда еще детьми»¹⁹ (хотя юноше уже исполнилось на тот момент 18).

¹² Котов Б. С. Оценка российским общественным мнением политики Румынии в преддверии Первой мировой войны (1912–1914 годы) // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 101.

¹³ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 93, 97–98.

¹⁴ Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия вторая. 1900–1913. Т. 20. Ч. II. Л., 1940. С. 209–210.

¹⁵ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 94, 99.

¹⁶ Международные отношения... С. 63.

¹⁷ Кросс Б. Б. Предпосылки русско-румынского сближения накануне Первой мировой войны // Ученые записки Ленинградского ордена Трудового Красного знамени государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 502. Псков, 1971. С. 120.

¹⁸ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 99, 106–107.

¹⁹ Там же. Л. 92, 94.

Зато на страницах мемуаров Шебеко отразилось много важных деталей дипломатической истории Балканских войн.

Как известно, бухарестские власти решили воспользоваться тем, что армия Болгарии была целиком задействована в боевых действиях против турок, и исправить в свою пользу границу с соседней страной. 27 октября (9 ноября) 1912 г. румынский премьер-министр и министр иностранных дел Т. Майореску обратился к Н.Н. Шебеко с просьбой, чтобы Россия выступила в качестве посредницы «для выяснения путем конфиденциальных дружественных переговоров» отношения Болгарии к вопросу об изменении ее границы с Румынией²⁰.

То, что Россия согласилась принять на себя посредническую миссию, по оценке Шебеко, вызвало в Румынии «чувство большого удовлетворения»²¹. Заметно улучшилось отношение к России и представителей румынского правительства. 13 (26) ноября 1912 г. Майореску имел продолжительную и откровенную беседу с Шебеко. Он заявил, что проявление дружественных чувств со стороны России «вызвало в стране самый горячий отклик». Также Майореску поделился информацией об «усиленном притоке любезностей», который идет в Бухарест со стороны Австро-Венгрии²², поскольку австрийцы были заинтересованы в Румынии как в военной союзнице.

В это время сербские войска вышли к Адриатике, тем самым отрезав Австро-Венгрию от жизненно необходимого ей порта Салоники, что заставило венский кабинет развернуть военные приготовления против Сербии и России²³. Возник острый австро-русский конфликт. По оценке Б.Б. Кросса, Австро-Венгрия готова была довести его до войны. Для согласования на этот случай ее планов с румынскими в Бухарест собирался отправиться бывший начальник генерального штаба К. фон Гетцендорф с письмом императора Франца-Иосифа к Каролу I²⁴. Но румынские правящие круги, как докладывал Шебеко Сазонову в телеграмме от 14 (27) ноября 1912 г., сильно опасались столкновения России с Австро-Венгрией, не желая сражаться против русской армии. Учитывая это, Шебеко просил у Сазонова позволения прямо запросить официальный Бухарест, может ли Россия рассчитывать на нейтралитет Румынии в случае начала войны²⁵.

Однако Майореску уклонился от ответа, заявив, что исключает возможность войны между Россией и Австро-Венгрией. Зато Гетцендорф получил от румынского монарха недвусмысленные заверения в том, что в случае общеевропейского конфликта Румыния примет в нем участие в качестве союзницы Австро-Венгрии²⁶. После этого вопрос о российском посредничестве между Румынией и Болгарией на время сошел с повестки дня. В декабре 1912 г. обе конфликтующие стороны провели прямые переговоры в Лондоне. Румыния открыто обозначила свои претензии на всю Южную Добруджу до линии Туртукай – Балчик, включая такой важный для болгар город, как Силистрия²⁷.

Поскольку Болгария не соглашалась на потерю этих земель, румынское правительство 26 декабря 1912 г. (8 января 1913 г.) объявило державам, что оно решило без объявления войны занять ту территорию, на которую претендует. В этой ситуации болгары, наконец, сформулировали перечень своих возможных уступок. Обрадованный Сазонов 16 (29) января 1913 г. телеграммой поручил Шебеко довести до официального Бухареста, что, по

²⁰ Там же. Л. 102–103.

²¹ Там же. Л. 104.

²² Шебеко – Сазонову, 14 ноября 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 696. Л. 68.

²³ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 118–119.

²⁴ Кросс Б.Б. Румыния между Тройственным союзом и Антантой (очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики 1908–1914 гг.). Псков, 1996. С. 58.

²⁵ Шебеко – Сазонову, 14 ноября 1912 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 696. Л. 68 об.

²⁶ Кросс Б.Б. Румыния между... С. 59, 62.

²⁷ Кросс Б.Б. Вступление Румынии во Вторую Балканскую войну и русская дипломатия // Ученые записки Ленинградского ордена Трудового Красного знамени государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 502. Псков, 1971. С. 149.

мнению России, сделанные Болгарией шаги навстречу весьма серьезны и могут удовлетворить румынское правительство, в то время как само оно далеко уклонилось от своих первоначальных требований «стратегического исправления границы»²⁸.

Таким образом, существующее в литературе мнение, что правительство России оказалось в этом споре однозначно на стороне Румынии и призывало софийский кабинет «отказаться в ее пользу от Силистрии»²⁹, следует считать явным упрощением истории вопроса.

18 (31) января Шебеко передал Майореску основные положения телеграммы Сазонова, предупредив, что «нападение Румынии без объявления войны на территорию Болгарии создало бы в нашем общественном мнении такой взрыв сочувствия болгарам, к которому правительство не может отнестись безразлично»³⁰. От себя Шебеко добавил, что «Россия ни в коем случае не возьмет на себя задачи навязать Болгарии неприемлемые для нее уступки» и считает достаточными для удовлетворения Румынии те пункты соглашения, которые Болгария сама сформулировала. (Болгария была готова отдать форты, окружавшие Силистрию, но не сам город.) При этом Шебеко прямо сказал, что Россия не может побудить Болгарию уступить Силистрию³¹. Само это требование дипломат считал искусственным, не отвечавшим коренным потребностям румынского народа. В воспоминаниях он откровенно писал, что вопрос о присоединении Силистрии «не нашел сперва особого отклика в стране»: «масса населения отнеслась к нему довольно равнодушно», и только «агитация, поднятая правительством», сделала требование Силистрии «национальным лозунгом»³².

Сведения о демарше российского посланника в Бухаресте стали каким-то образом известными в Софии и получили восторженный отклик в болгарских газетах. Это вызвало недовольство Сазонова, который 19 января (1 февраля) 1913 г. потребовал от Шебеко «категорически опровергнуть в печати» «приписываемые» тому «угрожающие заявления» в адрес румынского правительства. Ввиду новых установок министра Шебеко пришлось занять компромиссную позицию по принадлежности Силистрии. 30 января (12 февраля) он телеграфировал Сазонову о необходимости передачи румынам «хотя бы части» этого города. Министр, однако, решил пойти навстречу официальному Бухаресту, придя к выводу о целесообразности уступить Румынии Силистрию целиком³³.

Для воздействия на Бухарест и Софию Сазонов предложил привлечь Англию и Францию, а затем счел необходимым пригласить к участию в посредничестве также Германию и Австро-Венгрию. Представители всех держав выразили готовность к этому, о чем и сообщили румынскому правительству. Оно, в свою очередь, согласилось на международный арбитраж, но, как заявил 5 (18) февраля 1913 г. Майореску Шебеко, при условии, «чтобы Румынию не заставили отказаться от Силистрии». Передавая Сазонову эти слова Майореску, Шебеко в телеграмме от 6 (19) февраля 1913 г. счел своим долгом присовокупить, что Румыния не должна обуславливать свое согласие на переговоры «удовлетворением главной своей претензии». Министр с этим согласился³⁴.

С позицией России пришлось смириться и румынским властям. 18 февраля (3 марта) Шебеко отправил телеграмму Сазонову с изложением своего разговора с Майореску. Тот заверил, что румынское правительство подчинится решению держав, каким бы оно ни было³⁵.

Конференция послов великих держав (Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии) по решению румыно-болгарского спора открылась 3 (16) марта 1913 г. По желанию Бухареста местом ее проведения стал Петербург. Итоговый протокол конференции

²⁸ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 – июль 1913). СПб., 1914. С. 229.

²⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 362.

³⁰ Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940. С. 142–143.

³¹ Сборник дипломатических документов... С. 230.

³² Шебеко Н. Указ. соч. Л. 120.

³³ Сборник дипломатических документов... С. 232, 236, 239.

³⁴ Там же. С. 238–239, 241, 243–244.

³⁵ Шебеко – Сазонову, 18 февраля 1913 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 698. Л. 58.

послов, проходившей под председательством Сазонова, от 26 апреля (9 мая) 1913 г. предусматривал переход Силистрии и ее ближайших окрестностей радиусом в 3 км к Румынии³⁶.

18 (31) мая 1913 г. румынский парламент одобрил решения петербургской конференции. Однако многие представители румынских правящих кругов считали полученные приобретения недостаточными³⁷. Тем более что Сербия и Греция, у которых к этому времени возникли серьезные противоречия с Болгарией из-за раздела освобожденной от турок Македонии, еще с апреля 1913 г. начали склонять Бухарест на свою сторону. Информация об этом дошла до Сазонова. 10 (23) мая 1913 г. он отправил Шебеко телеграмму с уведомлением, что греки и сербы обращались с формальным предложением к Румынии заключить союз против Болгарии. Румыния же предпочла бы вступить в соглашение с Болгарией, если та пойдет на серьезные территориальные уступки. Министр получил эти сведения, помимо Шебеко, и поручил ему проверить их надежность³⁸.

В воспоминаниях Шебеко утверждал, что «слухи об обращении Сербии и Греции к Румынии с предложением заключить союз против Болгарии не подтвердились»³⁹. Однако его официальные донесения говорят об ином. 13 (26) мая 1913 г. российский посланник доложил в Петербург, что переписка представителей Сербии и Греции с Румынией о заключении союза против Болгарии действительно велась, но решение не принято⁴⁰. 17 (30) мая 1913 г. Майореску в личном разговоре не стал скрывать от Шебеко, что Румыния стремится к расширению своей территории за счет Болгарии до линии Туртукай – Балчик и ждет, будет ли новая граница предложена самими болгарскими или Сербией и Грецией за счет Болгарии⁴¹.

Второй вариант считал предпочтительным министр внутренних дел Т. Ионеску, лидер тяготевших к Антанте консерваторов-демократов. Он полагал, что война между Сербией и Болгарией неизбежна и победят в ней болгары, но не в интересах Румынии допустить разгром Сербии и усиление Болгарии⁴². Консерватор Майореску, по воспоминаниям российского дипломата, наоборот склонялся к тому, чтобы, пользуясь случаем, «сорвать с Болгарии новые территориальные уступки взамен нейтралитета или даже военной помощи Румынии»⁴³.

Т. Майореску начал активно действовать. В телеграмме на имя Н.Н. Шебеко от 23 мая (5 июня) 1913 г. А.А. Нератов, замещавший С.Д. Сазонова, сообщал, что, по информации, неофициально полученной послом в Париже А.П. Извольским от болгарского посланника в столице Франции Д. Станчева, за последние дни румынский кабинет настойчиво и несколько раз предлагал Болгарии соглашение, в силу которого Болгария изменила бы в пользу Румынии постановления петербургского протокола. Взамен Румыния оказала бы вооруженную поддержку Болгарии против Сербии и Греции. По словам Станчева, болгарское правительство, не желая принимать эти предложения, ответило на них уклончиво⁴⁴. В российском МИД были крайне обеспокоены оборотом, который принимали переговоры между Софией и Бухарестом. Нератов в телеграмме от 24 мая (6 июня) предписал Шебеко переговорить об этом с Майореску, посоветовав тому придерживаться «выжидательной и миролюбивой политики»⁴⁵.

³⁶ *Виноградов В.Н.* Румыния во Второй балканской войне // Модернизация vs. Война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). Сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012. С. 348.

³⁷ *Виноградов В.Н.* Румыния: медленный дрейф к Антанте // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 367–368. С. 360–374.

³⁸ АВПРИ. Ф. 169/2. Оп. 5116. 1912–1913 гг. Д. 25. Л. 86.

³⁹ *Шебеко Н.* Указ. соч. Л. 125.

⁴⁰ Шебеко – Сазонову, 13 мая 1913 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 697. Л. 70.

⁴¹ Шебеко – Сазонову, 17 мая 1913 г. // Там же. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 103. Л. 98.

⁴² Шебеко – Сазонову, 13 мая 1913 г. // Там же. Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 697. Л. 71а.

⁴³ *Шебеко Н.* Указ. соч. Л. 125.

⁴⁴ Нератов – Шебеко, 23 мая 1913 г. // АВПРИ. Ф. 169/2. Оп. 5116. 1912–1913 гг. Д. 25. Л. 90.

⁴⁵ Нератов – Шебеко, 24 мая 1913 г. // Там же. Л. 91.

Сам Сазонов в это время направился в Москву, где в разгаре были торжества, посвященные 300-летию династии Романовых, чтобы просить Николая II лично вмешаться в спор Сербии и Болгарии⁴⁶. Российский император 26 мая (8 июня) 1913 г. обратился к сербскому королю и царю Болгарии. Вернувшись в Петербург, Сазонов в послании от 28 мая (10 июня) 1913 г. уже сам объяснял Шебеко, какие аргументы нужны, дабы воздействовать на румынского премьер-министра: у Болгарии значительные шансы одолеть Сербию, но если Румыния прельстится обещаниями «известной территории» (Южной Добруджи), то ее расчеты не оправдаются, так как победоносная Болгария в будущем отберет не только то, что уступила, но и то, что является «достоянием Румынии»⁴⁷. По плану Сазонова, румынское правительство должно было воспрепятствовать болгаро-сербской войне (т.е. нападению Болгарии на Сербию), дав понять болгарам, что Румыния не может допустить их чрезмерного усиления и в случае войны между союзниками «будет преследовать свои интересы»⁴⁸.

Для осуществления этого плана Шебеко взаимодействовал не только с руководителями правящей коалиции (Майореску и Ионеску), но и с лидером либеральной оппозиции И. Братиану⁴⁹, сотрудничал с аккредитованными в Бухаресте иностранными дипломатами, прежде всего с французским посланником Ж.-К. Блонделем, который служил на этом посту с 1907 г. и был хорошо осведомлен. «С самого начала балканского кризиса до сего дня мы с ним видимся ежедневно и, так сказать, работаем вместе, сообщая друг другу все полученные сведения и впечатления», — докладывал Шебеко в Петербург 3 (16) июня 1913 г., ходатайствуя о награждении французского коллеги «за полезную для России деятельность» орденом Св. Станислава 1-й степени. При этом Шебеко добавлял, что английский «посланник Georges Barclay ничего не предпринимает, не посоветовавшись с нами»⁵⁰.

По оценке Шебеко, Дж. Барклай на арене развернувшейся в Бухаресте «самой яркой политической борьбы», как и германский представитель барон Ю. Вальдгаузен, играл «более пассивную роль»⁵¹. Впрочем, на наш взгляд, «пассивность» обоих дипломатов объяснялась не их личными качествами, а установками, которые они получали от собственного руководства. Министр иностранных дел Великобритании Э. Грей прямо рекомендовал Дж. Барклаю поддерживать своих французского и русского коллег, уклоняясь от того, чтобы играть заметную роль в Бухаресте⁵². Сдержанную политику проводила и Германия, принявшая в болгаро-румынском противостоянии сторону Бухареста и поэтому не мешавшая сближению Румынии с Сербией, Грецией и Россией⁵³.

Таким образом, если представители Англии, Франции и России координировали свои действия, имея в качестве общей цели недопущение блока Румынии и Болгарии против Сербии, то Австро-Венгрия в своем стремлении создать румыно-болгарский союз, враждебный Белграду, оказалась в одиночестве. В итоге румынский премьер отказался от внушаемой ему австрийцами идеи объединиться с болгарам против Сербии. 2 (15) июня 1913 г. Майореску на дипломатическом приеме заявил иностранным представителям, что в случае разрыва между союзниками (Сербией и Болгарией), «несмотря на авторитетное вмешательство России» (т.е. вопреки письму Николая II балканским монархам), Румыния мобилизует свою армию и займет болгарскую территорию до линии Туртукай — Балчик⁵⁴.

⁴⁶ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 108–112.

⁴⁷ Сазонов — Шебеко, 28 мая 1913 г. // АВПРИ. Ф. 169/2. Оп. 5116. 1912–1913 гг. Д. 25. Л. 95–95 об.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 126.

⁵⁰ Шебеко — «многоуважаемому князю» (Г.Н. Трубецкому?), 3 июня 1913 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 697. Л. 85 об.

⁵¹ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 127–128.

⁵² Кросс Б.Б. Русская дипломатия и Румыния накануне Первой мировой войны // История СССР. 1971. № 4. С. 152.

⁵³ Кросс Б.Б. Предпосылки... С. 143.

⁵⁴ Шебеко — «многоуважаемому князю» (Г.Н. Трубецкому?), 3 июня 1913 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 697. Л. 84.

Нельзя согласиться с Б.Б. Кроссом, что «это заявление не носило еще официального характера»⁵⁵, коль скоро с ним выступил глава румынского правительства. Другое дело, что в нем отсутствовала прямая угроза войны, направленная в адрес Болгарии. Поэтому в Софии не отнеслись к возникшей ситуации достаточно серьезно. Некоторые основания для этого имелись. Когда болгарский посланник Г. Калинков запросил мнение Н.Н. Шебеко относительно поведения Румынии в случае вооруженного столкновения между союзниками, российский дипломат без колебаний ответил, что «Болгария никоим образом не может в таком случае рассчитывать на нейтралитет Румынии». А вот Майореску «на подобный же вопрос Калинкова ответил уклончиво»⁵⁶.

В конце концов в Софии возобладала уверенность в том, что Румыния напасть на Болгарию не решится. Прежде всего позиция болгарского руководства зиждилась на обещаниях поддержки со стороны Австро-Венгрии. Северные рубежи Болгарии поэтому были оголены. Вся болгарская армия была сосредоточена для удара по бывшим союзницам — Сербии и Греции. 13 (26) июня Шебеко обратился к Майореску с просьбой заявить Софии, что Румыния не допустит нарушения мира и в ситуации агрессии Болгарии румынская армия перейдет болгарскую границу⁵⁷. Румынское руководство согласилось на это. 14 (27) июня Шебеко телеграфировал в Петербург, что румынское правительство предписало своему представителю в Софии сообщить, что в случае войны между Болгарией и Сербией Румыния мобилизует армию и откроет военные действия⁵⁸. Однако болгарские верхи уже приняли решение о наступлении на позиции сербов и греков. В ночь с 16 (29) на 17 (30) июня 1913 г. началась Вторая Балканская война.

20 июня (3 июля) Шебеко довел до сведения Сазонова, что «известие о вооруженном столкновении болгар с сербами и греками вызвало возбуждение в Румынии». Он обрисовал расклад сил в верхах: одна группировка («консерваторы и частично сам король») выступала за сохранение нейтралитета, если Болгария сама уступит территории по линии Туртукай — Балчик, другая (консерваторы-демократы и либералы) предлагала отнять эти земли силой, немедленно начав мобилизацию. Но этот план сторонники силового варианта, как докладывал Шебеко, выдвигали в зависимости от позиции России, ее поддержки. В этой связи Шебеко срочно запросил точку зрения российского правительства⁵⁹.

События, однако, развивались слишком быстро. Франция поощряла Бухарест действовать мощно и напористо. Арбитраж русского царя для сохранения мира французами исключался. 20 июня (3 июля) 1913 г. Румыния начала мобилизацию и открыто встала на сторону Сербии и Греции. Франция приветствовала румынскую мобилизацию⁶⁰. Мобилизация получила «небывалую поддержку» у «всех классов румынского общества»⁶¹. 24 июня (7 июля) 1913 г. Шебеко телеграфировал в Петербург, что вопрос теперь заключается не в прекращении военных действий, а в исправлении границы между Румынией и Болгарией. От этого требования Румыния теперь уже «ни в коем случае не отступится»⁶².

25 июня (8 июля) 1913 г. в связи с неудачами на фронте Болгария обратилась к России с просьбой о посредничестве в конфликте с Румынией. Это побудило Сазонова изменить тактику. Если раньше он склонял румынское руководство к тому, чтобы оно угрожало Болгарии переходом своих войск через границу, то теперь, наоборот, призывал Румынию не вводить войска в Болгарию. Логику его действий Б.Б. Кросс убедительно объяснял тем, что царское правительство (прежде всего в лице самого министра иностранных дел) хотело

⁵⁵ Кросс Б.Б. Румыния между... С. 78.

⁵⁶ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 126.

⁵⁷ Шебеко — в МИД, 13 июня 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 103. Л. 121.

⁵⁸ Сборник дипломатических документов... С. 174.

⁵⁹ Шебеко — Сазонову, 20 июня 1913 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 697. Л. 94—95.

⁶⁰ Кросс Б.Б. Вступление Румынии... С. 166.

⁶¹ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II (1894—1914). М., 2018. С. 484.

⁶² Сборник дипломатических документов... С. 188.

восстановить Балканский союз и боялось, что в случае нанесения Болгарии серьезного ущерба «будет крайне трудно примирить поссорившихся союзников». Исходя из этого, Сазонов 26 июня (9 июля) 1913 г. предписал Шебеко побудить румын отказаться от нападения на Болгарию⁶³. Но российский посланник под воздействием Майореску (а возможно, и французского представителя Блонделя) попытался убедить министра, что поскольку мобилизовав армию и открыто встав на сторону Сербии и Греции, Румыния поступила вопреки усилиям Австро-Венгрии, ее позиция должна пользоваться «сочувствием России». Тем более что Румыния при получении новой границы с Болгарией по линии Туртукай — Балчик готова заключить союз с Грецией и Сербией, к которому присоединилась бы и Болгария⁶⁴. Иначе говоря, Балканский союз возрождался, да еще в расширенном виде.

Все-таки Шебеко 27 июня (10 июля) попытался выполнить поручение министра. Но сделать это не удалось. Майореску заявил российскому посланнику о намерении Румынии вступить на болгарскую территорию⁶⁵. 28 июня (11 июля) 1913 г. румынские войска перешли границу и в тот же день заняли Силистрию. Правда, Майореску заверил Шебеко, что претензии Румынии не идут дальше линии Туртукай — Балчик. Тем не менее румыны двигались в сторону Софии. Предложение прибегнуть для их остановки к обращению Николая II к Каролу I Шебеко не поддержал. В телеграмме Сазонову от 28 июня (11 июля) он так обрисовал ситуацию: король из-за своей австрофильской политики непопулярен; он рассчитывает, что вооруженное выступление Румынии восстановит престиж его и династии; официально обратиться сейчас к нему «неудобно». Однако Шебеко обещал донести до монарха «наш взгляд на текущие события лично или через третьих лиц»⁶⁶. Но уже через несколько часов в тот же день он был вынужден послать в Петербург новую срочную телеграмму гласившую, что единственным средством для остановки румынской армии является немедленное заявление через посредство России о готовности Болгарии уступить линию Туртукай — Балчик и фактическое прекращение болгарскими военными действий против сербов и греков⁶⁷.

29 июня (12 июля) 1913 г. болгарское правительство предоставило России неограниченные полномочия для остановки движения румынской армии, хотя бы ценой территориальных уступок (их размер отдавался на усмотрение России)⁶⁸. Шебеко 30 июня (13 июля) попытался убедить Сазонова, что нужно сразу согласиться на все притязания Бухареста, ибо только если Болгария заявит через посредство России об уступке линии Туртукай — Добрич — Балчик, возможно будет удержать Румынию от дальнейшего наступления на Софию⁶⁹. Притязания Бухареста с каждым днем росли. 1 (14) июля 1913 г. Майореску объявил Шебеко, что Румыния не будет останавливать свои войска до заключения перемирия Болгарии с сербами и греками. Причем, как добавил румынский премьер-министр 2 (15) июля, на их условиях⁷⁰.

Между тем на Болгарию напала и Турция. В этих условиях Сазонов 3 (16) июля уполномочил Шебеко сообщить Майореску о согласии Болгарии на передачу Румынии Южной Добруджи по линии Туртукай — Балчик. Одновременно Шебеко должен был передать от имени России жесткое требование о прекращении румынского наступления на Софию. В противном случае Россия угрожала вмешаться в события совместно с Австро-Венгрией⁷¹. Вечером 3 (16) июля 1913 г. Шебеко встретился с Майореску и Ионеску. Он обратил их внимание на всю опасность дальнейшего наступления румынской армии на Софию и на

⁶³ Кросс Б.Б. Вступление Румынии... С. 166.

⁶⁴ Шебеко — Сазонову, 27 июня 1913 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 697. Л. 101—102 об.

⁶⁵ Шебеко — в МИД, 27 июня 1913 г. // Там же. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 103. Л. 143.

⁶⁶ Шебеко — в МИД, 28 июня 1913 г. // Там же. Л. 144, 145.

⁶⁷ Шебеко — в МИД, 28 июня 1913 г. // Там же. Л. 148.

⁶⁸ Кросс Б.Б. Вступление Румынии... С. 168.

⁶⁹ Шебеко — в МИД, 30 июня 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 103. Л. 151.

⁷⁰ Шебеко — в МИД, 1 июля 1913 г.; Шебеко — в МИД, 2 июля 1913 г. // Там же. Л. 155, 160.

⁷¹ Кросс Б.Б. Вступление Румынии... С. 169—170.

то «неблагоприятное впечатление», которое это наступление производит на российское правительство. Майореску и Ионеску заверили Шебеко, что у румынской армии нет намерения вступать в Софию. В тоже время они заявили, что не хотят заключать отдельное соглашение с Болгарией, ибо оно вызвало бы немедленное вмешательство Австро-Венгрии для ограничения сербских требований по отношению к болгарам. В этой связи Шебеко убеждал Сазонова, что выступление Бухареста в защиту сербских интересов полезно для России, поскольку будет иметь последствием окончательное отделение Румынии от Австро-Венгрии и «сближение с балканскими государствами и с нами». Шебеко призывал петербургское руководство не предпринимать ничего такого, что Румынию опять «надолго от нас оттолкнуло бы»⁷².

В донесении от 4 (17) июля Шебеко рисовал ситуацию так: «Побуждая путем угроз румын остановить наступление своей армии, мы отделяем ее (Румынию. — Ф. С.) от Сербии и Греции, результатом чего легко может явиться отдельное соглашение Румынии с Болгарией, предоставляющее полную свободу последней против Сербии и Греции. Все это может установить крайне нежелательную для нас солидарность действий между Болгарией, Румынией и Австрией или, во всяком случае, развязать руки Австрии для действий против Сербии». В качестве альтернативы Шебеко предлагал съезд представителей пяти балканских государств (Болгарии, Румынии, Сербии, Греции, Черногории) для подписания предварительного мирного договора. При этом он находил «крайне желательным», чтобы Россия взяла на себя инициативу его созыва⁷³.

В тот же день, 4 (17) июля 1913 г., в Болгарии сменилось правительство. Царь назначил главой кабинета австрофила В. Радославова. Шебеко не считал произошедшие в Софии изменения катастрофичными для России. 7 (20) июля российский посланник писал Сазонову, что, если Болгария кинется в объятия Австрии, задачей России станет привлечение к Балканскому союзу Румынии⁷⁴. Поэтому Шебеко прекратил свое давление на Майореску, дабы остановить наступление на Софию⁷⁵, но продвижение румынских войск продолжилось. Румыны не только заняли всю Южную Добруджу до линии Туртукай — Балчик, но и, перейдя ее, захватили важнейший болгарский порт Варна. Они также дошли до высот, окружающих Софию. Разъезды румынской кавалерии появились в окрестностях болгарской столицы.

Когда известия об этом дошли до Петербурга, Шебеко «получил приказание сделать все возможное, чтобы предупредить вступление в болгарскую столицу румынской армии». Выполнение этого предписания осложнялось, однако, тем, что отдать его мог только Кароль I, а его в Бухаресте не было: он уехал в главную квартиру румынской армии. Российскому дипломату пришлось использовать свои связи в королевском окружении. Шебеко вспомнил, что был очень дружен со «старым Калиндеро», который «в качестве управляющего королевским имуществом и близкого человека имел во всякое время доступ во дворец»⁷⁶.

Мемуарист имел в виду известного румынского юриста И.Л. Калиндеру. К нему он и отправился. Калиндеру в тот же вечер посетил королеву Елизавету и вместе с ней составил шифрованную телеграмму Каролю I, в которой излагалась просьба российского посланника остановить наступление. Результатом стало приказание короля командующему армией принцу Фердинанду, наследнику престола, «под страхом отрешения от командования ни под каким видом не допускать дальнейшего продвижения румынской армии к Софии»⁷⁷. 8 (21) июля 1913 г. Ионеску посетил Шебеко и сообщил, что румынским войскам дан строжайший приказ остановиться на перевале, а идея вступления в болгарскую столицу исключена, об этом официально заявлено софийскому кабинету⁷⁸.

⁷² Шебеко — в МИД, 3 июля 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 103. Л. 168—168 об.

⁷³ Шебеко — в МИД, 4 июля 1913 г. // Там же. Л. 169.

⁷⁴ Шебеко — Сазонову, 7 июля 1913 г. // Там же. Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 697. Л. 108 об.

⁷⁵ Кросс Б.Б. Вступление Румынии... С. 172.

⁷⁶ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 132а, б.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Шебеко — в МИД, 8 июля 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 103. Л. 193.

И уже 17 (30) июля 1913 г. в Бухаресте начались мирные переговоры с участием Румынии, Болгарии, Сербии, Черногории и Греции. Данный сюжет подробно рассмотрен в историографии, поэтому мы коснемся лишь одного эпизода, а именно конфликта Шебеко и Блонделя. 26 июля (8 августа) 1913 г. Шебеко жаловался Сазонову, что Блондель не только не поддержал его старания умерить требования сербов и греков по отношению к Болгарии, но и открыто порицал действия российской миссии в этом направлении⁷⁹. Б.Б. Кросс никак не комментирует позицию Блонделя, отмечая лишь, что ранее тот «во всех вопросах действовал солидарно с русскими дипломатами»⁸⁰. На наш взгляд, говорить о солидарности французского посланника с линией российского внешнеполитического ведомства не совсем верно. Иногда их установки действительно совпадали, но чаще Шебеко просто следовал в русле французской политики. Когда же российский посланник проявлял самостоятельность, сразу возникали конфликты, как это и произошло во время мирных переговоров в Бухаресте.

Отметим, что на их завершающем этапе Н.Н. Шебеко выступил солидарно с посланником Австро-Венгрии князем К. Фюрстенбергом, с последним он был «связан давно личной дружбой», что способствовало конечному успеху конференции⁸¹. Подобные ценные признания, которыми изобилуют воспоминания Шебеко, в сочетании с официальными дипломатическими донесениями позволяют определить логику действий как великих держав в целом, так и их дипломатических представителей в ходе борьбы за внешнеполитическую ориентацию Румынии в период Балканских войн. Из воспоминаний и донесений Шебеко мы видим, что он был инициативным дипломатом и нередко оказывал влияние на позицию российского МИД. Можно говорить, что он, наряду с Сазоновым, много сделал, чтобы Румыния перестала следовать в фарватере австро-венгерской политики и начала сближение с Россией.

Библиография

- Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М., 2018.
- Виноградов В.Н.* Румыния во Второй балканской войне // Модернизация vs. Война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). Сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012. С. 347–366.
- Виноградов В.Н.* Румыния: медленный дрейф к Антанте // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 360–374.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978.
- Котов Б.С.* Оценка российским общественным мнением политики Румынии в преддверии Первой мировой войны (1912–1914 годы) // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 85–101.
- Кросс Б.Б.* Вступление Румынии во Вторую Балканскую войну и русская дипломатия // Ученые записки Ленинградского ордена Трудового Красного знамени государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 502. Псков, 1971. С. 148–174.
- Кросс Б.Б.* Предпосылки русско-румынского сближения накануне Первой мировой войны // Ученые записки Ленинградского ордена Трудового Красного знамени государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 502. Псков, 1971. С. 108–147.
- Кросс Б.Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой (очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики 1908–1914 гг.). Псков, 1996.
- Кросс Б.Б.* Русская дипломатия и Румыния накануне Первой мировой войны // История СССР. 1971. № 4. С. 145–152.
- Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия вторая. 1900–1913. Т. 20. Ч. II. Л., 1940.
- Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940.
- Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
- Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991.

⁷⁹ Шебеко – Сазонову, 26 июля 1913 г. // Там же. Ф. 151. Оп. 482. 1913 г. Д. 697. Л. 123–123 об.

⁸⁰ Кросс Б.Б. Румыния между... С. 100.

⁸¹ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 128.

Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 – июль 1913). СПб., 1914.

Шебеко Н. Воспоминания: исторический очерк причин войны 1914 года // Columbia University, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture. Bib id: 4078064.

Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Биобиблиографический справочник. СПб., 2006.

Necludoff A. Diplomatic reminiscences. Before and during the World War, 1911–1917. London, 1920.

Schebeko N. Souvenirs: essai historique sur les origines de la guerre de 1914. Paris, 1936.

References

Ajrapetov O.R. Istoriya vneshnej politiki Rossijskoj imperii. T. 4. Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya II [The History of the Foreign Policy of the Russian Empire. Vol. 4. The Foreign Policy of Emperor Nicholas II]. 1894–1914. Moskva, 2018. (In Russ.)

Kotov B.S. Ocenka rossijskim obshchestvennym mneniem politiki Rumynii v preddverii Pervoj mirovoj vojny (1912–1914 gody) [Russian public opinion's assessment of Romania's policy in the run-up to World War I (1912–1914)] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2017. № 3. S. 85–101. (In Russ.)

Kross B.B. Vstuplenie Rumynii vo Vtoruyu Balkanskuyu vojnu i russkaya diplomatiya [Entry of Romania into the Second Balkan War and the Russian Diploma] // Uchenye zapiski Leningradskogo ordena Trudovogo Krasnogo znamenii gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena [Scientific Notes of the Leningrad Order of the Red Banner of Labor of the State Pedagogical Institute named after A.I. Herzen]. T. 502. Pskov, 1971. S. 148–174. (In Russ.)

Kross B.B. Predposylki russko-romanskogo rapprochement nakanune Pervoi mirovoj vojny [Prerequisites of the Russian-Romanian rapprochement on the eve of the First World War] // Uchenye zapiski Leningradskogo ordena Trudovogo Krasnogo znamenii gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena [Scientific Notes of the Leningrad Order of the Red Banner of Labor of the State Pedagogical Institute named after A.I. Herzen]. T. 502. Pskov, 1971. S. 108–147. (In Russ.)

Kross B.B. Russkaya diplomatiya i Rumyniya nakanune Pervoj mirovoj vojny [Russian Diplomacy and Romania on the Eve of the First World War] // Istoriya SSSR [History of the USSR]. 1971. № 4. S. 145–152. (In Russ.)

Mezhdunarodnye otnosheniya v epohu imperializma: dokumenty iz arhivov carskogo i Vremennogo pravitel'stv 1878–1917 gg. [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878–1917.] Ser. vtoraya. 1900–1913. T. 20. Ch. II. Leningrad, 1940. (In Russ.)

Mogilevich A.A., Ajrapetyan M.E. Na putyah k mirovoj vojne [On the road to world war] 1914–1918 gg. Moskva, 1940. (In Russ.)

Pisarev Yu.A. Velikie derzhavy i Balkany nakanune pervoj mirovoj vojny [The Great Powers and the Balkans on the eve of the First World War]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Sazonov S.D. Vospominaniya [Memoirs]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Sbornik diplomaticeskikh dokumentov, kasayushchihsia sobytij na Balkanskom po-luostrove (avgust 1912 – iyul' 1913) [Collection of diplomatic documents relating to the events on the Balkan Peninsula (August 1912 – July 1913)]. Sankt-Peterburg, 1914. (In Russ.)

Shebeko N. Vospominaniya: istoricheskij ocherk prichin vojny 1914 goda [Memoirs: a historical essay on the causes of the war of 1914] // Columbia University, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture. Bib id: 4078064. (In Russ.)

Shilov D.N., Kuz'min Yu.A. Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii. 1801–1906. Biobibliograficheskij spravochnik [Members of the State Council of the Russian Empire. 1801–1906. Biobibliographic reference book]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Vinogradov V.N. Rumyniya vo Vtoroj balkanskoj vojne [Romania in the Second Balkan War] // Modernizatsiya vs. Vojna. Chelovek na Balkanah nakanune i vo vremya Balkanskih vojn (1912–1913). Sb. statej [Modernization vs. War. A man in the Balkans on the eve of and during the Balkan Wars (1912–1913). Festschrift of Articles] / otv. red. R.P. Grishina, A.L. Shemyakin. Moskva, 2012. S. 347–366. (In Russ.)

Vinogradov V.N. Rumyniya: medlennyy dreyf k Antante [Romania: a slow drift towards the Entente] // V "porohovom pogrebe Evropy" [In the "powder magazine of Europe"]. 1878–1914. S. 360–374. Moskva, 2013. (In Russ.)

Vostochnyy vopros vo vneshnej politike Rossii. Konec XVIII – nachalo XX v. [The Eastern question in Russia's foreign policy. The end of the 18th – the beginning of the 20th century]. Moskva, 1978. (In Russ.)

Necludoff A. Diplomatic reminiscences. Before and during the World War, 1911–1917. London, 1920.

Schebeko N. Souvenirs: essai historique sur les origines de la guerre de 1914. Paris, 1936.

DOI: 10.31857/S0130386424050119

© 2024 г. А.В. ШУБИН

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ ТУРЦИИ в 1920–1922 годах

Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: historian905@gmail.com

Scopus Author ID: 56825379300; Researcher ID: AAM-7818-2021

Аннотация. Статья посвящена поставкам оружия из советских республик в Турцию в 1920–1922 гг. Автор, опираясь прежде всего на документы Российского государственного военного архива (РГВА), уточняет объемы и динамику поставок вооружений, которые помогли Турции отстоять свою независимость и территориальную целостность в тяжелой борьбе с государствами Антанты. Документы показывают, что, за исключением короткого периода в конце 1920 г., поставки осуществлялись в максимально возможных для России объемах даже в период охлаждения отношений в начале марта 1921 г., вызванного противоречиями из-за Батуми. Оружие советского происхождения сыграло существенную роль в операциях турецкой армии против Армении, но наибольшее значение имело для победы турецкой армии при Сакарье. Учитывая, что это сражение сыграло переломную роль в ходе войны, саму советскую помощь можно считать одним из ключевых факторов становления современного турецкого государства. В финальных сражениях греко-турецкой войны доля советского вклада уменьшилась, так как после нормализации франко-турецких отношений поступало французское оружие, но и для его оплаты могло использоваться советское золото. Суммируя данные, обнаруженные в РГВА, автор оценивает советские военные поставки Турции в 1920–1922 гг. следующим образом: не менее 35 268 винтовок, 377 пулеметов, 60 986 090 патронов, 116 орудий, не менее 151 079 снарядов. Превышение от этих цифр могло иметь место, но незначительно. Сравнивая данные документов РГВА с опубликованными ранее в России оценками, ссылающимися на турецкие источники, автор приходит к выводу, что материалы, отложившиеся в российском архиве, позволяют точнее оценить масштабы, качество и динамику поставок. Качество поставляемых вооружений было достаточно высоким для того времени, чтобы эффективно противостоять греческому вторжению в Анатолию.

Ключевые слова: Турция, РСФСР, Россия, вооружения, военная помощь, греко-турецкая война 1919–1922 гг., армяно-турецкая война 1920 г., Греция, Армения.

A.V. Shubin

Soviet Military Assistance to Turkey in 1920–1922

Aleksandr Shubin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: historian905@gmail.com

Scopus Author ID: 56825379300; Researcher ID: AAM-7818-2021

Abstract. In the article, the author examines the supply of arms from the Soviet republics to Turkey between 1920 and 1922. He primarily draws on documents from the Russian State Military Archive (RGVA) to elucidate the scope and dynamics of the arms supplies, which were instrumental

in enabling Turkey to defend its independence and territorial integrity in the challenging struggle with the Entente states. The available evidence indicates that, with the exception of a brief period in late 1920, Russia consistently supplied arms to the best of its capabilities, even during the cooling of relations in early March 1921. While Soviet-made weapons played a pivotal role in the Turkish Army's operations against Armenia, they were particularly instrumental in its victory at Sakarya. As the Greco-Turkish War drew to a close, the Soviet contribution to the conflict diminished as French weapons began to arrive. However, Soviet gold also became a means of financing this military aid. By comparing the data from the RGVA documents with the estimates previously published in Russia that referenced Turkish sources, the author concludes that the materials preserved in the Russian archive provide a more accurate assessment of the scale, quality, and dynamics of the supplies provided. The quality of weapons provided was sufficiently high to enable effective resistance to the Greek invasion of Anatolia.

Keywords: Turkey, RSFSR, Russia, armaments, military assistance, the Greco-Turkish war of 1919–1922, the Armenian-Turkish war of 1920, Greece, Armenia.

Советская военная помощь Турции в 1920–1922 гг. является важным фактором борьбы за новое мироустройство после Первой мировой войны в Малой Азии и вокруг нее. Крах Османской империи и рождение национальной Турции, противоборство Советской России и Антанты, в которой также наметились трещины, эти сюжеты никогда не были обойдены вниманием историков. Дипломатическая история этой борьбы подробно описана¹. Авторы, обращающиеся к этой тематике, в общей форме признают важность советской военной помощи: советские военные поставки способствовали выживанию турецкого национального правительства, в первую очередь перед лицом греческого наступления и конфликта с Арменией. Специально этому вопросу посвящены научные статьи, одна из которых опирается на турецкие данные². Ее автор М. Озтюрк полагает: «Проблема в том, что турецкие архивы, содержащие исторические источники того времени, до сих пор закрыты. Это касается и российских архивов. Поэтому исследователям остается только анализировать и сравнивать записи и мемуары действующих лиц рассматриваемого периода»³. Далее следует ссылка на Turk Istiklal Harbi («Турецкая война за независимость») без пояснения, что это значит. Это указание служит общим источником большой таблицы, вероятно, составленной коллективом турецких авторов. Учитывая такой «слепой» характер ссылки, трудно оценить источниковую базу этой таблицы, но мы рассмотрим представленные М. Озтюрком данные в сравнении с документами, имеющимися в Российском государственном военном архиве (РГВА).

Автор другой статьи В.Г. Цыплин, во многом опирающийся на данные М. Озтюрка, считает: «Если сказать объективно, то современные турецкие историки недостаточно последовательны в итоговой оценке объемов советской военной помощи. Это связано с тем, что многие турецкие архивы, проливающие свет на события того времени, до сих пор не открыты. В российских архивах информации по такой тематике почему-то немного»⁴. Как показывают наши изыскания, это не совсем верно.

В РГВА находится значительная коллекция документов, которая позволяет существенно уточнить динамику и состав советской военной помощи Турции. Прежде всего речь идет о таких материалах, как составленная в феврале 1921 г. в наркомате по военным делам справка «По выполнению обещанного артиллерийства Кавфронту для особого назначения,

¹ См., например: История дипломатии. Т. 3. М., 1965; Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М., 2010.

² Озтюрк М. Рассмотрение советской помощи Анкаре в 1920–1922 гг. на основе турецких исторических источников // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 5. С. 69–76.

³ Там же. С. 72.

⁴ Цыплин В.Г. Советско-турецкие контакты по военным вопросам в начале 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 72.

отосланного из центра»⁵; «Сведение об отправленном артимуществе Турмиссии»⁶, составленное по поручению начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) к 1 октября 1921 г.⁷; отчет начальника отдела снабжения Северо-Кавказского военного округа от 3 ноября 1921 г.⁸; «Ведомость артимущества, требуемого и отправленного в распоряжение тов. Орджоникидзе в 1920–1921 гг.»⁹; «Ведомость имущества, подлежащего отправке и отправленного по особому назначению в 1921 и 1922 гг.»¹⁰; «Сводка отправки имущества по особому направлению, составленная в сентябре 1922 г.»¹¹, а также различная переписка.

В 1959 г. в третьем томе «Документов внешней политики СССР» (ДВП) были опубликованы интересные, но довольно фрагментарные данные о масштабах поставок советского оружия, боеприпасов и снаряжения Турции¹². Архивные данные позволяют их существенно дополнить и уточнить.

Нестыковки в данных, на которые опирались составители ДВП, и в документах РГВА, ссылки на которые приводятся в этой статье, не принципиальны (кроме одного случая существенной неточности в данных ДВП, на что будет указано ниже). Сложность анализа документов архива и возможные небольшие неточности в проводимом здесь анализе могут быть связаны также с тем, что отдельные документы трудночитаемы. Но они позволяют достаточно точно определить как общие объемы поставок, так и, что не менее важно, детализацию их состава и динамику.

Советская помощь Турции предоставлялась, несмотря на очевидные противоречия между странами, как идеологические, так и территориальные. 21 декабря 1920 г., выступая на VIII Всероссийском съезде Советов, В.И. Ленин с раздражением говорил о турецком продвижении на Кавказе: «Турецкое наступление было рассчитано против нас. Антанта рyla яму для нас и сама в нее попала, ибо мы получили Советскую Армению. Наверху в Турции стоят кадеты, октябристы, националисты, которые готовы продать нас Антанте»¹³. Лидер турецких националистов М. Кемаль не менее критически относился к большевизму: «Эта доктрина не имеет никакого шанса в нашей стране, учитывая нашу религию; наши традиции и наше социальное устройство препятствуют ее распространению у нас. В Турции нет ни капиталистов, ни миллионов рабочих. У нас более нет серьезных проблем в сельском хозяйстве. С точки зрения социальной жизни наши религиозные принципы избавляют нас от принятия большевизма. Турецкая нация даже готова бороться с ним в случае необходимости»¹⁴. В то же время, как отмечает В.С. Мирзеханов, «кемалисты активно использовали опыт внутренней политики советского руководства и, более того, их вдохновляла сама советская модель ведомого государством развития»¹⁵.

Еще в 1918 г. Османская империя, выйдя за линию определенных в Бресте границ, вела вооруженную борьбу с советской властью на Кавказе¹⁶. Но поражение Османской империи в мировой войне кардинально изменило расстановку сил. Османские войска ушли с Кавказа (хотя территориальные претензии у Турции там остались), национальное движение

⁵ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33988. Оп. 3А. Д. 45. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 91.

⁷ Там же. Л. 92.

⁸ Там же. Л. 99.

⁹ Там же. Л. 290.

¹⁰ Там же. Л. 400.

¹¹ Там же. Л. 403–404.

¹² Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 675.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1970. С. 125.

¹⁴ Цит. по: Жевахов А.Б. Кемаль Ататюрк. М., 2008. С. 115.

¹⁵ Мирзеханов В.С. Версаль и Турция: тернистый путь к национальному государству // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 6 (80). URL: <https://history.jes.su/s207987840006002-1-1/> (дата обращения: 10.06.2024). DOI: 10.18254/S207987840006002-1

¹⁶ См., например: Ланник Л.В., Мирзеханов В.С. Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь–август 1918 года // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 5–28. DOI: 10.31857/S013038640021032-3

Турции во главе с М. Кемалем бросило вызов новому мировому порядку, параметры которого были определены на Парижской мирной конференции 1919 г. и вытекающих из нее соглашений, включая унижающее для Турции Севрское соглашение 10 августа 1920 г. Это объективно толкало кемалистов к сотрудничеству в борьбе против Антанты с ее главным противником после мировой войны — Советской Россией. Этот фактор оказался сильнее идеологических и даже территориальных разногласий.

19 июля 1920 г. в Москву прибыла делегация во главе с комиссаром по иностранным делам Турции Бекиром Сами. 24 августа был парафирован проект согласованных статей советско-турецкого договора, подписание которого задержалось до 1921 г. из-за разногласий по границе к югу от Кавказа. Однако сразу же удалось договориться о предоставлении Турции советской военной и финансовой помощи¹⁷. Советское руководство понимало, что лучше поставлять оружие врагам своего врага, чем воевать самим. Но тут таилась одна проблема: как бы это оружие не было задействовано против советских интересов на Кавказе.

Согласно составленной в феврале 1921 г. в наркомате по военным делам справке, в 1920 г. туркам было обещано четыре английских 60-фунтовых орудия, четыре 12-фунтовых орудия со снарядами, 4 млн немецких патронов, 22 пулемета с патронами¹⁸. На складах для отправки имелось 24 британских 12-фунтовых орудия, еще 56 требовали легкого ремонта, к ним следовало поставить по 1 тыс. снарядов. Имелось также десять 104-мм гаубиц и 4930 снарядов к ним. Еще 13 орудий имелось в Баку. Также удалось найти более 1 тыс. снарядов, но к австрийским орудиям. Так что нужно было искать орудия к этим снарядам. Зато было 300 тыс. патронов к турецкому маузеру и 150 морских мин¹⁹. В сентябре в Эрзеруме Турции было передано 200,6 кг золота в слитках²⁰.

Перевозки вооружения, боеприпасов и снаряжения осуществлялись из Туапсе, реже из Новороссийска и Батуми, в Самсун, Трабзон и Инеболу, откуда они переправлялись во внутренние районы Анатолии. Иногда грузы шли через Баку, что представляло собой «крюк», необходимый, когда грузы следовало придержать до указаний члена Кавказского бюро ЦК РКП(б) и члена РВС Кавказского фронта Г.К. Орджоникидзе, ориентировавшегося на политическую ситуацию.

Согласно данным ДВП, летом 1920 г. в распоряжение Орджоникидзе для передачи Турции было направлено 6 тыс. винтовок, свыше 5 млн винтовочных патронов, 17 600 снарядов²¹. Два имеющихся в РГВА сообщения о летних поставках не исчерпывают этот объем — винтовки в них не упоминаются. 28 июня 1920 г. в распоряжение Орджоникидзе для турок было отправлено 5 тыс. 33-линейных гранатных снарядов, 2200 45-линейных бомб, по 400 45-линейных шрапнелей и зарядов. Интересно, что оружие стало направляться в конце июня 1920 г., когда советско-турецкие переговоры еще велись. 28 августа было отправлено 3 млн винтовочных патронов, 1 тыс. 120-мм снарядов²². Как видим, снарядов здесь (8600) меньше, чем по сведениям ДВП. Но ниже мы увидим две сводные справки о поставках вооружений, в том числе снарядов в 1920—1921 гг. и в 1921 г., и разница между ними составляет всего 5706 снарядов. Так что обнаруженные нами 8600 снарядов могут оказаться наиболее реальной цифрой.

7 сентября 1920 г. для представителя Туркмиссии Ш. Элиавы было отправлено 5 млн винтовочных патронов²³. Это одна из крупнейших поставок патронов, которая сыграла роль в военных действиях Турции против Армении.

¹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 726—727.

¹⁸ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3А. Д. 45. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 675.

²¹ Там же.

²² РГВА. Ф. 33988. Оп. 3А. Д. 45. Л. 92.

²³ Там же.

По данным Озтюрка, первая поставка пришла в Анатолию только 23 сентября²⁴. Вероятно, все же были поставки и раньше, учитывая солидные объемы выделенных летом вооружений.

Ко 2 октября 1920 г. (фактически к началу армяно-турецкой войны) туркам было отправлено четыре 120-мм орудия, 12 французских 75-мм пушек²⁵. 11 октября и 5 ноября 1920 г. принимались решения о направлении Орджоникидзе для турок патронов к винтовкам австрийских и германских образцов²⁶. Но их отправка была, видимо, приторможена Орджоникидзе в связи с турецкой угрозой Кавказу.

По данным Озтюрка, 21 сентября – 15 октября 1920 г. туркам было направлено 3440 британских винтовок и 1885 ящиков британских боеприпасов. Он также указывает, что 16 октября – 4 ноября 1920 г. было направлено 1576 ящиков британских и 59 ящиков германских²⁷ боеприпасов для пехоты и 20 ручных пулеметов²⁸.

Эти турецкие данные по винтовкам представляются неполными в сравнении с данными ДВП, а цифры ДВП по снарядам – преувеличенными в сравнении со сводками, имеющимися в РГВА. Турецкие сведения, приводимые Озтюрком, исчисляют боеприпасы в ящиках, что затрудняет точную оценку их количества – ведь ящики могут быть разными. Если сравнить общее число ящиков с боеприпасами для пехоты, суммированное Озтюрком, и общее количество патронов, переданное Турции по документам РГВА, то получается более 1 тыс. патронов на ящик. То есть в данном случае данные Озтюрка представляются неполными.

Оружие, переданное летом – осенью 1920 г., очевидно, использовалось во время похода турецких войск против Армении. ДВП сообщают, что в ноябре 1920 г. в связи со вторжением турецких войск в Армению большевики временно приостановили выдачу оружия и золота. В декабре 1920 г. помощь оружием и деньгами была возобновлена²⁹. Судя по имеющимся в РГВА сообщениям, которые будут упомянуты ниже, речь идет о второй половине декабря, так что к первому бою у Иненю (10 января 1921 г.) это оружие вряд ли могло поступить в таких больших количествах, чтобы стать важным фактором этой победы.

Версию ДВП о перерыве в поставках пытается оспорить В.Г. Цыплин: «Захват М. Кемалем стратегически важных районов Армении вынудили Советскую Россию использовать отправку оружия как механизм достижения необходимых и важных на тот или иной момент уступок. При передаче партии оружия в декабре 1920 г. Россия потребовала отступления турок за Арпачай в Карсскую область. Таким образом, Советская Россия не приостановила отправку оружия, чтобы не разорвать контакты»³⁰. Однако возобновление поставок в декабре вовсе не означает, что такого перерыва не было в начале ноября, когда, собственно, турецкие войска вошли в глубь Армении.

После паузы, связанной с завершающей фазой армяно-турецкой войны, 23 декабря 1920 г. было отправлено в распоряжение Туркмиссии и предположительно 3 января получено турецкой стороной 4 тыс. 33-линейных гранатных патронов (снарядов)³¹. Теперь Турция до марта 1921 г. не угрожала советским интересам на Кавказе, и Москва надеялась, что 33-линейные британские снаряды наконец полетят в западном направлении.

26 декабря 1920 г. были отправлены два 120-мм орудия с полным снаряжением. 27 декабря были отгружены и сданы партнерам 16 января 1921 г. (далее первая дата будет означать отправку, а вторая – передачу вооружений) два 33-линейных британских орудия. Еще два

²⁴ Озтюрк М. Указ. соч. С. 71.

²⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3А. Д. 45. Л. 11.

²⁶ Там же. Л. 89.

²⁷ Озтюрк М. Указ. соч. С. 73.

²⁸ Там же. С. 74.

²⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 675.

³⁰ Цыплин В.Г. Указ. соч. С. 70.

³¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3А. Д. 45. Л. 92.

4–16 января³² и два со склада 11-й армии 21 января – 12 февраля 1921 г.³³ То есть на переправку в Турцию уходило две-три недели.

26 января 1921 г. в Туапсе было отправлено и предположительно 15 февраля получено в Турции 4 тыс. 33-линейных гранатных снарядов. 2 февраля из Туапсе было отправлено 240 300 австрийских винтовочных патронов, а 6 февраля – 4 100 тыс. германских³⁴. 7 февраля 1921 г. в Туапсе отправлено 799 888 австрийских винтовочных патронов³⁵.

По сводным данным, в январе и начале февраля 1921 г. туркам было отгружено восемь британских орудий, 1 тыс. снарядов к 120-мм орудиям, 12 тыс. снарядов к 75-мм орудиям, 8 тыс. снарядов к британским орудиям и 102 пулемета, 18 500 винтовок, 20 565 тыс. патронов³⁶. При этом было «передано по назначению», т.е., по-видимому, уже ушло к туркам до января 1921 г. 6 тыс. британских винтовок, 100 британских пулеметов, 12 млн патронов, 8 британских орудий со снарядами³⁷. Эти винтовки мы уже встречали в данных ДВП, которые таким образом подтверждаются. Орудия со снарядами и патроны в примерно таких количествах тоже упоминались выше, а вот 100 пулеметов следует плюсовать к помощи 1920 г. (в турецких данных упоминаются только 20 из них).

Согласно ДВП в январе-феврале 1921 г. представителю турецкой миссии в Туапсе было передано 1 тыс. бомб, 1 тыс. взрывателей, 1 тыс. зарядов, 1 тыс. вытяжных коленчатых трубок (в комплекте это тысяча снарядов), 4 тыс. гранатных и 4 тыс. шрапнельных патронов (т.е. снарядов)³⁸. Итого 9 тыс. снарядов. Как видим, архивные данные показывают, что передано было гораздо больше боеприпасов.

По сведениям Озтюрка, 16 декабря 1920 г. было передано 345 британских и 93 австрийских винтовок, в январе 1921 г. – 198 британских винтовок, 16 декабря 1920 г. – 410 ящиков британских, в январе 1921 г. еще 43 ящика британских боеприпасов для пехоты, в январе 1921 г. – два французских 120-мм орудия и 8 февраля 1921 г. – два британских буксируемых орудия, в январе 1921 г. – 1001 ящик боеприпасов для 120-мм орудий, 8 февраля 1921 г. – 1296 ящиков для британских буксируемых орудий³⁹. Сравнение этих данных с советскими показывает неполноту турецких, как минимум по винтовкам и орудиям. Любопытно упоминание относительно небольшой поставки 16 декабря, которая существенно сокращает срок осеннего перерыва в поставках, если она действительно была. Вообще легко заметить, что сообщения Озтюрка о конкретных поставках почти не совпадают с данными РГВА.

Таким образом, с декабря 1920 г. до марта 1921 г., когда советско-турецкие отношения вновь ухудшились из-за противоречий по поводу судьбы Батуми вплоть до опасности серьезного военного столкновения между турецкими и красными войсками, поставки составили 18 500 винтовок, более 20 млн патронов, 29 тыс. снарядов, 8 орудий и 102 пулемета. Несмотря на недоверие советского руководства к кемалистам, с декабря 1920 г. поставки продолжают в нарастающих объемах.

При заключении в Москве советско-турецкого договора 16 марта 1921 г. противоречия были урегулированы и было достигнуто соглашение об оказании Турции безвозмездной финансовой помощи в размере 10 млн руб. золотом (отправлено до мая 1922 г.), а также о продолжении помощи оружием⁴⁰.

28–31 марта 1921 г. развернулись бои под Афьон-Карахисаром и Инению, в итоге успешные для турок. В этом успехе советское оружие очевидно сыграло свою роль, хотя часть

³² Там же. Л. 93.

³³ Там же. Л. 94.

³⁴ Там же. Л. 92.

³⁵ Там же. Л. 98.

³⁶ Там же. Л. 11–11 об.

³⁷ Там же. Л. 11.

³⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 675.

³⁹ Озтюрк М. Указ. соч. С. 73–74.

⁴⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 675.

турецких сил, вооруженных при советском участии, была отвлечена совсем невыгодным для Советской России вмешательством Турции на Кавказе.

Следующий период поставок — от заключения договора 16 марта до победы турок у Сакарьи 13 сентября 1921 г. — оказался наиболее важным. После подписания советско-турецкого договора в наркомате по военным делам был составлен список нового этапа поставок оружия. В него входило 5200 ружей с 1 тыс. патронов на каждое, 105 пулеметов, 104 гаубицы со снарядами, 2 станции беспроволочного телеграфа (радиостанции)⁴¹.

5 апреля было отправлено и 28 апреля получено турками 3100 снарядов. 6–19 апреля было отправлено 428 300 румынских патронов и 1 тыс. снарядов из Баку⁴². 6–8 мая было отправлено два 33-линейных и еще шесть 120-мм французских орудий с приборами для стрельбы⁴³. Это удивительно быстро. К маю было отправлено более 4 млн патронов⁴⁴.

В счет предыдущего этапа в мае в Туапсе прибыло 12 тыс. ружей с 12 млн патронов, 95 пулеметов (включая 50 максимов), но для переправки этого оружия в Турцию нужно было предоставить уголь судам⁴⁵.

4 мая из Баку ушло 180 тыс. германских винтовочных патронов⁴⁶. 6 мая 1921 г. в Баку для Орджоникидзе было направлено 1421 652 австрийских патрона и 1 500 тыс. патронов для Льюиса, 1 тыс. не окончательно снаряженных бомб к французской 120-мм пушке 1878 г., 9506 75-мм гранатных патронов⁴⁷. 7 мая в Туапсе было отгружено 2 тыс. 45-линейных снарядов⁴⁸. 6–8 мая 1921 г. было передано 6862 германских, 877 австрийских, 245 системы Манлихер, 52 мексиканских и 353 венгерских винтовок; 251 австрийских, 1066 старых и 146 новых британских и 35 германских штыков, а также пулеметы: 11 Шварцлозе (и 79 лент), 10 Шоша (и 100 лент), 74 Льюиса⁴⁹ и 7 Веккерса (и 70 лент). 10 мая было отправлено 199 680 винтовочных патронов Лебеля, 5 500 тыс. Льюиса, 1 053 268 австрийских патронов, 5 тыс. ручных гранат. 11 мая в Туапсе было направлено 150 тыс. австрийских винтовочных патронов, 25 мая — еще 130 тыс. австрийских и 50 тыс. германских, 26 мая — 300 тыс. австрийских винтовочных патронов⁵⁰.

На эти данные накладываются сведения о том, с какими трудностями сталкивались советские военные власти в поиске оружия, которое не должно было указать на источник поставок. К июню 1921 г. в распоряжение Орджоникидзе для Турции уже было отправлено 543 английские винтовки и изыскивалось 3457 (из отобранных у врангелевцев). Патронов к австрийским винтовкам вместо запрошенных 1 550 тыс. было 963 тыс. У ГАУ имелось 12 германских гаубиц, но их нужно было ремонтировать. Еще восемь австрийских гаубиц были без прицелов. А НКВД в запросе от 27 мая требовал только отремонтированное вооружение. По состоянию на 2 июня 1921 г. на требование отправить в распоряжение Орджоникидзе 12 тыс. шрапнелей и 12 тыс. артиллерийских гранат ГАУ сообщило, что имеется только 3970 шрапнелей и 6859 гранат⁵¹.

5 июня в распоряжение Орджоникидзе в Баку было направлено 1493 33-линейных снаряда (правда, 198 без запала, но они иногда досылались отдельно)⁵². 18 июня для Орджоникидзе отправили 3214 гранатных и 1836 шрапнельных снарядов. 13 июня в Батуми было отправлено и 22 июля поступило на границу 8490 33-линейных гранатных и 6091

⁴¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3А. Д. 45. Л. 23.

⁴² Там же. Л. 92.

⁴³ Там же. Л. 94.

⁴⁴ Там же. Л. 23.

⁴⁵ Там же. Л. 26.

⁴⁶ Там же. Л. 92.

⁴⁷ Там же. Л. 98.

⁴⁸ Там же. Л. 92.

⁴⁹ Там же. Л. 97.

⁵⁰ Там же. Л. 92.

⁵¹ Там же. Л. 3.

⁵² Там же. Л. 92.

шрапнельных снарядов⁵³. 2–11 июля 1949 33-линейных шрапнельных снарядов было отправлено через Туапсе⁵⁴.

В это время пауза на фронте заканчивается, и греческие войска начинают наступление на Эскишехир и далее на Анкару (Ангору). 25 июля советский представитель в Турции С.П. Нацаренус сообщал наркоминделу Г.В. Чичерину: «Положение турок тяжелое. Армия хотя и не разбита, но потерпела большой урон. Уже началась эвакуация Ангоры»⁵⁵. 25 июля – 8 августа туркам было переброшено еще 24 33-линейных британских орудия⁵⁶. 3 августа Нацаренус сообщал из Трапезунда, что из обещанных 3350 немецких винтовок пока прибыло только 900. Другое оружие также поступает⁵⁷. 4–23 августа, уже во время битвы на Сакарье, было отправлено через Батуми 4,15 млн винтовочных патронов Льюиса⁵⁸. Учитывая напряженную обстановку на фронте, НКВД нажимал на военных, 18 августа просил Наркомвоена удовлетворить просьбу турок поставить 11 замков, 11 прицелов, 1 тыс. снарядов и 3 тыс. сабель⁵⁹. Военные отнеслись к этой просьбе положительно, только сабель нашли лишь 1500⁶⁰. Учитывая роль кавалерии в турецких операциях, эти саблигодились и при преследовании греков после Сакарьи, и во время сражений 1922 г.

Таким образом, в решающий период марта – августа 1921 г. было поставлено более 20 тыс. винтовок, более 14 млн патронов, более 43 тыс. снарядов, не менее 32 орудий, 196 пулеметов.

Озтюрк приводит иные данные. По поставкам винтовок: 7–25 июня 1921 г. – 4013 британских и 2710 австрийских, 25 июля – 5 октября 1921 г. – 472 британских, 20 июня – 24 июля 1921 г. – 9049 австрийских, 22–30 мая 1921 г. – 11 920 российских, 7 июня 1921 г. – 902 германских, 25 июля 1921 г. – 471 германская, 25 июля – 5 октября 1921 г. – 892 других⁶¹. Получается 30 429 винтовок, что соотносимо с данными РГВА только без учета упомянутой здесь солидной поставки российских винтовок, о которой документы РГВА не сообщают. Более того, эта предполагаемая поставка не вписывалась в советскую политику сокрытия российского источника поставок. В остальном турецкие данные соотносимы с советскими только в самых общих чертах, но не по зафиксированным в советских источниках срокам поставок.

Такое же несовпадение по срокам и объемам видно и на примере поставок боеприпасов для пехоты: 4 апреля 1921 г. – 1392 ящика германских, 22–26 мая 1921 г. – 9062 российских, 25 июля – 5 октября 1921 г. – 5803 британских, 19 августа – 4 октября 1921 г. – 4497 российских, в неизвестное время – 2500 австрийских, 19 августа – 4 октября 1921 г. – 1691 австрийских, возможно, в этот же период – 6564 французских⁶².

По сведениям Озтюрка, в мае – августе поставлен 281 пулемет и 56 орудий⁶³, что значительно превышает цифры РГВА.

Некоторые данные Озтюрка хронологически соотносимы с архивными, как сообщение о поставках снарядов 5 апреля 1921 г. Там указано 2544 ящика (отправка этого и последующего дней, по данным РГВА, была скромнее, не позволила бы заполнить столько ящиков даже при двух снарядах на ящик). Также Озтюрк сообщает, что 2 июня – 17 июля 1921 г. было отправлено 20 481 ящик снарядов для 75-мм орудий, 16–19 июля 1921 г. – 18 020 ящиков для 75-мм орудий, 26 июня – 22 июля 1921 г. – 9794 ящика британских снарядов для 88-мм орудий, 30 мая – 11 июля 1921 г. – 9175 ящиков для 105-мм орудий, 2 августа – 10 сентября 1921 г. – 36 146 ящиков для 88-мм, 1946 для 120-мм орудий, 24 103 российских горных орудия,

⁵³ Там же. Л. 98.

⁵⁴ Там же. Л. 99.

⁵⁵ Там же. Л. 27.

⁵⁶ Там же. Л. 97.

⁵⁷ Там же. Л. 31.

⁵⁸ Там же. Л. 98.

⁵⁹ Там же. Л. 153.

⁶⁰ Там же. Л. 154.

⁶¹ Озтюрк М. Указ. соч. С. 73.

⁶² Там же. С. 73–74.

⁶³ Там же. С. 74.

248 австрийских 75-мм орудий⁶⁴. Эти сведения почти не совпадают с известными данными РГВА о конкретных поставках снарядов. Теоретически можно предположить, что данные Озтюрка дополняют архивные, и поставлялось больше оружия, чем перечислено в документах РГВА о конкретных поставках. Как мы увидим, в сводных данных действительно указано больше снарядов, чем значится в найденных сообщениях о конкретных поставках. Но поскольку Озтюрк называет количество ящиков, а не снарядов в них, а конкретные даты поставок почти не указаны, то его данные мало помогут в уточнении картины. Разве что можно констатировать, что летом 1921 г. поставлялось еще больше боеприпасов, чем в найденных нами сообщениях о конкретных поставках этого года. Но это можно понять и из сводных данных документов РГВА.

Также, по данным Озтюрка, 26 октября 1921 г. – 14 июня 1922 г. было поставлено 7224 германских, французских, японских, турецких и бельгийских винтовок; 19 октября 1921 г. – 6 июля 1922 г. около 16 400 ящиков российских, австрийских, бельгийских, турецких боеприпасов для пехоты; 5 января – 25 апреля 1922 г. – 32 британских орудия; 4 апреля – 4 британских 88-мм орудия; 5 января 1922 г. – 500 ящиков снарядов для береговых орудий⁶⁵ и 1960 для 105-мм, 235 австрийских, 6402 французских орудий; 15 октября 1921 г. – 23 мая 1922 г. – 74 242 ящика для 75-мм французских, 1131 для 120-мм, 7083 для 105-мм, 17 392 для горных, 211 для турецких буксируемых орудий; 5 января 1922 г. также поставлено 1143 снаряда к 105-мм орудиям (в этом пункте таблицы ошибочно написано «орудия» в «штуках», но очевидно речь идет о снарядах в штуках), 55 австрийских зарядов и 5 австрийских прицелов; 1 января – 14 марта 1922 г. – 14 513 французских метательных артиллерийских зарядов. Также указаны 4 апреля 1922 г. 150 японских капсюлей, в январе 1921 г. – 200 ящиков российских бомб, 25 июля 1921 г. – 123 ящика российских бомб, 5 января 1922 г. – 200 мин, 25 апреля 1922 г. – 150 мин, 8 февраля 1921 г. – 500 мотков колючей проволоки, 10 сентября 1921 г. – 19 359 химических масок, 17 февраля 1921 г. – оборудование для производства патронов и снарядов, 5 января 1922 г. – два телефонных аппарата, 4 апреля 1922 г. – 22 сигнальных пистолета и 351 патрон к ним⁶⁶. Ниже будут приведены данные РГВА, совпадения с которыми этих данных также будут очень незначительны.

В целом данные о поставках, приведенные Озтюрком, нельзя признать вполне достоверными. Там, вероятно, содержатся и действительно осуществленные поставки, и сведения, связанные с неточностью в воспоминаниях. Данные РГВА – это реальные документы того времени, они имеют приоритет достоверности, особенно по сводным цифрам.

Сводные данные о поставках к началу 1922 г. приводятся в «Ведомости артимущества, требуемого и отправленного в распоряжение тов. Орджоникидзе в 1920–1921 гг.» за подписью главного начальника снабжения РККА М.М. Аржанова⁶⁷:

- винтовок запрашивалось 38 389, отправлено 33 275;
- пулеметов запрашивалось 372, отправлено 327;
- патронов запрашивалось 59 999 080, отправлено 57 986 090;
- отправлено 20 тыс. противогазов и 1500 шашек⁶⁸;
- орудий требовалось 180, отправлено 74;
- снарядов требовалось 350 406, отправлено 149 079;
- зарядов требовалось 7668, отправлено 7284⁶⁹.

Очень близкие данные (33 275 винтовок, 57 986 тыс. патронов, 327 пулеметов, 54 артиллерийских орудия, 129 479 снарядов, 1500 сабель, 20 тыс. противогазов, различие по орудиям

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 73–74.

⁶⁶ Там же. С. 75.

⁶⁷ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3А. Д. 45. Л. 290.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Л. 289.

и снарядам) опубликованы ДВП как поставки только в 1921 г. и, судя по контексту, после 16 марта⁷⁰. Здесь, вероятно, проявилась неточность составителей ДВП.

Сводные данные Аржанова интересно сравнить с обнаруженными в РГВА сведениями о конкретных поставках, которые по основным параметрам выявлены до битвы при Сакарье (вероятно, поставки, отраженные в сводке, продолжались до конца года).

Если суммировать приведенные выше обнаруженные в РГВА сведения о конкретных поставках за 1920–1921 гг., то получается более 38 тыс. винтовок (даже больше, чем в ведомости), более 42 млн патронов (не считая пулеметных лент), более 72 тыс. снарядов (не обнаружено сообщений об отправке более половины снарядов), не менее 56 орудий (не обнаружено сведений о поставках 18 орудий), 298 пулеметов (не обнаружено 29 пулеметов). В принципе они могли быть поставлены и в конце года после сентября. В целом, даже с учетом возможных неточностей в подсчетах и наложений данных в разных отчетах, можно сделать вывод, что представленные нами данные РГВА хорошо коррелируются со сводными данными (за исключением снарядов). Это подтверждает, что приведенные нами данные отражают реальную динамику поставок.

После Сакарьи на фронте наступило затишье, но турки готовились к решающей схватке. Новая тема для переговоров возникла в связи с советизацией Грузии. 26 сентября 1921 г. военный атташе Турции обратился в НКВД: «По Мудросскому перемирию с Англией турками на складах в Грузии оставлены турецкие винтовки системы Маузер и новейшего типа Мартина, германские винтовки Маузер и турецкие орудия полевые скорострельные и тяжелые горные со снарядами и патронами к ним.

Настоящим Военное Представительство просит Вас не отказать в любезности принять меры и передать их в распоряжение Турецкого Правительства и с последующим не отказать его уведомить»⁷¹. Проблема с маузерами заключалась в том, что они были нужны самим, ими была вооружена РККА⁷².

На складе в Тифлисе было обнаружено 5 тыс. германских (и 2 млн патронов к ним) и 5 тыс. австрийских винтовок (и 3 млн патронов), 100 пулеметов с 1 млн патронов и 8 британских пушек⁷³. Это имущество было решено продать⁷⁴. В марте – апреле 1922 г. было передано Туркомиссии с Батумского склада 7 578 555 и с Тифлиского склада 2 299 555 турецких винтовочных патронов маузера⁷⁵.

В Турцию из России были отправлены приобретенные в Германии самолеты⁷⁶. В сентябре 1921 г. было поставлено оборудование для изготовления боеприпасов⁷⁷. Учитывая, что греки после неудачи на суше стали активнее действовать на море, 3 октября 1921 г. турецкому военному командованию в Трапезунде были переданы два морских истребителя – «Живой» и «Жуткий». 29 ноября 1921 г. турецкий пароход ожидал заказанные 500 мин и 3 орудия⁷⁸. 28 декабря 1921 г. в Новороссийске было передано 200 мин, осталось 300. 29 марта передали еще 150. Уполномоченный НКВД К.А. Петерсон докладывал Г.В. Чичерину 7 марта 1922 г. о нежелательности передавать оружие в Новороссийске, так как там теперь бывают иностранные суда⁷⁹.

В этот период советскую и турецкую стороны также разделяли противоречия и опасения, но уже не столь острые, как в октябре 1920 г. – марте 1921 г.: турецко-французское соглашение 20 октября 1921 г., сближение с большевиками Энвера-паши. 26 ноября 1921 г.

⁷⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 675.

⁷¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3А. Д. 45. Л. 102.

⁷² Там же. Л. 144.

⁷³ Там же. Л. 234.

⁷⁴ Там же. Л. 241.

⁷⁵ Там же. Л. 332.

⁷⁶ Озтюрк М. Указ. соч. С. 71.

⁷⁷ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3А. Д. 45. Л. 45, 67.

⁷⁸ Там же. Л. 84.

⁷⁹ Там же. Л. 230.

в Турцию во главе делегации Советской Украины прибыл М.В. Фрунзе, который мог контролировать использование оружия.

Сама помощь в преддверии решающего сражения продолжала поступать в значительных размерах. 24 июня 1922 г. было дано указание начальника артиллерии передать «по известному Вам назначению» 1986 австрийских (при 1 518 тыс. патронов) и 3035 германских (при 1 700 тыс. патронов) винтовок, а также 8 британских 33-линейных пушек. В наличии также были пулеметы, которые ремонтировались до конца мая. ГАУ требовало «ускорить высылку недостающего артиллерийского имущества»⁸⁰.

24 июля 1922 г. Председатель чрезвычайной миссии Турции в Москве Реза Нур-бей направил ноту начальнику штаба РККА П.П. Лебедеву: «Я изучил список, который Вы изволили мне сообщить. Я позволяю себе привлечь Ваше Высочайшее внимание на первостепенную необходимость, ощущаемую нами в предметах, указанных в приложенном списке. Не подлежит никакому сомнению, что материал, указанный в приложенном списке, сыграет благотворную для всех нас роль в предстоящих в близком будущем сражениях, и включение этого материала в число более значительных материалов, которые братски и дружелюбно будут предоставлены в наше распоряжение, явится еще одним из обильных доказательств дружбы Советской России, характеризующих наши столь искренние дружеские отношения, что дает мне основание твердо верить, что моя просьба о скорейшей посылке этого материала в Турцию с Вашей поддержкой в этот решающий момент будет полностью удовлетворена.

Прошу принять, дорогой товарищ, искренние уверения в величайшем моем почтении»⁸¹.

Турецкая сторона хотела бы получить 50 тыс. снарядов, также снаряды для крупнокалиберных орудий, 7 млн патронов, 200 пулеметов с патронами, 15 тыс. сабель, подлодку (с возвратом), 200 т бензина, 5 т машинного масла, 5 т нефти и другое снаряжение. 31 июля заведующий восточным отделом НКВД Л.М. Карахан просил П.П. Лебедева поддержать эти просьбы⁸². 24 июля 1922 г. Лебедев дал указание увеличить поставки на 20 орудий и 20 тыс. выстрелов к ним, при том что порядок и условия оплаты будут установлены НКВД⁸³. Реза писал Карахану 25 июля 1922 г.: «Битвы, которые вырисовываются ясно на горизонте и которые должны начаться в очень близком будущем на высоком плато Анатолии, будут иметь решающий характер для борьбы, которая происходит на Ближнем Востоке между силами мировой революции и силами мирового империализма»⁸⁴. Это было верно — 26 августа Кемаль-паша начал наступление, закончившееся полной катастрофой греческих войск в Малой Азии.

Итоги поставок к середине 1922 г. подвела составленная в июле «Ведомость имущества, подлежащего отправке и отправленного по особому назначению в 1921 и 1922 гг.». В ней указаны данные о военном имуществе, подлежащем отправке и отправленного в 1921 г. (первые две цифры) и подлежащем отправке в 1922 г. (третья цифра, реализованная лишь отчасти):

- винтовок 38 389; 33 275; 2443;
- пулеметов 372; 327; 50;
- патронов винтовочных 59 999 080; 57 906 090; 4 500 тыс.;
- пушек 120-мм французских 8; 8;
- гаубиц 45-линейных британских 2; 2;
- орудий британских и французских 64; 64.

В 1922 г. также планировалось отправить:

- 6-линейных орудий 16;
- 42-линейных орудий 1877 г. 8;

⁸⁰ Там же. Л. 285.

⁸¹ Там же. Л. 344.

⁸² Там же. Л. 348.

⁸³ Там же. Л. 372.

⁸⁴ Там же. Л. 352.

- 120-мм гаубиц Круппа 6;
- 20 полевых орудий⁸⁵.

В 1921 г. планировалось отправить и отправлено:

- гранат 75-мм 32 741; 16 437;
- шрапнелей 75-мм 25 500; 3410;
- гранат 33-линейных 22 503; 22 503;
- шрапнелей 33-линейных отправлено 23 400;
- бомб 45-линейных отправлено 4173;
- шрапнелей 45-линейных отправлено 427;
- зарядов к 45-линейным бомбам отправлено 2400;
- шрапнелей 3-линейных полевых отправлено 38 тыс. и еще 30 тыс. планировалось

отправить в 1922 г.;

- гранат 3-линейных полевых отправлено 38 тыс.;
- бомб 120-мм 3 тыс.;
- бомб 104-мм 1738; 2333;
- шрапнелей 104-мм 924; 233;
- зарядов к бомбам 104-мм 2268; 1884.

В 1922 г. запланирована отправка:

- 200 тыс. ручных гранат;
- 10 тыс. авиабомб;
- снарядов к 6-линейным гаубицам Круппа 1600;
- выстрелов к 6-линейным гаубицам 1600;
- выстрелов к орудиям 1877 г. 800⁸⁶.

Итого: снарядов 190 406; 143 373; 34 тыс.;

зарядов 7668; 7284.

В 1921 г. было также поставлено 1500 шашек, 20 тыс. противогазов, 11 орудийных замков.

Если сравнить приводимые в этой справке данные с документом Аржанова, то видно: составители в качестве данных за 1921 г. приводили данные за 1920–1921 гг. (возможно, кроме отдельных позиций, включая снаряды, которых, как говорилось выше, в 1921 г. указано на 5706 меньше, чем в справке Аржанова, что может характеризовать объем поставки снарядов в 1920 г.).

Согласно тому же документу, в 1922 г. планировалось отправить 100 сигнальных пистолетов с 50 тыс. патронов, 50 тыс. солдатских фляг, 10 тыс. патронташей, 15 телеграфных аппаратов Морзе, 100 телефонных аппаратов, 20 полевых коммутаторов, 88 тыс. топоров, лопат и кирок, 1 тыс. ножниц для резки проволоки, 2 тыс. коробок со взрывчаткой, 1 тыс. ящиков с взрывпатронами, 1 тыс. ящиков буровых патронов, 100 коробок взрывных капсулей, 1 тыс. фитилей⁸⁷. Эти поставки должны были модернизировать турецкую армию и обеспечить ее наступательный потенциал перед решающими сражениями.

Намеченные планы выполнялись накануне и в начале решающего сражения при Думлупынаре 26–30 августа 1922 г. 10 августа был отправлен 1 млн трехлинейных винтовочных патронов, 14 августа — 1 млн румынских, 18 августа из Иваново-Вознесенска — 1,5 млн турецких и из Муром — 1 млн австрийских патронов. 12 августа 1922 г. было направлено 570 турецких винтовок, 20 августа из Московского, Петроградского и Приволжского военных округов было отправлено 386 румынских винтовок, 26 августа из разных округов наскребли еще 249 разных винтовок, 29 августа — 288 румынских и 46 турецких винтовок, 7 сентября — 454 турецких винтовки. 15 августа было передано 200 тыс. ручных гранат, а также снаряды, сигнальные патроны и осветительные ракеты числом 50 тыс., 35 германских пулеметов и 15 пулеметов Шварцлозе, 1042 120-мм шрапнелей и бомб. 20 августа

⁸⁵ Там же. Л. 400.

⁸⁶ Там же. Л. 400.

⁸⁷ Там же. Л. 400 об.

было отправлено 20 3-линейных орудий 1900 г. и шесть 12-линейных гаубиц Круппа, восемь 120-мм орудий. 2 сентября было отправлено 101 тыс. запалов к ручным гранатам. 22 августа отправили 558 120-мм бомб и 1600 таких же зарядов, 100 ракетниц, восемь 42-линейных орудий 1877 г. и 400 зарядов к ним, снаряжение (лопаты, ножницы для резки проволоки и др.)⁸⁸. Таким образом, в эти решающие дни Советская Россия направила Турции еще 1993 винтовки, 42 орудия, 2 тыс. снарядов, 3,5 млн патронов и 50 пулеметов. Планы поставок были выполнены в значительной степени. Мы не обнаружили сведения о поставках 450 винтовок, трети запланированных патронов и большинства снарядов.

Если суммировать данные о советских военных поставках Турции в 1920–1922 гг., отраженные в обнаруженных документах РГВА, то получается не менее 35 268 винтовок, 377 пулеметов, 60 986 090 патронов, 116 орудий, не менее 151 079 снарядов.

Озтюрк так суммирует приведенные им сведения: 45 181 винтовка, 52 599 ящиков с боеприпасами для пехоты, 310 пулеметов, 96 орудий, 166 910 ящиков со снарядами⁸⁹. Как видим, эти данные расходятся с документами РГВА не принципиально. Все же очевидно, что по орудиям и пулеметам данные, приведенные Озтюрком, не полны, а по снарядам — весьма сомнительны. Общая стоимость помощи Турции оценивается в 80 млн лир (240 т золота). Это примерно соответствует всему бюджету национальной Турции 1921 г. и военному бюджету 1920–1921 гг.⁹⁰

Архивные материалы позволяют оценить динамику поставок. Первое оружие для Турции было отгружено уже 28 июня 1920 г., и поставки продолжались почти до завершения греко-турецкой войны. В первый период (июнь — октябрь 1920 г.) было поставлено 6000–9600 винтовок, 10 млн патронов, 16 орудий, 5700–17 600 тыс. снарядов, 100 пулеметов.

Во второй период (декабрь 1920 — март 1921 гг.) поставки составили 18 500 винтовок, более 20 млн патронов, 29 тыс. снарядов, 8 орудий и 102 пулемета. Несмотря на недоверие советского руководства к кемалистам, после осени 1920 г. поставки продолжают в нарастающих объемах. Турция была важным союзником в борьбе с Антантой.

Третий период (апрель — август 1921 г.) несколько продолжительнее предыдущих, но темпы поставок остаются в основном на прежнем уровне: более 20 тыс. винтовок, более 14 млн патронов, более 43 тыс. снарядов, не менее 32 орудий, 196 пулеметов.

При Сакарье у турок было 54 160 058 винтовок⁹¹, а по другим данным — 40 тыс. винтовок, 700 пулеметов, 177 орудий⁹² (советский полпред С.И. Аралов считал, что во всей турецкой армии в это время было 440 пулеметов и 162 орудия)⁹³. К этому времени, по данным Озтюрка, советской стороной поставлено 30 083 винтовки⁹⁴, а по данным РГВА — не менее 44 500. Это значит, что даже с учетом того, что часть винтовок могла остаться на востоке Турции, большинство винтовок, которыми турки располагали при Сакарье, были привезены из советских республик. Доля в орудиях и пулеметах была скромнее.

Четвертый период (конец 1921–1922 гг., конкретные данные имеются за август) дает сведения о поставках 1993 винтовок, 42 орудий, 2 тыс. снарядов, 3,5 млн патронов и 50 пулеметов. Это был еще один существенный вклад в турецкую победу.

Но теперь поддержка поступала и с другой стороны. После заключения 20 октября 1921 г. франко-турецкого соглашения в Анкаре кемалистам стало поступать оружие из Франции (впрочем, его можно было оплачивать полученными от России средствами). Французы при уходе из Анатолии оставили 10 тыс. винтовок и 1505 ящиков патронов⁹⁵. К середине июля 1922 г. в Турцию из Франции прибыло 40 тыс. винтовок, 4 тыс. пулеметов, 120 автомобилей

⁸⁸ Там же. Л. 403–404.

⁸⁹ Озтюрк М. Указ. соч. С. 74–75.

⁹⁰ Там же. С. 72.

⁹¹ Там же.

⁹² Киреев Н.Г. История Турции в XX веке. М., 2007. С. 146.

⁹³ Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. М., 1960. С. 63.

⁹⁴ Озтюрк М. Указ. соч. С. 72.

⁹⁵ Там же.

и 28 аэропланов⁹⁶. Таким образом, финальные успехи турецкой армии были обеспечены французской поддержкой в не меньшей степени, чем советской.

Для своего времени можно достаточно высоко оценить качество советской помощи Турции, сыгравшей решающую роль в битве при Сакарье и значительную роль в других кампаниях армии кемалистов. Хотя «по сусекам выскребались» и старые образцы, в основном в Турцию шло оружие, изготовленное в Германии, Австро-Венгрии, Великобритании и Франции для их решительной схватки в мировой войне. Затем оно оказалось на территории России в результате торопливого ухода австро-германских и османских войск в 1918 г. Интервенция Антанты в России и помощь белым армиям привели к тому, что Красной армии достались и большие запасы франко-британского оружия. Часто встречающиеся в представленных материалах британские 33-линейные, 45-линейные и французские 120-мм орудия — распространенные модели артиллерии, хорошо показавшие себя во время Первой мировой войны: 18-фунтовая 3,3-дюймовая пушка 1904 г. была основным британским полевым орудием до 1914 г., 4,5-дюймовая гаубица 1910 г. также была вполне современным оружием, 120-мм орудие было хотя и старым (1878 г.), но распространенным и грозным образцом тяжелой артиллерии, к тому же прошедшим модернизацию в 1916 г. Учитывая опасения советского руководства, что интервенция Антанты может возобновиться, да и возможность военного конфликта в случае благоприятного для коммунистов развития событий в Германии, это оружие могло пригодиться Красной армии. Но возможность нанести ущерб Антанте чужими руками была более соблазнительна.

Как показало наше исследование, даже не в самые благоприятные периоды советско-турецких отношений советское руководство продолжало поставки на уровне, достаточном для сохранения национального правительства и его вооруженного сопротивления архитекторам Версальской системы и их союзникам. Итогом стало серьезное поражение Антанты в Малой Азии, пересмотр Севрского договора и создание турецкого государства практически в его современных границах.

Библиография

- Аралов С.И.* Воспоминания советского дипломата. М., 1960.
Документы внешней политики СССР. Т. 2, 3. М., 1958—1959.
Жевахов А.Б. Кемаль Ататюрк. М., 2008.
История дипломатии. Т. 3. М., 1965.
Киреев Н.Г. История Турции в XX веке. М., 2007.
Ланник Л.В., Мирзаханов В.С. Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь—август 1918 года // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 5—28. DOI: 10.31857/S013038640021032-3
Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1970.
Мирзаханов В.С. Версаль и Турция: тернистый путь к национальному государству // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 6 (80). URL: <https://history.jes.su/s207987840006002-1-1/> (дата обращения: 10.06.2024). DOI: 10.18254/S207987840006002-1
Озтюрк М. Рассмотрение советской помощи Анкаре в 1920—1922 гг. на основе турецких исторических источников // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 5. С. 69—76.
Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918—1923. М., 2010.
Цыплин В.Г. Советско-турецкие контакты по военным вопросам в начале 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 69—75.

References

- Aralov S.I.* Vospominaniya sovetskogo diplomata [Memoirs of a Soviet diplomat]. Moskva, 1960. (In Russ.).
Cyplin V.G. Sovetsko-tureckie kontakty po voennym voprosam v nachale 1920-h godov [Soviet-Turkish contacts on military issues in the early 1920s] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya

⁹⁶ *Фомин А.М.* Указ. соч. С. 370.

Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Izvestiya Saratov University. A new series. A series of Stories. International relations]. 2019. T. 19. Vyp. 1. S. 69–75. (In Russ.)

Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of the foreign policy of the USSR]. T. 2, 3. Moskva, 1958–1959. (In Russ.)

Fomin A.M. Vojna s prodolzheniem. Velikobritaniya i Franciya v bor'be za "Osmanskoe nasledstvo" [The war with continuation. Great Britain and France in the struggle for the "Ottoman Inheritance"], 1918–1923. Moskva, 2010. (In Russ.)

Istoriya diplomatii [History of Diplomacy]. T. 3. Moskva, 1965. (In Russ.)

Kireev N.G. Istoriya Turcii v XX veke [The history of Turkey in the 20th century]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Lannik L.V., Mirzekhanov V.S. Batumskaya podсистема mezhdunarodnyh otnoshenij: problemy stanovleniya i mezhimperskoj konkurencii, iyun'–avgust 1918 goda [The Batum Subsystem of International Relations: Problems of Formation and Inter-Imperial Competition, June–August 1918] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 4. S. 5–28. DOI: 10.31857/S013038640021032-3 (In Russ.)

Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch [Complete works]. T. 42. Moskva, 1970. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Versal' i Turkiya: ternistyj put' k nacional'nomu gosudarstvu [Versailles and Turkey: a thorny path to a nation-state] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2019. T. 10. № 6 (80). URL: <https://history.jes.su/s207987840006002-1-1/> (access date: 10.06.2024). (In Russ.)

Oztyurk M. Rassmotrenie sovetskoj pomoshchi Ankare v 1920–1922 gg. na osnove tureckih istoricheskikh istochnikov [Consideration of Soviet aid to Ankara in 1920–1922 on the basis of Turkish historical sources] // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij [Scientific problems of humanitarian research]. 2010. № 5. S. 69–76. (In Russ.)

Zhevahov A.B. Kemal' Atatyurk [Kemal Ataturk]. Moskva, 2008. (In Russ.)

© 2024 г. И.Э. МАГАДЕЕВ

«ИСЛАМ» И «МУСУЛЬМАНСТВО» В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ФРАНЦУЗСКИХ ВЛАСТЕЙ В 1920-е годы

Магадеев Искандэр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

E-mail: iskander2017@yandex.ru

Scopus Author ID: 57195680563; *Researcher ID:* M-4145-2014

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00011, <https://rscf.ru/project/22-18-00011/>.

Аннотация. На протяжении столетий Франция и исламский мир были связаны друг с другом самыми различными нитями. Их взаимодействие принимало вариативные формы: от сотрудничества до колониальной (или полуколониальной) эксплуатации и взаимной вражды. Цель статьи — выявить особенности практического и символического использования понятий «ислам» и «мусульманство» деятелями французской дипломатии и колониальных властей в 1920-е годы. Рассмотрение данного вопроса особенно актуально в контексте изучения генезиса неоколониальных практик. Новизна настоящей работы обусловлена введением в научный оборот ранее не использовавшихся источников, а также особым исследовательским подходом: применяя методологию «истории понятий» и сравнительно-исторический анализ, автор стремится выявить взаимосвязи между способами дискурсивной мобилизации понятий «ислам» и «мусульманство» и колониальной политикой Третьей республики в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Источниковую базу статьи составляют дипломатические документы, архивные записки и доклады маршала Юбера Лиоте из Национального архива Франции, экспертные работы и публицистические произведения, материалы французской и алжирской прессы. Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод: «семантический ореол» понятий «ислам» и «мусульманство» в дискурсе французских властей в 1920-е годы не был однородным. Его компонентами являлись ориентализм и чувство собственного превосходства, представление об «исламской цивилизации» как об отсталой и враждебной Западу, образ ислама как потенциальной угрозы (особенно в случаях его взаимодействия и синтеза с такими идеологиями, как пантюркизм и большевизм). Вместе с тем среди политического истеблишмента Третьей республики был распространен взгляд на ислам как на средство сохранения лояльности жителей североафриканских и ближневосточных владений к Франции.

Ключевые слова: Франция, ислам, ориентализм, колониальная политика, Марокко, Сирия, Лиоте.

I.E. Magadeev

“Islam” and “Muslimisme” in the Official Discourse and Categorical Apparatus of the French Authorities in the 1920s

Iskander Magadeev, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO – University) (Moscow, Russia).

E-mail: iskander2017@yandex.ru

Scopus Author ID: 57195680563; Researcher ID: M-4145-2014

The research was supported by Russian Science Foundation, project № 22-18-00011, <https://rscf.ru/project/22-18-00011/>.

Abstract. Throughout history, France and the Muslim world have been connected in various ways. Their interactions have ranged from constructive collaboration to colonial (or semi-colonial) domination and mutual animosity. In this article, the author seeks to examine the nuances of the discursive mobilisation and contextualisation of terms such as “Islam” and “Muslimisme” within the public and secret documents of French diplomacy and colonial administration during the 1920s. He attempts to address the following questions: What was the terminological and semantic conflict surrounding the aforementioned concepts? What were the objectives of the French officials in articulating one or another aspect of “Islam” and “Muslimisme”? Contemporary neocolonialism and a necessity to study its historical genesis and forms determine relevance of the article. The author makes use of insufficiently researched archival and published material. This, in conjunction with the nature of the research question, provides the rationale behind the originality of the analysis presented in the essay. He employs the methodology of the “history of concepts” and comparative-historical analysis to examine the intricate interrelationship between the discursive mobilisation of “Islam” and “Muslimisme”, on the one hand, and the practical policies of Paris, on the other. The author draws on a range of sources to inform his analysis, including French diplomatic documents, the notes and reports of Marshal Hubert Lyautey, books and pamphlets by various French experts and public figures, and material from the French and Algerian press. He concludes that the semantic colouring of “Islam” and “Muslimisme” in the French official discourse of the 1920s was not homogeneous. This perception included a sense of superiority close to Orientalism, a perception of the backwardness of “Islamic civilization” and its incompatibility with the Western socio-political order, and a perception of “Islam” as a potential danger, especially if it was combined with other religious (pan-Islamism) and/or socio-political challenges (pan-Turkism, Bolshevism). Concurrently, the Third Republic’s authorities frequently regarded Islam as a means of securing Muslim allegiance and enhancing France’s “soft power”.

Keywords: France, Islam, Orientalism, colonial policy, Morocco, Syria, Lyautey.

Символическая и политическая нагрузка понятий «ислам» и «мусульманство» (в позитивном или негативном смысле) вплоть до настоящего времени является предметом дискуссий в целом ряде европейских стран, в том числе во Франции. Как отмечает историк Е.А. Прусская, «Франция и ислам, мусульмане во Франции — многочисленные дискуссии по этим вопросам, начиная от темы интеграции мусульман во французское светское общество и до сюжета о формах, которые принимает религия в этой европейской стране, стали предметом не только обсуждений в профессиональных исследованиях историков, политологов, религиоведов и социологов, но и среди широкой публики»¹. Суть современных споров на данную тему сложно понять без обращения к историческому опыту колониальной политики Парижа.

Цель настоящей статьи — выявить особенности дискурсивной мобилизации и контекстуализации понятий «ислам» (франц. islam) и «мусульманство» («мусульманский», франц.

¹ Прусская Е.А. Ислам во Французской революции. О книге Йана Коллера // Французский ежегодник 2022. Т. 55. Французы за пределами Франции / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2022. С. 401.

musulman) в публичных и закрытых документах французской дипломатии и колониальной администрации в 1920-е годы. В задачи автора входит поиск ответов на следующие вопросы: в каком терминологическом и смысловом ряду употреблялись эти понятия в первое десятилетие после окончания Первой мировой войны; каковы были символические цели их использования; как официальный дискурс соотносился с действиями властей Третьей республики в ее владениях в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В рамках данного исследования предпринимается попытка очертить «семантический ореол» «ислама» и «мусульманства» в практике французского колониального управления.

Историческая актуальность рассматриваемой темы обусловлена важностью изучения существовавшей в указанный период дихотомии между республиканским режимом в метрополии и колониальной (имперской) политикой Парижа на условной «периферии». Этот парадокс нашел свое отражение, в частности, в подзаголовке получившей известность монографии американской исследовательницы Э. Конклин «Республиканская идея империи»².

Выбранный исследовательский ракурс определяет новизну работы. В зарубежной историографии (главным образом франко- и англоязычной) тема «мусульманской политики» Третьей республики в 1920-е годы рассматривалась преимущественно в контексте общего анализа феномена французского колониализма в XX в.³ и политики Парижа в Северной Африке и на Ближнем Востоке⁴. При работе над изучаемой проблемой использовались методология «истории понятий» и сравнительно-исторический анализ. Исследование нацелено на то, чтобы выявить взаимосвязи между применяемыми французскими властями способами дискурсивной мобилизации понятий «ислам» и «мусульманство» и практической политикой Парижа в колониях и рассмотреть особенности позиционирования истеблишментом Третьей республики Франции в качестве «великой исламской державы»⁵. Учитывая начальный уровень изучения указанной проблематики в отечественной историографии, автор стремится раскрыть базовые компоненты «мусульманского дискурса» во французской колониальной политике для его более детального изучения в дальнейшем⁶.

Источниковая база исследования включает опубликованные тома «Французских дипломатических документов»⁷, записки, отчеты, личные письма генерального резидента Франции в Марокко в 1912–1925 гг. маршала Юбера Лиоте, которые хранятся в личном фонде президента Александра Мильерана (1920–1924) в Национальном архиве Франции⁸. Повышенное внимание к материалам, связанным с деятельностью Ю. Лиоте, обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, опыт управления Марокко рассматривался рядом деятелей Третьей республики (Александр Мильеран, Луи Барту, Андре Тардьё и др.)

² Conklin A.L. A Mission to Civilize. The Republican Idea of Empire in France and West Africa, 1895–1930. Stanford, 1997.

³ Girardet R. L'idée coloniale en France de 1871 à 1962. Paris, 1972; Grimal H. La décolonisation de 1919 à nos jours. Bruxelles, 1985; Blanchard P. Culture coloniale. La France conquise par son empire, 1871–1931. Paris, 2002; Histoire globale de la France coloniale / dir. de N. Bancel et al. Paris, 2022.

⁴ Khoury Ph.S. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton, 1987; Présences et images franco-marocaines au temps du protectorat / dir. de J.-C. Allain. Paris, 2003; Thomas M. Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley, 2007.

⁵ Дьяков Н.Н. Ислам в колониальной политике Франции: от истоков – до Пятой Республики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015901-0-1/> (дата обращения: 06.05.2024). DOI: 10.18254/S207987840015901-0

⁶ Черкасов П.П. Судьба империи. Очерки колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983; Гончарова Т.Н. История французского колониализма: Актуальные проблемы изучения: в 2-х ч. Ч. 1. История колониальных империй Франции. СПб., 2013.

⁷ Documents diplomatiques français (далее – DDF). 1920. Т. 2. Paris, 1999; DDF. 1920. Т. 3. Bruxelles, 2002; DDF. 1922. Т. 1. Bruxelles, 2007; DDF. 1922. Т. 2. Bruxelles, 2008; DDF. 1923. Т. 2. Bruxelles, 2013; DDF. 1924. Т. 1. Bruxelles, 2013.

⁸ Archives Nationales de la France. Papiers Millerand. Sous-série 470. Archives Privées. Vol. 82 (далее – AN. 470. AP. 82). Пагинация в данном деле отсутствует.

в качестве весьма успешного примера колониального администрирования. Во-вторых, этот опыт напрямую влиял на политику Парижа в Сирии и Ливане вследствие того, что многие чиновники из окружения Лиоте в 1920-е годы занимали важные должности в аппарате французского верховного комиссара в Бейруте⁹.

Важными источниками по теме исследования являются также материалы французской, алжирской и британской специализированной прессы, в которых освещались различные аспекты «мусульманской политики» Третьей республики (журнал *Revue du monde musulman*, газета *Ikdam* и др.). *Revue du monde musulman* («Обзор мусульманского мира») был основан в 1906 г. так называемой Научной миссией в Марокко во главе с профессором Альфредом Ле Шателье, которая получала субсидии от различных государственных структур Франции¹⁰. Газета «Икдам» (араб. мужество, настойчивость), первый номер которой вышел в свет в 1919 г., представляла «Молодых алжирцев» — движение, ставившее своей целью защиту политических и экономических интересов мусульман Северной Африки¹¹.

К отдельной категории источников следует отнести французские публицистические произведения и экспертные работы по проблемам ислама¹².

В рамках настоящей статьи термин «колониальный» используется автором в расширительной трактовке. Он употребляется в качестве определения политики французских властей на подчиненных территориях Северной Африки и Ближнего Востока, которые в 1920-е годы имели различный административно-правовой статус. Речь идет о трех французских департаментах на севере Алжира и Южных территориях во главе с генерал-губернатором, назначавшимся правительством по представлению министра внутренних дел; протекторатах Тунис и Марокко, управлявшихся МИД, и о подмандатных территориях в Сирии и Ливане, власть в которых осуществлялась верховным комиссаром. Подобная административно-правовая дифференциация нередко приводила к бюрократическим коллизиям и затрудняла реализацию французской политики в этих регионах¹³. Следует отметить, что для подконтрольных Парижу территорий в Северной Африке и на Ближнем Востоке нередко были характерны общие проблемы. В связи с этим их совокупное рассмотрение в данном исследовании представляется уместным.

Хронологические рамки статьи включают период с 1919–1920 гг. (внутренняя трансформация и расширение Французской колониальной империи по итогам Первой мировой войны) до начала мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. (оказавшего значительное влияние на политику официального Парижа на периферии). В рамках этого десятилетия уместно выделить три временных отрезка. Первый из них (1920–1922) был озаглавлен наибольшими опасениями французских властей перед угрозами в Северной Африке и на Ближнем Востоке, связанными с распространением идеологии панисламизма, а также с вызовами со стороны большевизма и кемализма. Важной тенденцией становится обострение колониального соперничества между Францией и другими европейскими державами (прежде всего Великобританией и Италией).

На период с 1923 по 1925 г. пришлось основные сложности, связанные с сохранением французского контроля над протекторатом Марокко и установлением режима мандатного правления в Сирии и Ливане (согласно решению Лиги Наций от 29 сентября 1923 г.). Как подчеркивал британский историк Мартин Томас, к концу лета 1925 г. «Франция, если говорить о контроле над ее мусульманской империей, переживала самый тяжелый период на

⁹ *Burke E. III. A Comparative View of French Native Policy in Morocco and Syria, 1912–1925 // Middle Eastern Studies. 1973. Vol. 9. № 2. P. 175–186.*

¹⁰ *Burke E. III. La mission scientifique au Maroc: science sociale et politique dans l'âge de l'impérialisme // Bulletin économique et social du Maroc. 1979. № 138–139. P. 37–56.*

¹¹ *Ageron Ch.-R. De l'Algérie française à l'Algérie algérienne: en 2 vols. Vol. 2. Paris, 2005. P. 325–354.*

¹² *Landrieux M. L'Islam. Les trompes l'oeil de l'Islam. La France, puissance musulmane. Paris, 1913; André P.J. L'Islam et les races: en 2 vols. Vol. 1. Paris, 1922; Baruch J. Notre Atlantide: France-Islam. Marseille, 1922.*

¹³ *Verginot O. Tindouf, point d'équivoque (1912–1934) // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. 1986. Vol. 41. № 1. P. 119–135.*

протяжении всего межвоенного времени. К продолжавшейся Рифской войне (конфликт Испании и Франции с берберским эмиратом Риф на территории Северного Марокко в 1921–1926 гг. — *И.М.*) добавилось восстание друзов в Сирии, грозившее дезинтеграцией левантйского мандата Франции»¹⁴.

Период с 1926 по 1929 г. был отмечен частичной стабилизацией французского колониального контроля. Масштабная выставка, прошедшая в 1931 г. в Венсене, на которой были представлены экономические и культурные достижения покоренных стран, нередко рассматривается в историографии в качестве своеобразного символа величия Французской колониальной империи, переживавшей пик своего могущества именно в эти годы¹⁵.

Очевидно, что «мусульманский дискурс» в Третьей республике в 1920-е годы формировался под определенным влиянием уже имевшегося к тому времени богатого опыта взаимодействия со странами Магриба (как известно, французское консульство на территории современного Алжира было открыто еще в XVI в., а договор 1536 г. между Францией и Османской империей «о мире, дружбе и торговле» нередко рассматривался противниками французского короля Франциска I как «предательство христианского мира»¹⁶). Этот опыт был связан, в частности, со сложившимися устойчивыми образами и стереотипами взаимного восприятия. Как отмечает Е.А. Прусская, «уже с начала XVIII в. европейцы проводили различия между мусульманами Магриба (арабского Запада) и Машрика (арабского Востока): первые воспринимались ими как народы, несомненно, более варварские. Египет и Сирия были более знакомы и понятны французам в силу давних торговых и политических связей с ними, а также наличия там значительной доли христианского населения»¹⁷.

Анализ официальных источников, характеризовавших «мусульманский дискурс» в 1920-е годы, позволяет выделить в нем три смысловых блока: «ислам» и «мусульманство» как компоненты общего ориенталистского контекста; «ислам» и «мусульманство» как факторы, усугублявшие угрозы интересам Третьей республики; «ислам» и «мусульманство» как «инструменты», используемые для достижения целей французской дипломатии и колониальной администрации. Остановимся подробнее на каждом из них.

В конце XIX — начале XX в. понятия «ислам» и «мусульманство» во Франции нередко были окружены ореолом экзотики, чего-то малоизвестного, ассоциирующегося с максимально широко и абстрактно понятым Востоком. В этом смысле они являлись частью ориенталистского дискурса. Историк и географ Анри Фруадево в 1922 г. полагал, что лишь выход в свет в 1896 г. монографии французского ориенталиста Леона Каюна «Введение в историю Азии» дал относительно широкому кругу читателей во Франции хотя бы базовое представление о роли ислама в человеческой истории. Данная мысль была высказана Фруадево в предисловии к работе «Ислам и расы» капитана Пьера Жана Андре, которая, по замыслу автора, должна была расширить знания французской публики о прошлом и настоящем самой молодой из мировых религий¹⁸.

Фруадево надеялся, что экзотический ореол ислама будет способствовать возрастанию к нему интереса. Однако во французском официальном дискурсе наблюдалась и другая тенденция, при которой подобная «экзотика» нередко ассоциировалась с чем-то опасным.

В рамках ориенталистского подхода к исламу также получила широкое распространение идея о том, что «мусульманские народы» склонны попадать под власть тех, кто лучше организован (как правило, имелись в виду европейские государства). В послании, отправленном в Париж 9 февраля 1920 г., верховный комиссар Франции в Константинополе Альбер-Жюль

¹⁴ *Thomas M.* Colonial States as Intelligence States: Security Policing and the Limits of Colonial Rule in France's Muslim Territories, 1920–40 // *The Journal of Strategic Studies*. 2005. Vol. 28. № 6. P. 1045.

¹⁵ *Hodeir C., Pierre M.* L'exposition coloniale de 1931. Paris, 2021.

¹⁶ *Swain J.W.* The Harper History of Civilization: in 2 vols. Vol. 1. London, 1958. P. 738.

¹⁷ *Прусская Е.А.* Тридцать лет спустя: опыт Египетского похода 1798–1801 гг. и французское вторжение в Алжир 1830 г. // *Французский ежегодник* 2017. Т. 50. Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2017. С. 98.

¹⁸ *André P.J.* Op. cit. P. VII.

Дефранс выразил опасения, что новыми претендентами на то, чтобы «управлять другими мусульманскими народами и государствами», являются лидеры младотурок, отличающиеся «организацией и дисциплиной» и использующие «немецкие методы»¹⁹.

В размышлениях колониальных администраторов, дипломатов и военных Третьей республики нередко присутствовал тезис о необходимости деликатного решения ряда вопросов, актуальных для мусульманского населения французских владений. Возможные волнения в Северной Африке и на Ближнем Востоке на почве недовольства политикой Парижа вызывали у них серьезные опасения. В мае 1922 г., призывая французское правительство сократить масштаб призыва на военную службу в североафриканских владениях, Лиоте подчеркивал, что «в нынешней ситуации, когда затрагивать вопросы, связанные с исламом, крайне болезненно», имеются риски «скомпрометировать результаты, которые были достигнуты (французской администрацией в Марокко. — *И.М.*) ранее и оказаться перед лицом самых серьезных угроз»²⁰.

Подобный дискурс фигурировал не только в размышлениях об опасности чрезмерного давления колониальной администрации на мусульманское население, но и при оценке рисков, связанных с возможным обострением межрелигиозных и межнациональных отношений на Ближнем Востоке. Такие опасения нашли отражение, в частности, в документах, в которых рассматривались последствия еврейской иммиграции в Палестину²¹. При этом следует отметить, что основным «покровителем» сионистского движения представители Третьей республики были склонны рассматривать Великобританию. В июне 1923 г. Лиоте информировал Париж о том, что, с его точки зрения, со стороны французской администрации в Марокко было бы неразумно способствовать созданию сионистских организаций на территории этой страны, поскольку «султан, махзен (глава местного правительства. — *И.М.*) и весь образованный класс мусульманского населения, на лояльности которого держится вся наша политика, достаточно негативно относятся к действиям сионистов»²². Интересно, что в рассматриваемый период в документах французской дипломатии в смысловой паре «ислам — сионизм» более негативную коннотацию, как это ни странно, имели оценки, связанные со вторым понятием²³.

Однако в ряде источников понятия «ислам» и «мусульманство» в контексте ориенталистского дискурса также рассматриваются в негативном ключе. В основном данная тенденция проявляется в трех аспектах. Во-первых, речь идет о распространенном представлении об отсталости исламской цивилизации, противопоставленной динамизму Запада; во-вторых, во многих документах встречается тезис о несовместимости «магометанства» и европейской культуры; в-третьих, получает популярность идея о том, что влияние мусульманской религии на жизнь исповедующих ее народов, может принимать крайние формы радикализма и фанатизма.

В 1922 г. капитан Андре признавал наличие в Третьей республике мнения о том, что «современный исламизм»²⁴ является религией стагнации и смерти»²⁵. Данное мнение встречалось в рассматриваемый период не только во франкоязычной, но и в англоязычной литературе. Так, на страницах британского журнала «Ближний Восток» можно было

¹⁹ Defrance à Millerand, 9 février 1920 // DDF. 1920. Т. 1. P. 143.

²⁰ Lyautey à Maginot, mai 1922 // AN. 470. AP. 82.

²¹ Millerand à Gouraud, 7 mai 1920 // DDF. 1920. Т. 1. P. 617; Briand à Saint-Aulaire, 19 mars 1921 // DDF. 1921. Т. 1. P. 347.

²² Note de Lyautey pour Monzie, s.d. [8 juin 1923] // DDF. 1923. Т. 2. P. 624.

²³ Gouraud à Paris, 6 mai 1920 // DDF. 1920. Т. 1. P. 617; Leygues à Doulcet, 16 décembre 1920 // DDF. Т. 3. P. 455.

²⁴ Как отмечала Е.А. Прусская, анализируя французские документы XVIII в., «исламизм» являлся термином, «распространенным в то время... наряду с «магометанством», для обозначения религии ислама», что применимо и в отношении цитируемых источников. См.: Прусская Е.А. Французская пресса в Египте о мусульманском Востоке (1798–1801) // Французский ежегодник 2012. Т. 44. 200 лет Отечественной войны 1812 года / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2012. С. 228.

²⁵ André P.J. Op. cit. P. 3.

увидеть следующее противопоставление: «Пока ислам погружался в стагнацию, в Европе бурно развивались торговля и промышленная революция. Благодаря своим способностям к организации, предприимчивости и алчности Запад сумел поставить Азию под свой контроль»²⁶. Капитан Андре оспаривал подобные суждения, считая, что «роль ислама в XX в. отнюдь не сыграна», а «мусульманский фактор» оказывал и будет продолжать оказывать серьезное влияние на страны и народы в различных частях света²⁷.

Такой дискурс весьма гармонично сочетался со стремлением сохранить привилегированное положение Франции в странах условного Востока и использовался как оправдание колониальной политики. 22 ноября 1922 г., инструктируя французскую делегацию на Лозаннской мирной конференции, председатель правительства и министр иностранных дел Раймон Пуанкаре подчеркивал необходимость добиться от Турции «специальных гарантий для иностранцев». Пуанкаре полагал, что «различия, существующие между европейской цивилизацией и мусульманской цивилизацией, являются достаточным основанием для таких требований»²⁸.

Радикальная интерпретация ориенталистских стереотипов нередко была характерна для представителей правого фланга политического спектра Третьей республики, в частности для деятелей религиозно-консервативного направления. Так, будущий епископ Дижона Морис Ландрё на страницах своей работы «Ислам. Иллюзия ислама. Франция как мусульманская держава», опубликованной в 1913 г., пропагандировал образ «догматической и систематической нетерпимости религии Магомета». По его утверждению, «чем больше арабы будут мусульманами, тем более фанатичными будут их действия»²⁹. Выражая недовольство антиклерикализмом властей Третьей республики в метрополии и фиксируя контраст между подобным положением дел и поддержкой французской администрацией ислама в колониях, Ландрё утверждал, что «вместо того, чтобы отстаивать идеи свободымыслия, Франция всего лишь сменила религию: поддержка, которую она когда-то оказывала католицизму, теперь оказывается исламу»³⁰. С точки зрения французского дипломата и публициста графа Шарля де Сент-Олера, принадлежавшего к консервативному лагерю, ислаимзм был «имманентен теократическим народам Северной Африки»³¹. Данный тезис, однако, сочетался в размышлениях Сент-Олера с мыслью о том, что «католицизм имманентен Испании». Это делало контраст между европейскими и «восточными» народами не столь разительным, как в произведении Ландрё.

Во многих случаях ориенталистские трактовки понятия «ислам» являлись расплывчатыми и не всегда подразумевали негативный «семантический ореол». Все же в оценках ислама представителями официальных французских властей присутствовали и более очевидно выраженные опасения. В дискурсе «ислам как угроза французским интересам» можно выделить три ключевые смысловые пары: «ислам — панисламизм»; «ислам — пантурсанизм (пантюркизм)»; «ислам — большевизм».

По мнению многих дипломатов и сотрудников разведывательных служб Франции (особенно в начале 1920-х годов), ислам являлся мощной объединяющей силой, способной консолидировать различные народы, в том числе в борьбе против западных колониальных держав. Официальные представители Третьей республики находили проявления «панисламизма» в различных уголках мира: в деятельности египетских националистов³², в амбициях короля Хиджаза, подпитываемых, как считали в Париже, Великобританией и направленных на присвоение статуса халифа мусульман³³; но прежде всего — во внешнеполитической

²⁶ F.H.S. The Expansion of Islam // Near East. 17.XI.1921. P. 627.

²⁷ André P.J. Op. cit. P. 3.

²⁸ Poincaré à Barrère et Bompard, 22 novembre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 521.

²⁹ Landrieux M. Op. cit. P. 64.

³⁰ Ibidem.

³¹ Saint-Aulaire à Leygues, 21 octobre 1920 // DDF. 1920. T. 3. P. 140.

³² Gaillard à Poincaré, 28 avril 1922 // DDF. 1922. T. 1. P. 539.

³³ Poincaré à Weygand, 19 mars 1924 // DDF. 1924. T. 1. P. 280.

активности Турции. Так, глава правительства и министр иностранных дел Жорж Лейг, выражая обеспокоенность по поводу ситуации в Закавказье в ноябре 1920 г., полагал, что Азербайджан является страной, открытой для проникновения «турецкого панисламизма»³⁴.

Вместе с тем суждения французских дипломатов по вопросу о том, как соотносятся панисламизм и национальные устремления отдельных народов, оставались достаточно размытыми. Иногда в рамках их оценок эти явления и понятия противопоставлялись друг другу, иногда предполагался своеобразный симбиоз между ними. Фруадево призывал не преувеличивать роль «исламского фактора» в консолидации народов Ближнего и Среднего Востока. По его мнению, Франция должна была использовать в своей колониальной политике межнациональные противоречия. В уже упомянутом произведении он отмечал: «Так будем же внимательно следить за тем, чтобы воспрепятствовать образованию турецкого или пантуранского блока; будем различать тех, кто получил ислам от туранов (touraniens), и тех, кто получил его от арабов, не позволяя им смешиваться друг с другом; не позволим осуществиться “тюркизации” нетурецких провинций»³⁵. Посланник Франции в Египте Анри Гайяр, напротив, исходил из того, что панисламизм и национальные движения в странах Востока могут сосуществовать. В донесении от 28 апреля 1922 г. в Париж он призывал «помнить, что панисламизм в его нынешней форме стимулирует образование отдельных и независимых мусульманских государств. Они могут быть соединены друг с другом федеративными связями, однако единственное назначение последних — совместная оборона против западных держав. Эту идею легко примирить с националистическими идеями, что дает о себе знать даже в христианских сообществах Сирии и Египта»³⁶.

Синтез антизападного национализма, ислама и большевизма в начале 1920-х годов рассматривался правительством Третьей республики как весьма серьезная угроза интересам Парижа. Инструктируя в сентябре 1920 г. верховного комиссара Франции на Кавказе Даниеля Абея Шевалли, глава правительства и министр иностранных дел А. Мильеран подчеркнул: «Новые государства Кавказа находятся перед лицом угроз в лице русского большевизма и турецкого национализма. Эти силы особенно опасны в регионе ввиду того, что они, как может показаться, отвечают национальным и религиозным чувствам. Таким образом, Армения, друг Антанты, стоит перед угрозой большевизма, а Азербайджан — панисламизма»³⁷.

Следует отметить, что политика советской власти, направленная на стимулирование развития национальных культур и государственности в мусульманских регионах РСФСР, вызывала смешанные впечатления как у французских чиновников, так и у исследователей. Об этом свидетельствует, например, работа «Большевизм и ислам» востоковеда Жозефа-Антуана Кастанье³⁸, опубликованная на страницах журнала *Revue du monde musulman* в октябре 1922 г. (вышедшая также отдельной брошюрой). Можно выделить два ключевых аспекта авторского восприятия советской политики в мусульманских регионах: во-первых, удивление и интерес в отношении достигнутых успехов в сферах образования и культуры; во-вторых, опасение, что эти успехи будут использованы Москвой в целях поддержки антиколониальной борьбы в странах Азии и Африки. Так, например, Коммунистический университет трудящихся Востока, основанный в столице РСФСР в 1921 г., был охарактеризован Кастанье не «как интеллектуальный центр и место осуществления научных исследований в традициях европейских университетов, а как оплот пропаганды, которая распространяется на все вопросы, связанные с бытовой жизнью народов Востока»³⁹.

³⁴ Leygues à Chevalley, 4 novembre 1920 // DDF. 1920. Т. 3. Р. 232.

³⁵ André P.J. Op. cit. P. XIX–XX.

³⁶ Gaillard à Poincaré, 28 avril 1922 // DDF. 1922. Т. 1. Р. 541.

³⁷ Millerand à Chevalley, 20 septembre 1920 // DDF. 1920. Т. 2. Р. 646.

³⁸ Удербаяева С.К., Сагатов А.М., Какимжанов Е.Х. Сакральная география Центральной Азии в трудах Жозефа-Антуана Кастанье // Былые годы. 2022. Т. 17. № 2. С. 789–799.

³⁹ Castagné J. Le Bolchevisme et l'Islam // *Revue du monde musulman*. 1922. Т. 51. Р. 46–47; Avant-propos // Ibid. 1922. Т. 51. Р. VII–X.

В наиболее негативных оценках событий, имевших место на Ближнем Востоке и в Северной Африке в начале 1920-х годов, почти все вышеуказанные понятия (ислам, арабский национализм, пантюркизм, большевизм) сливались в единый образ экзистенциальной опасности. Так, в докладе резидентуры Разведывательной службы Франции в Бейруте от 25 сентября 1921 г. угрозы, связанные с сирийским национализмом, шерифским монархизмом, протестами населения в Сирии и Ливане на экономической почве и восстаниями берберских племен, вкупе с отрицанием западных ценностей, якобы укорененным в исламе, создавали устрашающую картину «священной войны» против французского господства, развязанную при поддержке кемалистов, немцев и англичан⁴⁰. Подтверждением того, что ситуация, сложившаяся в колониальных владениях Третьей республики, оценивалась как крайне нестабильная, могли послужить опасения, которые озвучивал командующий Восточно-Средиземноморской эскадрой ВМФ Франции вице-адмирал Фердинанд Жан-Жак де Бон. В донесении от 16 декабря 1920 г. он сообщал в Париж о некоем «большевистском следе» в Алеппо и серьезном резонансе, который вызвала на мусульманском Востоке «поддержка, оказанная Советами всем угнетенным народам, в особенности — туркам»⁴¹.

Вместе с тем во многих официальных документах Третьей республики, относящихся к рассматриваемому периоду, происходившие в исламском мире процессы расценивались как более сложные и многоаспектные. При этом некоторые отмеченные в них тенденции не коррелировали с тезисами о частичной или всеобщей угрозе Французской колониальной империи, приведенными выше. В ноябре 1920 г., осуществив поездку в Константинополь, французский сенатор Анри Франклен-Буйон, считавшийся экспертом по Турции, писал о возросшем в этой стране (ввиду «прибытия золота и офицеров из России») «большевистском влиянии». В то же время он отмечал, что советская идеология вызывает «естественное отторжение в некоторых мусульманских кругах»⁴². В донесении от 13 ноября 1922 г. французский представитель в Марракеше генерал Альбер Доган усматривал в решении Мустафы Кемала о ликвидации в Турции султаната «большевистский маневр, направленный на реализацию бессмертного идеала русского народа, а именно желания изгнать полумесяц из Константинополя и контролировать Проливы». Доган надеялся, что осуществленное кемалистами разделение светской и духовной власти не будет одобрено «настоящими мусульманами», особенно если они осознают, что «Франция, друг ислама, не поддерживает этот шаг»⁴³.

В целом в период после 1922 г. во французском официальном дискурсе прослеживалась определенная тенденция отхода от обобщенного понимания «ислама» и «мусульманства» и увязки этих терминов с панислализмом, большевизмом и кемализмом. Используемый при рассмотрении данной тематики чиновниками Третьей республики категориальный аппарат становился более вариативным. При оценке ситуации в странах исламского мира акценты нередко смещались с религиозного на национальный фактор. Это отражало некоторые изменения в восприятии масштаба угроз, якобы исходивших со стороны ислама, представителями французского политического истеблишмента (хотя в 1924–1925 гг. Париж столкнулся с более серьезными вызовами в колониях, нежели в предшествующий период). В марте 1924 г., в условиях осуществления Мустафой Кемалем реформ, направленных на упразднение халифата, Пуанкаре дал весьма прагматичную оценку происходившим событиям и роли в них «исламского фактора». С его точки зрения, такие масштабные проекты, как пантюркизм, панарабизм и панисламизм не привели к конкретным результатам и потеряли былую силу. Премьер-министр Франции, в частности, отмечал: «Исламский мир подвергся глубокой секуляризации, а каждое мусульманское государство стремится строить свою собственную судьбу, не испытывая надежд по поводу универсальной теократии. Отныне

⁴⁰ Thomas M. French Intelligence-Gathering in the Syrian Mandate, 1920–40 // Middle Eastern Studies. 2002. Vol. 38. № 1. P. 9.

⁴¹ De Bon à Landry, 16 décembre 1920 // DDF. 1920. T. 3. P. 523.

⁴² Peretti della Rocca à P. Cambon, 26 novembre 1920 // DDF. 1920. T. 3. P. 341–342.

⁴³ Daugan à Lyautey, 13 novembre 1922 // AN. 470. AP. 82.

не получится “провозгласить” единого “Папу” для всех мусульман, и каждая страна желает иметь собственную духовную власть. Подобная эволюция отвечает нашим интересам»⁴⁴.

Представление о том, какое место занимал ислам в официальном и экспертном дискурсе Третьей республики после 1924 г., дают материалы, изданные по итогам встреч «Ислам и современная политика», организованных Обществом выпускников Свободной школы политических наук в Париже 17 января, 11, 18, 25 февраля и 4 марта 1927 г. В этих мероприятиях принимали участие как крупные эксперты (арабисты Морис Годфруа-Демонбин и Луи Массиньон, синолог Марсель Гране и др.), так и государственные деятели, военные и дипломаты (Юбер Лиоте, Максим Вейган, Жюль Камбон и др.). Анализ их выступлений позволяет сделать вывод, что, в отличие от ситуации начала 1920-х годов, в рассматриваемый период идеи о взаимосвязи ислама и большевизма и об угрозе панисламизма отнюдь не пользовались популярностью ни среди представителей французской военно-политической элиты, ни в исследовательском сообществе. Лиоте считал, что не следует преувеличивать степень единства мусульманского мира, а также его укорененность в традиции. В своем выступлении он, в частности, указывал на способность ислама адаптироваться к современным реалиям. Камбон полагал, что «магометанство», являясь важным мобилизующим фактором в период Первой мировой войны, в 1920-е годы по силе своего воздействия уступило место национализму. Именно выстраивая отношения с национальными движениями, Париж, как утверждал дипломат, и должен отстаивать собственные интересы в арабском мире⁴⁵. Один из рецензентов сборника, опубликованного по итогам этих встреч, соглашался с базовыми тезисами Лиоте и Камбона. С его точки зрения, вопрос о влиянии ислама на современную политику утратил былую актуальность, а панисламизм как фактор международных отношений уступил место крупным националистическим проектам, таким как пантуранизм, ассоциировавшийся прежде всего с политикой М. Кемаля, в рамках которой в 1924 г. был ликвидирован халифат (как отмечалось выше, Пуанкаре вряд ли согласился бы с подобным утверждением)⁴⁶.

Тезис об «исламе» как о специфическом «инструменте», призванном обеспечить интересы Парижа в странах условного Востока, можно считать третьим основным компонентом «мусульманского дискурса» французских властей в 1920-е годы. В распространенном в этот период нарративе о Третьей республике как о государстве — покровителе мусульман и даже «мусульманской державе» можно выделить несколько ключевых элементов.

Лояльность мусульман — выходцев с подконтрольных Франции территорий, продемонстрированная в годы Первой мировой войны, имела не только очевидное практическое значение для Парижа в 1914–1918 гг., но и отразилась на официальном отношении к исламу в послевоенный период. Подчеркивание этой лояльности стало важной частью официального дискурса властей Третьей республики; последний был проникнут идеями об огромном значении одержанной победы и о проявленном в годы войны морально-политическом единстве Французской колониальной империи. В ноябре 1922 г., в период кемалистских реформ в Турции, Р. Пуанкаре выступал против резких шагов со стороны французской колониальной администрации, в том числе против обсуждавшейся в политических кругах Третьей республики идеи провозглашения халифом мусульман тунисского бея. Он призывал не отказываться от «полностью нейтральной и отстраненной позиции» по религиозным вопросам, «которая постоянно приносила нам столько успехов в исламском мире и являлась одной из причин их (мусульман. — И.М.) лояльного отношения даже тогда, когда мы отправляли их сражаться против собственных единоверцев»⁴⁷.

⁴⁴ Poincaré à Weygand, 19 mars 1924 // DDF. 1924. T. 1. P. 280.

⁴⁵ *Lyautéy H. et al.* L'Islam et la politique contemporaine: Conférences organisées par la Société des anciens élèves et élèves de l'Ecole libre des sciences politiques. Paris, 1927.

⁴⁶ *C.H.J.A. de.* [Review] L'Islam et la politique contemporaine // Sudan Notes and Records. 1928. Vol. 11. P. 239.

⁴⁷ Poincaré à Saint, 27 novembre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 544.

Дискурс лояльности метрополии со сторон мусульман, проживавших на подконтрольных Франции территориях, как правило, носил патерналистский характер. Нередко он служил средством символического воспроизводства иерархии в отношениях Франции-покровительницы и ее «подданных» — мусульман. Так, на страницах газеты «Икдам» в позитивном ключе цитировалось заявление президента Мильерана, сделанное им во время визита в Тунис в мае 1922 г. в традиционном для французского официального дискурса духе: «Франция все время поддерживала с мусульманским миром такие контакты, которые позволяли ей особым образом понимать ислам, а также испытывать очень сильные симпатии к своим верным подданным (sujets) и к их добродетелям»⁴⁸. Хотя это редко озвучивалось напрямую в официальных источниках и в прессе, лояльность метрополии рассматривалась в качестве одной из важнейших подобных «добродетелей».

Более того, в 1920-е годы среди дипломатов и представителей колониальных властей был распространен взгляд на ислам как на специфический фактор «мягкой силы» во внешней политике Третьей республики. 1 июня 1920 г., инструктируя консула в Джидде Леона Краевского, Мильеран подчеркнул, что одна из ключевых обязанностей дипломата — оказывать всяческое содействие мусульманам из Франции и подконтрольных ей территорий при осуществлении паломничества к святым местам ислама: «Вы должны приложить все усилия, дабы укрепить в них чувства лояльности и признательности Франции. Эти чувства являются еще более важными ввиду того, что во время... паломничества люди контактируют со своими единоверцами со всего мира; их чувства могут иметь самые серьезные и глубокие последствия для отношения всего мусульманского мира к нашей стране»⁴⁹.

В ноябре 1922 г., анализируя одну из важнейших кемалистских реформ — разделение светской и духовной власти, французский советник при султанах Марокко Рауль Марк рассматривал этот шаг турецких властей как «результат влияния большевиков». Вместе с тем он рассчитывал на то, что марокканские мусульмане негативно воспримут ликвидацию османского султаната, и Франция будет продолжать опираться на силы традиционного ислама в протекторате⁵⁰. Некоторые политические деятели мусульманского мира, заинтересованные во французской поддержке, были готовы подыгрывать подобным ожиданиям Парижа. Так, в октябре 1920 г. во время одного из визитов в МИД Франции бывший председатель парламента Азербайджанской Демократической Республики Али Мардан-бек Топчибаши (Топчибашев) заверял своих собеседников в целесообразности отправки на его родину миссии «французских военных-мусульман»: «Население, которое уже относится к Франции с очень большой приязнью, поскольку видит ее моральную поддержку в борьбе против большевизма, будет воодушевлено». Топчибаши подчеркивал, что азербайджанцы станут испытывать еще больше симпатий к Третьей республике, если они увидят, «как их единоверцы приедут и покажут, насколько тепло Франция относится к мусульманам»⁵¹.

Проанализировав основные элементы «мусульманского дискурса» во Франции в 1920-е годы и особенности использования в нем таких понятий, как «ислам» и «мусульманство», можно констатировать, что этот дискурс отличался разнородностью и противоречивостью. В его рамках ориенталистские идеи об отсталости «исламской цивилизации», о ее несовместимости с Западом сочетались с тезисом о возможности их мирного и плодотворного сосуществования, особенно в тех случаях, когда французские власти не имели достаточно ресурсов для прямого навязывания зависимым территориям собственной воли. Один из небезынтересных примеров — урбанистическая политика Лиоте в Рабате. Для нее были характерны попытки соединить уже сложившуюся архитектуру марокканского города с новыми кварталами, зданиями и инфраструктурой, создаваемыми по французским образцам. Выступая в 1931 г. на Международной конференции по колониальному урбанизму,

⁴⁸ Hammoud K. Pierre Loti et l'Islam // L'Ikdam. 5.V.1922.

⁴⁹ Millerand à Krajewski, 1 juin 1920 // DDF. 1920. T. 2. P. 81.

⁵⁰ Marc à Lyautey, 10 novembre 1922 // AN. 470. AP. 82.

⁵¹ Note de Laroche pour Berthelot, 14 octobre 1920 // DDF. 1920. T. 3. P. 97–98.

французский архитектор Анри Прос, автор генерального плана Рабата (1914), отзывался о целях администрации Лиоте в апологетическом духе. С его точки зрения, выбранная маршалом урбанистическая политика была обусловлена как различием культурных традиций европейцев и мусульман, так и тем обстоятельством, что французский протекторат в Марокко был призван воплотить синтез этих двух традиций, при котором они взаимодополняли бы друг друга⁵².

Как отмечалось выше, в 1920-е годы образ «мусульманства» как потенциальной угрозы интересам Франции сосуществовал в рамках официального дискурса с представлением о возможности заручиться поддержкой в исламском мире и использовать ее в качестве инструмента «мягкой силы». В записке от 20 января 1922 г., адресованной Мильерану, Лиоте подчеркивал, что «в будущем мы сможем использовать весь исламский мир (подчеркнуто в оригинале. — И.М.) — неопенимую моральную силу, человеческий резервуар, который, пусть и не представляет собой совокупности организованных и вооруженных государств, доказал тем, что произошло в Анкаре⁵³, на какие ответные действия он способен»⁵⁴.

Следует отметить, что «мусульманскому дискурсу» во Франции в 1920-е годы была присуща не только вариативность, но и внутренняя противоречивость. Использование его различных элементов официальными властями нередко было обусловлено их ситуативными интересами. Кроме того, в ряде случаев эти элементы плохо коррелировали друг с другом. Например, апологетика лояльности «подданных»-мусульман в годы Первой мировой войны сосуществовала со стремлением ограничить получение ими «плодов» подобной лояльности. Так, в 1922 г. офицер в отставке и военный переводчик Жюль Барух⁵⁵ не скрывал своих позитивных эмоций в связи с тем, что возможностью получения французского гражданства воспользовалось небольшое количество алжирцев. Он полагал, что республиканские принципы и верность исламу с трудом совместимы. В произведении «Наша Атлантида: Франция — ислам» он, в частности, отмечал: «Гражданские и религиозные законы ислама неразрывно связаны, и мусульманин не может сменить гражданство (nationalité), не отказавшись от религии. И дело обстоит именно так, поскольку в период с начала нашей оккупации, т.е. на протяжении 92 лет, из 5,5 млн алжирцев натурализовались лишь 1700 человек. Последние к тому же рассматриваются их единоверцами как отступники». Барух напрямую увязывал вклад североафриканцев в военные победы Франции на фронтах Первой мировой войны с принятием 4 февраля 1919 г. так называемого закона Жоннара, который давал возможность получения французского гражданства алжирцам, отслужившим в вооруженных силах Третьей республики. Если Барух и был готов признать позитивные аспекты нового законодательства, а также его «компенсационный характер» (призыв в Алжире был осуществлен вопреки условиям франко-алжирской конвенции, подписанной 5 июля 1830 г.), в его оценках все же доминировали опасения, связанные с тем, что реформы, по его мнению, «способствовали развитию в мусульманских кругах амбиций, выражающихся в формах, похожих на большевизм». Мусульманские религиозные общины (джамааты), легализованные французскими властями еще в 1863 г., он сравнивал с советами в РСФСР, утверждая, что они «провоцируют среди населения недовольство, ответственность за которое падает на нас»⁵⁶.

Подводя итоги, можно констатировать, что «семантический ореол» понятий «ислам» и «мусульманство» во французском официальном дискурсе в 1920-е годы не был однородным. Он заключал в себе характерные для ориентализма идеи превосходства Запада, отсталости «исламской цивилизации» и ее несовместимости с европейскими социально-политическими

⁵² Rabinow P. French Modern: Norms and Forms of the Social Environment. Chicago, 1989. P. 301.

⁵³ По всей видимости, Лиоте имел в виду не какое-то конкретное событие, а сам факт кемалистских реформ, а также победы, одержанные турецкой армией в войне против Греции (1919–1922).

⁵⁴ Note de Lyautey, 20 janvier 1922 // AN. 470. AP. 82.

⁵⁵ Séance du 11 avril // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1924. Vol. 68. № 2. P. 148.

⁵⁶ Baruch J. Op. cit. P. 138–139.

институтами и представление об исламе как о потенциальной угрозе, особенно в тех случаях, когда он принимал форму панисламизма и/или «вступал в синергию» с такими общественно-политическими движениями, как пантюркизм или большевизм. Вместе с тем понятия «ислам» и «мусульманство» нередко имели положительные смысловые коннотации и рассматривались в контексте лояльности «подданных»-мусульман властям Третьей республики и реализации политики «мягкой силы» в колониях.

В зависимости от текущих интересов официального Парижа и колониальных администраций на местах, которые нередко были обусловлены общей международной обстановкой, сменой власти в Третьей республике и политической позиции конкретных государственных деятелей, символической мобилизации подлежали различные элементы «мусульманского дискурса». Данный дискурс представлял особую политическую актуальность. При этом он не являлся герметичным и не имел самодовлеющего значения: французские чиновники, эксперты и публицисты вполне могли подстраивать его под текущие потребности.

Библиография / References

Гончарова Т.Н. История французского колониализма: Актуальные проблемы изучения: в 2-х ч. Ч. 1. История колониальных империй Франции. СПб., 2013.

Дьяков Н.Н. Ислам в колониальной политике Франции: от истоков — до Пятой Республики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015901-0-1/> (дата обращения: 06.05.2024). DOI: 10.18254/S207987840015901-0

Прусская Е.А. Ислам во Французской революции. О книге Йана Коллера // Французский ежегодник 2022. Т. 55. Французы за пределами Франции / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2022. С. 400–408.

Прусская Е.А. Тридцать лет спустя: опыт Египетского похода 1798–1801 гг. и французское вторжение в Алжир 1830 г. // Французский ежегодник 2017. Т. 50. Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2017. С. 94–112.

Прусская Е.А. Французская пресса в Египте о мусульманском Востоке (1798–1801) // Французский ежегодник 2012. Т. 44. 200 лет Отечественной войны 1812 года / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2012. С. 223–251.

Удербоева С.К., Сагатов А.М., Какимжанов Е.Х. Сакральная география Центральной Азии в трудах Жозефа-Антуана Кастанье // Былые годы. 2022. Т. 17. № 2. С. 789–799.

Черкасов П.П. Судьба империи. Очерки колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983.

Cherkasov P.P. Sud'ba imperii. Ocherki kolonial'noi ekspansii Frantsii v XVI–XX vv. [The Fate of the Empire. Essays on the Colonial Expansion of France in the 16th–20th Centuries]. Moskva, 1983. (In Russ.)

D'iakov N.N. Islam v kolonial'noi politike Frantsii: ot istokov — do Piatoi Respubliki [Islam in the Colonial Policy of France: from the Origins to the Fifth Republic] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2021. T. 12. № 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015901-0-1/> (access date: 06.05.2024). DOI: 10.18254/S207987840015901-0 (In Russ.)

Goncharova T.N. Istoriia frantsuzskogo kolonializma: Aktual'nye problemy izucheniia [History of French colonialism. Topical Aspects of Research]: v 2-kh ch. Ch. 1. Istoriia kolonial'nykh imperii Frantsii. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)

Prusskaia E.A. Frantsuzskaia pressa v Egipte o musul'manskom Vostoke (1798–1801) [The French Press in Egypt About the Muslim Orient (1798–1801)] // Frantsuzskii ezhegodnik 2012. T. 44. 200 let Otechestvennoi voyny 1812 goda [Annual of French Studies 2012. T. 44. Bicentenary of the Patriotic War in 1812] / gl. red. A.V. Chudinov. Moskva, 2012. S. 223–251. (In Russ.)

Prusskaia E.A. Islam vo Frantsuzskoi revoliutsii. O knige Iana Kollera [Islam in the French Revolution. On the Book of Ian Collier] // Frantsuzskii ezhegodnik 2022. T. 55. Frantsuzy za predelami Frantsii [Annual of French Studies 2022. T. 55. The French outside of France]. Moskva, 2022. S. 400–408. (In Russ.)

Prusskaia E.A. Tridsat' let spustia: opyt Egipetskogo pokhoda 1798–1801 gg. i frantsuzskoe vtorzhenie v Alzhir 1830 g. [Thirty Years Later: Experience of the French expedition to Egypt (1798–1801) and invasion to Algeria in 1830] // Frantsuzskii ezhegodnik 2017. T. 50. Frantsiia i Sredizemnomor'e v Novoe i Noveishee vremia [Annual of French Studies 2017. T. 50. France and the Mediterranean in Modern and Contemporary Times (2017)]. Moskva, 2017. S. 94–112. (In Russ.)

Uderbbaeva S.K., Sagatov A.M., Kakimzhanov E.Kh. Sakral'naia geografiia Tsentral'noi Azii v trudakh Zhosefa-Antuana Kastan'e [The Sacred Geography of Central Asia in the Works of Joseph-Antoine Castagné] // Bylye gody [The Past Years]. 2022. T. 17. № 2. S. 789–799. (In Russ.)

Ageron Ch.-R. Genèse de l'Algérie algérienne. De l'Algérie française à l'Algérie algérienne: en 2 vols. Vol. 2. Paris, 2005.

- André P.J.* L'Islam et les races: en 2 vols. Vol. 1. Paris, 1922.
- Baruch J.* Notre Atlantide: France-Islam. Marseille, 1922.
- Blanchard P.* Culture coloniale. La France conquise par son empire, 1871–1931. Paris, 2002.
- Burke III.E.* A Comparative View of French Native Policy in Morocco and Syria, 1912–1925 // Middle Eastern Studies. 1973. Vol. 9. № 2. P. 175–186.
- Burke III.E.* La mission scientifique au Maroc: science sociale et politique dans l'âge de l'impérialisme // Bulletin économique et social du Maroc. 1979. № 138–139. P. 37–56.
- C.H.J.A. de.* [Review] L'Islam et la politique contemporaine // Sudan Notes and Records. 1928. Vol. 11. P. 236–239.
- Conklin A.L.* A Mission to Civilize. The Republican Idea of Empire in France and West Africa, 1895–1930. Stanford, 1997.
- Girardet R.* L'idée coloniale en France de 1871 à 1962. Paris, 1972.
- Grimal H.* La décolonisation de 1919 à nos jours. Bruxelles, 1985.
- Histoire globale de la France coloniale / dir. de N. Bancel et al. Paris, 2022.
- Hodeir C., Pierre M.* L'exposition coloniale de 1931. Paris, 2021.
- Khoury Ph.S.* Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton, 1987.
- Landrieux M.* L'Islam. Les trompe l'oeil de l'Islam. La France, puissance musulmane. Paris, 1913.
- Lyautey H. et al.* L'Islam et la politique contemporaine: Conférences organisées par la Société des anciens élèves et élèves de l'Ecole libre des sciences politiques. Paris, 1927.
- Présences et images franco-marocaines au temps du protectorat / dir. de J.-C. Allain. Paris, 2003.
- Rabinow P.* French Modern: Norms and Forms of the Social Environment. Chicago, 1989.
- Swain J.W.* The Harper History of Civilization: in 2 vols. Vol. 1. London, 1958.
- Thomas M.* Colonial States as Intelligence States: Security Policing and the Limits of Colonial Rule in France's Muslim Territories, 1920–40 // The Journal of Strategic Studies. 2005. Vol. 28. № 6. P. 1033–1060.
- Thomas M.* Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley, 2007.
- Thomas M.* French Intelligence-Gathering in the Syrian Mandate, 1920–40 // Middle Eastern Studies. 2002. Vol. 38. № 1. P. 1–32.
- Verginot O.* Tindouf, point d'équivoque (1912–1934) // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. 1986. Vol. 41. № 1. P. 119–135.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ КОМАНДИРОВКИ УЧЕНЫХ В ГЕРМАНИЮ В 1920-е годы КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Ганин Максим Алексеевич — старший научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия); ассистент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: maxim-ganin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3190-3491; Researcher ID: HTQ-3832-2023

Исследование осуществлено в рамках проекта «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)» при поддержке гранта РНФ № 20-78-10095-П.

Аннотация. Значительную роль в восстановлении и последующем развитии научно-технического сотрудничества России с зарубежными странами после разрыва контактов в этой сфере, связанного с событиями Первой мировой войны, революций 1917 г. и Гражданской войны, сыграли заграничные командировки отечественных специалистов в 1920-е годы. В представленной вниманию читателя работе поездки ленинградских ученых в Германию в этот период рассматриваются как одно из направлений реализации «механизма технологического трансфера», что определяет актуальность данного исследования. Международное сотрудничество в научно-технической сфере изучается в ней на уровне локальных сообществ. Это позволяет восполнить имеющуюся лакуну в современной историографии, так как в большинстве публикаций, посвященных данной тематике, различные аспекты подобного сотрудничества рассматриваются или в общесоюзном масштабе, или на уровне отдельно взятой организации или персоналии. Основная цель исследования — определить степень влияния установленных в 1920-е годы контактов ленинградских деятелей науки с немецкими специалистами на процесс модернизации промышленного комплекса Северной столицы. Ключевыми задачами автора являются: проанализировать основные направления сотрудничества ученых из города на Неве с институтами, академическими центрами и лабораториями Германии в изучаемый период; рассмотреть конкретные сюжеты, связанные с командировками научно-технических кадров из Петрограда/Ленинграда в Германию периода Веймарской республики; провести классификацию этих командировок в зависимости от целей, которые были поставлены перед направляемыми в Германию специалистами; выявить их закономерности, специфику и результаты. Статья основывается на ранее не публиковавшихся материалах фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Детальный анализ этих документов позволяет прийти к выводу, что активное участие петроградских/ленинградских ученых в заграничных командировках способствовало ускоренному развитию ряда отраслей советской промышленности (дизелестроение, турбо- и гидротурбостроение, химическая переработка торфа и сланцев и т.д.), а также позволило сформировать техническую базу и кадровый потенциал научных учреждений и предприятий города. Этот уникальный опыт может представлять интерес и на современном этапе развития нашей страны.

Ключевые слова: научное сотрудничество, научно-техническое сотрудничество, трансфер технологий, СССР, Германия, научные кадры, Ленинград, промышленное развитие.

М.А. Ganin

Scientific and Technical Business Trips of Scientists to Germany in the 1920s as One of the Factors in the Development of the Leningrad Industrial Complex

Maksim Ganin, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia); Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: maxim-ganin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3190-3491; Researcher ID: HTQ-3832-2023

The research was carried out within the framework of the project “Soviet Science as an Industry: Personnel, Infrastructure, Organizational and Management Practices (1920–1970s)” with the support of the RSF grant № 20-78-10095-P.

Abstract. In the article, the author examines Leningrad scientists' business trips to Germany in the 1920s as one of the directions of technology transfer mechanism implementation. The relevance of the study lies in the fact that the example of Leningrad shows the substance of this line of transfer, as well as a general assessment of its effectiveness. Thus, the historical memory of a unique experience is restored, which may be of interest at the present stage of Russia's development. The study focuses on the problems of scientific and technical international cooperation with local scientific communities. This fills a gap in historical scholarship, as the specifics of such cooperation are considered mainly either at a community level or at the level of an individual organisation or individual. The main goal of the study is to determine the extent to which the contacts between Leningrad scientists and German specialists, established in the 1920s, influenced the modernisation of the Leningrad industrial complex. Research objectives are: to analyse the main cooperation directions between Leningrad scientists and German institutes, scientific centres, and laboratories in the period under consideration; to classify business trips, to identify general patterns, and to analyse the specific features of different types of business trips and their results. The article draws on a broad source base that includes previously unpublished archive documentation of the Russian State Academy of Economics, Central State Archive of St. Petersburg, and the Central State Academy of Technical Sciences of St. Petersburg. In the course of the study, drawing on specific cases, it was demonstrated that the active involvement of scientific personnel in Petrograd/Leningrad contributed to the accelerated development of a number of Soviet industries, such as diesel engineering, turbo and hydraulic turbine engineering, chemical processing of peat and shale, etc., made it possible to form the necessary technical base, as well as develop the human resources of scientific institutions and enterprises of the city.

Keywords: scientific cooperation, scientific-technical cooperation, technology transfer, USSR, Germany, scientific personnel, Leningrad, industrial development.

Отечественные ученые всегда поддерживали тесные связи со своими коллегами за границей. Уже во второй половине XIX в. практика командировок в европейские страны стала неотъемлемой составляющей карьеры исследователя¹. «Важной частью жизни ученых в дореволюционной России были зарубежные поездки для установления и поддержания контактов с местными исследовательскими центрами, работы в иностранных архивах, библиотеках, лабораториях и музеях, выступлений с лекциями и докладами и т.д.

¹ Гафаров А.А., Гафаров А.А. Практика европейских научных командировок в Российской империи во второй половине XIX века: проблема идеологической амбивалентности // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2021. Т. 41. № 2. С. 24.

Стажировки в европейских университетах считались едва ли не обязательным условием для подготовки научных кадров»².

Первая мировая война, а также революционные события 1917 г. привели к разрыву связей между российским и зарубежными научными сообществами. Данное обстоятельство было крайне болезненно воспринято отечественными учеными. Так, руководители Российской академии наук в своем письме от 7 марта 1919 г. отмечали, что «российская наука испытывает чрезвычайные трудности в своей работе из-за того, что с 1914 г. разорваны связи с западной наукой»³. Исследовательские институты стали обращаться с просьбами об организации зарубежных поездок в Главное управление научных, научно-художественных и музейных учреждений (Главнаука)⁴.

Вскоре после окончания Гражданской войны были предприняты первые шаги к восстановлению сотрудничества с западными странами в сфере науки. В 1921 г. в составе Народного комиссариата просвещения (НКП) была создана Комиссия по заграничным командировкам. Основной задачей этого ведомства являлось рассмотрение заявлений научных учреждений и специалистов с просьбами об организации выезда за рубеж в исследовательских целях⁵. К 1923 г. была упорядочена процедура получения разрешений на заграничные научные поездки и выработаны единые формы отчетности для командированных⁶.

В рамках настоящей статьи зарубежные командировки ученых из Северной столицы в Германию в 1920-х — начале 1930-х годов рассматриваются как одно из направлений международного научного сотрудничества. Основная цель исследования — определить степень влияния установленных в указанный период контактов ленинградских деятелей науки с немецкими специалистами на процесс модернизации промышленного комплекса города на Неве. В задачи автора входит анализ основных направлений сотрудничества ученых из Петрограда/Ленинграда с институтами, исследовательскими центрами и лабораториями Германии; рассмотрение конкретных сюжетов, связанных с командировками научно-технических кадров из Северной столицы в Веймарскую республику; классификация этих командировок в зависимости от целей, которые были поставлены перед направляемыми в Германию специалистами; выявление их общих закономерностей, специфики и результатов.

При работе над темой исследования использовался метод case-study, позволяющий на конкретных примерах рассмотреть основные аспекты сотрудничества ученых из города на Неве с их коллегами из Германии, цель которого заключалась в развитии ленинградского промышленного комплекса.

История отечественной науки 1920–1930-х годов является предметом изучения многих современных исследователей. В этой связи можно отметить работы Е.А. Долговой, О.В. Метель, В.Ю. Волошиной, В.П. Корзун, Р.А. Фандо и других авторов⁷. Непосредственно вопросам международного научного сотрудничества и заграничным командировкам советских

² Груздинская В.С. «Научная работа жива научным общением ученых», или зачем советские ученые ездили за границу в 1920–1930-е гг.? (проблемы и перспективы изучения) // Вестник Омского университета. Серия: «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 1 (37). С. 82.

³ Цит. по: Синельникова Е.Ф. Международная деятельность научных обществ в 1920-е гг. // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 162.

⁴ Там же.

⁵ Андреев М.А. К вопросу об организации и деятельности Комиссии по заграничным командировкам Народного комиссариата по просвещению РСФСР (1921–1923 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 108.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.) / отв. ред. В.Ю. Волошина, В.П. Корзун. Омск, 2020; Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., 2020; Метель О.В. Академическая наука в СССР в 1920–1950-е гг.: трансформация региональной инфраструктуры // Люди империи — империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России / отв. ред. Н.Г. Суворова. Омск, 2021. С. 73–81; Фандо Р.А. Советско-французские научные связи (1920–1930-е гг.). М., 2023.

специалистов в указанный период посвящены статьи Е.Ф. Синельниковой, Б.Б. Дьякова, В.С. Груздинской и ряда других исследователей⁸.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что вопросы, связанные с контактами отечественных ученых с их зарубежными коллегами в 1920–1930-е годы, в современной историографии рассматриваются преимущественно или в общесоюзном масштабе, или на уровне отдельно взятой организации или персоналии. При этом работы, посвященные проблематике международного сотрудничества локальных научных сообществ в этот период, представлены в значительно меньшей степени. Среди последних следует особо отметить статьи и монографии Е.Ф. Синельниковой⁹, в которых, в частности, рассматриваются связи ленинградских ученых с зарубежными университетскими центрами. Вместе с тем работы Е.Ф. Синельниковой посвящены преимущественно истории академической науки. Практические же аспекты международного сотрудничества представителей локального научного сообщества Ленинграда по-прежнему остаются вне поля зрения исследователей. Настоящая статья является попыткой восполнить данный пробел.

Очевидно, что выявление специфики международного научно-технического сотрудничества ленинградских ученых и оценка его влияния на развитие промышленности города являются важными исследовательскими задачами, решение которых позволяет сформировать представление об эффективности задействованного в 1920-х – начале 1930-х годов механизма трансфера технологий, который может быть актуальным и на современном этапе развития нашей страны.

Следует отметить, что термин «локальное научное сообщество» не имеет общепризнанного определения. В рамках настоящей работы под этим словосочетанием понимается группа исследователей, локализованная на ограниченной территории и связанная единым научным этосом¹⁰. Подобный подход позволяет рассматривать всех ученых Петрограда/Ленинграда в указанный период как научное сообщество. К началу 1920-х годов оно продолжало оставаться одним из наиболее влиятельных в стране, что было во многом обусловлено статусом города, который в дореволюционную эпоху являлся политической и культурной столицей Российской империи, а также тем обстоятельством, что в нем продолжали свою деятельность многие престижные институты, исследовательские центры и высшее государственное научное учреждение – Академия наук.

В начале 1920-х годов основным направлением заграничных командировок петроградских ученых являлась Германия. С этой страной Россия традиционно поддерживала устойчивые связи в сфере науки. В контексте данного сотрудничества в дореволюционный период особое значение придавалось персональным и дисциплинарным контактам, во многом определявшим общие направления исследований, обучению отечественных студентов в германских университетах и подготовке ими там же своих диссертаций, а также членству отечественных специалистов в немецких научных сообществах и академиях¹¹. Однако место Германии в качестве приоритетного направления командировок советских ученых было обусловлено и другой причиной. К началу 1920-х годов наметилось политическое сближение Веймарской республики и Советской России. Оба государства оказались

⁸ Синельникова Е.Ф. Международная деятельность... С. 160–176; Дьяков Б.Б. Ленинградский Физико-технический институт – Кембридж: Научная дипломатия в кризисную эпоху (1920–1930-е гг.) // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 4. С. 81–92; Груздинская В.С. Заграничные командировки по-советски: диалог ученого сообщества и власти в 1920-е годы (по материалам Комиссии содействия работам Академии наук СССР) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 8 (38). С. 22–32.

⁹ Синельникова Е.Ф. Научные общества Петрограда-Ленинграда в 1920-е годы. СПб., 2022.

¹⁰ Шелегина О.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 119.

¹¹ Колчинский Э.И., Зенкевич С.И., Ермолаев А.И., Ретунская С.В., Самокиш А.В. и др. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / под общ. ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2018. С. 124.

«изгоями» Версальско-Вашингтонской системы: первое лишилось источников дешевого сырья, а также значительной доли рынков сбыта промышленной продукции, а второе оказалось отрезано от доступа к передовым достижениям западной научно-технической мысли. Германия и РСФСР нуждались друг в друге, и этим во многом определялось их сотрудничество, прочные основы которого были заложены Рапалльским договором, заключенным 16 апреля 1922 г.

Историк М.А. Андреев, анализируя общую по РСФСР статистику заявлений о посещениях зарубежных стран, поданных в Комиссию пограничным командировкам НКП за период с 1921 по 1923 г., отмечает существенное преобладание документов, в которых местом пребывания указывается Германия (например, за 1923 г. общее количество заявлений на командировки в эту страну составило 186, в Великобританию — 54, Францию — 49, США — 24)¹². Подобная тенденция сохранялась и в последующие годы. Так, в списке планов заграничных поездок НКП на 1927 г. из 62 командировок 52 приходились на Германию¹³.

Важно отметить, что в 1920-е годы зарубежные научные командировки проводились не только по линии НКП¹⁴, но и по линии его «конкурента» — Научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства СССР (НТО ВСНХ СССР). Деятельность этой структуры, созданной в 1918 г. (в 1926 г. НТО было преобразовано в Научно-техническое управление, НТУ), была направлена на поиски научного решения сложных технических вопросов, стоявших перед отечественной промышленностью¹⁵. Среди научных учреждений Петрограда/Ленинграда, которые оказались в ее ведении в исследуемый период, следует упомянуть Институт прикладной минералогии и металлургии, Государственный институт прикладной химии, Институт металлов, Ленинградскую физико-техническую лабораторию, Ленинградскую экспериментальную электротехническую лабораторию, Ленинградскую лабораторию тепловых двигателей и т.д.¹⁶ Анализируя план заграничных командировок НТУ ВСНХ СССР на 1927—1928 гг., можно констатировать, что в эти годы ленинградские специалисты направлялись главным образом в Германию (17 командировок из 21)¹⁷.

Помимо непосредственно научных в 1920-е годы получили распространение и так называемые промышленные командировки. Деление зарубежных поездок на эти два типа являлось в определенной степени условным и зависело от организаций, направлявших специалистов за границу (институты, лаборатории и НИИ или промышленные предприятия), а также от порядка согласования (решение о выезде рассматривалось либо НКП, либо председателем ВСНХ СССР в отношении сотрудников учреждений общесоюзного значения и председателями ВСНХ союзных республик в отношении работников предприятий на местном уровне). Следует отметить, что и научные, и промышленные командировки главным образом имели целью получение новых знаний и навыков в области инженерной деятельности. В подобные поездки нередко отправлялись специалисты, трудовая деятельность которых была связана с тем или иным предприятием или трестом.

Представление о том, куда преимущественно направлялись специалисты из города на Неве в рамках промышленных командировок, можно получить в ходе изучения материалов

¹² Андреев М.А. Указ. соч. С. 116.

¹³ Дмитриев А.Н. От академического интернационализма — к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. С. 49.

¹⁴ Постановление СНК СССР от 9 мая 1927 г. «О регулировании заграничных командировок» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25460#sXs2gwSkLEOW50wF1> (дата обращения: 09.11.2023).

¹⁵ Исаевич Ю.Г. Л.Д. Троцкий и деятельность Научно-технического отдела ВСНХ СССР в середине 1920-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 4. С. 74.

¹⁶ Бюллетени научно-технического отдела ВСНХ СССР за 1925—1926 гг. // Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее — ЦГАНТД СПб). Ф. 81. Оп. 11. Д. 89.

¹⁷ План заграничных командировок НТУ ВСНХ на 1927—1928 г. // Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 9. Д. 2. Л. 70—79.

фондов Ленинградского областного совета народного хозяйства (ЛОСНХ). Эта государственная организация, основанная в 1927 г., руководила деятельностью предприятий союзного, республиканского и областного значения на территории Ленинграда (с 1928 г.) и Ленинградской области. Согласно сведениям ЛОСНХ по трестам, за период с октября 1928 по октябрь 1929 г. всего за границу было отправлено 86 человек. Большинство из них (49) были командированы в Германию. Специалисты также направлялись во Францию, Великобританию, США и другие страны¹⁸.

Следует отметить, что поездки отечественных специалистов в Веймарскую республику, в которых в равной мере были заинтересованы обе стороны, оказывали положительное влияние на деятельность как советского, так и немецкого научного сообщества. В Германии с энтузиазмом принимали ленинградских ученых с мировым именем. В немецких университетах и академиях самое пристальное внимание уделялось исследованиям А.Н. Крылова в области математики и кораблестроения¹⁹, А.Ф. Иоффе — в сфере изучения физики кристаллов и прочности металлов²⁰, Л.А. Орбели — в физиологии²¹, а также достижениям и открытиям советских специалистов в медицине, химии, металлургии.

В 1920-е годы интерес советского правительства к научным контактам с Германией был обусловлен не только осознанием важности развития теоретических знаний, но и актуальностью приобретения практических навыков в целом ряде сфер. Стремясь к созданию собственной передовой технической и промышленной базы, руководство СССР, направляя отечественных ученых за границу, было заинтересовано в том, чтобы они перенимали и ретранслировали западный опыт, а также содействовали организации закупок необходимых для советских предприятий материалов и оборудования и заключению соглашений о сотрудничестве с зарубежными компаниями. Таким образом, советско-германские научные связи в рассматриваемый период являлись одной из форм трансфера технологий, в рамках которого научные и промышленные центры Веймарской республики выступали в качестве донора (разработчика и/или носителя знаний в определенной области науки и техники), а отечественные — в качестве реципиента (потребителя).

Важную роль в процессе реализации поставленной советским руководством задачи по рецепции и ретрансляции зарубежного научного опыта играло сообщество ленинградских ученых, что было обусловлено их технической грамотностью, инициативностью, открытостью к контактам и новым знаниям, владением иностранными языками и наличием у них неформальных контактов среди западных коллег. На последнее обстоятельство, в частности, в своем отчете о командировке в Германию, Францию и Великобританию, состоявшейся в 1925–1926 гг., обращал внимание выдающийся советский электротехник профессор К.А. Круг²².

Командировки ленинградских специалистов в Германию в 1920-е годы в большинстве случаев были связаны с изучением отдельных достижений их немецких коллег в научно-технической области. В уже рассмотренном нами ранее плане заграничных поездок НТУ ВСНХ СССР на 1927–1928 гг. цели пребывания отечественных ученых в Веймарской республике формулировались следующим образом: «изучение постановки дела выработки

¹⁸ Сведения о заграничных командировках за 1928–1929 гг. по трестам союзного, республиканского, областного и местного значения, 14 февраля 1930 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2279. Оп. 2. Д. 544. Л. 6.

¹⁹ Александров Д.А., Дмитриев А.Н., Копелевич Ю.Х. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2001. С. 81.

²⁰ Там же. С. 85.

²¹ Подробнее см.: Ганин М.А. Научно-техническая командировка советских специалистов в страны Западной Европы в 1920-ые – 1930-ые гг. // Гуманитарные чтения в Политехническом университете: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 32–39.

²² Тюрина Е.А. Вышший совет народного хозяйства и развитие научно-технической мысли в 1917–1920-е гг. XX в. // Память о прошлом – 2017. Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России / сост. О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская. Самара, 2017. С. 73.

и испытания высоковольтных изоляторов на заводах и лабораториях Германии (Керамический институт, Ленинград); ознакомление с постановкой дела теплотехнических приборов (главным образом пирометров), с новейшими достижениями в области измерения высоких температур, с современными методами физико-химического изучения металлов и сплавов (Институт металлов, Ленинград); изучение новейших физико-химических методов обогащения угля (Институт механической обработки полезных ископаемых, Ленинград)» и т.д. Из 17 командировок в Германию, представленных в данном плане, 13 были направлены на изучение немецкого научно-технического опыта²³.

Для того чтобы ознакомиться со спецификой командировок данного типа, рассмотрим их более подробно на конкретных примерах. В первой половине 1920-х годов состоялась поездка в Германию профессора Бориса Константиновича Климова, директора Опытного завода Института прикладной химии в Ленинграде, который стал известен благодаря своим исследованиям в области изучения технологии химической переработки торфа и сланцев. Как следует из отчета, опубликованного в 1926 г., целью поездки являлось изучение производства химически чистых реактивов, а также желтого и красного фосфора, ознакомление с сухой перегонкой торфа, сланцев и бурого угля. Б.К. Климов осмотрел целый ряд предприятий, специализировавшихся на выпуске химически чистых реактивов (фабрики Каль-Баума, Мерка, Де-Хана). Опыт, приобретенный специалистом в Германии, позволил ему наметить постановку производств на Опытном заводе²⁴. Кроме того, советский ученый осмотрел торфококсовальное предприятие (его название в отчете не указано) и получил необходимые сведения для организации этого производства в СССР. Впоследствии знания, приобретенные Б.К. Климовым во время пребывания на данном предприятии, помогли решить проблему утилизации торфа путем его использования в коксовальном и генераторном процессах. Далее был осмотрен завод сухой перегонки сланца во вращающихся печах (название предприятия вновь отсутствует). По итогам командировки было принято решение организовать в Ленинграде первую опытную печь по образцу осмотренной. Принципы сухой перегонки бурого угля были изучены ленинградским специалистом с целью их последующего применения к союзным битумам.

В отчете Б.К. Климова можно встретить упоминание об отказе одной из германских фабрик продемонстрировать производство фосфора. Однако специалист все равно сумел попасть на это предприятие и ознакомиться с технологиями изготовления желтого и красного фосфора и бертолетовой соли. Собрав многочисленные теоретические сведения, он организовал их проверку в полувальном масштабе на Ватном острове в Ленинграде (на котором с 1919 г. находился Государственный институт прикладной химии)²⁵.

Отметим, что изучение германского научно-технического опыта в таких областях, как переработка торфа, сланцев и бурого угля, производство желтого и красного фосфора, являлось важной задачей в контексте решения экономических проблем, стоявших перед Советским государством. В частности, вопрос использования торфа низкого качества в электрогенераторном процессе имел принципиальную значимость в условиях дефицита отечественной топливной базы, а налаживание процессов создания желтого и красного фосфора представляло особую актуальность с точки зрения развития химической и военной промышленности.

Еще одним интересным примером изучения европейского научно-технического опыта и его использования в целях развития советской экономики может послужить командировка в Германию конструктора и специалиста в области корабельной энергетики Бориса Аверкиевича Горбунова, которая состоялась в 1928 г. Интересно отметить, что поездка была инициирована самим ученым. В письме Б.А. Горбунова помощнику директора Балтийского завода по технической части сообщалось, что чертежная механического отдела

²³ План заграничных командировок НТУ ВСНХ на 1927–1928 г. // РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 9. Д. 2. Л. 70–79.

²⁴ Бюллетень НТО ВСНХ № 12 от 16 февраля 1926 г. // ЦГАНТД СПб. Ф. 81. Оп. 1–1. Д. 89. Л. 7–8.

²⁵ Там же.

предприятия приступила к проектированию паровой машины в 1500 л.с. для пароходов Дальневосточной северной линии. Однако, несмотря на все усилия, первый опыт постройки машины, работающей на перегретом паре, дал неудовлетворительные результаты с точки зрения расхода топлива. При попытке ее создания научной базой служили исключительно литературные источники, причем наиболее современное издание — *Bauer der Schiffsmaschinenbau* («Строитель морской техники») — датировалось 1923 г. ВСНХ предложил Балтийскому заводу выпустить около 40 подобных машин. Б.А. Горбунов считал необходимым использовать при их строительстве испытанные и зарекомендовавшие себя западные образцы. По мнению советского специалиста, для решения стоявшей перед ним задачи было необходимо направить инженеров завода на крупные зарубежные предприятия для ознакомления с современным европейским опытом в области машиностроения. Как отмечал Б.А. Горбунов, «без этого инженеры Бюро не будут в состоянии разрабатывать проекты, отвечающие современным требованиям промышленности»²⁶.

Командировка сроком на один месяц была одобрена президиумом ВСНХ СССР²⁷. В Германии Б.А. Горбунов посетил ряд предприятий, ознакомился с чертежами уже готового судна, схожего с находившимися в постройке по уже сделанным заказам для СССР, а также обследовал отдельные паровые установки трех судов различных типов. Познакомившись с немецким опытом в области корабельной энергетики, он пришел к выводу о целесообразности использования паровых систем Бауэр-Вах или Браун-Бовери²⁸. Заметим, что паровые турбины системы Бауэр-Вах в дальнейшем были приобретены и установлены на лесовозы «Сухона» и «Котельщик Таланкин» V-бис серии, сошедшие со стапелей Балтийского завода в октябре 1933 г. Использование этих турбин позволило повысить общую мощность паровых машин с 950 л.с. до 1200 л.с. и скорость судна с 9 до 9,8 узлов. В СССР это был первый случай снабжения энергетической установки турбиной в дополнение к обычной паровой машине. Данный опыт был признан отечественными инженерами-судостроителями успешным, и заимствованная в Германии технология стала использоваться в СССР на регулярной основе²⁹. Таким образом, сведения, полученные в ходе заграничной командировки ленинградского специалиста, нашли практическое применение и повлияли на дальнейшее развитие советского судостроения.

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что командировки ленинградских ученых в 1920-е годы были направлены на решение конкретных задач, стоявших перед отечественной промышленностью. При этом задействовались узкоспециализированные научные кадры, обладавшие необходимыми компетенциями в отдельных областях знаний, для того, чтобы осуществить эффективную рецепцию технологических процессов.

Одной из наиболее эффективных форм сотрудничества с зарубежными странами в научно-технической сфере в рассматриваемый период являлись договоры технической помощи, которые заключались с иностранными фирмами начиная с 1923 г., когда был подписан первый подобный договор (согласно его условиям, французская Генеральная компания беспроволочного телеграфа обязалась оказывать техническую помощь Тресту слабых токов)³⁰. Документ этого типа представлял собой соглашение, по которому иностранная компания за солидное вознаграждение оказывала советской стороне содействие в постройке и усовершенствовании производства. Договоры технической помощи носили преимущественно комплексный характер и включали в себя пункты, связанные с передачей технологий и патентов, конструкторского и промышленного опыта. Заключение подобных соглашений открывало возможности для дальнейших командировок советских

²⁶ Письмо Б.А. Горбунова помощнику директора завода по технической части от 28 декабря 1927 г. // РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 9. Д. 260. Л. 11–11 об.

²⁷ Командировочное удостоверение Б.А. Горбунова от 20 августа 1928 г. // Там же. Л. 7.

²⁸ Отзыв проф. Н.Ф. Черновского по отчету о заграничной командировке инженера Балтийского судостроительного завода Горбунова Б.А., 1929 г. // Там же. Л. 1.

²⁹ Афонин Н.Н. Первые лесовозы Балтийского завода // Судостроение. 2006. № 3 (766). С. 70.

³⁰ Бутковский В.П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1928. С. 34–35.

специалистов с целью изучения производства на иностранных предприятиях, а также приглашения зарубежных специалистов для помощи в налаживании технологических процессов на заводах и фабриках СССР.

В ряде случаев подписание договоров технической помощи являлось прямым или косвенным результатом зарубежных поездок ленинградских ученых. Наглядный пример — заграничная командировка Ивана Николаевича Вознесенского, выдающегося отечественного специалиста в области гидротурбостроения. В 1920-е годы он занимался организацией производства гидротурбин на Ленинградском металлическом заводе (ЛМЗ). В то же время И.Н. Вознесенский посетил ряд европейских стран. В Германии ему удалось установить контакт с фирмой Fritz Neumayer³¹. Данная фирма представляла собой первоклассное гидротурбостроительное предприятие, однако испытывала некоторые финансовые сложности, что определяло ее заинтересованность в получении выгодных контрактов, в том числе и за пределами Веймарской республики. Перед ЛМЗ в рассматриваемый период стояла задача строительства мощных гидротурбин. В этой связи перспектива сотрудничества с германской фирмой для советского предприятия также представлялась крайне желательной.

В 1925 г. Ленинградский государственный машиностроительный трест «Машинострой» заключил договор о технической помощи с Fritz Neumayer, по условиям которого германская фирма должна была оказывать содействие советским предприятиям, входившим в этот трест, в строительстве гидротурбин³². Данное соглашение оценивалось советским руководством очень высоко. «Машинострой» получил богатый конструктивный и расчетный материал и начал производство крупных гидротурбин. Благодаря помощи, оказанной Fritz Neumayer советской стороне согласно этому договору, к 1928 г. трест выпустил около 40 гидротурбин, работавших на Земо-Авчальской, Батумской, Эриванской, Ташкентской и других гидроэлектростанциях³³. Спустя всего полгода договор прекратил свое действие в связи с банкротством германской фирмы, однако к тому моменту «Машинстрою» уже удалось наладить самостоятельное производство гидротурбин³⁴.

Следует отметить, что случай с И.Н. Вознесенским не являлся единичным. Так, например, отчет о командировке в Германию, сделанный конструктором завода «Русский дизель» Всеволодом Александровичем Ваншейдтом (ученый-кораблестроитель, считающийся основателем советского судового дизелестроения), стал основанием для заключения в марте 1927 г. договора о технической помощи в области морского дизелестроения между «Машинстроєм» и немецкой фирмой Sulzer Brothers из города Людвигсхафен-ам-Райн³⁵.

Помимо командировок, направленных на изучение последних достижений науки и техники, нередким явлением в 1920-е годы были и закупочные поездки советских специалистов. Среди первых, кто осуществлял приобретение необходимой продукции для научных учреждений Петрограда, был выдающийся советский ученый-физик А.Ф. Иоффе. В 1921 г. он занимался закупками для нужд Академии наук, Политехнического института, Государственного физико-технического рентгенологического и радиологического института (который он же и возглавлял), а также для заводских научно-технических лабораторий города на Неве. Так, в Берлине он заказал приборов на 2 млн 112 тыс. марок, химических продуктов — на 60 тыс. марок, инструментов и станков — на 300 тыс. марок. Кроме того,

³¹ Иван Николаевич Вознесенский. Воспоминания и очерки / сост. Е.М. Воинов; отв. ред. И.И. Гуревич, В.А. Умов. М., 1994. С. 20.

³² Договор о техническом сотрудничестве с «Фриц Неймейер» от 15 января 1925 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 5. Д. 1384. Л. 2—11.

³³ Бутковский В.П. Указ. соч. С. 82—83.

³⁴ Подробнее см.: Ганин М.А. Советско-германское сотрудничество в области гидротурбостроения в 1920-е гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 2 (10). С. 63—71. DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-2-63-71

³⁵ Подробнее см.: Ганин М.А. Роль трансфера германских технологий в развитии советского дизелестроения в 1920—1930-х гг. (на материалах завода «Русский дизель») // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6 (39). С. 610—616. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).610-616

в РСФСР были высланы три больших ящика с научной литературой³⁶. Всего А.Ф. Иоффе заказал в Германии около 400 журналов и столько же книг. В 1922 г. ученый еще раз посетил эту европейскую страну с целью закупки литературы и материалов. В ходе поездки были приобретены приборы для Рентгенологического института на сумму в 1 млн марок. В 1924 г. во время очередного визита А.Ф. Иоффе в Германию были куплены приборы уже для Физического института³⁷. Одним из итогов последнего посещения ученым Веймарской республики, которое состоялось летом 1925 г., стала отправка в СССР ценных инструментов для экспериментального аккумулятора³⁸.

Однако в последующие годы ситуация меняется. Вместо осуществления самостоятельных закупок перед советскими специалистами, которые отправлялись в зарубежные поездки, ставится задача исследования новейших образцов западного научного оборудования, устройств, приборов и инструментов с целью определения необходимости их приобретения в будущем. Примером этого может послужить командировка в Германию выдающегося советского физика и механика, заведующего отделом изучения материалов Ленинградской физико-технической лаборатории профессора Николая Николаевича Давиденкова, состоявшаяся в 1927 г.³⁹ Одной из основных задач, поставленных перед ученым руководством Ленинградской физико-технической лаборатории в рамках этой поездки, являлось ознакомление с производством ряда германских фирм, изготовлявших машины и приборы для испытания материалов, ввиду предстоявших заказов⁴⁰.

Из отчета о командировке Н.Н. Давиденкова следует, что во время своего пребывания в Германии он посетил Берлинскую государственную станцию для испытания материалов, Институт императора Вильгельма для исследования металлов, Физико-техническую государственную станцию, исследовательскую лабораторию компании Siemens и т.д. На складе измерительных приборов фирмы Carl Zeiss, Schuchardt & Schutte в столице Веймарской республики ученый наметил для последующего приобретения компаратор (устройство, предназначенное для сравнения величин аналоговых сигналов), дающий измерение до 200 мм с ценой деления в 1 микрон. Несмотря на его высокую стоимость (около 4 тыс. руб.), Н.Н. Давиденков посчитал это устройство необходимым для лабораторий СССР.

В ходе командировки Н.Н. Давиденков также посетил Германский съезд по материаловедению, в рамках которого с 22 октября по 13 ноября 1927 г. проходила выставка, состоявшая из 84 отделов. Важнейшими из них, по мнению советского специалиста, являлись следующие: технологические испытания, механические испытания, химические испытания, металлография, физические исследования, кристаллография, термическая обработка, мастерские. Данная выставка, на которой было представлено более 200 машин, произвела на советского ученого положительное впечатление. Особый интерес у Н.Н. Давиденкова вызвала группа машин, предназначенных для испытания металла на усталость. В своем отчете по итогам командировки он подробно остановился на трех из них: Ганеманна-Лера-Шенка, работающая на растяжение-сжатие; Лозенгаузена — на кручение; Фёппля — на кручение. Отметив достоинства и слабые стороны этих машин, Н.Н. Давиденков рекомендовал их к приобретению для нужд отечественных лабораторий⁴¹.

Представляется, что изменение порядка осуществления импортных закупок было связано с определенной «нормализацией» данного процесса. Приобретения, сделанные А.Ф. Иоффе в ходе его командировок, являлись во многом вынужденными и срочными:

³⁶ Александров Д.А., Дмитриев А.Н., Копелевич Ю.Х. Указ. соч. С. 82–83.

³⁷ Там же. С. 85.

³⁸ Там же. С. 86.

³⁹ Письмо НТУ ВСНХ в Бюро заграничных командировок АФУ ВСНХ СССР о возвращении Н.Н. Давиденкова из командировки, ноябрь 1927 г. // РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 9. Д. 295. Л. 2; Письмо НТУ ВСНХ в Бюро заграничных командировок АФУ ВСНХ СССР об отбытии в командировку, сентябрь 1927 г. // Там же. Л. 11.

⁴⁰ План работы по заграничной командировке Н.Н. Давиденкова, 1927 г. // Там же. Л. 20.

⁴¹ Отчет о заграничной командировке Н.Н. Давиденкова, 1927 г. // Там же. Л. 22–63.

без них было невозможно восстановить деятельность научных учреждений Петрограда, материально-техническая база которых к началу 1920-х годов пребывала в крайне плачевном состоянии, что было связано с последствиями Гражданской войны. Оборудование же, рекомендуемое к приобретению Н.Н. Давиденковым, требовалось на перспективу, для дальнейшего развития отечественной науки и промышленности. Подобные закупки можно было осуществлять уже в рабочем порядке.

Важно отметить, что и в первом, и во втором случае ленинградские ученые выступали в качестве экспертов, которые могли определить наиболее подходящие инструменты, приборы и оборудование для запланированных научных исследований и производства.

С начала 1920-х годов в отечественных научных кругах обсуждался вопрос о необходимости организации зарубежных поездок и для молодых специалистов. В отчете одного из ученых, вернувшегося из заграничной командировки в 1924 г., в частности, отмечалось: «Я полагаю, что ... при скудости средств, следует молодым отдавать предпочтение над старыми преподавателями и учеными... Молодого следует посылать учиться — не только фактам, но главным образом тому, как надо учиться, как надо “творить науку”»⁴². О важности заграничных поездок для начинающих советских исследователей в 1929 г. писал и известный электротехник М.Я. Лапиров-Скобло. При этом он отмечал необходимость длительного пребывания отечественных специалистов за рубежом с целью изучения западного научного опыта. В свою очередь выдающийся врач-венеролог, профессор В.М. Броннер воспринимал посещение европейских стран молодыми учеными лишь в качестве добавочного элемента подготовки, отдавая предпочтение командировкам внутри СССР⁴³.

Несмотря на существовавшие разногласия по вопросам актуальности зарубежных стажировок для тех, кто лишь начинает свой научный путь, подобные поездки, конечно же, организовывались.

Большую роль обучающая заграничная командировка сыграла в жизни и деятельности будущего профессора Ленинградского технологического института (ЛТИ) Евгения Владимировича Алексеевского, известного специалиста в области аналитической химии. В 1929 г., будучи доцентом лаборатории количественного анализа ЛТИ, он был направлен в командировку в Германию с целью ознакомления с устройством и оборудованием современных испытательных центров и прохождения учебного курса по микрохимии. Е.В. Алексеевский стажировался в высших учебных заведениях Берлина, Лейпцига, Карлсруэ, Гейдельберга и Гамбурга, изучал метод микрохимического анализа у будущего лауреата Нобелевской премии Отто Гана и в лаборатории известного химика-неорганика Альфреда Штока.

Отчет Е.В. Алексеевского о командировке был опубликован в апрельском номере журнала «Русско-германский вестник науки и техники» за 1930 г.⁴⁴ На страницах этого периодического издания, издаваемого советско-германским обществом «Культура и техника», регулярно публиковались доклады о зарубежных поездках отечественных специалистов. По материалам, наработанным за время прохождения обучения у профессора А. Штока, Е.В. Алексеевским была написана научная монография по микрохимии ртути. В 1931 г. ученый возглавил первую в СССР кафедру химии защиты в ЛТИ⁴⁵.

В том же 1931 г. состоялась командировка в Германию аспиранта Государственного оптического института (ГОИ) Августа Андреевича Вернера. Перед ним были поставлены задачи разработки точных методов технических измерений оптических инструментов, их

⁴² Гришина Н.В. «Возможность проехать и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 28.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Алексеевский Е.В. Химические лаборатории и прохождение аналитической химии в Германских вузах // Русско-германский вестник науки и техники. 1930. № 2 (4). С. 60–63.

⁴⁵ Спиридонова Т.А. К 120-летию со дня рождения профессора ЛТИ, полковника ВМФ Евгения Владимировича Алексеевского // Известия Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). 2013. № 20 (46). С. 104–105.

изучения, сборки, а также определения условий допуска при производстве. В докладной записке ГОИ о командировке А.А. Вернера отмечалось, что «точное знание о том, каких успехов в этой области добились в Западной Европе, и, в частности, в Германии, является совершенно необходимым для советской промышленности»⁴⁶. Примечательно, что план зарубежной поездки советского ученого включал обучение у профессора Георга Берндта — видного немецкого специалиста, работавшего в сфере оптической метрологии⁴⁷.

Стажировки молодых ленинградских исследователей, подобные поездкам Е.В. Алексеевского и А.А. Вернера, предполагавшие обучение у лучших европейских специалистов в своих областях, в значительной степени способствовали росту их компетенций. По возвращении домой ученые ретранслировали полученные знания своим коллегам. Так создавались условия для повышения общего профессионального уровня научных кадров Ленинграда.

* * *

Подводя итоги исследования, следует отметить, что в 1920-е — начале 1930-х годов научное сообщество Ленинграда поддерживало тесные связи с европейскими учеными-специалистами в различных областях. Вынужденная изоляция, вызванная объективными внешне- и внутривнутриполитическими причинами, в начале рассматриваемого периода сменилась стремлением возобновить международные контакты. В результате уже с 1921 г. государственными и академическими структурами создавались необходимые условия для организации заграничных командировок петроградских/ленинградских научно-инженерных кадров.

В течение 1920-х годов ученые из Северной столицы отправлялись в зарубежные поездки или по линии НКП и НТО/НТУ ВСНХ СССР (научные командировки), или по линии предприятий и трестов (промышленные командировки). Ключевым направлением этих поездок стала Германия, что в полной мере соответствовало общесоюзной тенденции в рассматриваемый период.

Командировки в Германию представляли собой отношения взаимного обогащения. Университеты и научные сообщества Веймарской республики были заинтересованы в ознакомлении с достижениями ведущих ленинградских специалистов в различных областях науки и техники. В то же время советская сторона стремилась использовать заграничные командировки в качестве одного из каналов технологического трансфера, что должно было способствовать ускорению процесса внедрения и освоения наукоемких разработок в отдельных отраслях промышленности.

С целью получения полезного для применения в отечественном производстве зарубежного научно-технического опыта, а также его рецепции, в рассматриваемый период был организован целый ряд командировок ленинградских ученых за границу, большинство которых было направлено на решение конкретных задач, стоявших перед наукой и промышленностью страны. Участвовавшие в этих поездках специалисты исследовали передовые достижения в ряде областей, содействовали отечественным предприятиям и лабораториям в заключении договоров технической помощи и в организации закупок оборудования, повышали собственные профессиональные компетенции.

Благодаря такому подходу ВСНХ и другим государственным структурам, ответственным за развитие экономики, в сжатые сроки удалось решить наиболее острые проблемы в целом ряде отраслей промышленности (дизелестроение, турбо- и гидротурбостроение, химическая переработка торфа и сланцев и т.д.), а также сформировать необходимую техническую базу (за счет закупок импортного оборудования) и кадровый потенциал научных учреждений и предприятий Ленинграда.

Важно отметить, что заграничные командировки специалистов, совмещавших производственную деятельность с преподавательской, способствовали успешной ретрансляции

⁴⁶ Докладная записка ГОИ о командировке за границу аспиранта тов. А.А. Вернера, июнь 1931 г. // ЦГАНТД СПб. Ф. 169. Оп. 13. Д. 252. Л. 22.

⁴⁷ Там же.

актуальных знаний о последних достижениях науки и техники студентам — будущим отечественным ученым и инженерам. Показательные примеры: Б.М. Горбунов, который преподавал в Ленинградском политехническом институте, Военно-морской академии, Ленинградском корабельном институте и других вузах; В.А. Ваншейдт, читавший лекции на кораблестроительном факультете Ленинградского политехнического института, а затем организовавший и возглавивший кафедру двигателей внутреннего сгорания на машиностроительном факультете Ленинградского кораблестроительного института, и другие ученые.

Все это позволяет сделать вывод, что использование государством такого канала технологического трансфера, как zahraniчные командировки, оказалось эффективным решением ряда проблем, стоявших перед отечественной экономикой в 1920-е — начале 1930-х годов. Зарубежные поездки ленинградских специалистов, носившие системный характер, сыграли значительную роль в процессе научно-технического развития городского промышленного комплекса в рассматриваемый период.

Библиография

Александров Д.А., Дмитриев А.Н., Копелевич Ю.Х. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2001.

Алексеевский Е.В. Химические лаборатории и прохождение аналитической химии в Германских вузах // Русско-германский вестник науки и техники. 1930. № 2 (4). С. 60–63.

Андреев М.А. К вопросу об организации и деятельности Комиссии по zahraniчным командировкам Народного комиссариата по просвещению РСФСР (1921 — 1923 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 106–118.

Афонин Н.Н. Первые лесовозы Балтийского завода // Судостроение. 2006. № 3 (766). С. 67–71.

Бутковский В.П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1928.

Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.) / отв. ред. В.Ю. Волошина, В.П. Корзун. Омск, 2020.

Гафаров А.А., Гафаров А.А. Практика европейских научных командировок в Российской империи во второй половине XIX века: проблема идеологической амбивалентности // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2021. Т. 41. № 2. С. 23–41.

Гришина Н.В. «Возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере zahraniчных командировок в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 28–36.

Груздинская В.С. «Научная работа жива научным общением ученых», или зачем советские ученые ездили за границу в 1920–1930-е гг.? (проблемы и перспективы изучения) // Вестник Омского университета. Серия: «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 1 (37). С. 81–88.

Груздинская В.С. Zаграничные командировки по-советски: диалог ученого сообщества и власти в 1920-е годы (по материалам Комиссии содействия работам Академии наук СССР) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 8 (38). С. 22–32.

Дмитриев А.Н. От академического интернационализма — к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб., 2007. С. 32–55.

Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., 2020.

Дьяков Б.Б. Ленинградский Физико-технический институт — Кембридж: Научная дипломатия в кризисную эпоху (1920–1930-е гг.) // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 4. С. 81–92.

Иван Николаевич Вознесенский. Воспоминания и очерки / сост. Е.М. Воинов; отв. ред. И.И. Гуревич, В.А. Умов. М., 1994.

Исаевич Ю.Г. Л.Д. Троцкий и деятельность Научно-технического отдела ВСНХ СССР в середине 1920-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 4. С. 74–84.

Колчинский Э.И., Зенкевич С.И., Ермолаев А.И., Ретунская С.В., Самокиш А.В. и др. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / под общ. ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2018.

Метель О.В. Академическая наука в СССР в 1920–1950-е гг.: трансформация региональной инфраструктуры // Люди империи — империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России / отв. ред. Н.Г. Суворова. Омск, 2021. С. 73–81.

Синельникова Е.Ф. Международная деятельность научных обществ в 1920-е гг. // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 160–176.

Синельникова Е.Ф. Научные общества Петрограда-Ленинграда в 1920-е годы. СПб., 2022.

Спирidonova T.A. К 120-летию со дня рождения профессора ЛТИ, полковника ВМФ Евгения Владимировича Алексеевского // Известия Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). 2013. № 20 (46). С. 104–105.

Тюрин Е.А. Высший совет народного хозяйства и развитие научно-технической мысли в 1917–1920-е гг. XX в. // Память о прошлом – 2017. Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России, Самара, 18–20 апреля 2017 года / сост. О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская. Самара, 2017. С. 64–76.

Фандо Р.А. Советско-французские научные связи (1920–1930-е гг.). М., 2023.

Шелегина О.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 117–122.

References

Afonin N.N. Pervye lesovozy Baltiiskogo zavoda [The first timber trucks of the Baltic plant] // Sudostroenie [Shipbuilding]. 2006. № 3 (766). S. 67–71. (In Russ.)

Aleksandrov D.A., Dmitriev A.N., Kopelevich Iu.Kh. Sovetsko-germanskie nauchnye svyazi vremeni Veimarskoi respublikii [Soviet-Germany Scientific Ties Time of the Weimar Republic] / otv. red. E.I. Kolchinskii. Sankt-Peterburg, 2001. (In Russ.)

Alekseevskii E.V. Khimicheskie laboratorii i prokhozhdienie analiticheskoi khimii v Germanskikh vuzakh [Chemical laboratories and analytical chemistry at German universities] // Russko-germanskij vestnik nauki i tekhniki [Russian-German Bulletin of Science and Technology]. 1930. № 2 (4). S. 60–63. (In Russ.)

Andreev M.A. K voprosu ob organizatsii i deiatel'nosti Komissii po zagranichnym komandirovkam Narodnogo komissariata po prosveshcheniiu RSFSR (1921 – 1923 gg.) [About the organization and activity of the Commission on foreign scientific trips of the People's Commissariat for Education of the RSFSR (1921–1923)] // Vestnik RGGU. Seriya: "Istoriia. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie" [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "History. Philology. Culturology. Orientalism"]. 2018. № 10 (43). S. 106–118. (In Russ.)

Bul'kovskii V.P. Inostrannye kontsessii v narodnom khoziaistve SSSR [Foreign Concessions in the National Economy of the USSR]. Moskva; Leningrad, 1928. (In Russ.)

D'iakov B.B. Leningradskii Fiziko-tekhnicheskii institut – Kembridzh: Nauchnaia diplomatiia v krizisnuu epokhu (1920–1930-e gg.) [The Physical-technical Institute in Leningrad – Cambridge. Scientific Diplomacy in the Times of Crisis] // Sotsiologiya nauki i tekhnologii [Sociology of Science and Technology]. 2021. T. 12. № 4. S. 81–92. (In Russ.)

Dmitriev A.N. Ot akademicheskogo internatsionalizma – k sisteme natsional'no-gosudarstvennoi nauki [From Academic Cosmopolitanism toward a System of Nation-State Science] // Nauka, tekhnika i obschestvo Rossii i Germanii vo vremia Pervoi mirovoi voyny [Science, Technology and Society in Russia and Germany during the First World War] / pod red. E.I. Kolchinskogo, D. Bairau, Iu.A. Laius. Sankt-Peterburg, 2007. S. 32–55. (In Russ.)

Dolgova E.A. Rozhdenie sovetskoi nauki: uchenye v 1920–1930-e gg. [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Fando R.A. Sovetsko-francuzskie nauchnye svyazi (1920–1930-e gg.) [Soviet-French scientific relations (1920–1930s)]. Moskva, 2023. (In Russ.)

Gafarov A.A., Gafarov A.A. Praktika evropeiskikh nauchnykh komandirovok v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX veka: problema ideologicheskoi ambivalentnosti [The practice of european scientific trips in the Russian empire in the second half of the 19th century: the problem of ideological ambivalence] // Izvestiia Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Kazan University]. 2021. T. 41. № 2. S. 23–41. (In Russ.)

Grishina N.V. "Vozmozhnost' proekhat'sia i podyshat' zapadnoevropeiskim vozdukhom": vzaimootnosheniia nauki i vlasti v sfere zagranichnykh komandirovok v 1920-e gg. ["An opportunity to take a ride and breathe Western European air": the relationship between science and government in the field of foreign business trips in the 1920s.] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia [Tomsk State University Journal of History]. 2018. № 51. S. 28–36. (In Russ.)

Gruzinskaya V.S. "Nauchnaia rabota zhiva nauchnym obscheniem uchenykh", ili zachem sovetskie uchenye ezдили za granitsu v 1920–1930-e gg.? (problemy i perspektivy izucheniia) ["Scientific Work Lives On in the Scientific Community of Scientists", Or Why Did Soviet Scientists Go Abroad in the 1920–1930s?

(Historiographical Reflections)] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: "Istoricheskie nauki" [Bulletin of Omsk University. Series: "Historical Sciences"]. 2023. T. 10. № 1 (37). S. 81–88. (In Russ.)

Gruzinskaya V.S. Zagranichnye komandirovki po-sovetski: dialog uchenogo soobshchestva i vlasti v 1920-e gody (po materialam Komissii sodeistviia rabotam Akademii nauk SSSR) [Foreign business trips the Soviet way: dialogue between the scientific community and the authorities in the 1920s (based on materials from the Commission for Assistance to the Work of the USSR Academy of Sciences)] // Problemy deyatelnosti uchenogo i nauchnykh kolektivov [The Problems of Scientist and Scientific Groups Activity]. 2022. № 8 (38). S. 22–32. (In Russ.)

Isaevich Yu. G. L.D. Trotskii i deiatel'nost' Nauchno-tehnicheskogo otdela VSNKh SSSR v seredine 1920-kh gg. [L.D. Trotsky and Activity of Research and Technology Division of USSR Supreme Council of National Economy in mid 1920s] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriia Rossii [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian History]. 2013. № 4. S. 74–84. (In Russ.)

Ivan Nikolaevich Voznesenskii. Vospominaniia i ocherki [Ivan Nikolaevich Voznesensky. Memoirs and essays] / sost. E.M. Voinov; otv. red. I.I. Gurevich, V.A. Umov. Moskva, 1994. (In Russ.)

Kolchinskii E.I., Zenkevich S.I., Ermolaev A.I., Retunskaya S.V., Samokish A.V. i dr. Mobilizatsiia i reorganizatsiia rossiiskoj nauki i obrazovaniia v gody Pervoi mirovoi voiny [Mobilization and Reorganization of Russian Science and Education during the First World War] / pod obsch. red. E.I. Kolchinskogo. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)

Metel' O.V. Akademicheskaia nauka v SSSR v 1920–1950-e gg.: transformatsiia regional'noi infrastruktury [Academic Science in the USSR in the 1920s–1950s: The transformation of regional infrastructure] // Liudi imperii – imperiia liudei: personal'naia i institutsional'naia istoriia Aziatskikh okrain Rossii [The People of the Empire Are the Empire of People: Personal and Institutional History of the Asian Outskirts of Russia] / otv. red. N.G. Suvorova. Omsk, 2021. S. 73–81. (In Russ.)

Shelegina O.N. Identichnost' lokal'nykh nauchnykh soobshchestv: opyt formirovaniia i transliatsii (po materialam Novosibirskogo nauchnogo tsentra SO RAN) [The identity of local scientific communities: the experience of formation and translation (based on the materials of the Novosibirsk Scientific Center SB RAS)] // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2016. T. 23. № 3. S. 117–122. (In Russ.)

Sinel'nikova E.F. Mezhdunarodnaia deiatel'nost' nauchnykh obschestv v 1920-e gg. [International Activities of Scientific Societies in the 1920s] // Sotsiologiya nauki i tekhnologii [Sociology of Science and Technology]. 2020. T. 11. № 2. S. 160–176. (In Russ.)

Sinel'nikova E.F. Nauchnye obshchestva Petrograda-Leningrada v 1920-e gody [Scientific Societies of Petrograd-Leningrad in the 1920s]. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Spiridonova T.A. K 120-letiiu so dnia rozhdeniia professora LTI, polkovnika VMF Evgeniia Vladimirovicha Alekseevskogo [To the 120th anniversary of the birth of LTI professor, Navy Colonel Evgeniy Vladimirovich Alekseevsky] // Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo instituta (tekhnicheskogo universiteta) [Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Technology (Technical University)]. 2013. № 20 (46). S. 104–105. (In Russ.)

Tiurina E.A. Vysshii soviet narodnogo khoziaistva i razvitie nauchno-tehnicheskoi mysli v 1917–1920-e gg. XX v. [The Supreme Council of the National Economy and the development of scientific and technical thought in 1917–1920s of 20th century] // Pamiat' o proshlom – 2017. Materialy i doklady VI istoriko-arkhivnogo foruma, posviashchennogo 100-letiiu revoliutsii 1917 g. v Rossii, Samara, 18–20 apreliia 2017 goda [Memory of the Past. 2017. Materials and reports of the VI historical and archival forum, vol. 100th anniversary of the Revolution of 1917 in Russia, Samara, April 18–20, 2017 / comp. O.N. Soldatova, G.S. Pashkovskaia] / sost. O.N. Soldatova, G.S. Pashkovskaia. Samara, 2017. S. 64–76. (In Russ.)

Voloshina V.Iu., Gruzinskaya V.S., Kolevatov D.M., Korzun V.P. Iz dvukh uglov: otechestvennyi istoriograficheskii protsess v otsenke emigrantskikh i sovetskikh istorikov (1920–1930-e gg.) [From Two Angles: The Domestic Historiographical Process in the Assessment of Emigrant and Soviet Historians (1920–1930s)] / otv. red. V.Iu. Voloshina, V.P. Korzun. Omsk, 2020. (In Russ.)

© 2024 г. А.М. ФИЛИТОВ

ТЕГЕРАНСКИЕ ДИСКУССИИ: ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ

Филитов Алексей Митрофанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Аннотация. Проведенное автором сравнительное исследование мемуарных и документальных источников по Тегеранскому саммиту 1943 г. позволило скорректировать ряд положений, содержащихся как в имеющейся историографии, так и в популярной литературе. Вопреки сложившемуся представлению о позициях, которые члены Большой тройки занимали по вопросу о втором фронте (Сталин и Рузвельт за скорейшую высадку в Нормандии против черчиллевской стратегии операций в Средиземном море и на Балканах), показано, что президент США, очевидно под давлением своих военных советников, поначалу склонялся к поддержке британских планов. Лишь благодаря настойчивым усилиям советской дипломатии удалось добиться того, что американский лидер присоединился к Сталину в признании абсолютной приоритетности операции «Оверлорд». Принципиальный прорыв по вопросу о втором фронте был достигнут в ходе и после неформального ужина, устроенного Рузвельтом по окончании первой сессии конференции 28 ноября 1943 г., — раньше, чем это утверждалось в ранее представленных исследованиях. Во время этих неофициальных дискуссий (не нашедших достаточного освещения в предшествующей историографии) советская сторона внесла на обсуждение важные инициативы по послевоенному европейскому устройству, которые нашли принципиальное согласие со стороны западных представителей. Общий консенсус был, в частности, достигнут относительно изменений в советско-польской и польско-германской границах. Эти изменения были впоследствии уточнены и зафиксированы в Ялте и Потсдаме. Свое освещение в статье находят и другие сюжеты, относящиеся к Тегеранской конференции: обсуждение вопроса о немецких военных преступниках, деятельность переводчиков и др.

Ключевые слова: Тегеранская конференция, второй фронт, СССР, США, Великобритания, внешняя политика, Вторая мировая война, международные конференции.

A.M. Filitov

The Tehran Discussions, Formal and Informal

Alexey Filitov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Abstract. A comparative study of memoirs and documentary sources pertaining to the Tehran Conference allows the author to challenge and correct some of the prevalent positions held within both historiography and popular literature on the subject. In contrast with the pervasive assumption regarding the stance of the “Big Three” on the matter of the Second Front (Stalin and Roosevelt were proponents of an expeditious invasion of Normandy, in contrast to Churchill’s ‘Mediterranean-Balkan’ strategy), he demonstrates that the US President, ostensibly under the influence of

his military advisers, was initially amenable to supporting British plans. It was only through the persistent efforts of Soviet diplomacy that the American leader was persuaded to join Stalin in prioritising Operation Overlord. The real breakthrough on the Second Front issue occurred during and after an informal dinner hosted by Roosevelt after the first session of the conference on 28 November 1943, which was earlier than had previously been asserted. In the course of these informal discussions, which have been largely overlooked in previous historiography, the Soviets proposed several important projects for a post-war settlement in Europe. These proposals were largely agreed upon by Western representatives. A consensus was reached on the issue of changing the Soviet-Polish and Polish-German borders, which was subsequently updated and ratified at the Yalta and Potsdam conferences. Additionally, the article addresses other matters pertaining to the Tehran Conference, including discussions on German war criminals, the role of interpreters, and other pertinent topics.

Keywords: Tehran Conference, Second Front, USA, USSR, Great Britain, foreign policy, Second World War, international conferences.

События Тегеранской конференции нашли свое отражение в достаточно широком массиве исследовательской, мемуарной и научно-популярной литературы¹. Вместе с тем некоторые проблемы и факты, относящиеся к этому форуму Большой тройки, в различных источниках трактуются по-разному, порой с определенными искажениями, что соответственно влияет и на историографию. Каковы были исходные позиции участников по вопросу о втором фронте, менялись ли они, если да, то как и почему; когда началось обсуждение проблем послевоенного устройства, кто был инициатором, каковы были позиции сторон и принятые решения, если они были, — многие эти вопросы требуют дальнейшего изучения. В сфере задач, стоящих перед исследователем, входит сравнительный анализ мемуарных и документальных свидетельств, отражающих ход как пленарных заседаний, так и бесед неофициального характера (последние в силу разных причин в меньшей степени отражены в историографии). Свой вклад в решение этих задач внесет данная статья, представляющая расширенный вариант доклада автора, который был представлен на конференции, посвященной 80-летию Тегеранского саммита.

Первым по времени появления источником по Тегеранской конференции стала соответствующая глава в книге сына Рузвельта, Эллиота, «Его глазами»², где автор воспроизводит по памяти высказывания отца, сделанные им в минуты отдыха после официальных заседаний (на которых Эллиот, разумеется, не присутствовал). Как следует из текста, президент США последовательно выступал за скорейшую высадку союзных войск в Нормандии, против «средиземноморской стратегии» Черчилля, которая диктовалась отнюдь не военными, а чисто политическими соображениями: британский премьер намеревался «врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию». По контрасту, мотивы США исчерпывались стремлением спасти как можно больше жизней американцев путем сокращения сроков войны, а этого можно было добиться только ударом с запада, а потому, как автор передает слова Рузвельта, «нет нужды понапрасну жертвовать своими десантными судами, людьми и техникой для операций в районе Балкан»³. Замыслы Черчилля и военную нецелесообразность предлагавшейся

¹ *Бережков В.М.* Тегеран, 1943. М., 1968; *Ганусец А.И.* Турецкий вопрос на Тегеранской конференции // Проблемы истории Турции. Сборник статей памяти А.Ф. Миллера. М., 1978. С. 154–160; *Eubank K.* Summit at Teheran. New York, 1985; *Mayle P.D.* Eureka Summit: Agreement in Principle and the Big Three at Tehran. Newark, 1987; *Кузнец Ю.Л.* Тегеран 43. М., 2003; *Forsmann J.* Testfall für die “Großen Drei”. Die Besetzung Irans durch Briten, Sowjets und Amerikaner 1941–1946. Köln, 2009; *Алексеев В.В.* Застольная дипломатия Сталина и кулинарный антураж во время Тегеранской конференции 1943 г. // Государство и общество в России и Европе. Сборник статей памяти Ю.С. Кукушкина. СПб., 2022. С. 231–247; *Экштут С.А.* 80 лет Тегеранской конференции // Родина. 2022. № 12. С. 15–17; *Семенов К.К.* Тегеран 43. Встреча, определившая ход истории. М., 2023.

² *Roosevelt E.* As He Saw it. New York, 1946. Русскоязычное издание: *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947.

³ *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 186–187.

им стратегии Сталин понимал не хуже Рузвельта, и это стало основой их общей позиции по второму фронту, которая заставила англичан отступить.

Экземпляр своей только что вышедшей книги Эллиот Рузвельт вручил лично Сталину по завершении их беседы, состоявшейся 21 декабря 1946 г. Издательству иностранной литературы было дано срочное поручение ее перевести и опубликовать массовым тиражом, что и было исполнено с потрясающей оперативностью и минимумом вмешательства со стороны цензуры, притом что речь шла о «буржуазном» авторе⁴. Книга приобрела в СССР надолго характер почти официоза.

В 1948 г. появилась книга Р. Шервуда, основанная на материалах его бесед с Г. Гопкинсом, ближайшим советником и другом Ф. Рузвельта, который сопровождал его в Тегеране и, в отличие от Эллиота, присутствовал на заседаниях. Оценка позиции президента оказалась не столь однозначной, как это следовало из книги его сына: «Рузвельт удивил и встревожил Гопкинса своим упоминанием о возможной операции через Адриатическое море для дальнейшего наступления с помощью партизан Тито на северо-восток в Румынию, чтобы соединиться с Красной армией, наступающей на юг из района Одессы. Гопкинс после этого послал записку адмиралу Кингу: “Кто выдвигает этот план адриатической операции, к которой президент постоянно возвращается?” В ответ Кинг написал: “Насколько мне известно, это его собственная идея”. И действительно она не имела ничего общего с планами американских начальников штабов (неясно, кому принадлежало последнее утверждение — Гопкинсу, Шервуду либо какому-то оставшемуся за кадром редактору. — А.Ф.). Черчилль, как отмечается далее, «поспешил присоединиться к предложению Рузвельта», что же касается Сталина, то он запросил дополнительных разъяснений, которые его, очевидно, не убедили и побудили выступить против этого плана»⁵.

Версия, что именно Рузвельт был инициатором балканского варианта, а Черчилль к нему лишь присоединился, была подхвачена и развита последним в пятом томе его военных мемуаров. Британский экс-премьер не скрывал, что он считал «предпочтительным» план захвата всей Италии и последующего «удара вправо» с выходом на Любляну — Вену, но соответствующее предложение в Тегеране высказал-де не он, а американский президент. «Я был в восторге и пытался всячески поддержать его в этой идее», — пишет мемуарист, выдвигая вдобавок смелый тезис, что он мог и Сталина склонить к принятию данного плана. Увы, все якобы испортили военные советники Рузвельта, которые выступили против. Кто были эти «советники», когда они выступили против плана Черчилля, каковы были их аргументы, обо всем этом умалчивается, зато следует инвектива по адресу неких также не называемых «наших американских друзей», которые «упрямо повторяют, что предотвратили попытку Черчилля впутать нас в балканские дела. Таких мыслей у меня никогда не было»⁶. Последним утверждением мемуарист, по сути, дезавуирует свою приверженность балканскому варианту! Загадки, которые при тогдашней ограниченности источниковой базы решить было невозможно.

Помимо достаточно подробного, хотя и субъективно окрашенного, а порой и противоречивого описания пленарных заседаний саммита, черчиллевские мемуары впервые раскрыли его закулисную сторону — личное общение трех лидеров в неформальной обстановке. По мнению самого мемуариста, такие «беседы за обедами и ужинами» были «даже важнее», чем официальный обмен мнениями. К сожалению, здесь субъективизм и прямые искажения выражены еще сильнее. В качестве примера можно привести приписанное Сталину утверждение, будто он чуть ли не лично расстреливал немецких военнопленных⁷. Сюда же можно

⁴ Определенная редакторская работа была все же проведена: если в англоязычном оригинале крайне комплиментарная характеристика Сталина сочеталась с весьма сдержанной, мягко говоря, в отношении его ближайшего сподвижника и главы советской дипломатии Молотова, в переводе то, что относилось к Сталину, осталось, а то, что к Молотову, — исчезло.

⁵ Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. New York, 1948. Издание на русском языке: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. М., 1958. С. 473.

⁶ Churchill W. The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. London, 1952. P. 305–306.

⁷ Ibid. P. 319.

отнести и крайне искаженное описание эпизода с тостом Сталина на устроенном им приеме по окончании второго заседания конференции, 29 ноября: якобы было высказано намерение после окончания военных действий расстрелять без суда и следствия 50 тыс. немецких «офицеров и технических специалистов»; только так мол можно искоренить германский милитаризм⁸.

Между тем до выхода данного тома мемуаров британского экс-премьера никто не подвергал сомнению то изложение сталинских слов, которое было представлено ранее Эллиотом Рузвельтом: «К концу обеда Дядя Джо поднялся, чтобы предложить тост по вопросу о немецких военных преступниках. Я не могу точно припомнить его слова, но он произнес примерно следующее.

— Я предлагаю выпить за то, чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее свершилось правосудие и чтобы они все были казнены. Я пью за то, чтобы мы общими усилиями покарали их, как только они попадут в наши руки, и чтобы их было не менее пятидесяти тысяч»⁹.

По оценкам современных немецких историков до 400 тыс. немцев и австрийцев были прямо вовлечены в акции нацистского геноцида, так что сталинская прикидка насчет численности военных преступников была явно заниженной. Что касается количества лиц из этой категории, приговоренных советскими судами к высшей мере наказания, то их было никак не «пятьдесят тысяч», а в 20 с лишним раз меньше, причем критерием при вынесении приговора была исключительно степень личной вины обвиняемых в тех или иных конкретных преступлениях¹⁰. Никакой ориентации на преследование «офицеров и технических специалистов» (очевидно, имелись в виду инженеры и техники, занятые в военной промышленности) у советских властей при осуществлении программы денацификации Германии не планировалось, и ее не было в действительности. Нетрудно понять, почему Черчилль соответствующие планы приписал советской стороне, а себе — роль их противника. В начале 1950-х годов, когда он писал очередной том мемуаров, разворачивалась кампания по ремилитаризации Западной Германии, широкие слои населения, включая и многих ветеранов вермахта, ее не поддерживали; для того, чтобы переломить этот их настрой, использовались разные пропагандистские домыслы, и данная черчиллевская выдумка призвана была внести свою лепту в выполнение очевидного политического заказа. Такой заказ не довлел над Э. Рузвельтом, и его мемуары, соответственно, свободны от подобного рода политизированных искажений, хотя, как он сам признал, в описании данного эпизода память в чем-то его могла подвести.

Свою версию представил переводчик советской делегации В.М. Бережков. Начало сталинского тоста в его изложении дословно совпадает с текстом Э. Рузвельта, но дальше идут разночтения: вместо «казнены» применена формулировка «сурово наказаны», а заключительные слова звучат следующим образом: «Никто не собирается наказывать нацистских преступников без суда. Дело каждого должно быть тщательно разобрано, но уже сейчас очевидно, что при массовых зверствах, творимых гитлеровцами, среди них должны быть десятки тысяч преступников»¹¹. Цифра «пятьдесят тысяч», очевидно, все же прозвучала, иначе почему Рузвельт предложил — в порядке шутивого компромисса — снизить ее до 49 500? Точное содержание высказываний Сталина тем не менее остается под вопросом.

⁸ Ibid. P. 330.

⁹ Рузвельт Э. Указ. соч. С. 190–191.

¹⁰ См.: Филитов А.М. Проблема наказания нацистских преступников в послевоенной Германии: история и историография // Новая и новейшая история. 2023. № 5. С. 22–23, 31. DOI: 10.31857/S013038640028067-1

¹¹ Бережков В.М. Указ. соч. С. 106.

В 1961 г. появились, наконец, извлеченные из архивов рассекреченные официальные записи тегеранских дискуссий: советские первоначально в виде журнальной публикации¹², американские — в составе документального сборника, в нем нашли отражение еще и материалы бесед, которые Рузвельт и Черчилль вели до и после Тегерана во время их остановки в Каире, вначале с лидером гоминдана Чан Кайши, а затем с президентом Турции Иненю¹³.

Следует по достоинству оценить работу, проделанную архивистами МИД СССР/РФ: помимо выявления и отбора относящихся к Тегеранской конференции документов, ими был представлен и весьма содержательный их анализ¹⁴. В частности, пожалуй, впервые было указано на «колеблющуюся позицию» американского президента по вопросу о втором фронте — это был отход от той по существу апологетической трактовки, которая была представлена в книге его сына¹⁵.

В американской публикации аналитический раздел отсутствует, она содержит лишь краткие комментарии к отдельным документам (как правило, в подстрочнике), но самих этих документов значительно больше. Это объясняется, с одной стороны, упомянутым фактом включения в нее материалов каирских дискуссий, а с другой — воспроизведением в ней двух вариантов записей официальных заседаний тегеранского форума: один из них принадлежит сотруднику Госдепартамента Ч. Болену, который выступал в качестве переводчика американской делегации, другой был подготовлен аппаратом Объединенного Комитета начальников штабов (ОКНШ). В значительной степени они дублируют друг друга, но есть и различия. Одно из них почти анекдотического характера: Сталин упомянул о швейцарском походе Суворова (в качестве иллюстрации тезиса о трудности наступления через Альпы, которое западники рассматривали как замену «Оверлорду»), и если в госдеповском варианте все воспроизведено корректно, даже с краткой исторической справкой, то переводчик ОКНШ, от которого можно было бы ожидать определенных познаний в военной истории, приписал Сталину нечто, что тот никак не мог сказать: «Советы (!) попытались вторгнуться в Альпы, но обнаружили, что это очень трудная операция»¹⁶.

Вместе с тем вариант ОКНШ имеет то достоинство, что в нем отражены сюжеты, которые не были и не могли быть освещены ни в госдеповской, ни тем более в советской записях. Речь идет о той информации и тех предложениях, что Рузвельт получал в строго секретном порядке от своих военных и которые, очевидно, влияли на его позицию на трехстороннем форуме. В частности, из записи совещания, проведенного американским президентом с представителями ОКНШ накануне первого заседания Большой тройки, следует, что последние, как само собой разумеющееся, рассматривали отсрочку высадки в Северной Франции в пользу средиземноморско-балканской стратегии и даже убеждали своего главнокомандующего, что русские, дескать, не против (в последнем случае речь шла уже о прямой дезинформации)¹⁷.

¹² Международная жизнь. 1961. № 7–8. Позднее материалы, относящиеся к Тегеранской конференции, вошли в документальный сборник «Тегеран, Ялта, Потсдам» (М., 1967), а затем были опубликованы в качестве отдельного тома издания «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 дек. 1943 г.). М., 1984). Более полный вариант записей заседаний конференции представлен в новейшей публикации архивистов МИД РФ: Документы внешней политики СССР 1943 (далее — ДВП). Т. XXVI: в 2-х кн. Кн. 2. Сентябрь–декабрь. Майкоп, 2016. С. 354–382, 388–393, 397–412.

¹³ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961.

¹⁴ См.: Тегеранская конференция... С. 5–34.

¹⁵ Тегеранская конференция... С. 19. Эта характеристика отнесена к высказываниям Рузвельта на втором заседании конференции 29 ноября; датировка небесспорна: как раз в ходе этого заседания, как будет показано ниже, его позиция стала более определенной. Больше всего колебаний было им проявлено в первый день работы саммита.

¹⁶ FRUS. P. 501. Ср.: ДВП. С. 361. В советском сборнике о Тегеранской конференции это высказывание Сталина отсутствует.

¹⁷ FRUS. P. 477–482.

Очевидно, что адмирал Кинг просто обманул Гопкинса, когда объявил балканский вариант продуктом личного творчества Рузвельта, к которому военные не имели-де никакого отношения. Соответственно, и картина, нарисованная Черчиллем-мемуаристом (именно американские военные разрушили их взаимопонимание с президентом), соответствует реальности с точностью до наоборот. Одну из загадок можно считать разгаданной.

Как в свете документальных свидетельств выглядят те «беседы за обедами и ужинами», значение которых столь высоко оценивал тот же мемуарист? Прежде всего заметим, что эта неформальная сторона тегеранской встречи крайне слабо отражена в официальных документах советской стороны. Каждый тост и каждая реплика хозяев и гостей на каждом банкете, конечно, вряд ли заслуживали бы фиксации, но можно выразить сожаление, что вышеупомянутая полемика по вопросу обращения с нацистскими преступниками не вошла ни в один из изданных у нас сборников, хотя бы в разделе «Примечания». Вызывает недоумение и тот факт, что под заголовком «Запись разговора И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом во время ужина у президента США 28 ноября 1943 года» приводится буквально несколько строк, где излагаются предложения советской стороны по конкретизации условий безоговорочной капитуляции, отмечается уклончивая реакция Рузвельта, который предался воспоминаниям о посещении Германии в юношеские годы, и сообщается, что «Иден, сидевший недалеко от Сталина, внимательно выслушал поставленный им вопрос»¹⁸. Неужели это все, о чем говорили между собой члены Большой тройки? А что обсуждалось после ужина, когда участники, по словам американского президента, зафиксированным его сыном, «просидели до 11 часов вечера, осторожно и неторопливо беседуя о политике»?¹⁹

Сказанное отнюдь не означает отрицание или принижения ценности публикаций, которые осуществляют отечественные архивисты, особенно в обстановке, когда над ними ныне не довлеет идеологический гнет. Приведем лишь пример, когда одна строка в новом, более полном варианте ранее известного документа позволила решить давний спор между тремя мемуаристами, писавшими о Тегеранской конференции. Спор касался того, кто переводил первую беседу Сталина с Рузвельтом, которая состоялась в первый день работы конференции перед началом пленарного заседания²⁰. Сын президента, согласно его воспоминаниям, задал этот вопрос отцу, и тот ответил, что ради создания более доверительной обстановки он решил, что будет только один переводчик, а именно с советской стороны, а от услуг своего, американского, отказался²¹. Эту версию поддержал В.М. Бережков, заявив, что именно он и был этим советским переводчиком²². Его американский коллега, Ч. Болен, в мемуарах, опубликованных несколько позже, выразил недоумение: он-то как раз присутствовал на беседе, переводил слова Ф. Рузвельта и составил ее запись, а В.М. Бережкова, напротив, не было, И.В. Сталина переводил другой советский переводчик – В.Н. Павлов²³. Точку поставила концовка советской записи этой беседы, впервые приведенная в сборнике, представленном публике в 2016 г.: «Записал В. Павлов»²⁴. Трудно себе представить, чтобы перевод делал один, а запись произвел другой. Подтвердилась, по крайней мере, отчасти, версия Болен. Остается вопрос, почему возникла противоположная версия (или версии).

Это все же детали, хотя и немаловажные, а вот опровергнуть или подтвердить то, что Болен изложил по памяти в записи дискуссии, проходившей за ужином и после него 28 ноября²⁵, довольно затруднительно. Между тем дискуссия эта имела значение никак не меньшее, чем та, что касалась проблемы открытия второго фронта. Речь шла о выработке контуров будущего миропорядка. Содержащиеся в ряде опубликованных документов отсылки к высказываниям,

¹⁸ См.: Тегеранская конференция... С. 91–92. В ДВП этот документ не представлен.

¹⁹ Рузвельт Э. Указ. соч. С. 180.

²⁰ Тегеранская конференция... С. 79–82; ДВП. С. 354–357.

²¹ Рузвельт Э. Указ. соч. С. 178.

²² Бережков В.М. Указ. соч. С. 27.

²³ Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. New York. 1973. P. 141.

²⁴ ДВП. С. 357.

²⁵ FRUS. P. 509–513.

впервые прозвучавшим вечером 28 ноября, косвенным образом подтверждают достоверность заметок, сделанных американским переводчиком. За точность воспроизведения им отдельных высказываний участников дискуссии ручаться, конечно, трудно, во всяком случае в боленовском тексте отсутствуют открыто антисоветские выдумки типа «расстрелов военнопленных» по приказу Сталина. Можно говорить о достаточно сбалансированном изложении фактов.

Выглядят они следующим образом: ужин начался в 8:30 вечера, присутствовали: от США — Рузвельт, Гопкинс, Гарриман (посол в СССР), Болен (переводчик), от Великобритании — Черчилль, Иден, Керр (посол в СССР), майор Бирс (переводчик), от Советского Союза — Сталин, Молотов, Павлов (переводчик). Поначалу имел место двусторонний диалог между Рузвельтом и Сталиным. Обсудили возможное место будущей встречи; в качестве такового был упомянут Фербенкс на Аляске (очевидно, это было предложение американской стороны), после чего Сталин поставил вопрос о будущем Франции, отметив, что «французский правящий класс прогнал до основания и выдал Францию немцам», на что Рузвельт ответил предложением, которое он, по его словам, ранее уже излагал Сталину²⁶, — «не допускать в будущее французское правительство лиц старше сорока лет и, в частности, тех, кто ранее входил в его состав». Особенный интерес лидера США привлек вопрос о судьбе французских колоний; Новая Каледония и Дакар, по его мнению, должны быть переданы под опеку Объединенных Наций. Здесь в разговор впервые вмешался Черчилль, очевидно, обеспокоенный тем, что может зайти речь и о его собственной колониальной империи. По его мнению, «четыре державы-победительницы, США, Великобритания, Советский Союз и Китай», должны создать сеть «стратегических пунктов» для управления миром; видимо, имелось в виду, что британские колонии по-прежнему останутся под эгидой Лондона, только будучи переименованными в «стратегические пункты», остальные три державы пусть ищут для себя таковые сами. Ни Рузвельт, ни Сталин на этот проект никак не отреагировали; последний вновь вернулся к характеристике французских политиков, упомянув конкретно личность вишистского посла в Москве Г. Бержери, «идеология» которого заключалась в ориентации на нацистскую Германию.

Участники встречи перешли затем к обсуждению германского вопроса. Рузвельт ограничился замечанием, что важно не допустить сохранения в умах немцев концепции «рейха»: «само это слово должно быть вычеркнуто из языка». О позиции Черчилля ничего не сообщается, что же касается советского лидера, то он выразил мнение, что само по себе разоружение, даже под самым жестким контролем, не предотвратит возрождения германского милитаризма. Сталин «выступал, кажется, за более фундаментальные меры. Он, однако, не конкретизировал, что он имел при этом в виду, за исключением того, что он, кажется, выступал за расчленение Германии». Здесь надо по достоинству оценить добросовестность автора заметок: свое мнение о сути высказываний Сталина он выражает в минимально категоричной форме, допуская, что он, возможно, ошибается в их оценке и выборе аутентичной терминологии. Следующее же предложение в тексте наглядно продемонстрировало, что ошибка действительно была допущена: «Маршал Сталин особо упомянул о том, что Польша должна расшириться до Одера, и со всей определенностью заявил, что русские помогут полякам получить границу по Одери». Речь, таким образом, шла вовсе не о расчленении Германии, а о сохранении ее как единого государства, но при условии уступки части территории в пользу соседнего государства, ставшего первой жертвой гитлеровской агрессии в ходе Второй мировой войны.

Опять-таки никакой реакции от партнеров, зато Рузвельт неожиданно поднимает вопрос о Кильском канале и проливах, соединяющих Северное и Балтийское моря: они должны быть поставлены под международный контроль. В результате недоразумения с переводом (Baltic straits, т.е. «балтийские проливы», были, очевидно, восприняты как Baltic states, т.е.

²⁶ Очевидно, имелась в виду упоминавшаяся выше его беседа со Сталиным накануне открытия конференции.

«балтийские государства»)²⁷ Сталин выступил с резкой отповедью: народы Прибалтики свободно выразили свою волю, проголосовав за вступление в Советский Союз, о каком международном контроле может идти речь, и вообще никакого вопроса тут нет. Получив заверения, что никто не покушается на территориальную целостность советского государства, Сталин смягчился, дискуссия вошла в спокойное русло, однако теперь уже в виде его двустороннего диалога с Черчиллем без Рузвельта, который покинул своих гостей в самый разгар беседы, — еще одна неожиданность с его стороны, кстати, не отмеченная в книге «Его глазами».

В изложении американского историка, автора фундаментального труда по Тегеранскому саммиту, этот эпизод выглядит следующим образом: на сталинское «искажение истории» никто не ответил, потому что Рузвельту стало плохо, его на коляске увезли в личные покои и более он уже не вернулся²⁸. Читатель вполне может сделать вывод, что это Сталин довел до такого состояния американского президента — настолько возмутили последнего слова главы советской делегации. Правда, из записи Болен следует, что свое возмущение в данном случае выразил как раз Сталин, а его партнеры отнюдь не смолчали, а попытались его успокоить, вовсе не ставя под сомнение данную им трактовку вопроса о вхождении республик Прибалтики в состав СССР.

То, что случилось с Рузвельтом, не имело никакого отношения к проходившей дискуссии. Было подозрение на отравление, но оно не подтвердилось, осталось загадкой, что стало причиной недомогания — поспешно приготовленная поварами-филиппинцами пища или злополучный коктейль, продукт личного творчества президента. Во всяком случае, становится понятным, почему в книге Э. Рузвельта ничего не говорится ни о преждевременном уходе президента с неформальной трехсторонней встречи, ни о его причине; сам автор мемуаров прибыл в Тегеран днем позже и мог ориентироваться только на то, что ему рассказывал отец, а тот явно не захотел расстраивать близкого человека упоминанием о своих проблемах со здоровьем. Еще одна из загадок может, таким образом, считаться разгаданной, но возникает другая: чем объяснить очередное неожиданное решение президента устроить вовсе незапланированный ужин-банкет, да еще самому взять на себя роль бармена?

Скорее всего, имелось намерение как-то нейтрализовать тот неприятный осадок, который оставили после себя выступления западных участников саммита на его первом пленарном заседании. Британский военачальник А. Брук дает по этому поводу такой комментарий: Рузвельт произнес «речь слабую и не очень удачную. Потом конференция пошла по принципу от плохого к худшему. Сталин ответил выступлением в пользу операций по форсированию Ла-Манша за счет любых других. Ответ Уинстона был не из его лучших. Вмешался президент и только усугубил ситуацию... Мы заседали три с половиной часа и закончили конференцию, запутав все планы еще больше, чем это имело место до того»²⁹. Издержки были, разумеется, не случайны, а по сути запрограммированы.

Дело в том, что с советской стороны явно исходили из того, что все военные вопросы, в частности условия и сроки «Оверлорда», уже решены на Московской конференции, где по этому поводу был принят «особо секретный протокол», а в Тегеране будут обсуждаться политические проблемы, связанные с окончанием войны и послевоенным устройством. Именно поэтому в состав советской делегации был включен лишь один военный — маршал Ворошилов, который давно уже занимался не военными вопросами, а планированием послевоенного мирного устройства, будучи главой «Комиссии по перемирию» при НКВД. В этом качестве и предусматривалось его участие в тегеранском саммите. Между тем Черчилля и Рузвельта, напротив, сопровождал целый сонм высокопоставленных военачальников, а от дипломатических ведомств присутствовали лишь два посла и два переводчика (с британской стороны,

²⁷ Согласно официальной американской записи беседы, ошибку допустил советский переводчик. Двадцатью годами позже в мемуарах Болен признал, что ошибся он, но решил отвести от себя вину, свалив ее на советского коллегу. Редкий случай, когда мемуарный источник корректирует документальный, а дипломат открыто заявляет, что совершил подлог. См.: *Bohlen Ch. Op. cit. P. 143.*

²⁸ *Eubank K. Op. cit. P. 285.*

²⁹ *Bryant A. Triumph in the West, 1943–1945. London, 1959. P. 60–61. Цит. по: Eubank K. Op. cit. P. 280.*

впрочем, переводчик был тоже в военном звании). Одно это свидетельствовало о том, что с англо-американской стороны настроены на ревизию договоренности об открытии второго фронта и не намерены говорить о будущем мире. Если для британской стороны это было продолжением старой линии, то для американской речь шла об отступлении от позиции, которую она представляла на Московской конференции и еще ранее — на Квебекской. Причины такой эволюции требуют дальнейшего изучения. Выше уже говорилось о давлении на Рузвельта его военных советников; вероятно, они зацепились за факт временного отступления советских войск на Украине: если бы Восточный фронт стабилизировался, а тем более, если немецкое контрнаступление принесло бы серьезные сдвиги в соотношении сил, для Запада отпали бы основания спешить с высадкой на континент.

Можно лишь подивиться той выдержке, которая была проявлена советской стороной перед лицом, без преувеличения, вероломной позиции Запада. Тем не менее, по крайней мере для Рузвельта, стало ясно, что надо как-то разрядить создавшуюся напряженную атмосферу. Решено было использовать орудие «коктейльной дипломатии», и была проявлена готовность пойти на неформальный обмен мнениями по послевоенным проблемам. Коктейль Сталину не понравился, и он не преминул высказать это, что явно было своеобразной формой выражения недовольства с его стороны позицией партнеров по второму фронту³⁰. Вряд ли его могли удовлетворить и их высказывания о будущем мире: сплошное прожектерство, причем порой довольно сомнительного характера, никакой реакции на реальные советские предложения.

То, что происходило после завершения ужина и ухода Рузвельта, поначалу также не вызвало оптимизма. Черчилль продолжил убеждать Сталина в том, что для решения германского вопроса достаточно мер по разоружению и соответствующему «воспитанию» немцев (без конкретизации последнего понятия; по-видимому, рузвельтовские идеи насчет благотворного эффекта от чистки немецкого словарного запаса не особенно его впечатлили, а ничего другого он придумать не мог). И тут — снова неожиданность: британский премьер вместе со своим министром иностранных дел вдруг вспомнили о сделанном Сталиным в ходе ужина предложении о расширении Польши на запад вплоть до линии Одера. Более того, они по сути приняли это предложение как средство решения германского вопроса. Черчилль нашел и подходящие образы, иллюстрирующие это решение: СССР, Польша и Германия в виде трех солдат, выполнивших шаг влево (подразумевалось — на запад), или в виде трех спичек, переставляемых в том же направлении. Это был подлинный прорыв: ведь ранее британская сторона категорически отказывалась вести всякий разговор о новой советско-польской и польско-германской границах, ссылаясь на то, что обсуждать, а тем более решать эти вопросы нельзя без поляков, т.е. без участия лондонского эмигрантского правительства, дипломатические отношения с которым, напомним, у СССР были разорваны. Памятуя об этой позиции Лондона, Сталин первоначально даже выразил сомнение в целесообразности начинать дискуссию по «польскому вопросу», когда Черчилль сформулировал такое пожелание. «Как, без поляков?», — недоуменно осведомился он. Да, да, без них, заверил его Черчилль, можно потом их информировать, а то и просто поставить перед фактом³¹.

Чем можно объяснить такой неожиданный поворот? Соглашаясь с позицией советской делегации по новым европейским границам, Черчилль с Иденом, возможно, рассчитывали на изменение ее позиции по второму фронту в плане поддержки балканской стратегии, так сказать, в порядке взаимности. Напомним то место в мемуарах экс-премьера, где он утверждает, что считал возможным привлечь Сталина на свою сторону в этом вопросе. Если такой расчет был, то он не оправдался; на последующих заседаниях (включая встречу военных экспертов, где Ворошилову пришлось в одиночку и без предварительной подготовки

³⁰ Bohlen Ch. Op. cit. P. 143.

³¹ В тексте примечаний к советскому документальному сборнику о Тегеранской конференции допущена неточность в датировке этой беседы: говорится, что она состоялась «после обеда, устроенного И.В. Сталиным в честь делегаций США и Англии», т.е. 29 ноября, днем позже, чем это было в действительности. См.: Тегеранская конференция... С. 167.

противостоять сплоченной группе западных генералов и адмиралов) советская сторона вновь и вновь разбивала аргументы тех, кто выступал за отсрочку, а по сути за отмену, «Оверлорда».

К поддержке советской позиции все более склонялся и американский президент. Здесь тоже имел место поворот, и вызван он был, думается, той же советской инициативой по границам. Дело в том, что в США были сильны позиции тех, кто считал, что союзнический десант на континент отвлечет значительные силы вермахта, ослабит их сопротивление на востоке и позволит Красной армии занять значительную часть, если не всю, Германии, устроив там что-то вроде социалистической революции. В диалогах с Рузвельтом Сталин всячески пытался рассеять эти опасения: отмечал слабость революционных традиций у немецкого пролетариата (в очередной раз повторив историю о том, как власти чуть не сорвали рабочую демонстрацию, убрав контролера на выходе с вокзала, в результате чего прибывшие на поезде демонстранты не осмелились-де покинуть перрон³²), указывал на успехи Гитлера в оболванивании масс, что выявилось, в частности, при допросах военнопленных. Для тех, кто с подозрением относился к «замыслам Кремля», это могло считаться просто пропагандой, которая легко может сменить свой тон. Другое дело, когда была выдвинута программа нового территориального переустройства — «передвижки Польши на запад». Эта советская инициатива свидетельствовала, что заигрывать с немцами, разыгрывать «немецкую карту» СССР не собирается, а значит, никаких нежелательных для Запада последствий операция в Нормандии с собой не принесет, даже если продвижение союзных войск застопорится; «революционизирования» Германии не будет. Критики второго фронта лишились, таким образом, своей аргументации, Рузвельт получил большую свободу действий и ею воспользовался.

Дискуссии на второй и третий дни работы конференции, 29 и 30 ноября, приобрели характер арьергардных боев черчиллевской команды, между тем как позиции советской и американской делегаций радикально сблизились. Вот как комментирует ход второго пленарного заседания американский исследователь Тегеранского саммита: «Еще один плохой день для Черчилля. Сталин и Рузвельт объединились против него. За все время сессии президент ни разу не поддержал его, сохраняя молчание, пока Сталин крушил позиции Черчилля, которые тот защищал не самым лучшим образом»³³.

Открывая рабочий завтрак глав делегаций 30 ноября, Рузвельт, обращаясь к Сталину, сообщил ему «приятную для него новость»: «Дело в том, что сегодня Объединенный Комитет начальников штабов с участием Черчилля и Рузвельта принял следующее решение: операция «Оверлорд» намечается на май 1944 г. и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Сила этой вспомогательной операции будет зависеть от количества десантных средств, которые будут иметься в наличии к тому времени»³⁴.

Заметим, что ограничительное условие касательно десантных средств относилось только к последней операции (фактически она была осуществлена после высадки в Нормандии), в отношении же «Оверлорда» предусматривалось, что он состоится при любых условиях, и это был существенный прогресс по сравнению с решениями Московской конференции.

Последний день конференции, 1 декабря, был посвящен в основном обсуждению проблем послевоенного будущего. Там были зафиксированы в принципе и частично конкретизированы положения, впервые сформулированные главой советской делегации на неформальной встрече вечером 28 ноября. Оживленная дискуссия развернулась, в частности, относительно точного прохождения на местности «линии Керзона» — главного ориентира в определении

³² Впервые В.И. Сталин привел этот, по его выражению, «анекдот» в интервью немецкому писателю Э. Людвигу 13 декабря 1931 г. (См.: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 122). Болен изложил его содержание не в основном тексте записи, а в особом дополнении к нему; там же содержится и изложение инициативы Сталина по конкретизации условий безоговорочной капитуляции. В отрывке из советской записи беседы, о котором шла речь выше, рассказанный Сталиным «анекдот» отсутствует. Болен зато никак не отметил высказывания Рузвельта о его юношеских впечатлениях от Германии, о чем упоминается в советской записи.

³³ Eubank K. Op. cit. P. 312.

³⁴ Тегеранская конференция... С. 125—126.

польско-советской границы. Окончательные решения по этим вопросам были приняты уже на следующем саммите Большой тройки в Ялте.

Все же главное, что обсуждалось и что было решено в Тегеране, концентрировалось на проблеме открытия второго фронта. К развернувшейся вокруг нее дипломатической борьбе также применимы понятия «первого» и «второго» фронтов. Советской дипломатии пришлось сражаться на обоих: и против Черчилля, и если не прямо против Рузвельта, то, во всяком случае, против влияния на него военных советников президента, за большую его самостоятельность в принятии политических решений. В этом плане следует скорректировать одну из формулировок, содержащуюся в учебном пособии, подготовленном для МГИМО автором этих строк совместно с М.М. Наринским. Речь идет о фразе, где говорится, что «заслуга советской дипломатии в Тегеране заключалась не в том, что она нашла новые веские аргументы против черчиллевской стратегии, а скорее просто в том, что она не присоединилась к Черчиллю против Рузвельта». Теоретически, опция поддержки балканского варианта для СССР существовала: как отмечалось в упомянутом пособии, «если бы имелось в виду осуществить “экспорт революции” в Европу или максимально раздвинуть рамки советского военного присутствия, логично было бы принять план Черчилля, позволив англо-американским войскам втянуться в бесперспективные операции на юге Европы, а самим идти к Ла-Маншу»³⁵.

То, что эта опция даже не рассматривалась руководителями советской внешней политики, безусловно, свидетельствовало об имевшей место уже тогда ее «деидеологизированности». В констатации этого факта никаких корректировок, очевидно, не требуется. Неточность в другом: во-первых, советская делегация как раз привела партнерам достаточно много новых и веских аргументов, чтобы убедить их в преимуществах плана высадки в Нормандии и пагубности прочих вариантов стратегии, а во-вторых, поскольку первоначально никакого противостояния между Рузвельтом и Черчиллем не было, то задача состояла вовсе не в пассивном неприсоединении к позиции британского премьера (которая была и позицией американского президента и его военачальников), а в том, чтобы разорвать эту англо-американскую связку, «отсоединить» Рузвельта от Черчилля, побудить главу делегации США изменить свою позицию и присоединиться к советской точке зрения. Это удалось, и именно в этом состояла главная заслуга советской дипломатии. При этом довольно эффективно использовались методы неформального обсуждения вопросов будущего мирного устройства, что дало возможность, с одной стороны, осуществить прорыв в вопросе о втором фронте, а с другой — подготовить почву для более детальной проработки тех решений, которые заложили впоследствии основу ялтинско-потсдамской системы послевоенных международных отношений.

Библиография

Алексеев В.В. Застольная дипломатия Сталина и кулинарный антураж во время Тегеранской конференции 1943 г. // Государство и общество в России и Европе. Сборник статей памяти Ю.С. Кукушкина. СПб., 2022. С. 231–247.

Бережков В.М. Тегеран, 1943. М., 1968.

Ганусец А.И. Турецкий вопрос на Тегеранской конференции // Проблемы истории Турции. Сборник статей памяти А.Ф. Миллера. М., 1978. С. 154–160.

Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI: в 2-х кн. Кн. 2. Сентябрь–декабрь. Майкоп, 2016.

Кузнец Ю.Л. Тегеран 43. М., 2003.

Наринский М.М., Филитов А.М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.). М., 1999.

Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947.

Семенов К.К. Тегеран 43. Встреча, определившая ход истории. М., 2023.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951.

Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 дек. 1943 г.). Т. 2. М., 1984.

³⁵ *Наринский М.М., Филитов А.М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.). М., 1999. С. 98.

Филитов А.М. Проблема наказания нацистских преступников в послевоенной Германии: история и историография // Новая и новейшая история. 2023. № 5. С. 18–33. DOI: 10.31857/S013038640028067-1

Sherwood P. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. М., 1958.

Экшут С.А. 80 лет Тегеранской конференции // Родина. 2022. № 12. С. 15–17.

Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. New York, 1973.

Bryant A. Triumph in the West, 1943–1945. London, 1959.

Churchill W. The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. London, 1952.

Eubank K. Summit at Teheran. New York, 1985.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961.

Forsmann J. Testfall für die “Großen Drei”. Die Besetzung Irans durch Briten, Sowjets und Amerikaner 1941–1946. Köln, 2009.

Mayle P.D. Eureka Summit: Agreement in Principle and the Big Three at Tehran. Newark, 1987.

Roosevelt E. As He Saw it. New York, 1946.

Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. New York, 1948.

References

Alekseev V.V. Zastol'naia diplomatiia Stalina i kulinarnyi anturazh vo vremia Tegeranskoi konferentsii 1943 g. [Stalin's table diplomacy and culinary entourage during the Tehran Conference in 1943] // Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii i Evrope. Sbornik statei pamiati Iu.S. Kukushkina [State and Society in Russia and Europe. Collection of articles in memory of Y.S. Kukushkin]. Sankt-Peterburg, 2022. S. 231–247. (In Russ.)

Berezhkov V.M. Tegeran [Tehran] 1943. Moskva, 1968. (In Russ.)

Dokumenty vneshnei politiki SSSR [Documents of the foreign policy of the USSR]. 1943. T. XXVI: v 2-kh kn. Kn. 2. Sentiabr'-dekabr' [September-December]. Maikop, 2016. (In Russ.)

Ekshut S.A. 80 let Tegeranskoi konferentsii [80 years of the Tehran conference] // Rodina [Homeland]. 2022. № 12. S. 15–17. (In Russ.)

Filitov A.M. Problema nakazaniia natsistskikh prestupnikov v poslevoennoi Germanii: istoriia i istoriografiia [The problem of punishment of Nazi criminals in post-war Germany: history and historiography] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 5. S. 18–33. DOI: 10.31857/S013038640028067-1 (In Russ.)

Ganusets A.I. Turetskii vopros na Tegeranskoi konferentsii [The Turkish question at the Tehran Conference] // Problemy istorii Turtsii. Sbornik statei pamiati A.F. Millera [Problems of the history of Turkey. Collection of articles in memory of A.F. Miller]. Moskva, 1978. S. 154–160. (In Russ.)

Kuznets Iu.L. Tegeran 43 [Tehran 43]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Narinskii M.M., Filitov A.M. Sovetskaia vneshniaia politika v period vtoroi mirovoi voiny. Kurs lektsii po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii (1939–1945 gg.) [Soviet foreign policy during the Second World War. A course of lectures on the history of international relations (1939–1945)]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Ruzvel't E. Ego glazami [Through his eyes]. Moskva, 1947. (In Russ.)

Semenov K.K. Tegeran 43. Vstrecha, opredelivshaia khod istorii [Tehran 43. The meeting that determined the course of history]. Moskva, 2023. (In Russ.)

Shervud R. Ruzvel't i Gopkins. Glazami ochevidtsa [Roosevelt and Hopkins. Through the eyes of an eyewitness]. Moskva, 1958. (In Russ.)

Stalin I.V. Sochineniia [Writings]. T. 13. Moskva, 1951. (In Russ.)

Tegeranskaia konferentsiia rukovoditelei trekh soiuznykh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii (28 noiabria – 1 dek. 1943 g.) [Tehran Conference of the Leaders of the three Allied Powers – the USSR, the USA and Great Britain (November 28 – Dec. 1943)]. T. 2. Moskva, 1984. (In Russ.)

Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. New York, 1973.

Bryant A. Triumph in the West, 1943–1945. London, 1959.

Churchill W. The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. London, 1952.

Eubank K. Summit at Teheran. New York, 1985.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961.

Forsmann J. Testfall für die “Großen Drei”. Die Besetzung Irans durch Briten, Sowjets und Amerikaner 1941–1946. Köln, 2009.

Mayle P.D. Eureka Summit: Agreement in Principle and the Big Three at Tehran. Newark, 1987.

Roosevelt E. As He Saw it. New York, 1946.

Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. New York, 1948.

© 2024 г. Е.Е. САВИЦКИЙ

Н.А. БУЛГАНИН И Н.С. ХРУЩЕВ В БИРМЕ В 1955 году: ОТТЕПЕЛЬ, ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ И АМБИВАЛЕНТНОСТИ СОВЕТСКОГО ОФИЦИАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Савицкий Евгений Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-Mail: e.savitski@gmail.com

Scopus Author ID: 57215186969; ORCID: 0000-0001-6649-3854; Researcher ID: R-7745-2016

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. Исследуется роль двусмысленностей и противоречий в советском официальном политическом языке периода «оттепели» в контексте внутренних и внешних политических изменений. В качестве основного источника используется составленное на основании публикаций в газете «Правда» двухтомное издание «Миссия дружбы: пребывание Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Афганистане», опубликованное в 1956 г. и посвященное поездке, состоявшейся годом ранее. Внутренней противоречивости и непоследовательности советской политики уделяется особое внимание в историографии последних лет, отошедшей от теории тоталитаризма. В частности, указывается на столкновение внутри- и внешнеполитических задач в связи с процессами деколонизации в 1950–1970-е годы. На примере освещения визита Булганина и Хрущева в Бирму делается попытка выявить конкретные обстоятельства появления противоречий, степень их эксплицитности в официальном советском тексте, их значение для внешнеполитического курса и политики внутри страны. Обращается внимание также на многозначность самого жанра описаний поездок первых лиц государства. Такого рода публикаций не было во времена Сталина, а их появление при Хрущеве толковалось по-разному. Двойная амбивалентность текста, на уровне формы и конкретных описываемых обстоятельств визита в Бирму, делает его особенно сложным документом. Автор приходит к выводу, что двойственность официального языка была в значительной мере осознанной стратегией, но во многих случаях являвшейся результатом вынужденной импровизации, имевшей целью примирить различные политические задачи. Противоречия делали возможным сочленения разных политических языков, дестабилизировавших официальную советскую риторику, но одновременно придавших ей больше гибкости и открытости.

Ключевые слова: СССР, Бирма, Мьянма, внешняя политика, визиты официальных делегаций, Н.А. Булганин, Н.С. Хрущев, У Ну.

E.E. Savitsky

Nikolai Bulganin and Nikita Khrushchev in Burma in 1955: Thaw, Decolonization, and Ambivalences of the Soviet Official Language

Savitsky Evgeny, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: e.savitski@gmail.com

Scopus Author ID: 57215186969; ORCID: 0000-0001-6649-3854; Researcher ID: R-7745-2016

This article was prepared with the support of a grant, provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. In the article, the author examines the function of ambiguity and contradiction in the Soviet official political language of the Thaw period in the context of internal and external political transformations. The two-volume publication, entitled “Mission of Friendship: N.A. Bulganin and N.S. Khrushchev’s Visit to India, Burma, Afghanistan”, published in 1956 and dedicated to the journey undertaken a year prior, serves as the principal source. Recent historiography has devoted significant attention to the internal contradictions and inconsistency of Soviet policy, particularly the clash between domestic and foreign policy objectives in the context of decolonisation processes from the 1950s to the 1970s. This shift in focus has marked a notable departure from the dominant theoretical perspective of totalitarianism. In examining the case of Bulganin and Khrushchev’s visit to Burma, the author seeks to discern the underlying contradictions, their degree of explicitness in the official Soviet text, and their impact on foreign and domestic policy. The analysis reveals that the ambivalence evident in the official narrative was, in large part, a strategic maneuver, though in many instances, it was the product of ad hoc improvisation aimed at harmonizing disparate political objectives. The existence of contradictions and ambivalences enabled the emergence of disparate political discourses, which undermined the rigidity of the official Soviet rhetoric while simultaneously rendering it more adaptable and malleable.

Keywords: USSR, Burma, Myanmar, foreign policy, visits of official delegations, Nikolai Bulganin, Nikita Khrushchev, U Nu.

«Около часа дня на аэродроме послышался нарастающий гул авиационных моторов. В ярко-синем небе зажглись сверкающие искорки — приближалась армада самолетов, в центре которых шел советский “Ильюшин-14”. Его эскортировали десять бирманских истребителей типа “Спитфайр”¹ и шесть реактивных самолетов “Вампир” — так 1 декабря 1955 г. начинался семидневный визит Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Бирму (совр. Мьянма)². Подробные сообщения об этом визите публиковались в советской прессе, а вскоре на основе отчетов о поездке в «Правде» был издан двухтомник «Миссия дружбы: Пребывание Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Афганистане», включавший также тексты официальных выступлений. Годом позже появляется более краткое, в одном томе, описание поездки в Бирму маршала Г.К. Жукова, составленное Л.М. Китаевым и Г.Н. Большаковым³. В 1960 г., после второго визита Н.С. Хрущева в Бирму и другие азиатские страны, было опубликовано уже три посвященных поездке тома: сборник материалов «Счастье и мир — народам!»⁴ и двухтомное собрание репортажей советских журналистов «Разбуженный Восток»⁵. Появление этих изданий свидетельствует не только об особой важности отношений со странами Южной и Юго-Восточной Азии в эпоху деколонизации, холодной войны и нарастающего соперничества с КНР, но и о том, сколь значимым был сам факт путешествий, описания которых, содержавшие исторические, этнографические и географические экскурсы, далеко выходили за рамки необходимого внешнеполитического информирования населения. В то же время трактовки таких поездок могли весьма разниться.

Еще чуть позже, 19 ноября 1962 г., выступая на пленуме ЦК КПСС по вопросу о партийном руководстве народным хозяйством, Н.С. Хрущев сделал отступление от основной темы разделения парторганизаций по отраслевому принципу, подвергнув критике вынесенного годом ранее из мавзолея И.В. Сталина за то, что тот мало путешествовал и встречался с людьми. Сравнивая Сталина, который «не верил массам», «не уважал рабочих»,

¹ Так в тексте. Правильно — «Спитфайр».

² Миссия дружбы: Пребывание Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Афганистане. Вып. 2. Сообщения специальных корреспондентов «Правды». М., 1956. С. 178–179.

³ Китаев Л.М., Большаков Г.Н. Визит дружбы. Пребывание Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в Индии и Бирме. М., 1957.

⁴ Счастье и мир — народам! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане. 11 февраля — 5 марта 1960 г. М., 1960.

⁵ Разбуженный Восток: Записки советских журналистов о визите Н.С. Хрущева в Индию, Бирму, Индонезию, Афганистан. Кн. 1–2. М., 1960.

и Ленина, который «глубоко понимал массы», «всегда был с рабочими», Хрущев указал собравшимся: «После революции Ленин немного прожил, но посмотрите, как тесно он был связан с массами. У него постоянно бывали ходоки от крестьян, делегаты рабочих, солдат. Он едет в деревню на открытие электростанции за десятки километров. Он едет к людям, к крестьянам, хочет их видеть, слышать сам, а не по докладам судить об их настроениях. Он выступает на митингах — на одном, на другом. Разве других ораторов не было? Были. Но Ленин хотел бывать на заводах, хотел не только говорить, но и видеть, как живут люди, хотел знать и чувствовать дух рабочих, для которых он жил и трудился. А Сталин где бывал? Однажды приехал на завод “Динамо”, и только тогда, когда шла борьба с троцкистами и зиновьевцами. После этого он на заводы не ездил. Все поездки — на дачу и в Кремль. Кремль был для посещений закрыт. И по городу боялся ездить, людей боялся. Запер себя человек в бронированном ящике. Какая это жизнь без связи с народом!»⁶ Хрущев преувеличивает склонность Ленина к путешествиям после революции: более дальней поездки, чем на открытие электростанции в подмосковной деревне Кашино 14 ноября 1920 г., он вспомнить не смог. Тем не менее любовь к поездкам оказывается важнейшим элементом следования истинно ленинскому курсу.

Еще через почти два года, на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г., когда Хрущева смещали с должности первого секретаря ЦК, секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов ставил в вину теперь уже самому Хрущеву, что тот, отойдя от ленинских принципов коллективного руководства, препятствовал путешествиям членов Президиума ЦК: «Большой вред в работе Президиума и Центрального Комитета наносился также и тем, что члены Президиума были фактически лишены возможности выезжать на места. В каждом из нас бьется коммунистическое сердце, и хотелось бы почаще бывать на местах, общаться с людьми, но в каждом случае, когда ставился вопрос о поездке того или иного члена Президиума в ту или иную республику или область, тов. Хрущев делал язвительное замечание: “Если делать нечего, поезжайте. Туристическую поездку хотите совершить?”»⁷.

Здесь можно отметить, что по наблюдениям Д. Кoenкер, изучавшей историю отдыха и туризма в СССР, как раз в эпоху Хрущева исчезает представление о том, что отпуск надо непременно посвящать восстановлению сил для новых трудовых подвигов, повышению собственного культурного уровня, воспитанию патриотизма и т.п. Свободное время, связанные с ним развлечения и веселье признаются самостоятельными целями. Отдых становится частью потребительской культуры и даже приобретает черты «престижного потребления»⁸. Характерно, что в приведенной Сусловым цитате Хрущев пользуется уже этим новым пониманием туризма, в то время как сам Суслов апеллирует еще к старой легитимации поездок — их требует «коммунистическое сердце». При этом поездки самого Хрущева включали в себя прогулки на корабliках с осмотром достопримечательностей, посещение танцевальных праздников, приобщение к местной кухне и многое другое, что выглядело развлечением. Включенные в сборник о поездке в Индию, Бирму и Афганистан в 1955 г. фотографии то и дело демонстрируют веселое, а вовсе не деловое настроение советских руководителей.

В тексте есть и прямые указания на эпизоды, маркируемые как «отдых». Например, на десятый день пребывания в Индии советские руководители посещают окрестности Утакамунда: «Разбросанный на склонах гор, утопающий в зелени Утакамунд каждое лето привлекает к себе туристов со всей страны. Столетний ботанический сад, являющийся украшением этого города, знаменитые утакамундские выставки цветов и фруктов, лодочные гонки на высокогорном озере, прогулки к прославленным водопадам Пайкара, наконец,

⁶ Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. 19–23 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 90–91.

⁷ Запись выступления члена Президиума и секретаря ЦК КПСС тов. М.А. Суслова на пленуме Центрального комитета КПСС // Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прозуменщиков и др. М., 2007. С. 255.

⁸ Кoenкер Д. SPАсибо партии: Отдых, путешествия и советская мечта. СПб., 2022. С. 245–410.

замечательный мягкий климат — все это составляет заслуженную славу курорта. ...После непродолжительного отдыха товарищи Хрущев и Булганин отправились в расположенное неподалеку от Утакамунда селение Сингари, где находятся крупные чайные и кофейные плантации, принадлежащие индийской компании “Сингари Нилгири плантейшн компани”⁹. Хотя отмечается, что отдых был кратким, перечисление доступных в Утакамунде удовольствий позволяет предположить его насыщенность. Стоит отметить также, что Утакамунд — один из типичных «горных городков», устроенных британцами для летнего отдыха. С XIX в. и до обретения Индией независимости он служил летней резиденцией губернатора Мадраса. Не случайно упоминание в тексте лодочных гонок — одного из любимых британских спортивных развлечений. То, что Хрущев и Булганин наслаждаются прелестями колониального курорта, а затем отправляются осматривать чайные плантации, не лишено двусмысленности. В описании путешествия специально оговаривается, что плантации с 1951 г. перешли под контроль индийской компании, что как бы предполагает отсутствие на них прежней иностранной эксплуатации, теперь индийцы работают сами на себя. О колониальном же прошлом Утакамунда прикомандированные к советским руководителям журналисты предпочитают не сообщать.

На октябрьском пленуме 1964 г. Суслов прямо указывает, что поездки Хрущева приобретали все более «парадный характер, с подношениями ему хлеба и соли и бесконечным повторением им одних и тех же неквалифицированных советов по каждому поводу и без всякого повода». Чуть дальше Суслов добавляет: «Тов. Хрущев в последние годы все больше терял чувство скромности, которое так необходимо партийному руководителю ленинского типа. Даже в поездке за границу по государственным делам он ни с того ни с сего брал с собой все свое многочисленное семейство и потомство, близких и дальних родственников и, конечно, угодников и подхалимов и их жен. Это были дорогостоящие поездки»¹⁰.

Упомянутый Сусловым «парадный характер» путешествия можно увидеть в процитированном в самом начале описании прибытия в Бирму в 1955 г.: Булганин и Хрущев появляются с неба в сверкающем огнями современном самолете с огромным сопровождающим их кортежем из бирманских истребителей. Огни кортежа и советского самолета при этом сливаются с огнями большого бирманского праздника Тазаунгдайнг: «В эти дни Рангун обычно ярко иллюминируется и люди искренне и радостно веселятся. В нынешнем году в связи с прибытием гостей из Москвы иллюминация особенно ярка и нарядна. Разноцветными мигающими огнями украшены шпили древних пагод. Гирлянды раскрашенных лампочек и фонариков висят поперек улиц и вдоль фасадов правительственных зданий, скрываются в густой листве могучих тропических деревьев»¹¹. Этим этнографическим описанием прибытие Булганина и Хрущева демократизируется — из вознесенного над земной жизнью парада оно превращается в часть народного праздника, который благодаря прибытию гостей становится особенно ярким и радостным.

В то же время описание праздника подспудно содержит в себе двусмысленность. В Бирме, как и в соседнем Таиланде, он имеет религиозный характер: зажженная свеча символизирует свет учения Будды, а сами праздничные ритуалы, совершаемые после окончания сезона дождей, — очищение от дурных мыслей и вообще всего плохого, возможность начать жизнь заново. В этот день принято совершать пожертвования монастырям. В советском описании религиозный характер праздника ожидаемо не упоминается, но самим этим намеренным умолчанием признается возможность уподобления Булганина и Хрущева, в честь которых горят огни в небе и на земле, богам. Чтобы не допустить этого и вообще представить Бирму в более светском ключе, авторы описания цензурят бирманскую праздничную традицию, создавая тем самым новое противоречие — стремление к большей открытости в отношениях с далекой страной, в том числе стремление открыть ее

⁹ Миссия дружбы... Вып. 2. С. 131.

¹⁰ Запись выступления... С. 257.

¹¹ Миссия дружбы... Вып. 2. С. 178.

для советских читателей и показать бирманцам дружественное лицо СССР, сталкивается с противоположным желанием прочно отгородиться от того, что не вписывается в желаемую картину путешествия.

В работах последних лет противоречивости советского официального дискурса уделяется особенно много внимания. Если в рамках теории тоталитаризма, доминировавшей в западных советологических исследованиях периода холодной войны, отмечалась мощь советской идеологии и навязывавшего ее гражданам аппарата принуждения¹², то с 1980-х годов, особенно в рамках так называемых «исследований советской субъективности», больше внимания уделялось усвоению жителями СССР советского официального языка, их способности идентифицировать себя с ним, причем вполне осознанно и целеустремленно, вплоть до готовности к самопожертвованию, чтобы стать настоящим коммунистом, что видно среди прочего по дневниковым и автобиографическим свидетельствам¹³. На рубеже XX–XXI вв., отчасти под влиянием моды на деконструктивистскую философию, стало обращаться больше внимания на непоследовательность, противоречивость советского дискурса, на его непрозрачность, которая, в частности, открывала большие возможности для создания ложных идентичностей, вплоть до самозванчества¹⁴.

Схожая трансформация происходила на рубеже XX–XXI вв. и в исследованиях ориентализма – характерных для западной культуры стереотипных образов Востока, с которыми мы имеем дело и в процитированном отрывке о прибытии в Бирму: страна с самого начала представляется как нечто красочно-инаковое, как вневременная этнографическая традиция. Не случайно в наше время праздник огней весьма популярен у посещающих Юго-Восточную Азию туристов, ищущих ярких развлечений и не очень интересующихся повседневной жизнью местного населения или актуальными политическими противоречиями. Э. Саид вслед за М. Фуко понимал дискурс как систему высказываний, сформированных культурной традицией, за пределы которой человек не может выйти, поскольку эти высказывания уже на лингвистическом уровне задают границы осмысления действительности, допускают лишь определенные способы соединения понятий и метафор. В итоге этот влиятельный дискурс оказывается неотличим от самой действительности, действительность приобретает его очертания. Для Саида житель обобщенно понимаемого Востока не способен опровергнуть ориенталистские стереотипы, поскольку сначала должен усвоить язык, на котором это можно сделать, но, поскольку это язык европейской традиции, то стоит его усвоить, и опровергать будет нечего¹⁵. Иначе ситуацию видел Х. Баба, который вслед за Ж. Деррида понимает всякий язык как больной, распадающийся, не способный к какой-либо завершенности и целостности, а потому разьедаемый противоречиями¹⁶. Никакое высказывание не может быть прояснено в полной мере, и само желание сделать это будет порождать дополнительные комментарии, лишь умножающие потребность в пояснении. Применяя размышления Деррида к ситуации в колониальной Индии, Баба писал об особой амбивалентности колониального дискурса, который постоянно колеблется между возвышенно-эпическим и низменно-комическим эффектами. Заявляя о великой цивилизаторской миссии, способствующей распространению в Индии прав человека, просвещения, европейской

¹² *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. См. также: За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера, Ш. Фицпатрик. М., 2011.

¹³ *Коткин С.* Говорить по-большевистски (из кн.: «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: Вехи историографии последних лет, советский период. Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 250–328; *Халфин И.* Автобиография большевизма. Между спасением и падением. М., 2023; *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. 3-е изд. М., 2023.

¹⁴ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011; *Хлевнюк О.В.* Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023.

¹⁵ *Саид Э.* Ориентализм. М., 2021. С. 17–60.

¹⁶ *Bhabha H.* Of Mimicry and Man. The Ambivalence of Colonial Discourse // Bhabha H. The Location of Culture. New York; London, 1993. P. 85–92.

медицины и т.п., колониальные власти оказываются вынуждены тут же делать оговорки, ведь полное предоставление гражданских прав индийцам разрушит саму систему внешнего господства над страной; стремление привить всех от заразных болезней потребует слишком больших затрат и обернется бунтами, и т.п.; поэтому исцелить, обучить и наделить правами можно будет не всех и не полностью¹⁷. Колониальный дискурс, отмечает Баба, постоянно производит «частичные объекты». Эти оговорки, которыми все больше обрастает великое эпическое послание колониализма, делают его проект комичным в глазах угнетенных, что ведет к утрате европейцами культурной и политической гегемонии, к краху колониального порядка.

Являются ли указываемые в исследованиях последнего времени противоречивость советского официального дискурса и амбивалентность языка колониализма лишь продуктами одной теоретической моды, или же в этих работах действительно открывается что-то, позволяющее ставить вопрос о сходствах и, что не менее важно, различиях между советским и колониальным дискурсами? Кроме того, уподобление СССР, а вслед за ним и современной России колониальной империи по ряду политических причин стало довольно расхожим в публицистике последних лет, которой гораздо больше, чем серьезных исследовательских работ по этой теме. Прибытие Хрущева в Бирму, будучи частью антиколониальной политики СССР, одновременно оперирует ориенталистскими стереотипами и может быть истолковано как стремление к собственной экспансии за счет бывших британских колоний. Вопрос в том, является ли непристойно-имперское «подлинной» оборотной стороной «антиколониального» или наоборот, за внешней архаичностью, несоответствием современности советских описаний скрывается все же нечто иное, чем раньше, для которого просто еще не найден новый язык и потому используется старый, излагающийся в противоречиях? Логика поиска подлинного за видимым привлекательна тем, что позволяет заниматься разоблачениями, обнаруживать чужие непристойные секреты, что в некоторых случаях действительно необходимо. Однако в других случаях, может быть, важно не столько разоблачить противоречия и избавиться от них, сколько исследовать конкретные множественные способы их функционирования в политическом языке: как продуцировались такие противоречия, в какой степени они были осознанными, подрывали ли они советскую политику, как считают многие исследователи, или же, напротив, делали ее более гибкой, позволяя удерживать одновременно разные тактические возможности?

Прежде чем вернуться к примерам из описания поездки Хрущева и Булганина, стоит еще обратить внимание на форму публикации этого текста, на ее необычность. В уже цитировавшемся выступлении Суслова на октябрьском пленуме 1964 г. о поездках Хрущева говорится: «При этом каждая такая поездка всегда сопровождалась огромными отчетами, публикуемыми во всех органах печати. В этих отчетах фиксировался буквально каждый чих и каждый поворот тов. Хрущева. Эти отчеты, наверное, набили всем нашим людям оскомину»¹⁸. Длительность поездок Хрущева и подробность их освещения действительно были необычны. Ни поездки Сталина в Тегеран и Берлин, ни поездки по стране М.И. Калинина не стали предметом многотомных описаний. Могли публиковаться карты поездок и встреч с людьми, но и это не было правилом.

Описания путешествий составлялись в предшествующую эпоху тогда, когда они были связаны с экстремальными испытаниями и великими достижениями, например исследованиями Арктики. Поездки Хрущева дальностью и продолжительностью, пренебрежением

¹⁷ Ср.: Арнольд Д. Государственное здравоохранение и государственная власть: Медицина и гегемония в колониальной Индии // Болезнь и здоровье: Новые подходы в истории медицины / под общ. ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб., 2008. С. 168–195. См. также об основных современных направлениях исследований колониализма: Мирзеханов В. С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Спец. выпуск «Африка в мировой истории». URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁸ Запись выступления... С. 257.

к возможным опасностям, видимо, также претендовали на своего рода героизм. В описании поездки в Бирму то и дело отмечается стремление представителей западной прессы устроить провокации — они выступают своего рода трикстерами, «демонически-комическими дублерами культурного героя»¹⁹: «Корреспонденты английских и американских буржуазных газет, продолжающие плестись по стопам гостей из Москвы, не могут не видеть, как много людей выходит повсюду навстречу советским руководителям и как горячо эти люди приветствуют их. ... Вчера вечером эти ловкачи разыскали в толпе одного человека, который написал на бумажке трудные для его произношения имена советских лидеров и кричал здравницу в их честь, заглядывая в бумажку, чтобы не исказить фамилий. Американские и английские фоторепортеры окружили его толпой и начали снимать со всех сторон, бурно и неприлично выражая свою радость по поводу того, что им “удалось” найти такой “кадр”. Они обнимались, целовались и поздравляли друг друга: они напишут, что власти-де заставляют народ выкрикивать приветствия по заранее розданным бумажкам»²⁰. Тем самым в тексте создается комически-гротескный образ преследовавших Хрущева вражеских агентов.

На обратном пути при перелете в Афганистан из-за сложных метеоусловий самолет не смог совершить посадку в Кабуле и ушел в Сталинабад (совр. Душанбе), где Б.Ф. Гафурову пришлось срочно организовывать встречу гостей: «С аэродрома товарищи Булганин и Хрущев направились в город. На протяжении всего пути следования их горячо приветствовали трудящиеся столицы Таджикистана»²¹. В связи с этим эпизодом описание поездки напоминает рассказы о подвигах совершавших дальние перелеты советских летчиков. Приводятся слова командира корабля летчика 1-го класса Н. Цыбина: «Летим в облаках и между слоями облаков. Они громоздятся выше и ниже нас — темнолиловые с белесыми прослойками. По радио узнаем, что в Кабуле идет дождь вперемешку со снегом. Аэродром расположен на высоте 1700 метров над уровнем моря. Кругом Кабула горы возвышаются до трех тысяч метров. Дождь продолжается. Нижняя кромка облаков опустилась над землей до ста метров. Видимость по горизонту почти отсутствует»²². По словам Цыбина, только после радиোগраммы от премьер-министра М. Дауда о невозможности принять самолет советские руководители решают—таки изменить курс.

Подобно тому, как в 1937—1938 гг. в Москве организовывались торжественные встречи экипажа Чкалова и папанинцев, в честь Булганина и Хрущева в аэропорту Москвы был устроен массовый митинг, участники которого, выступая, рассказывали, как внимательно следили за ходом поездки. «Мы ... вместе с Вами волновались», — сказал Н.М. Кузьмин, токарь завода «Красный пролетарий», лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета РСФСР. При всей официозности приветственных речей они позволяют увидеть, каким должно было быть восприятие поездки и подробных новостей о ней. «Москвичи не только наблюдали за Вашей поездкой», но и «радовались ходу ваших бесед», — говорил председатель Мосгорисполкома М.А. Яснов. «Мы от души радовались», — вторила ему учительница московской школы № 494 А.В. Федорова. Путешествие Булганина и Хрущева оказывается коллективным переживанием всего советского народа, и именно потому должно было быть максимально подробно представлено как в газетах, так и в изданных чуть позднее книгах.

Впрочем, описания поездок Хрущева могли вызывать и другие ассоциации. Монографические описания путешествий первых лиц государства, не характерные для 1920—1940-х годов, были обычны в дореволюционные времена. Возможно, самое известное сочинение такого рода, в том числе благодаря своему художественному оформлению, — трехтомное описание путешествия на Восток в 1890—1891 гг. будущего императора Николая II, составленное

¹⁹ Трикстер // Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. М., 1992. С. 670.

²⁰ Миссия дружбы... Вып. 2. С. 223.

²¹ Там же. С. 347.

²² Там же. С. 346.

кн. Э.Э. Ухтомским²³. В других подобных текстах описывались поездки великих князей Николая Николаевича Старшего, Михаила Николаевича, Владимира Александровича, Алексея Александровича, Георгия Александровича и др.²⁴ Здесь нет возможности провести подробное сопоставление этих текстов с травелогами эпохи Хрущева, но особое внимание к парадной и церемониальной составляющей путешествий было для них общим.

Показательно, что именно от темы «парадности» путешествий Хрущева Суслов на октябрьском пленуме 1964 г. переходит к вопросу о возрождении культа личности: «Тов. Хрущев бесцеремонно, неудержимо, всеми силами, открыто раздувал культ своей личности ...и его угодниками все делалось для того, чтобы каждый день публиковались либо его длиннейшие речи, либо многочисленные фотографии»²⁵.

Посвященный визиту в Индию, Бирму и Афганистан двухтомник «Миссия дружбы» содержит немало фотографий. Раздел о посещении Бирмы открывается цветным снимком, на котором члены советской делегации плывут по озеру Инле на раззолоченной пышной «Королевской барже»²⁶. В тексте об этом эпизоде путешествия говорится: «У празднично украшенной пристани стоит необычайный корабль, сделанный в форме птицы. Это так называемая “Королевская баржа”. Она щедро украшена позолотой и тончайшей резьбой. Гости поднимаются на борт корабля. Звучит команда, и... восемьсот гребцов, стоящих в затылок друг другу в десяти длинных и узких баркасах, на буксире у которых идет “Королевская баржа”, одновременно налегают на весла. Гребцы гребут стоя, держа весло в руке и отталкивая его назад ударом пятки»²⁷. Далее целую страницу занимает описание того, как баржа плывет по озеру и, наконец, причаливает к построенному посреди него на сваях бунгало. Там гостей щедро потчуют, и они становятся свидетелями праздничной регаты, описание которой занимает еще одну страницу. Вечером того же дня в благодарственной речи после торжественного обеда, устроенного Сао Кун Чо, главой входящего в состав Бирмы Шанского государства, Н.А. Булганин горячо поблагодарил за регату, но не стал упоминать о «Королевской барже» с 800 гребцами: «Мы весьма были тронуты горячим, искренним выражением чувств вашего народа, с которым мы встретились на чудесном озере Инле, где мы наблюдали захватывающие состязания в гонке на лодках. В этих выражениях чувств к нам мы видим яркую демонстрацию дружбы между нашими народами»²⁸.

На другой фотографии, не включенной в двухтомник, но сохранившейся в семейном архиве Л. Симоновой²⁹, можно увидеть украшенный цветами подиум, на котором возвышается покрытый пестрой тканью постамент с белым бюстом Булганина. Слева видна подсвечивающая бюст лампа — уже стемнело, и ярко сияющий образ Булганина особенно выделяется на изображении. Справа на подиум поднимаются оба советских руководителя в тюрбанах и с массивными золотыми украшениями на груди, при этом Булганин, оставаясь несколько в тени, с видимым смущением показывает рукой на свое изваяние, а Хрущев, улыбаясь, поглядывает на Булганина и, высоко подняв руки, аплодирует.

Помещение на подиум и украшение цветами портрета европейского правителя было обычной формой монархического культа в колониальную эпоху. Впрочем, как отмечает

²³ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича, 1890—1891. Т. 1—3. СПб., 1893—1897.

²⁴ Половцов А.А. Письма о заграничном путешествии его имп. выс. великого князя Владимира Александровича 1870 года. СПб., 1871; Случевский К.К. По Северу России. Путешествие их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 гг. Т. 1—2. СПб., 1886; Радде Г.И. 23 000 миль на яхте «Тамара»: Путешествие их императорских высочеств великих князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890—1891 гг. Т. 1—2. СПб., 1892, и др.

²⁵ Запись выступления... С. 258.

²⁶ Миссия дружбы... Вып. 2. Вклейка между с. 176—177.

²⁷ Там же. С. 211.

²⁸ Там же. Вып. 1. С. 217.

²⁹ Снимок опубликован среди материалов выставки «Лидеры СССР за границей» на сайте проекта «История России в фотографиях»: URL: <https://russiainphoto.ru/exhibitions/1469/#13> (дата обращения: 01.7.2024). Там же можно найти и другие связанные с визитом в Бирму 1955 г. фотографии.

С. Прочки в недавнем исследовании о портретах королевы Вильгельмины в Нидерландской Индии (совр. Индонезии)³⁰, выставление портрета могло иметь разные значения. Оно могло служить не только изъявлению верноподданических чувств, но также вписыванию изображения правителя в местную культурную традицию и тем самым — валоризации этой традиции перед лицом европейцев. На фотографии видно, что Булганин и Хрущев относятся к воздаваемым царским почестям с большой долей иронии, как к веселой игре. Однако лица стоящих за бюстом бирманцев гораздо более серьезны. Ирония по отношению к монархическим ритуалам (а возможно, и по поводу неуместной уже во времена «коллективного руководства» сталинской манеры возвеличивания главы государства³¹) оказывается на грани иронии по отношению к местной культурной традиции.

Таким образом, участники визита в Бирму сталкивались с противоречивой задачей: уважительно относиться к местным традициям, но при этом не вызывать у советских граждан аналогий с царскими временами. Подобного рода противоречия возникали в ходе поездки еще не раз. Вот еще три небольших примера.

Журналисты «Правды» сообщают о посещении в Рангуне (совр. Янгон, до 2005 г. — столица страны) советскими руководителями пагоды Шве-Дагон и даже совершении пожертвований в пользу храма. Это оказывается поводом для экскурсии о жизни буддийских монахов: «Приближаясь к пагоде Шве-Дагон, гости увидели на дорогах много бритоголовых людей в оранжевых мантиях, перекинутых через одно плечо, с черными лакированными сосудами в руках. Это монахи»³². В пояснении как будто признается, что жителям СССР образ буддийского монаха неизвестен, потому что почти все храмы были закрыты и разрушены, а духовенство большей частью репрессировано. Возможно, как следствие этого противоречия, через три месяца, в марте 1956 г., будет отменен режим спецпоселения для калмыков, а в январе 1957 г. им разрешат вернуться в родные места. В состав делегации, посещавшей Индию, Бирму и Афганистан, входил лично занимавшийся депортациями председатель КГБ СССР И.А. Серов, которого в 1958 г. переведут на менее публичную должность начальника Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР.

Осматривая порт Рангуна, где все еще были видны разрушения времен Второй мировой войны, Булганин возмущается действиями наших союзников в войне с Японией (Рангун в 1942–1945 гг. был оккупирован японской армией и использовался для ее нужд; при отступлении англичан портовые сооружения были взорваны, а затем неоднократно подвергались бомбардировкам британской и американской авиаций). Показывает эти разрушения советской делегации премьер-министр У Ну, занимавший в 1942–1945 гг. пост министра иностранных дел и информации в коллаборационистском правительстве Ба Мо, о чем в советском описании поездки не упоминается.

Залюбовавшись резными орнаментами в бирманской архитектуре, Хрущев спохватывается, что мы-то в СССР объявили борьбу с украшениями зданий, считая их расточительством. 4 ноября 1955 г., за несколько дней до отъезда делегации из Москвы, было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», обозначившее переход от сталинской к хрущевской архитектурной и градостроительной политике. Разворот к неомодернистской «интернациональной архитектуре» в духе В. Гропиуса и Л. Миса ван дер Роэ сталкивается с постколониальной валоризацией национальных строительных традиций. Чтобы выйти из сложной ситуации, первый секретарь ЦК признает, что «в данном случае архитектурные украшения оправдывают

³⁰ Prottschky S. *Photographic Subjects: Monarchy and Visual Culture in Colonial Indonesia*. Manchester, 2019. См. об этой книге: Савицкий Е. Колониальная фотография и воспитание (не)граждан (обзор) // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 594–605.

³¹ См.: Артюков А.П., Козловская Г.Е. Содержание доклада Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» как итог «скрытой» десталинизации 1953–1956 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 12. Вып. 5 (103). URL: <https://history.jes.su/S207987840016001-0-1> (дата обращения: 01.07.2024)

³² Миссия дружбы... Вып. 2. С. 198.

свое назначение»³³. В этой фразе утилитаристский язык стремящегося к стандартизации международного неомодернизма парадоксально соединяется с отсылкой к уникальности факта. Кроме того, Хрущев тут же рассказывает, что после издания постановления американцы предложили архитектору А.В. Власову³⁴, находившемуся в тот момент в зарубежной поездке, не возвращаться на родину, но советские архитекторы — патриоты и ценят критику как помощь в работе.

Эти и приведенные ранее примеры показывают, что противоречия советского политического языка не были чем-то подспудным и неосознанным, но было бы неверно свести их и к сознательному лицемерию: они то и дело возникали как вынужденная импровизация в ответ на конкретные обстоятельства, позволявшие хоть как-то сбалансировать различные аспекты внутренней и внешней политики, пока еще нет возможности их изменить (вернуть из ссылки калмыков, дождаться модернизации и секуляризации постколониальных стран и т.п.) То, с какой частотой эти противоречия возникают в повествовании о государственных визитах в Индию, Бирму и Афганистан 1955 г., свидетельствует, что для советского политического языка этого времени амбивалентность была скорее нормой, чем исключением, делая возможным сочленение разных, а порой и едва ли совместимых политических языков, что, вероятно, можно отнести к особенностям эпохи «оттепели» и деколонизации.

Библиография

Арнольд Д. Государственное здравоохранение и государственная власть: Медицина и гегемония в колониальной Индии // *Болезнь и здоровье: Новые подходы в истории медицины* / под общ. ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб., 2008. С. 168—195.

Артюков А.П., Козловская Г.Е. Содержание доклада Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» как итог «скрытой» десталинизации 1953—1956 гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 12. Вып. 5 (103). URL: <https://history.jes.su/S207987840016001-0-1> (дата обращения: 01.07.2024).

За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера, Ш. Фицпатрик. М., 2011.

Китаев Л.М., Большаков Г.Н. Визит дружбы. Пребывание Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в Индии и Бирме. М., 1957.

Коенкер Д. SPАсибо партии: Отдых, путешествия и советская мечта / пер. с англ. В.А. Петрова. СПб., 2022.

Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн.: «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет, советский период. Антология* / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 250—328.

Мирзеханов В.С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. Спец. выпуск «Африка в мировой истории». URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 01.07.2024).

Миссия дружбы: Пребывание Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Афганистане. Т. 1—2. М., 1956.

Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. М., 1992.

Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прокуменщиков и др. М., 2007.

Лайнс Р. Россия при большевиках. М., 1997.

Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. 19—23 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М., 1963.

Половцов А.А. Письма о заграничном путешествии его имп. выс. великого князя Владимира Александровича 1870 года. СПб., 1871.

Радде Г.И. 23 000 миль на яхте «Тамара»: Путешествие их императорских высочеств великих князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890—1891 гг. Т. 1—2. СПб., 1892.

³³ Миссия дружбы... Вып. 2. С. 200—201.

³⁴ Главный архитектор Киева в 1944—1950 гг., Москвы в 1950—1955 гг., президент Академии архитектуры СССР в 1955—1956 гг., занимался ее ликвидацией.

Разбуженный Восток: Записки советских журналистов о визите Н.С. Хрущева в Индию, Бирму, Индонезию, Афганистан. Т. 1–2. М., 1960.

Савицкий Е. Колониальная фотография и воспитание (не)граждан (обзор) // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 594–605.

Саид Э. Ориентализм. М., 2021.

Случевский К.К. По Северу России. Путешествие их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 гг. Т. 1–2. СПб., 1886.

Счастье и мир — народам! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане. 11 февраля — 5 марта 1960 г. М., 1960.

Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 1–3. СПб., 1893–1897.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

Халфин И. Автобиография большевизма. Между спасением и падением. М., 2023.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. 3-е изд. М., 2023.

Хлевнюк О. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023.

Bhabha H. Of Mimicry and Man. The Ambivalence of Colonial Discourse // Bhabha H. The Location of Culture. New York; London, 1993. P. 85–92.

Protschky S. Photographic Subjects: Monarchy and Visual Culture in Colonial Indonesia. Manchester, 2019.

References

Arno'd D. Gosudarstvennoe zdravookhranenie i gosudarstvennaia vlast': Meditsina i gegemoniia v kolonial'noi Indii [Public Health and State Power: Medicine and Hegemony in Colonial India] // Bolezni i zdorov'e: Novye podkhody v istorii meditsiny [Disease and Health: New Approaches in the History of Medicine] / red. Iu. Shliumbom, M. Hagner, I. Sirotkina. Sankt-Peterburg, 2008. S. 168–195. (In Russ.)

Artukov A.P., Kozlovskaja G.E. Soderzhanie doklada N.S. Khrushcheva "O kul'te lichnosti i ego posledstviakh" kak itog "skrytoi" destalinizatsii 1953–1956 gg. ["Secret Speech" of Nikita Khrushchev "On the Cult of Personality and Its Consequences" as a Result of the Hidden De-Stalinization of 1953–1956] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. Vol. 12. № 5 (103). URL: <https://history.jes.su/S207987840016001-0-1> (access date: 01.7.2024). (In Russ.)

Fitzpatrick Sh. Sryvajte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka [Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Halfin I. Avtobiografija bol'shevizma. Mezhdru spaseniem i padeniem [Red Autobiographies. Initiating the Bolshevik Self]. Moskva, 2023. (In Russ.)

Hellbeck J. Revoliutsiia ot pervogo litsa: Dnevnik stalinskoi epokhi [Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin]. 3-e izd. Moskva, 2023. (In Russ.)

Khlevniuk O. Korporatsiia samozantsev. Tenevaia ekonomika i korruptsiia v stalinskom SSSR [Imposter Corporation. Shadow Economy and Corruption in the Stalinist USSR]. Moskva, 2023. (In Russ.)

Kitaev L.M., Bol'shakov G.N. Vizit družby. Prebyvanie Marshala Sovetskogo Soiuza G.K. Zhukova v Indii i Birme [Friendship Visit. Stay of Marshal of the Soviet Union G.K. Zhukov in India and Burma]. Moskva, 1957. (In Russ.)

Koenker D.P. Spacibo partii: Otdyh, puteshestviia i sovetskaja mechta [Club Red. Vacation Travel and the Soviet Dream]. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Kotkin S. Govorit' po-bol'shevistski (iz knigi "Magnitnaya gora: Stalinizm kak tsivilizatsiia") [Speaking Bolshevik (from "Magnetic mountain: Stalinism as a civilization")] // Amerikanskaja rusistika: Vehi istoriografii poslednih let, sovetiskij period. Antologija [American Russian Studies: Milestones in Historiography of Recent Years, Soviet Period. Anthology]. Samara, 2001. S. 250–328

Mifologicheskii slovar' [Mythological dictionary] / red. E.M. Meletinskiy. Moskva, 1992. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Fenomen kolonializma v mirovoi istorii: temy i tendentsii noveishei istoriografii [The Phenomenon of Colonialism in World History: Themes and Trends in Recent Historiography] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. Vol. 14. Spets. vypusk "Afrika v mirovoi istorii". [Special Issue: Africa in World History]. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (access date: 01.7.2024). (In Russ.)

Missiia družby: Prebyvanie N.A. Bulganina i N.S. Khrushcheva v Indii, Birme, Afganistane [Mission of Friendship: N. Bulganin and N. Khrushchev's Stay in India, Burma, Afghanistan]. Vol. 1–2. Moskva, 1956. (In Russ.)

Nikita Khrushchev. 1964. Stenogrammy plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty [Nikita Khrushchev. 1964. Transcripts of the Plenum of the CPSU Central Committee and Other Documents] / sost. A.N. Artizov, V.P. Naumov, M.Iu. Prozumenshchikov i dr. Moskva, 2007. (In Russ.)

Pipes R. Rossiia pri bol'shevikh [Russia under the Bolshevik Regime]. Moskva, 1997. (In Russ.)

Plenum Tsentral'nogo komiteta Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz. 19–23 noiabria 1962 g. Stenograficheskii otchet [Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. November 19–23, 1962. Verbatim report]. Moskva, 1963. (In Russ.)

Polovcov A.A. Pis'ma o zagranichnom puteshestvii ego imp. vys. velikogo kniazia Vladimira Aleksandrovicha 1870 goda [Letters about the foreign travel of His Imperial Highness Grand Duke Vladimir Alexandrovich in 1870]. Sankt-Peterburg, 1871. (In Russ.)

Radde G.I. 23 000 mil' na iakhte "Tamara": Puteshestvie ikh imperatorskikh vysochestv velikikh kniazei Aleksandra i Sergeia Mikhailovichei v 1890–1891 gg. [23,000 miles on the yacht "Tamara": The Voyage of Their Imperial Highnesses Grand Dukes Alexander and Sergei Mikhailovich in 1890–1891]. Vol. 1–2. Sankt-Peterburg, 1892. (In Russ.)

Razbuzhennyi Vostok: Zapiski sovetskikh zhurnalistov o vizite N.S. Khrushcheva v Indiiu, Birmu, Indoneziiu, Afganistan [Awakened East: Notes of Soviet Journalists about N. Khrushchev's visit to India, Burma, Indonesia, Afghanistan]. Vol. 1–2. Moskva, 1960. (In Russ.)

Said E. Orientalism [Orientalism]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Savitsky E. Kolonial'naia fotografiia i vospitanie (ne)grazhdan (obzor) [Colonial Photography in the Education of (Non-) Citizens (Overview)] // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2020. № 6 (166). S. 594–605. (In Russ.)

Schast'e i mir – narodam! Prebyvanie Predsedatelia Soveta Ministrov SSSR N.S. Khrushcheva v Indii, Birme, Indonezii i Afganistane. 11 fevralia – 5 marta 1960 g. [Happiness and peace to the peoples! Stay of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR Khrushchev in India, Burma, Indonesia and Afghanistan. February 11 – March 5, 1960]. Moskva, 1960.

Sluchevskii K.K. Po Severu Rossii. Puteshestvie ikh imperatorskikh vysochestv velikogo kniazia Vladimira Aleksandrovicha i velikoi kniagini Marii Pavlovny v 1884 i 1885 gg. [In the North of Russia. The journey of Their Imperial Highnesses Grand Duke Vladimir Alexandrovich and Grand Duchess Maria Pavlovna in 1884 and 1885]. Vol. 1–2. Sankt-Peterburg, 1886. (In Russ.)

Ukhtomskii E.E. Puteshestvie na Vostok ego imperatorskogo vysochestva gosudaria naslednika tsesarevicha [Journey to the East of His Imperial Highness the Heir to the Throne], 1890–1891. Vol. 1–3. Sankt-Peterburg, 1893–1897. (In Russ.)

Za ramkami totalitarizma: Sravnitel'nye issledovaniia stalinizma i natsizma [Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared] / red. M. Geyer, Sh. Fitzpatrick. Moskva, 2011. (In Russ.)

Bhabha H. Of Mimicry and Man. The Ambivalence of Colonial Discourse // Bhabha H. The Location of Culture. New York; London, 1993. P. 85–92.

Protschky S. Photographic Subjects: Monarchy and Visual Culture in Colonial Indonesia. Manchester, 2019.

© 2024 г. Е.А. ОСИПОВ

«ПРОБУЖДЕНИЕ ИСЛАМА». ФРАНЦУЗСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСЛАМСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В ИРАНЕ. НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ АРХИВА МИД ФРАНЦИИ

Осипов Евгений Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: eaossipov@gmail.com

Scopus Author ID: 57213980973; ORCID: 0000-0001-8907-4580

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 20-18-00482.1

Аннотация. Исламская революция в Иране 1978–1979 гг. привела к трансформации всего исламского мира. В статье на основе материалов из архива МИД Франции рассматривается реакция французских дипломатов и экспертов на события в Иране и их последствия, прежде всего в контексте роста значения религиозного фактора. Во Франции отмечали двойственный характер происходивших событий. С одной стороны, действительно, отмечалась «реисламизация» населения в мусульманских странах, во многих из них ислам стал тем цементирующим и стабилизирующим фактором, вокруг которого национальные лидеры выстраивали новую идентичность после обретения независимости. С другой стороны, французские дипломаты подчеркивали, что религиозный фактор не играл самостоятельной роли, а скорее использовался местными лидерами для достижения своих политических целей. Анализ документов показывает, что у французских экспертов присутствовала переоценка степени западного влияния на образованные и имущие слои населения в мусульманских странах и, наоборот, недооценка способности национально ориентированных исламских лидеров и движений к модернизации своих стран и одновременно к отстаиванию ими права на развитие по собственному пути, отвечающему нравам и традициям этих народов. Примечателен и тот факт, что многие выводы, сделанные французскими дипломатами на рубеже 1970–1980-х годов, не соответствуют современным трактовкам французских властей. В частности, вопрос защиты прав женщин и ношения ими религиозной одежды был представлен преимущественно в контексте самоидентификации женщин и проявления ими религиозных чувств, а не ущемления их прав. В справках МИД Франции от 1978–1979 гг. не была представлена проблематика влияния ислама, в том числе в его радикальной форме, в странах Магриба и Ближнего Востока на мусульманскую общину Франции.

Ключевые слова: Иран, Иранская революция 1979, страны Магриба, арабские страны, Ближний Восток, Франция, ислам, религиозный радикализм.

Е.А. Osipov

“The Revival of Islam”: A French View of the Islamic Revolution in Iran

Evgeny Osipov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: eaossipov@gmail.com

Scopus Author ID: 57213980973; ORCID: 0000-0001-8907-4580

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant № 20-18-00482.

Abstract. In this article, the author investigates the responses of French diplomats and experts to the events occurring in Iran during 1978–1979 and their consequences. This analysis is conducted primarily in the context of the rising prominence of religious considerations in international relations. To this end, the author draws on materials from the archives of the French Ministry of Foreign Affairs. In France, the dual nature of these events was acknowledged. Firstly, there was a notable “re-Islamisation” of the populations in Muslim countries. In many of them, Islam became an influential factor in the formation of national identities after independence, serving to unify and stabilise communities. Secondly, French diplomats emphasised that while religion played a part in these developments, it was not the sole driving force. Rather, it was employed by local leaders as a political tool to advance their own agendas. The French experts demonstrated a tendency to overestimate the degree of Western influence on educated and wealthy sections of Muslim populations, while simultaneously underestimating the capacity of nationally oriented Islamic leaders and movements to modernise their respective countries. Furthermore, these experts also underestimated the ability of these leaders and movements to defend their right to development in accordance with their own customs and traditions. It is notable that many of the conclusions drawn by French diplomats at the turn of the 1970s and 1980s do not align with the contemporary interpretations of the French authorities. A review of the French Foreign Ministry notes from 1978 to 1979 revealed no mention of the issue of Islamic influence and its radical form in the Maghreb and the Middle East on the Muslim community in France.

Keywords: Iran, the Iranian Revolution, the Maghreb, Arab countries, the Middle East, France, Islam, religious radicalism.

В современной Франции постоянно обсуждаются темы постепенного распространения ислама, роста религиозного радикализма среди арабской молодежи, появления на карте территорий, «утраченных «Республикой»¹. Вплоть до конца 1970-х годов ни сами французы, ни французские СМИ не рассматривали религию как часть миграционного вопроса. Считалось, что мигранты² приехали во Францию на время, на заработки, о возможном кризисе идентичности тогда почти не говорили³.

Государственные органы также долгое время не уделяли внимания росту численности мусульманской общины во Франции, особенностям жизненного уклада французских мусульман и вопросам иностранного влияния на них. Одним из подтверждений этому служит процесс переговоров между Саудовской Аравией и Францией об открытии в Париже в 1977 г. офиса Всемирной исламской лиги. Документы архива МИД Франции показывают, что этот вопрос воспринимался в Пятой республике прежде всего как составляющая двусторонних отношений между Парижем и Эр-Риядом, тема распространения ислама во Франции, в том числе в радикальном варианте, при этом не принималась в расчет⁴.

Поворотным моментом стала Исламская революция в Иране в 1978–1979 гг. Именно тогда во Франции, как и в целом в Европе, резко возрастает интерес к исламу. В сентябре 1978 г. Департамент Северной Африки и Леванта МИД Франции рассылает циркуляр во французские посольства в мусульманских странах (или в страны со значительным исламским населением) с заданием подготовить аналитические справки о роли ислама в них.

¹ Brenner E. Les territoires perdus de la République. Paris, 2004; Les territoires conquis de l’islamisme / Sous la direction de B. Rougier. Paris, 2020.

² Шмелев Д. В. Мусульманская иммиграция во Франции в XX в.: причины, циклы, проблемы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015636-8-1/> (дата обращения: 14.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840015636-8

³ Осипов Е. А. Франция. 1983–1989. От марша за равенство к делу о мусульманском платке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (дата обращения: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S0002027-8-1

⁴ Осипов Е. А. Открытие офиса Всемирной исламской лиги в Париже в 1977 г. По документам архива МИД Франции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028700-9-1/> (дата обращения: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840028700-9

Статья основана как раз на этих справках, представляющих значительных интерес и по большей части не введенных до этого в научный оборот.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что французские послы включали в свои отчеты обширные описания общеизвестных основных характеристик ислама, в том числе перечисляются главные направления и различия между течениями ислама, а также краткий пересказ событий из истории исламского мира, что еще раз подтверждает, что в конце 1970-х годов практика работы государственных структур во Франции по исламскому вопросу только формировалась.

В Архиве МИД Франции сегодня хранится несколько аналитических записок о развитии религиозного фактора в мусульманских странах, подготовленных Департаментом Северной Африки и Леванта МИД Франции. В справке от 6 декабря 1978 г. отмечается, что вопрос о прогрессивности или реакционности ислама, бывший ранее в центре дискуссии, теперь не актуален, поскольку главным становится другой аспект: «является ли ислам фактором, способным в одиночку или вместе с другими идеологиями стабилизировать или, наоборот, потрясти фундамент государства или общества, и предложить новые и оригинальные решения актуальных проблем»⁵. Ислам как религия и как образ мысли и жизни «направлен на повторение, соблюдение правил и сохранение социальных структур, а не на их адаптацию или упразднение»⁶, что поднимало вопрос о способности исламских стран и обществ трансформироваться и соответствовать стремительно меняющимся тенденциям современного мира.

Среди факторов, оказывавших наибольшее влияние на исламский мир, французские дипломаты прежде всего выделяли факт образования государств-наций. В процессе деколонизации и обретения народами государственного суверенитета именно ислам стал тем объединяющим фактором, который использовался местными политиками для консолидации сил. При этом особенно отмечалось, что ислам националистами используется, но не выступает как самостоятельная организующая сила, поэтому большая часть местных лидеров в мусульманских странах была «христианского происхождения или, что еще более часто, светскими людьми»⁷. Иными словами, ислам «поставлял структуру и символы, которые использовались властью: он мог служить знаменем для борьбы буржуазии с коммунизмом, или, наоборот, быть союзником коммунизма против тирании или системы, основанной на несправедливости, неравенстве и эксплуатации, когда он объединялся с националистами против колонизаторов»⁸.

В справке от 8 декабря 1978 г. лидеры мусульманских стран делились на три категории в зависимости от проводимой ими религиозной политики. Во-первых, те, кто пытался избежать противоречия между исламом и модернизацией страны, но все же отдавал предпочтение модернизации (например, партия «Баас» или лидеры Алжира после обретения независимости). Во-вторых, те, кто выбирали средний путь (Анвар Садат в Египте или король Иордании Хусейн бин Талал). И, наконец, те страны, которые проводили политику «религиозного интегризма» (Саудовская Аравия, Марокко и, конечно, Ливия во главе с Каддафи)⁹. Отметим, что во всех французских записках и справках, где упоминаются противоречия между традиционным исламом и так называемым модернизмом, под модернизацией понималось проведение реформ на западный манер, что было явно упрощенной трактовкой тех сложных тенденций, которые зарождались в исламском мире.

Авторы справок отмечали, что использование исламского фактора местными властями в качестве средства достижения политических целей приводит к тому, что «ислам не

⁵ Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973–1979. 375QO/379. Note. Le facteur religieux dans la vie politiques des pays musulmans. 6 décembre 1978.

⁶ Ibid. Note de reflexion sur l'islam et le monde moderne. 8 décembre 1978.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

действует, а реагирует»¹⁰, имея в виду, что религиозная политика в мусульманских странах заключалась не в формировании новых смыслов, а скорее в реагировании на происходившие в обществе изменения. Именно поэтому особое внимание начало уделяться ограничению и полному запрету на продажу алкоголя, ношению религиозной одежды женщинами и т.д. Позднее исследователи начали связывать быстрые изменения в обществе с распространением именно радикальных форм ислама. Французский исламовед Хаким Эль Каруи писал: «Исламизм только в 1970–1980-х годах становится массовым движением. Мы считаем, что его популярность — парадоксальный результат чрезвычайно быстрой модернизации арабских обществ, выраженной в изменении положения женщины, снижении рождаемости или в увеличении числа женщин, получающих среднее и высшее образование. Именно в момент, когда произошла быстрая трансформация общества, или когда даже структура семейных связей и отношений между полами была поставлена под вопрос, исламизм стал массовой идеологией»¹¹. Радикальный ислам, согласно этой трактовке, оказался формой консерватизма, дав сторонникам традиционного взгляда на исламское общество простые ответы на вопросы, порождаемые ускоренной модернизацией.

В целом документы по исламскому вопросу, хранящиеся сегодня в архиве МИД Франции, имеют противоречивый характер. С одной стороны, в них подчеркивалось, что исламский фактор скорее используется местными властями, а не определяет развитие этих стран. С другой стороны, в этих же документах отмечалось, что в независимости от того, находились ли у власти там светские лидеры, ориентированные на Запад либералы или выступающие за сближение с СССР социалисты, абсолютно во всех мусульманских странах к концу 1970-х годов ислам считался государственной религией, а тенденция к увеличению его влияния была очевидной и никем не оспаривалась.

Что касается событий в Иране, то французское посольство в Тегеране подготовило несколько обширных справок о причинах революции, ее действующих силах и о роли религиозного фактора. Посол Франции в Иране Рауль Делайе в справке от 18 июня 1979 г. отмечал, что активность оппозиционных шаху движений в Иране заметна давно и далеко не все они имели религиозный характер. Однако для аятоллы Хомейни революционное движение носило именно религиозный, а не политический характер: «Вернувшийся в Иран после 15-летнего изгнания в результате народного восстания, он не допускает мысли, что у всего этого может быть какая-то другая цель, кроме возвращения к исламу»¹².

Про причины успеха Хомейни Делайе пишет следующее: «Аятолла инстинктивно опирается на народные массы, для которых мечети служат убежищем и которые митинговали на протяжении месяцев против сил правопорядка под флагами духовенства. Этот главный актив по-прежнему в руках Хомейни. Как говорят его сторонники, одно его слово вывело бы на улицу миллионы людей, свергнувших власть шаха. Им достаточно сказать, что прежний режим не до конца побежден, что враг подстерегает, что ислам под угрозой. В этой ситуации... марксисты, гошисты всех видов или простые светские республиканцы ничего не смогли бы поделать. Им удастся понемногу ослаблять позиции аятоллы, но они знают, что он способен на все, и что среди них нет никого, кто обладал бы достаточным авторитетом, чтобы возглавить сопротивление исламу»¹³.

Основное противоречие Иранской революции, по мнению французских дипломатов, состояло в том, что, с одной стороны, действительно, существовал запрос широких народных слоев на возвращение к традиции ислама и на резкое увеличение роли религии и духовенства в жизни общества. С другой стороны, «Иран, который аятолла хотел вернуть под знамена шиизма, сильно изменился. Природные богатства и рыночная экономика встряхнули страну. Бегство правящей элиты, связанной с прежним режимом, не меняли

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Karoui el H. La fabrique de l'islamisme. Institut Montaigne. Rapport. Septembre 2018. Paris, 2018. P. 15.

¹² Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973–1979. 375QO/379. Télégramme de R. Delayé № 3422/3449. 18 juin 1979.

¹³ Ibidem.

сути ситуации: все более и более многочисленный средний класс включился в современную жизнь. Он не нуждался в советах шаха, чтобы обогащаться или чтобы присоединиться, экономически и морально, к западному миру»¹⁴. В итоге живущий на западный манер средний класс оказался в сложной ситуации. Оппозиция режиму шаха сделала их союзниками религиозных течений, однако при этом именно они составляли внутри революционных сил оппозицию аятолле и выступали против клерикализма.

Посол Франции в Иране Делайе также отмечал, что происходившие в Иране события имели внутренний характер, а иностранцы не играли в них серьезной роли: «Катастрофический уход американцев не привел к приходу русских, испытывающих недоверие к исламскому движению и аятолле... Русские стремятся держаться в стороне от внутренних конфликтов. Они, как и все остальные, озабочены только тем, чтобы спасти то, что можно спасти от находящихся под угрозой рынков и источников поставок. Их неудачное вмешательство в Афганистане, где установленный ими режим столкнулся с религиозным сопротивлением, публично поддерживаемым здесь духовенством, только еще больше парализовало их на иранской сцене. Но они умеют ждать, и у меня такое ощущение, что их посольство здесь, несмотря на явно негативное отношение к нему, советует Москве проявить терпение перед лицом внутренней ситуации в Иране»¹⁵.

В целом в аналитических справках посольства Франции в Тегеране отмечалось, что революционные события в Иране базируются на трех важных аспектах: рождение иранской революционной модели; утверждение новой исламской солидарности; противодействие иностранному влиянию на Иран как с Запада, так и с Востока¹⁶. И в основе этого процесса находился именно ислам и его возвращение в качестве главной составляющей иранской государственности. При этом французы отмечали, что попытка построения революционной модели на основе исламской солидарности обречена на провал, поскольку, несмотря на очень большой интерес в исламском мире к событиям в Иране, Тегеран по-прежнему находился в плохих отношениях со всеми своими соседями, возвращение Ирана к шиитским традициям «не приблизило его к суннитскому миру»¹⁷.

Помимо Ирана, ключевая роль в распространении ислама принадлежала и продолжает принадлежать Саудовской Аравии, на территории которой находятся главные для мусульман святыни и которая обладает финансовыми возможностями для распространения своего влияния. Активное взаимодействие между Парижем и Эр-Риядом по исламскому вопросу началось еще в начале 1970-х годов. После длительных переговоров в 1977 г. в Париже был открыт офис Всемирной исламской лиги. Основную роль в этом сыграл тогдашний посол Франции в Саудовской Аравии Робер Ришар, регулярно и торопивший свое руководство с принятием положительного решения, постоянно подчеркивая близость Лиги к королю Саудовской Аравии и факт открытия ее офисов в других странах.

В ответ на запрос департамента французского МИД о роли ислама в мусульманских странах, Робер Ришар подготовил обширную справку «Традиционализм и модернизм в Саудовской Аравии». Центральное место в ней занимала часть о «ваххабизме» — ведущем течении в исламе саудитов. Ришар отмечал, что ваххабизм представляет собой бескомпромиссное и строгое учение, основанное на идее возвращения к традиционному исламу. Ришар также подчеркивал, что, несмотря на приверженность традиционализму, «ваххабизм» настаивает на рациональности, способной обеспечить потребность в прогрессе, снимая тем самым спор о противоречии между традиционализмом и модернизмом в мусульманских странах¹⁸. Таким образом, справка Ришара создавала довольно позитивный образ радикального ислама в Саудовской Аравии.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid. 375QO/378. Note de R. Delayé. L'Iran entre la référence islamique et les dissensions du monde arabe. 23 mai 1979.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. 375QO/380. Note de R. Richard. Traditionnalisme et modernisme en Arabie Saoudite. 17 octobre 1978.

Также Ришар писал о роли бедуинов в истории королевства. Он отмечал, что, хотя бедуины в конце 1970-х годов составляли всего 15% от населения королевства (за 20 лет до этого – 70%), они по-прежнему играли ключевую роль в стране и являлись основой исламского традиционализма¹⁹. Французский посол подробно останавливался на правах женщин и распространении женской религиозной одежды в Саудовской Аравии: «Сообщество бедуинов является средой преимущественно воинственной, где роль женщины второстепенна... Ее жизнь сконцентрирована на продолжении рода и на замужестве. И даже в вопросе замужества принимающий решение отец обычно не консультируется с девушкой... Представляется, что специфическая природа женщины, ее роль жены, матери и хозяйки, живущей в тени своего мужа и во всем от него зависимой, в большей степени восходит именно к бедуинским представлениям о жизни, чем к исламской концепции как таковой»²⁰. Ришар пишет о том, что общество бедуинов носило эндогамный характер и именно этим посол Франции в Саудовской Аравии объясняет повышенное внимание в королевстве к женской религиозной одежде: по мере развития своих общественных структур бедуины вступали в контакт с кочевниками из других племен и коренными жителями городов с нравами «более или менее развратными», по мере учащения контактов эндогамия оказывалась под угрозой, и обычаи, такие как ношение платка, были установлены, чтобы защитить женщин... и отличить мусульман от язычников»²¹.

Тема религиозной одежды сегодня приобрела во Франции особую остроту. Известная тунисская писательница, борец за равенство женщин и мужчин Эле Бежи в интервью в «Фигаро» 22 августа 2017 г. отмечала, что «мусульманский платок – не акт подчинения, а скорее самоутверждения, ультраиндивидуализма, право индивида быть самим собой, каким бы абсурдным не было его поведение»²². Интересно, что в 1978 г. Ришар фактически говорил о том же. В своей справке от 17 октября 1978 г. он писал: «Положение женщин является для иностранцев самым шокирующим аспектом [жизни] саудовского общества... Зрелище маленьких девочек и молодых девушек в темных платьях и черных платках на выходе из школы или вид женщин, идущих за покупками, огорчает. Не пытайтесь оправдать все это, мы тем не менее должны понимать, что саудовские женщины не ощущают свою судьбу так, как женщины, живущие в монастырях»²³.

Таким образом, анализируя роль ислама в Саудовской Аравии, посол Франции в Эр-Рияде подробно останавливается на самых дискуссионных с европейской точки зрения аспектах вопроса – распространение ислама в радикальной форме и положение женщины в исламском обществе – и в обоих случаях дает происходящим процессам умеренную оценку.

Учитывая тесные связи Франции со странами Магриба, отдельное внимание МИД уделял развитию ислама в Северной Африке, особенно в Алжире, где за 16 лет до этого закончилась кровопролитная франко-алжирская война. Посол в Алжире в справке от 10 октября 1978 г. отмечал определяющую роль ислама в борьбе Алжира за свою независимость от Франции. Как и другие французские дипломаты, он писал о народном, глубинном характере развития религии в стране и, соответственно, о том, что простые алжирские воины были в гораздо большей степени привержены исламу, чем руководители революционного движения в Алжире в 1950–1960-е годы²⁴. В частности, первого президента независимого Алжира Ахмеда бен Беллу обвиняли в том, что он окружил себя атеистами, а его отстранение и приход к власти Хуари Бумедьена в 1965 г. как раз связывали с возвращением к арабо-исламским ценностям.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² Le Figaro. 22.VIII.2017.

²³ Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973–1979. 375QO/380. Note de R. Richard. Traditionnalisme et modernisme en Arabie Saoudite. 17 octobre 1978.

²⁴ Ibid. Note de Guy de Commynes de Marsilly. Islam algérien: rôle et exploitation. Le 10 octobre 1978.

Посол в Алжире Ги де Коммин де Марсилли также отмечал, что несмотря на общую тенденцию к возвращению исламом своих позиций, Алжир остается одной из самых светских стран региона. Бумедьен дистанцировался от наиболее консервативных, интегристских религиозных течений и даже запретил в 1970 г. известный журнал консервативного толка *Al-Qiyam* («Ценности»). Самые цитируемые и популярные в стране средства массовой информации продолжали выходить на французском языке, представители зажиточных и наиболее образованных слоев населения по-прежнему вели западный образ жизни, не связывая себя религиозными нормами и ограничениями. Простые алжирцы по-прежнему пренебрегали каждодневной молитвой, но принимали участие в больших религиозных праздниках, что являлось для них скорее частью общей культуры, а не религии²⁵.

Однако здесь в 1976 г. именно по религиозным причинам пятница вместо воскресенья стала выходным днем. Как и другие дипломаты, посол в Алжире подтверждает приверженность женщин исламским традициям: «Хотя они осознают, что религия представляет собой препятствие на пути к их эмансипации, алжирские женщины чаще всего исповедуют очень сильную веру, зачастую отягченную суевериями в широких народных кругах»²⁶. В целом подготовленная посольством в Алжире справка свидетельствовала, что там возвращение к исламским традициям происходило медленнее, чем в других мусульманских странах, ориентация алжирской элиты и образованных слоев населения на связи с западными странами по-прежнему была очень заметна, однако давление широких слоев населения все равно способствовало тому, что исламский характер независимого Алжира никем в обществе не оспаривался.

По оценкам французских дипломатов, Тунис, еще недавно был наиболее вестернизированной и светской из всех мусульманских стран²⁷. Все население страны говорило на французской языке, в 1950–1960-е годы был принят ряд законов, направленных на уменьшение роли ислама в стране: эмансипация женщин, запрет полигамии, регламентация разводов, упразднение религиозных праздников в календаре. Однако несмотря на это, посол Франции в Тунисе Филипп Ребейроль отмечал, что во второй половине 1970-х годов число мечетей в стране увеличилось в три раза, заметно возросло и число людей, посещающих места культа и соблюдающих религиозные традиции. Особенное внимание посол обратил на то, что суннизм в Тунисе распространен повсеместно, в стране нет «ни сект, ни религиозных меньшинств, ни оппонентов, против которых можно было бы мобилизовываться», т.е. повышение уровня религиозности происходило не в качестве протеста и не ради достижения каких-то политических целей, а потому что отвечало подлинным народным представлениям о нормах жизни²⁸.

Развитие ислама в Марокко также стало предметом исследования в 1978 г. Согласно марокканской традиции, король считался главой мусульманского сообщества страны, соответственно, ислам являлся государственной религией королевства, любые дебаты на тему светскости в стране были запрещены²⁹. В начале 1970-х годов, в период усиления западного влияния в Марокко, народные массы обвиняли королевскую власть в отходе от религиозных традиций. Последовавшее за этим «восстановление облика монарха как религиозного лидера»³⁰ стало как раз причиной стабилизации ситуации в королевстве.

В целом в дипломатических справках по странам Магриба отмечалось заметное усиление роли ислама, ставшего мобилизующим фактором при формировании независимых национальных государств. Показательны цифры количества паломников в Мекку. В 1977 г. хадж совершили 53 230 алжирцев, тогда как в 1971 г. — всего 3936 человек. Среди марокканцев

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibid. 375QO/379. Télégamme de Philippe Rebeyrol № 1274/1282. Influence de l'Islam en Tunisie. 3 octobre 1978.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibid. Télégamme № 2283/91. Le facteur religieux dans la vie politique marocain. 5 octobre 1978.

³⁰ Ibidem.

также был заметный рост: 22 674 человека в 1977 г. против 10 640 паломников в 1971 г. Та же тенденция наблюдалась и в Тунисе: 7914 человек в 1977 г. и 4207 паломников в 1971 г.³¹

Французские аналитики связывали рост популярности ислама среди североафриканской молодежи с «утратой иллюзий после обретения независимости»³². Религия стала «убежищем»³³ для молодежи, испытывавшей серьезные жизненные трудности и не уверенной в своем будущем. В отличие от экономической составляющей, которая способствовала скорее развитию кризисных элементов в обществе, ислам содействовал стабилизации ситуации в Северной Африке. Существовала тенденция к росту религиозного радикализма среди арабской молодежи. В связи с этим в основном упоминалась организация «Братья-мусульмане» (запрещена в России), чье влияние, по словам дипломатов, «не стоило недооценивать»³⁴.

Посол Франции в Бахрейне Морис Фужерус в мае 1979 г. отмечал, что в королевстве вслед за событиями в Иране, несмотря на царившие в Бахрейне либерализм и модернизм, также началась дискуссия о необходимости ношения женщинами религиозной одежды. Шиитские группы подняли вопрос о возвращении абайи (традиционная мусульманская женская одежда с рукавами) в школы, поставив в трудное положение министерство образования страны. Оно было вынуждено выбирать между «желанием обеспечить защиту прав женщин и неготовностью нарушить чувства шиитских верующих». Власти Бахрейна в итоге встали на сторону верующих и поддержали ношение абайи в школах. Вслед за французскими дипломатами из других мусульманских стран посол Морис Фужерус также отметил, что в публичном пространстве Бахрейна ношение абайи «больше не воспринимается как ретроградство, но, скорее, как принадлежность к религии»³⁵. Отметим, что с 1 сентября 2023 г. ношение абайи было запрещено во французских школах специальным циркуляром Министерства просвещения Франции. Аргументация министерства при этом строилась как раз на том, что ношение абайи нарушает права женщин.

В целом события Исламской революции в Иране в 1978–1979 гг. стали во Франции отправной точкой роста интереса к изучению роли религиозного фактора в мусульманских странах. Подготовленные осенью 1978 г. в посольствах Франции справки по этой теме носят противоречивый характер. С одной стороны, французские дипломаты отмечали, что в Северной Африке, на Ближнем Востоке происходило подлинное «пробуждение ислама», повсеместно росло число людей, посещавших места культа. Во многих странах ислам стал тем цементирующим и стабилизирующим фактором, вокруг которого национальные лидеры выстраивали новую идентичность после обретения независимости. Во всех мусульманских странах, прошедших путь деколонизации, ислам утвердился в качестве государственной религии и его статус не оспаривался.

С другой стороны, французские дипломаты подчеркивали, что религиозный фактор не играл самостоятельной роли, а скорее использовался местными лидерами для достижения своих политических целей. Последующая история показала, что французы переоценивали степень западного влияния на образованные и имущие слои населения в мусульманских странах и чересчур много внимания уделяли ложному вопросу о противоречии между отстаиванием традиционных исламских ценностей и стремлением к прогрессу. Очевидно, что в представленных сегодня в архиве МИД Франции документах за 1978–1979 гг. присутствовала недооценка способности исламских лидеров и движений к модернизации своих

³¹ Archives du ministère des affaires étrangères. Direction ANMO. Arabie Saoudite. 1973–1982. 55. Ambassade de France en Arabie Saoudite. Note de Robert Richard. № 1199/ANL. 28 novembre 1978.

³² Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973–1979. 375QO/379. Télégramme de Philippe Rebeyrol № 1274/1282. Influence de l’Islam en Tunisie. 3 octobre 1978.

³³ Ibid. Télégramme № 2283/91. Le facteur religieux dans la vie politique marocain. 5 octobre 1978.

³⁴ Ibid. Télégramme de Philippe Rebeyrol № 1274/1282. Influence de l’Islam en Tunisie. 3 octobre 1978.

³⁵ Ibid. 375QO/378. Note de Maurice Fougereuse. Bahrein et la morale islamique. 1 mai 1979.

стран и одновременно к отстаиванию ими права на развитие по своему пути, отвечающему нравам и традициям этих народов.

По большей части подготовленные французскими дипломатами документы носили безоценочный, описательный характер. В частности, постепенное распространение ислама в радикальных формах, особенно среди молодежи, показано как одна из тенденций, которую не стоит недооценивать, но и отдельного внимания ей также не уделено. Вопрос защиты прав женщин и ношения ими религиозной одежды представлен французскими дипломатами в контексте самоидентификации женщин и проявления ими религиозных чувств, что сильно отличается от современной трактовки французских властей. Особенно отметим, что ни в одной из справок МИД Франции от 1978–1979 гг. не представлена проблематика влияния ислама, в том числе в его радикальной форме, в странах Магриба и Ближнего Востока на мусульманскую общину Франции.

Библиография / References

Осипов Е.А. Франция. 1983–1989. От марша за равенство к делу о мусульманском платке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (дата обращения: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S0002027-8-1

Осипов Е.А. Открытие офиса Всемирной исламской лиги в Париже в 1977 г. По документам архива МИД Франции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028700-9-1/> (дата обращения: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840028700-9

Шмелев Д.В. Мусульманская иммиграция во Франции в XX в.: причины, циклы, проблемы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015636-8-1/> (дата обращения: 14.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840015636-8

Osipov Ye.A. Frantsiya. 1983–1989. Ot marsha za ravenstvo k delu o musul'manskom platke [France. 1983–1989. From the March for Equality to the Case of the Muslim Scarf] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2017. T. 8. Vyp. 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (access date: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S0002027-8-1 (In Russ.)

Osipov Ye.A. Otkrytiye ofisa Vsemirnoy islamskoy ligi v Parizhe v 1977 g. Po dokumentam arkhiva MID Frantsii [The Opening of the Muslim World League Office in Paris in 1977. Based on Materials from the Archives of the French Foreign Ministry] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T.14. Vyp. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028700-9-1/> (access date: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840028700-9 (In Russ.)

Shmeliev D.V. Musul'manskaya immigratsiya vo Frantsii v XX v.: prichiny, tsikly, problem [Muslim Immigration to France in the 20th Century: Causes, Cycles, Problems] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2021. T.12. Vyp. 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015636-8-1/> (access date: 14.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840015636-8 (In Russ.)

Brenner E. Les territoires perdus de la République. Paris, 2004.

Karoui el H. La fabrique de l'islamisme. Institut Montaigne. Rapport. Septembre 2018. Paris, 2018.

Kepel G. Les banlieues de l'islam. Naissance d'une religion en France. Paris, 1987.

Les territoires conquis de l'islamisme / Sous la direction de B. Rougier. Paris, 2020.

© 2024 г. Ю.Л. МИХАЙЛОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ЛАТВИИ О ПЕРИОДЕ ПЕРВОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ. 1987–1990

Михайлова Юлия Леонидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: mikhailova@list.ru

Researcher ID: J-7625-2017

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. В годы перестройки в Латвии произошло формирование нового исторического нарратива. Возникли различные общественные инициативы, исходившие от политических и общественных групп. Одной из них стало восстановление памяти о «забытых страницах истории», событиях и людях, которые по идеологическим причинам в Советском Союзе не упоминались. Поскольку речь в этот период шла о восстановлении государственного суверенитета, «возрождение» памятных дат, связанных с историей первой независимости Латвийской Республики (1918–1940), стало логичным следствием поиска своих истоков. Многие события прошлого вписывались не только в контекст коллективной памяти, но и упоминались в политических документах, направленных на восстановление суверенитета. Процесс формирования новой исторической памяти включал различные составляющие — коммеморативные практики, «возрождение» забытых исторических дат (День независимости 18 ноября), акции, призванные привлечь внимание к истории потери первой независимости («Балтийский путь»). Одна из основных целей данного процесса — создание нового исторического нарратива, который подразумевал бы преемственность и юридическую идентичность между Латвийской Республикой межвоенного периода и той, что в позднесоветскую эпоху стремилась выйти из состава СССР и восстановить утраченную независимость. Выстраивание доктрины государственной непрерывности подразумевало, с одной стороны, поиск опорных точек, которые стали бы фундаментом для новой государственной и национальной идентичности, с другой — включало и публичное обсуждение «черных страниц» истории (таких событий, как советско-германский договор о ненападении 23 августа 1939 г., депортации 1940–1941 гг. и 1948–1949 гг.), что отражало желание преодолеть тяжелое историческое прошлое, связанное с потерей независимости в 1940 г., и выстроить концепцию легитимных международных отношений.

Ключевые слова: СССР, Латвия, перестройка, историческая память, историческая политика.

J.L. Mikhailova

Formation of Historical Memory of the First Independence Period in Latvia in the Perestroika Years, 1987–1990

Mikhailova Julia, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: mikhailova@list.ru

Researcher ID: J-7625-2017

Abstract. The author analyses the evolution of a new historical narrative in Latvia during the era of Perestroika, a period marked by the emergence of numerous public initiatives springing from political and social movements. One of the key initiatives was the restoration of the memory of ‘forgotten pages of history’, namely events and individuals who had been erased from the historical record in the Soviet Union for ideological reasons. Given that the restoration of state sovereignty was a central objective of this period, the “revival” of commemorative dates related to the history of the Republic of Latvia’s first independence (1918–1940) was a logical consequence of the search for one’s roots. A number of historical events were not only integrated into the collective memory but also referenced in political documents designed to reinstate national sovereignty. One of the primary objectives of this process was to construct a new historical narrative that would assert continuity and legal identity between the Republic of Latvia of the interwar period and the one that emerged in the late Soviet era, seeking to secede from the USSR and regain its lost independence. The formulation of the doctrine of national continuity entailed, on the one hand, the pursuit of reference points that would serve as the basis for a new state and national identity, and, on the other hand, encompassed a public discourse on the “black pages” of history, reflecting the aspiration to overcome the challenging historical legacy associated with the loss of independence in 1940 and to establish a framework for legitimate international relations.

Keywords: USSR, Latvia, Perestroika, historical memory, historical politics.

Историческая память как сложный коллективный феномен — отражение представлений той или иной социальной группы о прошлом. Специалисты, изучающие механизмы формирования исторической памяти, отмечают, что это подвижная, обновляемая структура. Потребность в обновлении возникает особенно остро в кризисные моменты, когда в результате внутренних или внешних вызовов может потребоваться реорганизация памяти о прошлом, своеобразная «перезагрузка»¹.

Последние годы существования СССР — эпоха перестройки — стали, безусловно, одним из таких моментов. Ярким примером стремления к «перезагрузке» прошлого явились республики Прибалтики, для которых обращение к истории, в частности к эпохе независимости в межвоенный период (1918–1940), стало не только попыткой переосмыслить прошлое, актуализировать те события, которые замалчивались или предавались в советский период забвению, но и включить это новое прошлое в исторические и политические концепции.

С этим тесно связаны процессы построения новой национальной идентичности. Как отмечает Л.П. Репина, «национальная идентичность исторична, нация, по сути, тождественна истории нации, т.е. нарративам национальной истории»². Формирование новой исторической памяти в прибалтийских республиках, в том числе Латвии, было связано с постепенным оформлением идеи выхода из состава СССР. Если на раннем этапе перестройки требования политической независимости еще не звучали широко, то с развитием общественно-политических движений (Народный фронт Латвии — НФЛ, Движение за национальную независимость Латвии — ДННЛ) запрос на корректировку представлений о собственной национальной идентичности звучал все отчетливее. В прошлое уходила принадлежность к общей, «советской» нации, на первый план выходила задача построения национальных государств.

Обращение к истории играет в этих процессах большую роль. Исследователи особое внимание уделяют ответу на вопрос: почему одни факты «забываются», стираются из коллективной памяти, а другие, наоборот, возрождаются или трактуются по-новому? Изучению

¹ См.: Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания. М., 2003; *Ее же*. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–15.

² Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность. С. 12.

практик «коммеморации» и «рекоммеморации» и тесно связанных с этим политических процессов посвящено немало исследований³.

В республиках Прибалтики процессы «коммеморации» и «рекоммеморации» активизировались в момент начала дискуссий о будущем республик, о возможном выходе из состава СССР. С конца 1980-х — начала 1990-х годов стремление различных общественных групп в Латвии «реабилитировать», «вернуть» забытые исторические даты связано с поиском опорных точек для определения того, по какому пути должна идти республика. Поскольку речь шла о восстановлении суверенитета, обращение к периоду Первой мировой и Освободительной войн 1918–1920 гг., провозглашению Латвийского государства и истории Первой Латвийской Республики стало логичным следствием поиска своих истоков.

Тема формирования новой исторической памяти как набора практик, с помощью которых различные политические силы создают новую историческую канву, выводят на первый план те или иные исторические события, создают новый календарь памятных дат, вызывает у исследователей неизменный интерес. Уделяется внимание тому, как рождалось новое гражданское общество в период распада СССР и стремления к независимости его бывших частей, а также акцентам, расставлявшимся, чтобы показать «черные страницы истории», связанные прежде всего с пребыванием республик в составе Советского Союза⁴. Формирование «новой» истории тесно связано также и с национальными отношениями, появлением «русского вопроса» в Прибалтике, дискуссиями по вопросам гражданства, национальности, статуса русского языка. Этому также уделяется большое внимание в современной историографии⁵. Российских исследователей интересуют в первую очередь истоки «дискриминационной политики» стран Балтии в отношении меньшинств, прежде всего русскоязычного населения⁶. Интерес этот неразрывно связан с тем, что отношения со странами Балтии за истекшие тридцать с лишним лет с момента обретения ими независимости нельзя назвать безоблачными, поэтому теме «войн памяти» как особой форме идеологического противостояния на постсоветском пространстве также уделяется немалое внимание⁷. Тезисы о «приватизации истории» на постсоветском пространстве⁸, в том числе в странах Балтии, отражают болезненность дискуссий и показывают, что целый ряд сфер общественной жизни является полем жестоких битв памяти⁹, которые далеки от завершения. Истоки их берут начало в том числе в эпоху перестройки.

³ Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2002; Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007; Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 43–64; Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории // Там же. С. 109–124; Маколи М. Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. 2011. № 1–2. С. 134–149; Миллер А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121; и др.

⁴ См.: Оленченко В. А. Календарь как отражение исторической памяти в странах Балтии // Россия и Балтия. Вып. 11. Проблемы истории XX века / отв. ред. А. О. Чубарьян, ред.-сост. Е. Л. Назарова. М., 2023. С. 314–326.

⁵ См.: Мусаев В. И. «Русский вопрос» в странах Балтии в 1990-х – 2000 гг. и российско-прибалтийские отношения // История и историческая память. 2011. № 4. С. 87–106.

⁶ Зеерев К. А. Русскоязычное население Латвии в контексте местной политики памяти (1991–2014 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 70–77.

⁷ Бордюгов Г. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011; Зеерев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 202–215.

⁸ См., например: Чураков Д. О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом / под ред. К. А. Пахалюка. М.; СПб., 2018. С. 421–431.

⁹ См. например: Бадасян В. Э. Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве // Преподавание военной истории в России и за рубежом / под ред. К. А. Пахалюка. М.; СПб., 2018. С. 67–86; Давиденко А. А., Мегем М. Е., Филёв М. В. Декодировка символического пространства: «памятникопад» в странах Балтии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 12 (122). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840021796-4-1/> (дата обращения: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840021796-4

В настоящей статье речь пойдет о начальном периоде формирования нового исторического нарратива в Латвии в годы перестройки, когда вследствие различных инициатив, исходивших как от политических групп, так и общественных деятелей, восстанавливалась память о «забытых страницах истории», событиях и людях, которые по идеологическим причинам в Советском Союзе не упоминались. Хронологические рамки статьи обозначают важную веху в этих процессах: именно в последние годы перестройки и существования СССР в принятых в республиках Прибалтики политических документах, направленных на восстановление суверенитета, многие исторические события объявлялись доминирующими и выстраивалась концепция преемственности и юридической идентичности независимых государств Балтии, существовавших в 1918–1940 гг., и республик, стремившихся выйти из состава СССР и восстановить утраченную независимость¹⁰.

Подготовка общественного мнения Латвии в период перестройки приняла форму общественных дискуссий. Публикации в латвийской печати («Ригас Балсс», «Елгава Зиньтайс», «Советская молодежь», «Даугава», *Liesma* и др.), посвященные различным историческим событиям, авторами которых были как журналисты, общественные деятели, так и профессиональные историки, служат отражением того, как эти вопросы обсуждались в публичной сфере. Немало исторических событий и памятных дат получали новые интерпретации, положительные или отрицательные оценки, становились основой для второго «национального возрождения».

Так, например, возрождается память об истории участия латышских стрелковых батальонов в Первой мировой войне и подчеркивается их роль в крупных сражениях, в том числе в Митавской операции (так называемых Рождественских боях) 1916–1917 гг., когда русская армия предприняла попытку наступления в соответствии с общим планом Антанты¹¹. Справедливости ради надо заметить, что идея рассматривать латышские стрелковые батальоны русской императорской армии как предтечу национальной армии Латвии родилась гораздо раньше — об этом писали историки и публицисты Первой Республики в 1920–1930-х годах¹². Несмотря на то что приказ об образовании батальонов подписал в 1915 г. командующий Северо-Западным фронтом генерал М.В. Алексеев, призыв латышских депутатов Госдумы «Собирайтесь под латышскими флагами!» вызывал у многих национальный восторг¹³. В межвоенный период память о том, что латыши воевали против немцев, защищая родную землю, была важнее истории формирования их батальонов под российской имперской властью.

В период перестройки можно наблюдать схожие процессы — для многих авторов важно было подчеркнуть национальную составляющую и отказаться от традиционной советской трактовки империалистической войны, в которой участники-латыши рассматривались «несчастливыми, обманутыми жертвами». Напротив, истоки борьбы за национальную независимость искали и находили в сражениях Первой мировой войны — борьба латышей против немцев летом 1919 г., Цессиская битва, в ходе которой объединенные силы национальных армий Эстонии и Латвии одержали победу над немецкими войсками («Железной дивизией» и «Прибалтийским ландесвером»)¹⁴, освобождение Риги и вытеснение с территории

¹⁰ См.: Михайлова Ю.Л. «Вспоминая историческую годовщину...»: Рижский мирный договор 11 августа 1920 г. в латвийской прессе в 1988–1990 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023400-9-1/> (дата обращения: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840023400-9; Зверев К.А. Русскоязычное население Латвии... С. 71.

¹¹ Были и рождественские бои // Ригас Балсс. 04.XI.1989.

¹² См. об этом: Михайлова Ю.Л. Историческая память о войне 1812 года в латвийской прессе в межвоенный период // Россия и Балтия. Вып. 10. Диаспоры народов Балтии к востоку от этнической родины. XIX — начало XX века / отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М., 2021. С. 408–428.

¹³ См.: Шалда В. Истина или легенды: актуальные вопросы истории латышских стрелков в публицистике и историографии Латвийской Республики // Россия и Балтия. Вып. 9. Источник и миф в истории / отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М., 2020. С. 85–86.

¹⁴ Cēsu kaujām — 70 // *Liesma*. 05.VII.1989; Cēsu kauju hronika // *Padomju Druva*. 17.VI.1989; Pulkvedis V. Ozols par Cēsu kaujām // *Padomju Druva*. 22.VI.1989.

Латвии армии П.Р. Бермондта-Авалова, как борьба героя латышского эпоса Лачплесиса против Черного Рыцаря (который также являлся пришлым захватчиком — немцем), делала их героями «справедливой освободительной войны»¹⁵.

Именно поэтому завершение бермонтиады, когда латышские силы 11 ноября 1919 г. вытеснили Западнорусскую добровольческую армию из предместий Риги, в межвоенный период назвали Днем Лачплесиса, днем памяти героев¹⁶. В период перестройки эта дата вернулась в праздничный календарь республики — соответствующим указом от 10 ноября 1989 г. Президиум Верховного Совета ЛССР признал его памятным днем¹⁷. Эти события, вновь «открытые» для латышского народа, трактовались уже не как классовая, а как национальная победа, а празднование этой даты сопровождалось с 1989 г. вывешиванием национальных красно-бело-красных флагов, которые вновь стали символом борьбы: «Утром 11 ноября в центре нашего города и в других местах к небу взвился самый дорогой и прекрасный флаг на земле — наш красно-бело-красный флаг. Он был поднят, этот боевой флаг латышского народа, чтобы он сегодня звал нас к новой освободительной борьбе»¹⁸.

11 ноября, а также 18 ноября — день, когда в 1918 г. Народный Совет Латвии провозгласил независимость, романтизировались и популяризовались в прессе и общественном пространстве Латвии, стали «святыми днями памяти»: «18 ноября — это снова государственный праздник, его политическое значение сегодня — крепить наше национальное самосознание и самоуважение, помочь избавиться от синдрома неполноценности, приобретенного в период сталинизма и стагнации»¹⁹.

Это включало и различные коммеморативные практики — митинги и шествия, возложение цветов к памятным местам (монументу Свободе в Риге, например), возвращение старых названий улицам и бульварам, связанных с именами и событиями истории межвоенной Латвии²⁰.

Была предпринята попытка подвергнуть пересмотру и такой исторический факт, как год основания Риги. Так, например, в одном из интервью ученый-химик, академик АН ЛССР Я.П. Страдыньш, который представлял также Латвийское объединение историков естествознания и техники, заявлял: «Мы меняем год основания Риги — этот вопрос недавно обсуждался на редколлегии новой энциклопедии Рига. Вместо традиционного 1201 года, когда епископ Альберт заложил средневековый немецкий город, мы выбираем 1198 год, когда впервые в Хронике Генриха Латвийского упоминается место — Рига, упоминается в связи с тем, что возле него ливы разбили первый отряд меченосцев. Дело не в том, что Рига станет на три года старше... и ее 800-летие будет отмечаться еще в XX веке, но в том, что мы увязываем основание города не с приходом меченосцев, а с историей местных народностей, с древней традицией великого пути из варяг в греки»²¹. Попытка удревнить историю латышей, показать, что автохтонное население, хоть и испытало значительное немецкое влияние в Средние века, имело свою историю и культуру — отнюдь не новое на тот момент «слово в науке». Схожие процессы происходили и в межвоенный период, когда в Первой Республике крепло желание доказать, что город Рига был основан не «немецкими купцами и рыцарями». В 1930-е годы этой проблемой серьезно занимался археолог Фр. Балодис, который в 1938 г. представил доклад об основании Риги, где подчеркивал, что «еще до прибытия немцев в страну латышей на берегах Даугавы, на месте Риги, были

¹⁵ Были и рождественские бои // Ригас Балсс. 04.I.1989.

¹⁶ Добелис Я. Хроника боев за освобождение Риги // Ригас Балсс. 10.XI.1988.

¹⁷ 11 ноября — день Лачплесиса // Елгавас Зиньтайс. 11.XI.1989. № 178. См. также: Закон Латвийской ССР «О праздничных и памятных днях» // Советская молодежь. 14.XI.1989.

¹⁸ Елгавас Зиньтайс. 14.XI.1989; 18.XI.1989.

¹⁹ Елгавас Зиньтайс. 11.XI.1989.

²⁰ См. например: Кем является для нашего народа Янис Чаксте? // Елгавас Зиньтайс. 07.IV.1989.

²¹ Страдынь Я. «История... Возведение мостов между народами, эпохами и людьми» // Даугава. 01.IX.1987. С. 111–122.

три селения» куршей, земгалов, летгалов и ливов²². Но даже и в этом случае правильное говорить не об «открытии», а лишь об интерпретации фактов и данных археологии.

Отказ от «немецкого прошлого» — характерная черта идеологии Первой Республики, времени строительства национального государства, когда в прибалтийских немцах как бывших господах видели раздражающий фактор. В конце 1980-х годов, разумеется, подобной неприязни прибалтийские немцы уже не вызывали, однако общественная инициатива²³ членов Латвийского объединения историков естествознания и техники диктуется схожим желанием: написать историю латышской Латвии в тот исторический момент, когда вопрос о суверенитете — уже не просто мечты, а все более реальная перспектива.

В латвийской прессе публиковались и материалы, посвященные возвращению памятных дат в соседних республиках, которые шли по тому же пути. Так, вышла обзорная статья о возвращении старых праздничных дат: 24 февраля 1918 г., когда был опубликован Манифест ко всем народам Эстонии, в котором провозглашалась независимость Латвии, уже упомянутая Цесисская битва 23 июня 1919 г. (в эстонской традиции — битва под Вынну, «День победы»), 2 февраля 1920 г., день заключения Тартуского мира с РСФСР, который стал признанием независимой Эстонии²⁴. Ее автор, член правления Латвийского эстонского общества К. Крузе, представил для читателя краткий экскурс в историю Освободительной войны и установления первой независимости. Статья вышла в 1990 г. и представляла собой новую трактовку событий: речь уже не шла, как в советской истории Прибалтики, о значении Эстляндской трудовой коммуны как первой признанной большевиками государственности страны. Напротив, автор подчеркивал, что 1919 г. прошел под знаком гражданской и освободительной войн, в которых «доминировала война между Эстонской Республикой и Советской Россией». Преодоление последствий войны, заключение мира с Советской Россией признавались заслугой эстонского народа и залогом недолгого существования первой Эстонской Республики.

Забвение «на долгие годы» Дня независимости Эстонии и возвращение даты в формирующийся национальный и государственный нарратив, равно как и сине-черно-белого флага, очень отзывались у латвийского читателя: республики вновь проживали общую историческую судьбу, «уверенными шагами» двигаясь навстречу государственной независимости.

Эти процессы сложно представить без активной работы с молодежью. В частности, школьникам одной из школ Елгавы предложили в качестве сочинения тему «18 ноября — это день, когда...»²⁵. Впечатления молодых людей от того, что дата провозглашения независимости Латвийского государства возвращена как официальный праздник, разнились и демонстрировали наметившийся раскол в обществе: для одних — это символ национального возрождения («При упоминании 18 ноября мне тут же хочется сказать слово латыши. ... Это прекрасный, свободный день»), для других — необходимость жить в новом государстве и свыкнуться с переходом в статус национального меньшинства («Этот праздник латышского народа, а я привыкла праздновать 7 ноября, День Конституции, 1 мая, 9 мая и т.д. Лично мне 18 ноября не нужен! Я за то, чтобы ввели латышские праздники, но оставили и традиционно русские. Все понятно — латыши поднимают свою культуру, но они не понимают, что этим угнетают нас»).

По мере укрепления идеи государственного суверенитета, когда в Латвии (как и в других балтийских республиках) формировались различные политические платформы, подготавливавшие выход из СССР, большое значение как еще одна «положительная» историческая дата приобрел договор 11 августа 1920 г., заключенный между РСФСР и Латвийской

²² Новейшие археологические находки свидетельствуют о латышском происхождении гор. Риги // Сегодня. 21.V.1938.

²³ Данная общественная инициатива развития не получила. Торжественные мероприятия, посвященные 800-летию столицы Латвии, состоялись в августе 2001 г.

²⁴ День независимости Эстонии // Ригас Балс. 22.II.1990.

²⁵ Елгавас Зинётайс. 17.XI.1990.

Республикой и положивший конец войне на этих территориях²⁶. В соответствии с ним Россия «на вечные времена» отказывалась от притязаний на землю и народ Латвии.

В период перестройки советско-латвийский договор также сыграл большую роль в формировании исторической памяти о началах балтийской государственности и истоках суверенитета. Он противопоставлялся событиям 1940 г., когда СССР нарушил обещание не претендовать на территорию Латвии и других балтийских стран. Тогда же тезис о продолжающейся оккупации включается в текст основных документов балтийских республик. Так, в «Декларации о восстановлении государственной независимости Латвийской Республики» от 4 мая 1990 г. говорилось об оккупации, начавшейся в июне 1940 г. Позже этот тезис был повторен в законе «О государственном статусе Латвийской Республики» от 21 августа 1991 г., где ясно говорилось о свершившейся аннексии и продолжающейся оккупации²⁷. Историки подчеркивают, что эти документы легли в основу исторической политики Латвии, осуществляющейся и в настоящее время²⁸. По этому же пути шли и другие прибалтийские республики. 7 февраля 1990 г. было принято Постановление Верховного Совета Литовской ССР «О советско-германских договорах от 1939 г. и ликвидации их последствий для Литвы», где говорилось, что Декларация Народного сейма Литвы от 21 июля 1940 г. о вхождении Литвы в СССР является незаконной и недействительной, а закон СССР «О принятии Литовской ССР в Союз ССР» от 3 августа 1940 г. был объявлен нелегитимным²⁹.

В Постановлении Верховного Совета Эстонской ССР «О государственном статусе Эстонии» от 30 марта 1990 г. говорилось: «Верховный Совет Эстонской ССР утверждает, что оккупация Эстонской Республики Союзом ССР 17 июня 1940 г. не прервала существование Эстонской Республики де-юре; территория Эстонской Республики является оккупированной до настоящего времени»³⁰.

С конца 1980-х годов тезис о том, что возрожденная независимость должна опираться и на признание договора 1920 г. как действующего, не утратившего силу, ложится в основу депутатских программ. Наличие такой программы обеспечивало мандат в Верховный Совет ЛССР: на выборах 1989 г. большинство «получили депутаты, которые были готовы встать на путь возобновления государственной независимости республики». Утверждение, что договор между РСФСР и Латвийской Республикой от 1920 г. не утратил своей силы, основывалось в том числе на факте отсутствия положения о его денонсации. Также в предвыборные программы депутатов включались тезисы о том, что и другие договоры и соглашения, заключенные между Латвией и СССР в период первой независимости, «по сей день имеют юридическую силу». В Постановлении Президиума Верховного Совета Латвийской Республики (август 1990 г.) договор упоминался как основа формирования дальнейших отношений между Россией и Латвией³¹.

Таким образом, договор 1920 г. становился важным элементом концепции преемственности государственности: он был одной из основ самоопределения Балтии в 1920 г., и вновь выступил в этом качестве в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда речь шла об отделении от СССР и нежелании участвовать в разработке союзного договора, направленного на сохранение и обновление Союза ССР.

²⁶ См. подробнее: Михайлова Ю.Л. «Вспоминая историческую годовщину...»

²⁷ Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики». 21 августа 1991 // URL: https://www.gorby.ru/userfiles/latvia_21.pdf (дата обращения: 23.07.2024).

²⁸ См.: Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121; *Его же*. «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. Лекция Алексея Миллера // Полит.ру. 7.V.2008. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/05/07/miller.html> (дата обращения: 23.07.2024); *Зверев К.А.* Русскоязычное население Латвии... С. 70–77.

²⁹ Подробнее см.: *Зверев К.А.* Историческая политика Эстонской Республики... С. 203.

³⁰ Постановление Верховного Совета Эстонской ССР «О государственном статусе Эстонии». 30 марта 1990 // URL: [https://www.gorby.ru/userfiles/estonia_20\(1\).pdf](https://www.gorby.ru/userfiles/estonia_20(1).pdf) (дата обращения: 23.07.2024).

³¹ На пути к правде // Ригас Балсс. 08.VI.1989.

Особое внимание обращалось на такие даты и события, как Договор о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 г., аннексия 1940 г. и последовавшие массовые депортации населения Латвии, пришедшиеся на 1941 г. и 1948–1949 гг. Всплеск интереса пришелся на 1989 г. В Прибалтике это проявилось мощным общественным движением, мобилизацией всего общества. Наиболее ярким выражением формирования новой коллективной памяти о прошлом стала широко известная акция «Балтийский путь», организованная народными фронтами республик 23 августа 1989 г. и призванная выразить общественный протест против аннексии Балтии в 1940 г. и одновременно привлечь к этому событию прошлого международное внимание.

Договору о ненападении между СССР и Германией уделялось в этот период повышенное внимание во всем советском обществе. Была образована Комиссия по политической и правовой оценке договора под руководством секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева. В ходе заседаний комиссии именно депутаты из прибалтийских республик придавали особое значение обнародованию факта существования секретного протокола. Образование комиссии приветствовали министр юстиции Латвийской ССР В. Скудра, секретарь ЦК Компартии Латвии И. Кезберс.

Журналист И. Декшениекс подчеркивал: «Этот протокол был началом, точкой опоры для развязывания дальнейших действий, в результате которых ...летом 1940 года была растоптана независимость государств Балтии»³². А.Н. Яковлев в воспоминаниях называл постановление Второго съезда народных депутатов по пакту Молотова – Риббентропа «решающим этапом на пути Прибалтики к независимости»³³.

Международно-правовая оценка событий 1939 г. таким образом депутатами напрямую связывалась с фактом признания незаконного включения Латвии и других прибалтийских республик в состав СССР. Сама будущая независимость Латвии в представлениях политиков и общественных деятелей связывалась с признанием преступного характера пакта Молотова – Риббентропа. Тем большее раздражение у прибалтийских депутатов вызывали дискуссии, которые все еще велись на Съезде народных депутатов СССР и даже в рамках комиссии А.Н. Яковлева, о том, существовал ли протокол к договору 23 августа в действительности: «Все это давно известно. Поэтому еще менее понятными кажутся баталии на втором Съезде народных депутатов СССР, разразившиеся при оценке пакта Молотова – Риббентропа. ... Все рассуждения уперлись в один вопрос: существовали ли секретные протоколы?»³⁴.

В день проведения акции «Балтийский путь» в газете «Советская молодежь» было опубликовано совместное интервью директора ИВИ АН СССР А.О. Чубарьяна и секретаря ЦК Компартии Латвии И. Кезберса, призванное представить обществу академическую и официальную трактовку событий 1939–1940 гг. Кезберс еще раз подчеркнул, что наибольшие споры вызывают именно секретные соглашения между нацистской Германией и СССР. Политик вписывал разгоревшиеся дискуссии в контекст формирования новых представлений об истории страны: «Мы переоцениваем нашу историю и вновь вынуждены все переписывать заново». А.О. Чубарьян отметил, что советские историки «долго выражали сомнение в существовании этих протоколов». Принимая во внимание волну общественной критики в отношении событий августа 1939 г., историк подчеркнул, что всестороннюю оценку можно дать лишь с учетом множественности внутренних и внешних факторов: «Вне конфликта Прибалтика остаться не могла. ... И сегодня мы осуждаем отношение Сталина к демократическим политическим организациям Прибалтики, не снимаем ответственности за противоправный ультимативный характер его требований...

³² Декшениекс И. Черные годовщины истории // Елгавас Зинётайс. 23.VIII.1991.

³³ Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 418–419. См. также: Яковлев А.Н. Избранные интервью 1992–2005 гг. М., 2009. С. 353.

³⁴ Черные даты истории. Еще раз о пакте Молотова – Риббентропа // Елгавас Зинётайс. 24.VIII.1991; Еще раз о пакте // Советская молодежь. 08.VI.1989.

Но когда мы говорим: надо извлекать уроки из прошлого, это не значит, что мы должны включать историю в сегодняшний день»³⁵.

Интересна определенная симметрия в оценке того, можно ли считать мирные договоры 1920 г. стран Балтии с Советской Россией и советско-германский договор 1939 г. действующими. Последний также некоторые представители национального движения, члены НФЛ, противостоя официальной позиции³⁶, полагали действующим, не денонсированным, не принимая в расчет логичную мысль, что начало войны между Германией и Советским Союзом означало конец всех предшествующих соглашений. Например, депутат и журналист Э. Инкенс полагал, что пакт Молотова — Риббентропа «все еще имеет какое-то влияние», и именно та часть, которая касается аннексий в Прибалтике³⁷. Обоснование такой позиции давалось со ссылкой на соглашение Сикорского — Майского от 30 июля 1941 г., согласно которому советское правительство признавало советско-германские договоры 1939 г. утратившими силу в части территориальных изменений в Польше (собственно о Польше в этом соглашении говорилось, а о Прибалтике, которая на тот момент уже была частью СССР, нет).

Подтверждением того, что 1939 г. стал рубежной датой в формировании исторической памяти, служит упоминание договора о ненападении между Германией и Советским Союзом в ряде нормативных актов прибалтийских республик³⁸.

Скорбными днями памяти становились и годовщины депортаций, предпринимавшихся советской властью после аннексии стран Балтии³⁹. Это — часть общей тенденции перестройки. Пункт о признании депортаций 1941 г. и 1948–1949 гг. массовыми преступлениями против человечества и необходимости опубликовать фамилии непосредственных виновников был включен в программы НФЛ и ДННЛ⁴⁰.

Однако если в современном национальном нарративе Латвии советская эпоха очень четко отделяется от первой независимости — раздел приходится на июнь 1940 г., то в 1988–1989 гг. выдвигались и другие концепции. Внимания заслуживает статья историков И. Шнейдере и А. Жвинкиса⁴¹, опубликованная в газетах «Циня» и «Ригас Балсс» в ноябре 1989 г. Авторы связывают депортации 1940–1941 гг. в том числе с законодательством авторитарного режима К. Улманиса, в частности с Законом о порядке и общественной безопасности от 11 февраля 1938 г. Вопросы общественной безопасности были выведены из юрисдикции судов и переданы в прямое ведение МВД, что определяло иной порядок их рассмотрения. Историки подчеркивали, что дела по преступлениям, угрожающим общественному порядку, разбирались в упрощенном виде, в сжатые сроки «по законам военного времени». Этот закон использовался созданным 26 августа 1940 г. Советом Народных Комиссаров ЛССР. На его основе и были арестованы либо депортированы члены правительства К. Улманиса К. Вейдникс, В. Мунтерс, К. Беркис, Х. Апситис, а также бывший военный министр Я. Балодис, директора департаментов министерства иностранных дел А. Стегманис, А. Кампе и другие. Он действовал до 6 ноября 1940 г., когда в Латвии начался переход на пользование уголовным законодательством СССР. «Мы должны осудить не только те беззакония, юридическое “обоснование” которых было навязано Латвии извне, но и те, которые в свое время узаконило авторитарное правительство. Это наш общий долг», — заключали

³⁵ Позорный альянс или вынужденный шаг? // Советская молодежь. 23.VIII.1989.

³⁶ Так, в упомянутом выше официальном интервью И. Кезберса и А.О. Чубарьяна договор 23 августа 1939 г. был признан утратившим силу в момент нападения Германии на СССР. См.: Там же. С. 3.

³⁷ На пути к правде // Ригас Балсс. 08.VI.1989.

³⁸ Например: Декларация верховного Совета Литовской ССР «О государственном суверенитете Литвы» от 26 мая 1989 г.; Декларация Верховного Совета Латвийской ССР «О восстановлении независимости Латвийской Республики» от 4 мая 1990 г.

³⁹ Риекстиньш Я. Депортация — преступление против народа // Ригас Балсс. 14.VIII.1989; Юрасов Д. «Сутками и литрами» // Даугава. 01.XII.1989.

⁴⁰ См., например: Программа Народного фронта Латвии // Советская молодежь. 08.IX.1988; Корень зла — еще в тридцать девятом // Ригас Балсс. 13.VI.1989.

⁴¹ Законные беззакония // Ригас Балсс. 21.XI.1989.

историки. Таким образом, ставился почти знак равенства между авторитарным правительством К. Улманиса, который пришел к власти в результате переворота в мае 1934 г., и марionеточным правительством А. Кирхенштейнса. Это была своеобразная альтернатива общей тенденции идеализировать историю Первой Республики, которая была характерна для представителей национальной оппозиционно настроенной интеллигенции.

Примером же идеализации могут служить, в частности, оценки актрисы М. Клетниец, прозвучавшие в интервью газете «Ригас Балсс»: «Было создано Латвийское государство. Постепенно оно созревало и достигло своего расцвета — и в области хозяйства, и в сфере культуры. Трудом, старанием... можно было добиться многого. И вот наступило 17 июня 1940 года. В Латвию вошли русские танки, президент Улманис произнес свою последнюю речь: “Я остаюсь на своем месте, оставайтесь и вы все на своих местах” ... Однако вскоре Латвия была включена в состав Советского Союза. Наше хозяйство, наша культура оказались разрушены, бесследно исчезали люди, вместо латвийского флага развевался красный флаг. Наступил грозный год, с его массовыми депортациями... “красная мгла” окутала поля Латвии»⁴². История межвоенной Латвии в такой трактовке — единый положительный нарратив, в котором отсутствуют критические оценки даже в отношении режима К. Улманиса.

В качестве еще одной иллюстрации можно привести материал, опубликованный журналистом Х. Крейцбергсом⁴³, который, рассуждая о необходимости формирования институтов национально-культурной автономии в меняющейся Латвии, основы многонациональной культуры и взаимопонимания находил в Конституции Латвийской Республики 1922 г., гарантировавшей, по его словам, автономию каждого народа в стране. Идеализировал он и авторитаризм К. Улманиса, которому якобы и в голову не приходило ликвидировать систему национальных школ и культурную автономию.

От внимания автора как будто вовсе ускользал тот факт, что принятие Конституции 1922 г. шло трудно, в конечный текст вошла только формулировка «перед законом и судом все граждане равны», а еще одна часть, касавшаяся учреждения автономных публично-правовых организаций меньшинств, в итоговый вариант не вошла. Частичная автономия реализовывалась на основании двух других отдельных законов и касалась почти исключительно школ меньшинств⁴⁴.

Выкладки насчет режима Улманиса также сомнительны: его курс на латышскую Латвию, ликвидация специальных представительных отделов от меньшинств в министерстве образования, ощутимые затруднения при поступлении на работу, инструкция, согласно которой дети от смешанных браков должны были учиться в латышской школе — все это едва ли может служить примером добрых традиций в отношениях меньшинств и титульной нации⁴⁵. Подобное некритическое отношение к тому, как развивалась Латвия в период первой независимости, — пример представления об «идеальном» отечестве, утраченном в результате аннексии 1940 г.

Разумеется, движения национальных фронтов, которые по представлениям центра создавались в защиту перестройки и реформ, а с течением времени стали действовать в русле продвижения идеи полной независимости, не могли не беспокоить союзные власти. В центральной («Правда») и местной⁴⁶ прессе публиковались материалы, в которых авторы, хоть и признавая необходимость обновления Союза, встраивали историю Латвии (Латвийской ССР) в прежний исторический нарратив.

⁴² Ригас Балсс. 11.III.1990.

⁴³ Крейцбергс Х. Без предубеждений // Ригас Балсс. 14.VI.1989.

⁴⁴ Законы «Об организации школ меньшинств в Латвии» (Par mazākuma tautību skolu iekārtu Latvijā) и «О просветительных учреждениях» (Par Latvijas izglītības iestādēm) от 8 декабря 1919 г. См.: Valdības Vēstnesis. 17.XII.1919.

⁴⁵ См.: Фейгмане Т. Русское население Латвии (1920–1940). Развитие образования // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. № 10. С. 16–19.

⁴⁶ Федеративный союз // Lauku Avīze. 14.VII.1989.

Это и стремление показать преемственность государственности Латвии от истории Социалистической Советской Республики Латвия П. Стучки (существовала с декабря 1918 до весны 1920 г.)⁴⁷, и тезис о том, что «существование независимой буржуазной республики следует оценивать... как результат победы Великой Октябрьской революции в России»⁴⁸, и желание оспорить правомочность выстраивания отношений балтийских республик с СССР на «основе межгосударственных договоров» (что на определенном этапе стало означать отказ Прибалтики участвовать в разработке нового союзного договора). Авторы такого рода статей стояли на позиции сохранения союзного договора 1922 г.: «Мы считаем, что ни экономических, ни социальных, ни юридических оснований для пересмотра Договора об образовании СССР нет». Тем самым выстраивался другой нарратив, звучали призывы к пересмотру союзной конституции, которая в будущем должна «разграничить полномочия союзной и республиканской компетенций»⁴⁹.

Подобной умеренной позиции придерживались и некоторые латвийские депутаты. Например, упомянутый И. Кезберс в своих интервью последовательно осуждал советско-германские соглашения, воплотившиеся в договорах 23 августа и 28 сентября 1939 г. и секретных протоколах⁵⁰, но одновременно подчеркивал, что «возможности социалистической федерации еще не исчерпаны»⁵¹, а потому признание протоколов не должно означать «немедленный выход» из Союза ССР. Кезберс выступал за пересмотр союзного договора, призывая взять «все лучшее» из истории межвоенной Латвии и строить новую страну – демократическую Латвию XXI века.

Таким образом, в позднесоветский период формируется новая историческая память, которая подразумевала преемственность между двумя республиками: первой, межвоенного периода, и новой, которая отстаивала суверенитет и добивалась независимости. Выстраивание доктрины государственной непрерывности, поиск опорных точек, которые стали бы фундаментом для новой государственной и национальной идентичности, с одной стороны, являлись попыткой преодолеть тяжелое историческое прошлое, связанное с потерей независимости в 1940 г., и выстроить концепцию легитимных международных отношений, с другой – были частью посткоммунистического конструирования национального нарратива, характерного для Восточной Европы, в центре которого – страдания титульной нации от навязанного режима. Эта повестка лишь актуализируется в условиях современных непростых международных отношений.

Библиография

Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центрально-европейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2002. С. 184–215.

Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 109–124.

Багдасарян В. Э. Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве // Преподвание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. / под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2018. С. 67–86.

Бордюгов Г. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.

Давиденко А.А., Меем М.Е., Филёв М.В. Декодировка символического пространства: «памятник-копад» в странах Балтии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 12 (122). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840021796-4-1/> (дата обращения: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840021796-4

⁴⁷ Продолжать революцию сегодняшними делами. Доклад А.В. Горбунова на торжественном заседании ЦК Компартии Латвии и Верховного Совета Латвийской ССР // Советская молодежь. 17.I.1989.

⁴⁸ *Апине И.* Национальные отношения в Латвии: история и современность // Ригас Балсс. 07.VII.1989.

⁴⁹ *Федеративный союз* // Lauku Avīze. 14.VII.1989.

⁵⁰ Позорный или вынужденный шаг? // Советская молодежь. 23.VIII.1989.

⁵¹ Стенограмма заседаний первого съезда народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. // Ригас Балсс. 08.VI.1989.

- Зверев К.А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 202–215.
- Зверев К.А. Русскоязычное население Латвии в контексте местной политики памяти (1991–2014 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 70–77.
- Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2002.
- Маколи М. Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. 2011. № 1–2. С. 134–149.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.
- Методологические вопросы изучения политики памяти / ред. А. Миллер, Д. Ефременко. М., СПб., 2018.
- Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 6–23.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121.
- Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Полития. 2019. № 3 (94). С. 87–102.
- Михайлова Ю.Л. Историческая память о войне 1812 года в латвийской прессе в межвоенный период // Россия и Балтия. Вып. 10. Диаспоры народов Балтии к востоку от этнической родины. XIX – начало XX века / отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М., 2021. С. 408–428.
- Михайлова Ю.Л. «Вспоминая историческую годовщину...»: Рижский мирный договор 11 августа 1920 г. в латвийской прессе в 1988–1990 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023400-9-1/> (дата обращения: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840023400-9
- Мусаев В.И. «Русский вопрос» в странах Балтии в 1990-х – 2000 гг. и российско-прибалтийские отношения // История и историческая память. 2011. № 4. С. 87–106.
- Оленченко В.А. Календарь как отражение исторической памяти в стране Балтии // Россия и Балтия. Вып. 11. Проблемы истории XX века / отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М., 2023. С. 314–326.
- Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–15.
- Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания. М., 2003.
- Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 43–64.
- Фейгмане Т. Русское население Латвии (1920–1940). Развитие образования // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. № 10. С. 16–19.
- Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. / под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2018. С. 421–431.
- Яковлев А.Н. Избранные интервью 1992–2005 гг. М., 2009.

References

- Astrov A. Estoniia: politicheskaia bor'ba za mesto v istorii [Estonia: the political struggle for a place in history] // Pro et Contra. 2009. № 3–4. S. 109–124. (In Russ.)
- Astrov A. Istoricheskaia politika i “ontologicheskaia ozabochennost” malykh tsentral'no-evropeiskikh gosudarstv (na primere Estonii) [Historical politics and the “ontological concern” of small Central European states (on the example of Estonia)] // Istoricheskaia politika v XXI veke [Historical politics in the 21st century] / nauch. red. A. Miller, M. Lipman. Moskva, 2002. S. 184–215. (In Russ.)
- Bagdasarian V.E. Stanovlenie obraza istoricheskogo vraga v shkol'nykh učebnikakh istorii na postsovetском prostranstve [The formation of the image of the historical enemy in school textbooks of history in the post-Soviet space] // Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom [Teaching military history in Russia and abroad: collection of articles]: sb. st. / pod red. K.A. Pakhaliuka. Moskva; Sankt-Peterburg, 2018. S. 67–86. (In Russ.)
- Bordiugov G. “Voiny pamiati” na postsovetском prostranstve [“Memory Wars” in the post-Soviet space]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Churakov D.O. “Voiny pamiati” i lokal'nye konflikty sovremennosti [“Wars of memory” and local conflicts of modernity] // Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom [Teaching military history in Russia and abroad]: sb. st. / pod red. K.A. Pakhaliuka. Moskva; Sankt-Peterburg, 2018. S. 421–431. (In Russ.)
- Davidenko A.A., Megem M.E., Fil'ev M.V. Dekodirovka simvolicheskogo prostranstva: «pamiatnikopad» v stranakh Baltii [Decoding symbolic space: “monument fall” in the Baltic States] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2022. T. 13. Vyp. 12 (122). Chast' I. URL: <https://history.jes.su/s207987840021796-4-1/> (access date: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840021796-4 (In Russ.)

- Feigmane T.* Russkoe naselenie Latvii (1920–1940). Razvitie obrazovaniia [The Russian population of Latvia (1920–1940). Development of education] // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. № 10. S. 16–19. (In Russ.)
- Iakovlev A.N.* Izbrannye interv'iu 1992–2005 gg. [Selected interviews 1992–2005]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Istoricheskaia politika v XXI veke [Historical politics in the 21st century] / nauch. red. A. Miller, M. Lipman. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Makoli M.* Istoricheskaia pamiat' i obshchestvo sograzhdan [Historical memory and the society of fellow citizens] // Pro et Contra. 2011. № 1–2. S. 134–149. (In Russ.)
- Megill A.* Istoricheskaia epistemologiya [Historical epistemology]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Metodologicheskie voprosy izucheniia politiki pamiati [Methodological issues of studying the politics of memory] / red. A. Miller, D. Efremenko. Moskva; Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)
- Mikhailova Iu.L.* “Vspominaia istoricheskuiu godovshchinu...”: Rizhskii mirnyi dogovor 11 avgusta 1920 g. v latviskoj presse v 1988–1990 gg. [“Remembering the historical anniversary ...”: The Riga Peace Treaty on August 11, 1920 in the Latvian press in 1988–1990] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2022. T. 13. Vyp. 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023400-9-1/> (access date: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840023400-9 (In Russ.)
- Mikhailova Iu.L.* Istoricheskaya pamyat' o vojne 1812 goda v latviskoj presse v mezhoennoy period [Historical memory of the war of 1812 in the Latvian press in the interwar period] // Rossiya i Baltiya [Russia and Baltia]. Vyp. 10. Diaspory narodov Baltii k vostoku ot etnicheskoy rodiny. XIX – nachalo XX veka [Diasporas of the Baltic peoples to the east of their ethnic homeland. 19th – early 20th century] / otv. red. A.O. Chubar'yan, red.-sost. E.L. Nazarova. Moskva, 2021. S. 408–428. (In Russ.)
- Miller A.* Rossiia: vlast' i istoriya [Russia: power and history] // Pro et Contra. 2009. № 3–4. S. 6–23. (In Russ.)
- Miller A.I.* Politika pamiati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuiu kul'turu [The politics of memory in post-communist Europe and its impact on European culture] // Politika. 2016. № 1 (80). S. 111–121. (In Russ.)
- Miller A.I.* Rost znachimosti institutsional'nogo faktora v politike pamiati – prichiny i posledstviia [The growth of the importance of the institutional factor in the politics of memory – causes and consequences] // Politika. 2019. № 3 (94). S. 87–102. (In Russ.)
- Musaev V.I.* “Russkii vopros” v stranakh Baltii v 1990–kh–2000 gg. i rossiisko-pribaltiiskie otnosheniia [“The Russian question” in the Baltic States in the 1990s – 2000s and Russian-Baltic relations] // Istoriia i istoricheskaia pamiat' [History and historical memory]. 2011. № 4. S. 87–106. (In Russ.)
- Olenchenko V.A.* Kalendar' kak otrazhenie istoricheskoi pamiati v strana Baltii [Calendar as a reflection of historical memory in the Baltic States] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 11. Problemy istorii XX veka [Russia and the Baltic States. Issue 11. Problems of the history of the twentieth century] / otv. red. A.O. Chubar'ian, red.-sost. E.L. Nazarova. Moskva, 2023. S. 314–326. (In Russ.)
- Repina L.P.* Istoricheskaia pamiat' i natsional'naia identichnost'. Podkhody i metody issledovaniia [Historical memory and national identity. Research approaches and methods] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2016. Vyp. 54. S. 9–15. (In Russ.)
- Repina L.P.* Kul'turnaia pamiat' i problemy istoriopisaniia [Cultural memory and problems of historiography]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Traba R.* Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the 21st century] // Pro et Contra. 2009. № 3–4. S. 43–64. (In Russ.)
- Zverev K.A.* Istoricheskaia politika Estonskoi Respubliki v kontekste natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva [Historical policy of the Republic of Estonia in the context of national state building] // Problemy nacional'noy strategii [Problems of national strategy]. 2021. № 1 (64). S. 202–215. (In Russ.)
- Zverev K.A.* Russkoiazychnoe naselenie Latvii v kontekste mestnoi politiki pamiati [The Russian-speaking population of Latvia in the context of local memory policy] (1991–2014 gg.) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University]. 2020. T. 26. № 4. S. 70–77. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S0130386424050187

© 2024 г. **Ф.О. ТРУНОВ**

ПОДХОД ФРГ К КОМПЛЕКТОВАНИЮ ПОСТОЯННЫХ ГРУППИРОВОК НАТО В СЕРЕДИНЕ 2010-х — начале 2020-х годов

Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: Itrunov@mail.ru

Scopus Author ID: 57211605240; ORCID: 0000-0001-7092-4864; Researcher ID: AAC-7844-2020

Аннотация. Решение новых задач, стоявших перед Североатлантическим альянсом в середине 2010-х — начале 2020-х годов, в частности «сдерживания» РФ, Китая и Ирана, сопровождалось не только скачкообразным ростом военного потенциала блока, но и изменениями его организационной структуры. Ключевую практическую роль в этих процессах играли (по согласованию с США) западноевропейские государства — члены НАТО, и прежде всего ФРГ. Несмотря на наличие ряда публикаций, в которых анализируется развитие военных структур Альянса, тема участия в них Германии не получила широкого освещения в отечественной историографии. Тем не менее ее рассмотрение представляет особую важность в контексте анализа стратегических намерений Берлина. Цель настоящей статьи — изучить вклад ФРГ в формирование и функционирование постоянных группировок Альянса в период с 2014 по 2023 г. Основные задачи автора: выявить особенности эволюции военных сил НАТО, проанализировать трудности и определить потенциальные возможности участия бундесвера в их комплектовании. В ходе исследования были использованы основные положения теории альянсов и теории строительства вооруженных сил, метод сравнительного анализа. На основании изучения ряда официальных документов НАТО (как доктринальных, так и практических) и материалов германской дипломатии автор делает вывод о стремлении ФРГ стать ведущим европейским государством — членом Альянса в комплектовании и деятельности его постоянных группировок.

Ключевые слова: Германия, внешняя политика, бундесвер, вооруженные силы НАТО, США, европейские страны.

Ph.O. Trunov

Germany's Approach to the Functioning of NATO Standing Force Groups in the Mid-2010s and Early 2020s

Philipp Trunov, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: Itrunov@mail.ru

Scopus Author ID: 57211605240; ORCID: 0000-0001-7092-4864; Researcher ID: AAC-7844-2020

Abstract. Western democracies have endowed NATO with the functions of “containment” of Russia and influential non-Western powers in general. This process is accompanied by a spasmodic growth of the Alliance’s military capabilities and changes in its internal structure. The principal

responsibility for the implementation of the aforementioned measures falls upon the European member states, particularly those which have been members of the Alliance for a considerable length of time. Of these, Germany has demonstrated the most considerable commitment. Although some studies have examined the evolution of the Alliance's military structures, there is a dearth of literature on Germany's role in the Alliance within the field of Russian historiography. Nevertheless, an analysis of this topic is crucial for a comprehensive understanding of Berlin's strategic intentions. The objective of this article is to examine the role of the FRG in relation to the functioning of permanent NATO troops. In order to achieve this, the author employs two distinct theoretical frameworks, namely those of alliance theory and military capability building, in combination with a comparative analysis approach. The author illustrates the distinctive features of the evolution of permanent NATO force groups and elucidates the challenges, including a shortage of military personnel, and opportunities, including limited activity by other NATO member states, that have influenced the utilisation of the Bundeswehr in the functioning of the groups. In light of the aforementioned conceptual and operational documents, which serve as the foundation for Germany's foreign policy, the article posits that the Federal Republic of Germany is prepared to assume a leading role within the European NATO member state contingent with regard to the operationalisation of multilateral troop groupings.

Keywords: Germany, foreign policy, Bundeswehr, NATO Armed Forces, USA, European states.

В 2014–2023 гг. произошел скачкообразный рост военной мощи НАТО. Одной из важнейших целей Североатлантического альянса на данном этапе являлось противостояние попыткам формирования «нового миропорядка», который не отвечал интересам западных стран. Элиты европейских стран-участниц и США рассматривали НАТО как важнейший механизм в системе «сдерживания» России (с 2014 г.), Китая (что было закреплено на доктринальном уровне в 2021 г.¹) и Ирана (с 2022 г.)². Новые задачи, стоявшие перед блоком, требовали не только количественного увеличения военного и ресурсного потенциала НАТО, но и его внутренней реорганизации. Прежде всего речь шла о совершенствовании системы постоянно действующих группировок Альянса в передовой части зоны ответственности (силы передового развертывания, СПР, Forward Presence, FP) и ее глубине (силы быстрого реагирования, СБР, NATO Response Force, NRF). Важнейшим промежуточным итогом этого процесса стало принятие на Мадридском саммите НАТО, проходившем с 28 по 30 июня 2022 г., новой модели вооруженных сил (ВС) Альянса, предполагавшую передачу под его командование 800 тыс. военнослужащих, разделенных на три категории в зависимости от времени приведения в полную боевую готовность – в срок до 10 дней (свыше 100 тыс. военнослужащих), до 1 месяца (не менее 200 тыс.), до полугода (около 500 тыс.)³. Задача формирования этого контингента возлагалась главным образом на европейские государства – члены НАТО⁴.

Реализация данных планов зависела от политической готовности и технических возможностей держав, располагавших на тот момент крупнейшими (более 100 тыс. военнослужащих) вооруженными силами. Особый интерес представлял подход ФРГ к комплектованию военных группировок Альянса. В период холодной войны процесс строительства ВС страны был тесно связан с ее участием в структурах НАТО. Сама ремилитаризация, т.е. создание бундесвера, стала возможна только после вступления страны

¹ Brussels Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 14.06.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (дата обращения: 01.08.2023).

² NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels, 2022. P. 3–5.

³ New NATO Force Model // North Atlantic Treaty Organization. 08.07.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ *Biscop S.* The New Force Model: NATO's European Army? // Egmont Policy Brief. 2022. № 285. P. 1–3.

в Альянс в 1955 г. Вплоть до конца 1980-х годов ВС ФРГ были предельно интегрированы в военные структуры блока⁵.

После окончания холодной войны, в 1990-е — начале 2010-х годов, ФРГ стала принимать активное участие в создании многостороннего потенциала ЕС в сфере безопасности и обороны. При этом де-факто НАТО оставалась важнейшей международной структурой, в которой были задействованы силы бундесвера, особенно уже вне зоны ответственности блока. Следует отметить, что неизменным для различных эпох, в том числе и для периода современных конфронтаций, оставалось стремление ФРГ к использованию возможностей Североатлантического альянса для увеличения своего влияния.

Цель настоящей статьи — изучить вклад Германии в функционирование постоянных группировок НАТО в период с 2014 по 2023 г. Нижняя хронологическая рамка исследования — весна 2014 г. (период перехода Альянса к стратегии «сдерживания» РФ), верхняя — июль 2023 г. (время проведения Вильнюсского саммита, закрепившего переход НАТО к новой военной модели). При работе с источниками автор использовал основные положения теории строительства вооруженных сил и теории альянсов⁶, а также метод сравнительного анализа.

В отечественной историографии процессу военно-политической трансформации НАТО, а также особенностям разделения его компетенций с ЕС⁷ уделялось значительное внимание. Однако вопрос эволюции группировок Альянса, как правило, рассматривался лишь в контексте развития НАТО в целом. Работы, посвященные участию ФРГ и других государств в деятельности блока, обычно сфокусированы на общих особенностях стратегии⁸. Вследствие этого сюжеты, связанные с комплектованием многосторонних формирований Альянса, не получили в этих исследованиях широкого освещения. Большее внимание уделяли данным вопросам представители западного и непосредственно германского экспертных сообществ. Они пытались осмыслить концепцию использования бундесвера как «рамочного государства» — ведущего комплектатора многонациональных группировок, особенно под флагом НАТО⁹, а также проанализировать те обязательства по усилению боевой мощи Альянса, которые ФРГ принимала на себя в ходе его саммитов, в частности Мадридского (2022)¹⁰. Однако для этих авторов характерно фокусирование на конкретных (частных) кейсах, отдельных значимых инициативах или коротких (1–3 года) временных отрезках¹¹.

Настоящая статья представляет попытку многофакторного комплексного анализа вклада ФРГ в функционирование всей системы постоянно действующих группировок НАТО в период с 2014 по 2023 г.

⁵ Кокеев А.М. О соотношении атлантизма и европеизма во внешней политике ФРГ // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 7. С. 23–25.

⁶ Истомин И.А. Управление обязательствами в асимметричных альянсах // Международные процессы. 2021. № 1. С. 27–37.

⁷ Манойло А.В. Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 165–174; Никитин А.И. Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 60–69; Данилов Д.А. Глобальные горизонты атлантического Альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 21–27.

⁸ См., например: Трунов Ф.О. Политика ФРГ в НАТО на современном этапе: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 115–127. DOI: 10.31249/ape/2019.04.07

⁹ Glatz R., Zapfe M. Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell. 2017. № 62. S. 2–8.

¹⁰ Major C. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. 2022. № 49. S. 2–8.

¹¹ Biscop S. Op. cit.; Krause von U. Die Bundeswehr als Teil einer Europäischen Armee: Realistische Perspektive oder unrealistische Vision? // BAKS. Arbeitspapier Sicherheitspolitik. 2019. № 18. S. 2–4; Major C. Op. cit. S. 2–6.

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСТОЯННЫХ ГРУППИРОВОК НАТО В XXI веке

Совокупность войск, либо находившихся в распоряжении НАТО в мирное время (на постоянной или ротационной основе), либо подлежавших передаче в распоряжение Альянса в кризисной ситуации, именуется Объединенными вооруженными силами (ОВС) блока. Наиболее хорошо организованное их «ядро» — постоянные (с точки зрения характера функционирования) формирования. В период холодной войны крупнейшими из них являлись Северная и Центральная группы армий (СГА и ЦГА) НАТО, располагавшиеся в ФРГ: суммарно они насчитывали к 1990 г. около 1 млн военнослужащих, из которых примерно половину составляли солдаты и офицеры бундесвера. Каждая из групп армий представляла объединение, состоявшее из однонациональных армейских корпусов (СГА — по одному от Бельгии, Великобритании, Нидерландов, ФРГ; ЦГА — по два от США и ФРГ с расположенными в глубине французскими войсками)¹². Бундесвер играл роль одного из ключевых элементов в системе безопасности НАТО на важнейшем направлении конфронтации между Западом и Востоком.

После окончания холодной войны СГА и ЦГА были расформированы. Данный процесс завершился к середине 1990-х годов. В рассматриваемый период Североатлантический альянс перефокусировался с обеспечения безопасности границ зоны ответственности к оперированию за ее пределами, в том числе и на значительном географическом удалении. В контексте противодействия угрозам, исходившим из районов вооруженных конфликтов, под эгидой НАТО разворачивались (с активным участием бундесвера) многосторонние группировки в Боснии (1995–2003), Косово (с 1999 г.), Македонии (2001–2003)¹³. Следует отметить, что их задачи и состав корректировались каждый год (и даже чаще) в зависимости от хода урегулирования. Вышесказанное относилось и к крупнейшей миссии НАТО, созданной под эгидой борьбы с международным терроризмом, — МССБ (Международные силы содействия безопасности, International Security Assistance Force, ISAF) в Афганистане (2002–2014)¹⁴, как и ее преемнице — миссии «Решительная поддержка» (Resolute Support, 2015–2021).

В начале XXI в. (т.е. еще задолго до начала конфронтации с РФ) начался процесс реформирования системы постоянных группировок внутри зоны ответственности НАТО. В 2003 г. было принято решение по развертыванию СБР численностью в 15 тыс. военнослужащих, предназначенных для выдвижения в случае кризисной ситуации из глубины к угрозам направлениям в передовой части зоны ответственности Альянса¹⁵. Одновременно с этим уже в пределах этой зоны с 2004 г. стали создаваться первые элементы СПР: постоянные морские и контрминные группы (ПМГ и ПКМГ; по одной каждого типа к северу и югу от Восточной Европы), миссия по патрулированию воздушного пространства стран Балтии. Все эти группировки фактически действовали на постоянной основе, но при этом формировались на ротационной основе почти исключительно европейскими странами — участниками Альянса. Это означало, что в рамках установленной на несколько лет очередности один раз на период от 6 до 12 лет одно из государств-членов выделяло соответствующий войсковой контингент в состав того или иного подразделения, почти не участвуя в его комплектовании в остальное время. Хотя в середине 2000-х — начале 2010-х годов численность постоянных группировок или незначительно возросла (прежде всего речь идет о морских элементах СПР), или даже несколько сократилась (СБР — с 15 до 13 тыс. человек¹⁶), сама их система содержала необходимый потенциал для существенного наращивания.

¹² The Bundeswehr on operations. Berlin, 2009. P. 14.

¹³ Ibid. P. 54, 67, 73.

¹⁴ Командование МССБ перешло от ООН к НАТО в августе 2003 г. Миссия была основана в начале 2002 г.

¹⁵ NATO Response Force. 2023 // North Atlantic Treaty Organization. 27.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (дата обращения: 01.08.2023).

¹⁶ Ibidem.

Процесс количественного увеличения рассматриваемых группировок Альянса начался весной 2014 г. в условиях перехода стран Запада к политике «сдерживания» РФ. Поочередно были приняты соответствующие решения по усилению и структурной реорганизации СБР и СПР. При этом первые играли роль «ядра» основных сил группировок НАТО, вторые — их авангардов в Восточной Европе.

В сентябре 2014 г. на Уэльском саммите НАТО было одобрено увеличение штатной численности СБР с 13 до 30 тыс. военнослужащих и создание в рамках этой структуры соединения сверхповышенной боевой готовности (Very High Readiness Joint Task Force, VJTF). Оно включало наземный (эквивалент бригады), военно-морской, военно-воздушный компоненты, а также силы специальных операций (ССО)¹⁷. В феврале 2015 г. был определен круг государств (Великобритания, Германия, Испания, Италия, Польша, Франция, затем также Турция), которые должны были поочередно принимать на себя функции «рамочного государства» при комплектовании СБР и особенно ее наземной группы¹⁸. В июне 2015 г. штатная численность СБР была увеличена до 40 тыс. человек (т.е. в три раза за один год)¹⁹. С учетом семилетнего цикла формирования это означало, что суммарно страны — члены НАТО должны были выделять для комплектования СБР до 280 тыс. солдат и офицеров.

В июле 2016 г. на Варшавском саммите было принято решение об учреждении по одной многосторонней боевой группе СПР (батальонного уровня, БТГ) в Польше и каждой из республик Балтии; также в этих странах одновременно размещалось по одной «тяжелой» (насыщенной танками и техникой) бригаде сухопутных войск США²⁰. Роль «рамочных государств» для четырех БТГ СПР взяли на себя США, Великобритания, Канада и Германия²¹. Эти войска именовались «усиленным передовым присутствием» (enhanced Forward Presence, eFP).

Во второй половине 2010-х — начале 2020-х годов происходило боевое слаживание вновь учрежденных войсковых формирований НАТО (все на ротационной основе и практически все многосторонние²², с доминирующим вкладом европейских стран-участниц), расширение системы многонациональных штабов (включая группы управления дивизионного и корпусного уровней в Восточной Европе²³), создание инфраструктуры различного назначения. Национальные ВС переориентировались на предоставление более крупных контингентов в состав группировок НАТО.

Используя фактор вынужденной СВО РФ как удобный повод, весной 2022 г. западные державы перешли к ускоренному наращиванию военной мощи Альянса. Уже в марте 2022 г. по линии СПР были учреждены новые многосторонние БТГ — по одной в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии²⁴, где параллельно размещалась отдельная бригада ВС США²⁵. Эти силы именовались «адаптированным передовым присутствием» (tailored Forward Presence,

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Statement by the NATO Defence Ministers on the Readiness Action Plan // North Atlantic Treaty Organization. 05.02.2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_117222.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 01.08.2023).

¹⁹ NATO Response Force. 2023.

²⁰ Fact sheet — U.S. Defense Contributions to Europe // U.S. Department of Defence. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (дата обращения: 01.08.2023).

²¹ NATO's military presence in the east of the Alliance // North Atlantic Treaty Organization. 08.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 01.08.2023).

²² Единственное исключение — боевая группа СПР в Польше (США в роли «рамочного государства»).

²³ NATO's military presence...

²⁴ Ibidem.

²⁵ Fact sheet — U.S. Defense Contributions to Europe.

tFR). В июне (де-юре) – сентябре (де-факто) 2022 г. стартовал запущенный по инициативе ФРГ процесс реорганизации батальонных групп eFR в бригадные²⁶.

В июне 2022 г. на Мадридском саммите были приняты новая стратегическая концепция и модель ВС НАТО. Отныне 800-тысячные войска Альянса делились на три категории: со сроком приведения в боевую готовность до 10 дней (свыше 100 тыс. военнослужащих), до месяца (не менее 200 тыс.), до полугода (500 тыс.)²⁷. Группировки, относившиеся к первым двум категориям, создавались на основе СБР. Выделенные для их формирования воинские контингенты уже не на временной (в свою очередь в рамках семилетнего цикла), но фактически на постоянной основе передавались в подчинение командно-штабным структурам Альянса. По состоянию на июль 2023 г. (период проведения Вильнюсского саммита) процесс перехода к этой модели был еще не завершен²⁸. Решения, принятые в 2022 г. в Мадриде, определили перспективы формирования системы группировок Альянса и их сведения в единое организационное целое. Вопрос о том, насколько ФРГ оказалась готова взять на себя заметную роль в этих процессах, представляет особую актуальность в контексте настоящего исследования.

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ФРГ КАК ГОСУДАРСТВА – ЧЛЕНА НАТО ПРИ КОМПЛЕКТОВАНИИ ГРУППИРОВОК АЛЬЯНСА

Реализации планов ФРГ по принятию на себя ведущей роли в комплектовании новых военных сил Альянса содействовало наличие у нее богатого опыта участия в формировании многосторонних группировок НАТО (вероятно, подобным опытом не обладало ни одно другое европейское государство – член блока) в прошлом. Это в полной мере соответствовало последовательной (еще начиная с «эры Аденауэра») приверженности ФРГ принципу мультилатерализма. Бундесвер не просто тесно сотрудничал с союзниками по блоку, но играл одну из ключевых ролей в рамках таких структур, как СГА и ЦГА. Заметный военный опыт был получен ВС ФРГ в ходе участия в миссиях НАТО в Боснии, Косово, Афганистане: в каждом случае для одного из территориальных секторов (несколько административных единиц уровня провинции) ФРГ принимала функции «рамочного государства» многосторонних сил как части группировки НАТО в целом²⁹.

Вместе с тем активное участие в деятельности Альянса выявило и слабые места в системе ВС Германии. Ключевой проблемой, остро вставшей перед Министерством обороны ФРГ к середине 2010-х годов, являлась ограниченность войсковых единиц, особенно полностью боеспособных, которая стала результатом многолетних (1990-е – первая половина 2010-х годов) и масштабных сокращений. В наибольшей степени эти сокращения коснулись сухопутных сил бундесвера. Среди крупнейших ВС стран – участниц НАТО последний являлся лидером (вернее, антилидером) по темпам уменьшения личного состава (см. табл. 1). Так, с 1989 по 2014 г. его численность снизилась более чем в 2,8 раза (с учетом интегрирования в бундесвер частей Национальной народной армии ГДР этот показатель еще значительнее). Существенная причина этого – «перегрев» ФРГ, требовавший повышенной мобилизационной готовности (в широком смысле) в период холодной войны вследствие нахождения страны на передовой линии конфронтации. В 1989–2014 гг. бундесвер по численности личного состава опустился с третьего места (после ВС США и Турции³⁰) на пятое, уступив «военным машинам» не только Франции, но и Италии, лишь незначительно опережая ВС Великобритании (см. табл. 1).

²⁶ First German NATO brigade troops arrive in Lithuania // North Atlantic Treaty Organization. 04.09.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207051.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 01.08.2023).

²⁷ New NATO Force Model.

²⁸ NATO Response Force. 2023.

²⁹ The Bundeswehr on operations. P. 67, 73, 81.

³⁰ С учетом ВС Франции бундесвер располагался на четвертой позиции, однако с 1966 по 2009 г. Франция не входила в военную организацию НАТО.

Таблица 1

**Динамика численности личного состава
крупнейших ВС стран – участниц НАТО (тыс. военнослужащих)³¹**

Страна/год	1989 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2023 г.³²
Велико-британия	310	233	218	201	198	168,7	139,5	146,6	147,3	156,2	156,2
Греция	201	213	205	135	128	107,3	106,0	109,2	106,6	111,4	111,7
Испания	277	210	144	120	131	121,8	121,0	117,4	118,7	118,2	117,6
Италия	506	435	381	314	193	183,5	176,3	174,1	173,4	174,8	173,9
Польша	– // –	– // – ³³	191	150	100	99,0	101,6	109,5	116,2	122,5	124,0
США	2 241	1 620	1 483	1 377	1 427	1 338,2	1 301,4	1 317,4	1 346,7	1 346,4	1 346,4
Турция	780	805	793	501	495	426,6	359,3	444,3	433,0	446,9	461,5
Франция	554	502	394	357	234	207,0	208,1	208,2	207,6	207,1	207,3
ФРГ	503	352	319	246	246	178,8	177,9	181,5	183,9	188,5	192,2

В результате по состоянию на 2014 г. сухопутные силы Германии насчитывали лишь три дивизии, располагавшие семью бригадами (из них лишь пять с половиной бригад сил общего назначения; для сравнения: в 1989 г. в составе бундесвера было 12 дивизий в составе 36 бригад, к которым затем прибавились две дивизии, находившиеся на территории бывшей ГДР, включавшие шесть бригад)³⁴. Эти два показателя не увеличились и в период с 2015 по 2023 г., вследствие чего выделение воинского контингента для формирования войсковой группировки НАТО стало для бундесвера намного более сложной задачей, чем, например, для ВС Турции, в составе сухопутных войск которой к 2022 г. насчитывалось 30 танковых, механизированных, мотопехотных, артиллерийских бригад³⁵.

Однако при более детальном анализе выясняется, что в рассматриваемый период ситуация для ФРГ в военной сфере складывалась не столь неблагоприятно. Следует отметить, что Германия стала единственной западной державой, сумевшей в конце 2010-х годов обеспечить стабильный прирост личного состава ВС. В этот же период ВС Великобритании и Италии сокращались, Франции – почти не изменились в количественном отношении (см. табл. 1). Важно отметить, что снижение численности ВС ФРГ в 2022–2023 гг. вследствие досрочного увольнения части кадровых военных на фоне резкого ужесточения конформантии с РФ было все же временным явлением, не способным на длительную перспективу переломить тенденцию количественного увеличения бундесвера. При этом в начале 2020-х годов Войско польское росло очень быстрыми темпами. С учетом этого бундесвер сможет вернуться на третье место по численности ВС в НАТО (после США и Турции), утраченное в начале 2010-х годов, не ранее чем в среднесрочной перспективе.

Согласно разработанной Министерством обороны ФРГ амбициозной программе по наращиванию потенциала бундесвера, особенно его сухопутных сил, в его составе должны

³¹ Таблица сформирована автором на основе следующих источников: Financial and economic data relating to NATO defence. 10.12.1992. NATO, 1992. P. 8; Financial and economic data relating to NATO defence. 24.02.2012. NATO, 2012. P. 10; Defence expenditure of NATO countries (2014–2023). 07.07.2023. NATO, 2023. P. 12 // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2024/6/pdf/240617-def-exp-2024-en.pdf.

³² Данные на 2022 и 2023 гг. предварительные.

³³ Польша вступила в НАТО в 1999 г., поэтому по состоянию на 1989 и 1995 гг. данные не приводятся.

³⁴ Рассчитано на основе материалов сайта ВС ФРГ. См.: 1. Panzerdivision. 2023 // Bundeswehr. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (дата обращения: 01.08.2023).

³⁵ The Military Balance 2022. London, 2022. P. 155.

быть сформированы три новые дивизии (включающие по три бригады каждая), в частности две «тяжелые» (к 2026 и 2031 г. соответственно)³⁶. Планируется, что третья из этих дивизий будет полностью или частично состоять из кадрированных бригад (предположительно, они будут сформированы из привлекаемых на короткий период времени резервистов). При этом общее число бригад в бундесвере должно увеличиться более чем вдвое (с 7,5 до 15,5)³⁷. В их составе появятся дополнительные подразделения непрофильных родов войск (например, артиллерии, саперов, армейской авиации, особенно беспилотной, спецназа для танковой или мотопехотной бригады и т.д.).

Публикуемые с 2017 г. планы по наращиванию сил бундесвера были нацелены прежде всего на принятие ФРГ функций «рамочного государства» при комплектовании группировок НАТО и разделены на три этапа. К концу 2023 г. бундесвер должен был взять на себя эту роль в отношении следующих элементов VJTF: наземных (что подчеркивалось особо), воздушных, морских сил и ССО. Предполагалось, что к 2027 г. ФРГ окажется способной играть роль «рамочного государства» при комплектовании отдельных группировок НАТО, с 2032 г. — всего их спектра в целом³⁸. На практике задача первого этапа для сухопутных войск и ССО была решена уже к началу 2023 г.³⁹

Важно отметить, что в 1990-е — начале 2020-х годов большинство государств — членов НАТО, располагавших крупнейшими ВС, проявляли меньшую, чем Германия, готовность участвовать в комплектовании группировок Альянса, что объяснялось различными причинами.

В сравнении с периодом холодной войны США заметно ограничили свое участие в военных структурах НАТО — как в абсолютном, так и в относительном выражении. Так, в 1980-е годы в Европе находилось 14% от общей численности ВС США⁴⁰, к 2023 г. — менее 7,5%⁴¹. Весной 2022 г. Соединенные Штаты увеличили свою военную группировку на континенте с 80 до 100 тыс. чел.⁴², однако в дальнейшем, в условиях перехода к новой модели вооруженных сил НАТО, ее численность сократилась. В период холодной войны США вносили заметный вклад в комплектование группировок первого стратегического эшелона войск НАТО — прежде всего ЦГА; в кризисной ситуации дивизии, размещенные на территории США, подлежали переброске в ФРГ. Они должны были играть роль мощного резерва, призванного усилить СГА и ЦГА. В условиях конфликта Запада и РФ Вашингтон принимал активное участие в комплектовании СПР (до инициативы ФРГ о переводе многосторонних боевых групп в бригадные США предоставляли свыше 50% от общей численности СПР, прежде всего за счет национальных бригад)⁴³. Однако эти формирования представляли собой хотя и существенно усиливаемые с начала 2020-х годов, но все же «авангарды». В комплектовании СБР, а затем и группировок, созданных в соответствии с новой моделью ВС НАТО, США приняли весьма ограниченное участие. Основная причина этого — параллельное развитие в современной ситуации сразу двух (не только с РФ, но и с КНР) конфронтаций. Данным фактором было во многом обусловлено разделение военно-стратегической ответственности между США и остальными

³⁶ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017 // URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (дата обращения: 01.08.2023).

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Germany takes the lead for NATO's high readiness force // North Atlantic Treaty Organization. 28.12.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210076.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 01.08.2023).

⁴⁰ Рассчитано автором на основе материалов сайта The Conversation. См.: The US military presence in Europe has been declining for 30 years — the current crisis in Ukraine may reverse that trend // The Conversation. 25.01.2022. URL: <https://theconversation.com/the-us-military-presence-in-europe-has-been-declining-for-30-years-the-current-crisis-in-ukraine-may-reverse-that-trend-175595> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴¹ Рассчитано автором на основе материалов сайта Министерства обороны США. См.: Fact sheet — U.S. Defense Contributions to Europe.

⁴² Ibidem.

⁴³ NATO's military presence...

странами — участницами НАТО, особенно европейскими: Белый дом направлял основную часть своих ВС на противодействие КНР, партнеры — на «сдерживание» РФ. Отсюда интерес США к разноаспектному активному участию в последнем ФРГ, включая поставки тяжелой бронетехники и иных видов вооружений официальному Киеву с 2022 г.

Находившиеся между собой в напряженных отношениях Греция и Турция демонстрировали особый подход в вопросе комплектования постоянных группировок НАТО — как СБР (Турция стала одним из «рамочных государств» с запозданием, Греция вообще не вошла в список таковых), так и eFP, и tFP (Афины и Анкара подключились к данному процессу намного позже остальных).

Уже в силу географического положения Испания и Италия первоочередное внимание уделяли деятельности в рамках Альянса к югу от зоны его ответственности. Однако с конца 2010-х годов наблюдался процесс расширения участия официального Рима в комплектовании многосторонних группировок НАТО — не только СБР, но и СПР (в октябре 2022 г. Италия стала «рамочным государством» для боевой группы tFP в Болгарии)⁴⁴.

Особый интерес представляет подход Франции к рассматриваемому вопросу: стремление стать ключевой страной в реализации проекта по созданию объединенных военных структур ЕС (что особенно отчетливо проявилось в период президентства Эммануэля Макрона)⁴⁵ сочеталось со средне-низким уровнем участия в деятельности группировок НАТО. Франция оказалась единственной из западных держав, которая не взяла на себя функции «рамочного государства» для первой партии боевых групп СПР НАТО в 2016 г. В 2022 г. официальный Париж возглавил многостороннюю группу tFP в Румынии⁴⁶, однако в целом масштаб усилий Франции как по линии СПР, так и СБР заметно уступал деятельности ФРГ в этом направлении.

В отличие от континентальных стран Европы, в Великобритании сухопутная армия традиционно уступала другим видам вооруженных сил по своему удельному весу и мощи. При этом официальный Лондон намного активнее, чем Берлин и Париж участвовал в «сдерживании» КНР и демонстрировал готовность к созданию паллиативных структур вне НАТО с участием ограниченного круга (3-5 государств) «либеральных демократий» как в Индо-Тихоокеанском регионе, так и Европе. Де-факто это делало менее заметным тот «войсковой» вклад, который вносила Великобритания в деятельность военных структур НАТО.

Официальная Варшава, стремительно увеличивая свои ВС, была наиболее настойчива в решении вопроса о развертывании мощных СПР, будучи заинтересованной в размещении на своей территории войск США и Великобритании.

Совокупностью факторов, представленных выше, был обусловлен выход Германии на первое место среди европейских стран — участниц НАТО по количеству сухопутных войск, выделяемых для военных структур Альянса.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ФРГ В КОМПЛЕКТОВАНИИ СБР НАТО

Следует отметить, что бундесвер вносил заметный вклад в формирование и деятельность СБР уже в первое десятилетие с момента создания этих сил в составе военной группировки Альянса. Важным событием в контексте рассматриваемой темы стало принятие Германией роли «рамочного государства» в 2015 г. — на этапе реализации решения о трехкратном увеличении СБР, создании в их составе соединения сверхповышенной боевой готовности. Ответственность за СБР НАТО в 2015 г. бундесвер разделял с ВС Нидерландов и Норвегии⁴⁷ — ближайших политических союзников ФРГ. Боевое слаживание континентов сторон проходило в ходе учений, ключевое из которых — Noble Jump 15 (с участием 2,1 тыс.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 144–157.

⁴⁶ NATO's military presence...

⁴⁷ Statement by the NATO Defence Ministers...

военнослужащих⁴⁸) — проводилось на западе Польши. В ходе этих учений отрабатывалось выдвижение сил СБР в передовую часть зоны ответственности НАТО.

Фактически в 2015 г. основной вклад в комплектование СБР вносили 1-й германо-нидерландский корпус и находившаяся в его оперативном подчинении 1-я танковая дивизия (1 тд) бундесвера, состоявшая из трех бригад: 9-й учебной танковой (тбр), 21-й танковой, 41-й мотопехотной (мпбр)⁴⁹. В марте 2016 г. под управление 1 тд была передана также голландская 43-я механизированная бригада⁵⁰. Заметное продвижение по пути интегрирования военных формирований сторон было обусловлено не только положительным опытом их тесного сотрудничества при развертывании СБР в 2015 г., но и взаимным стремлением к развитию и созданию институциональной основы для кооперации ВС двух государств при комплектовании СБР.

В соответствии с принципом семилетнего цикла комплектования СБР ФРГ вновь (после 2015 г.) должна была стать «рамочным государством» в 2022 г. Однако официальный Берлин настоял на досрочном принятии этой роли уже в 2019 г.⁵¹ Германия стала единственной страной — участницей Альянса, проявившей подобную инициативу. Этот шаг фактически разделил европейские страны НАТО на две группы по степени интереса к комплектованию VJTF. К первой из них (государства, демонстрировавшие повышенный или средне-высокий интерес) относились Испания, принявшая на себя роль «рамочного государства» в 2016 г., Великобритания (в 2017 г.), Италия (в 2018 г.); ко второй (страны, проявлявшие более низкий интерес к участию в этой деятельности) — Польша (в 2020 г.), Турция (в 2021 г.), Франция (в 2022 г.). Своей инициативой ФРГ де-факто стимулировала последних, а главное, подчеркивала свою готовность и, что не менее важно, способность внести более весомый вклад в комплектование NRF — крупнейшей и ключевой группировки блока, чем другие государства — члены НАТО.

Следует подчеркнуть, что ФРГ взяла на себя роль «рамочного государства» для наземной бригады VJTF СБР еще в ходе крупнейших учений НАТО Trident Juncture 18 на территории Норвегии, проходивших с 25 октября по 7 ноября 2018 г. Целью этих учений являлось отрабатывание боевого слаживания состава СБР на следующий год с их выдвижением из глубины зоны ответственности Альянса ближе к граничащим с РФ районам Норвегии. Уникальность ситуации состояла в том, что в ходе маневров Trident Juncture 18 функции «ядра» многосторонней сухопутной бригады СБР приняла 41-я мпбр, а в 2019 г. — 9-я учебная тбр⁵², т.е. уже другое соединение. Тем самым Германия показала способность играть ключевую роль при развертывании этих сил, используя сразу две бригады. До этого каждое государство — член НАТО задействовало в качестве основы сухопутных частей ССБР именно ту бригаду, которую оно готовило к этому на учениях в конце предыдущего года.

В 2019 г. численность сухопутных сил VJTF составила 8 тыс. военнослужащих, в 2020 г. (ведущее государство-комплектатор — Польша) она уменьшилась до 6 тыс., в 2021 г. (при определяющей роли Турции) — 6,4 тыс. солдат и офицеров⁵³. Вновь следует оговориться, что не вся группировка, а лишь ее основа комплектовалась контингентами «рамочного государства» (так, в 2020 г. на ее долю пришлось 3 из 6 тыс. военнослужащих; в 2021 г. — 4,2 из 6,4 тыс.), однако именно от вклада последнего зависела ее общая численность. В 2019 г. бундесвер выделил большую часть подразделений 9-й учебной тбр — передового в плане

⁴⁸ NATO Response Force. 2023.

⁴⁹ 1. Panzerdivision. 2023.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Germany steps up to lead NATO high readiness force // North Atlantic Treaty Organization. 01.01.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 01.08.2023).

⁵² Ibidem.

⁵³ Poland takes charge of NATO high readiness force // North Atlantic Treaty Organization. 30.12.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_172334.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 01.08.2023); Turkey takes charge of NATO high readiness force // Ibid. 01.01.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180627.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 01.08.2023).

боевой выучки и наиболее многочисленного (6 тыс. военнослужащих)⁵⁴ соединения, на базе которого разворачивалась подготовка развертывания новых бригад ВС ФРГ.

В 2019 г. помощь ФРГ в комплектовании VJTF оказывали восемь государств – членов НАТО (от Западной Европы – все страны Бенилюкса и Франция, от Северной – Норвегия, от Восточной – Латвия, Литва и Чехия). Следует отметить, что именно Нидерланды и Норвегия продолжали играть ключевую роль в данном процессе⁵⁵. Эти страны предоставили значительную часть подразделений авиации и ССО. Стоит подчеркнуть, что к 2019 г. в данных компонентах VJTF ФРГ еще не обладала необходимым потенциалом для принятия функций «рамочного государства» (с учетом использования соответствующих родов и видов ВС на других направлениях). В 2019 г., как и в 2015 г., значимым элементом подготовки сухопутной бригады VJTF СБР стало проведение учений Noble Jump в июне на западе Польши. На этот раз при отработке выдвижения частей из глубины оказались задействованы 2,5 тыс. военнослужащих и 1 тыс. единиц техники Германии, Нидерландов и Норвегии⁵⁶.

В середине – второй половине 2010-х годов внутри бундесвера основная нагрузка по комплектованию СБР ложилась на 1 тд. С 2021 г. последняя оказалась перенацелена на формирование СПР НАТО⁵⁷. Функции по комплектованию СБР перешли к 10 тд, которая раньше участвовала в развертывании eFP⁵⁸. Подобное перераспределение задач отражало заранее (с рубежа 2010-х – 2020-х годов, т.е. задолго до начала СВО РФ) планируемое и подготавливаемое увеличение присутствия ФРГ в Восточной Европе по линии СПР. Будучи дислоцированной в северных землях Германии и более сильной по составу (1 тд включала три бригады сил общего назначения, 10 тд – две с половиной бригады по состоянию на 2023 г.), 1 тд оказалась переориентирована на более активное использование в передовой части зоны ответственности Альянса. При этом она оставалась основной площадкой для формирования новых сухопутных частей бундесвера, что вследствие порождаемых данным обстоятельством временных организационных трудностей естественно ограничивало возможность передачи под непосредственное командование НАТО ряда подразделений.

В 2023 г., т.е. по завершении де-юре семилетней, де-факто восьмилетней очередности, ФРГ вновь взяла на себя роль «рамочного государства» при комплектовании наземной бригады СБР, а также (впервые в истории) ССО VJTF⁵⁹. При этом «ядром» сухопутного соединения стали 37-я мпбр ФРГ (5,5 тыс. военнослужащих)⁶⁰, артиллерийский батальон дивизионного подчинения (900 солдат и офицеров)⁶¹ от 10 тд и полк военно-транспортной армейской авиации (вертолеты) от дивизии сил быстрого реагирования. Если в 2019 г. общая численность соединения VJTF составляла 8 тыс. солдат и офицеров (эквивалент 1,3 усиленных бригад), то в 2023 г. – уже 11,5 тыс.⁶² (что было равноценно почти двум усиленным бригадам). Количественное увеличение VJTF отражало общую тенденцию в политике ФРГ, направленную на рост военно-ресурсного потенциала НАТО в рамках перехода Альянса к новой модели войск⁶³.

В 2023 г. партнерами Германии при комплектовании сухопутных частей СБР являлись те же восемь стран, что и в 2019 г., лишь за одним исключением: место Франции заняла

⁵⁴ 1. Panzerdivision. 2023.

⁵⁵ Germany steps up to lead NATO...

⁵⁶ Exercise Noble Jump 2019 in full swing in Poland // NATO. Allied Joint Force Command Naples. 06.06.2019. URL: <https://jfcnaples.nato.int/newsroom/news/2019/exercise-noble-jump-2019-in-full-swing-in-poland> (дата обращения: 01.08.2023).

⁵⁷ 1. Panzerdivision. 2023.

⁵⁸ 10. Panzerdivision. 2023 // Bundeswehr. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision> (дата обращения: 01.08.2023).

⁵⁹ Germany takes the lead for NATO's high readiness force.

⁶⁰ 10. Panzerdivision. 2023.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Germany takes the lead for NATO's high readiness force.

⁶³ New NATO Force Model.

Словения⁶⁴. Это объяснялось не только и не столько тем, что Пятая республика взяла на себя роль «рамочного государства» в 2022 г., сколько обострившимся спором о лидерстве между Парижем и Берлином. Следует отметить, что за год до этого бундесвер отказался от участия в комплектовании СБР в 2022 г., хотя Министерство обороны Франции задействовало для этого полки из состава франко-германской бригады, созданной еще в 1989 г. и на протяжении длительного времени являвшейся символом сотрудничества между двумя странами⁶⁵.

Показательно, что ФРГ в целом избегала участия в развертывании СБР, не будучи в положении «рамочного государства». Это являлось практическим подтверждением стремления Германии к принятию функций именно «направляющего игрока» и реализации лидерских устремлений.

Как и ранее, в случае 1 тд, тесное сотрудничество 10 тд бундесвера с нидерландскими войсками по линии СБР содействовало углублению интеграции «военных машин» двух стран. В 2023 г. в оперативное подчинение 10 тд была передана 13-я легкая бригада голландских ВС⁶⁶.

В 2023 г. учения Noble Jump проводились уже не в Польше, а в Италии, на Сардинии, что отражало стремление НАТО отработать возможные сценарии проведения военных операций в Средиземноморье, т.е. в южной части передовой зоны ответственности Альянса. Масштаб учений оставался тем же, что в 2015 и в 2019 гг. В Noble Jump приняли участие 2,2 тыс. военнослужащих (с использованием танков и вертолетов), из которых 700 составляли солдаты и офицеры бундесвера⁶⁷. В Восточной Европе повышенное внимание по линии СБР уделялось Румынии. В 2022 г. здесь были развернуты передовые подразделения наземных сил СБР в дополнение к новой боевой группе СПР НАТО. С 2023 г. правительство Румынии рассматривает вопрос о размещении на территории страны постоянного по характеру военного контингента Германии⁶⁸.

ПОДХОД ОФИЦИАЛЬНОГО БЕРЛИНА К НАРАЩИВАНИЮ СПР НАТО

С момента создания 1-й и 2-й ПМГ, 1-й и 2-й ПКМГ и миссии по воздушному патрулированию стран Балтии ВВС и ВМС ФРГ, соответственно, активно участвовали в их комплектовании на ротационной основе. Ситуация стала меняться в 2014–2015 гг., когда официальный Берлин минимизировал свое участие в маневрах в Восточной Европе, проводимых НАТО вблизи границ РФ. Следует отметить, что в этот период ФРГ не проявляла готовности к выделению наземных войсковых контингентов для формирования частей СПР. При этом в феврале 2015 г. Германия выступила одним из инициаторов (наряду с Польшей и Данией) изменений в системе управления трехсторонним корпусом «Северо-Восток» и его превращению в многонациональный (с сохранением названия)⁶⁹. Эти действия отражали стремление официального Берлина к поэтапному усилению давления на РФ по линии СПР. На первых фазах конфронтации России и Запада ФРГ опасалась действиями под эгидой НАТО спровоцировать неконтролируемую эскалацию напряженности; кроме того, бундесвер еще не был подготовлен к активному вовлечению в процесс комплектования СПР. Со второй половины 2010-х годов данные ограничители стали постепенно исчезать: те действия, которые еще в 2014–2015 гг. официальный Берлин расценивал как опасные

⁶⁴ Germany steps up to lead NATO...

⁶⁵ France takes the lead of NATO's highest readiness force // North Atlantic Treaty Organization. 29.12.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_190458.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 01.08.2023).

⁶⁶ 10. Panzerdivision. 2023.

⁶⁷ NATO's spearhead force deploys to Sardinia for Exercise Noble Jump // North Atlantic Treaty Organization. 17.04.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_214605.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 01.08.2023).

⁶⁸ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem Ministerpräsidenten von Rumänien Ciolacu am 4. Juli 2023 in Berlin // Die Bundesregierung. 04.07.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-ministerpraesidenten-von-rumaenien-ciolacu-am-4-juli-2023-in-berlin-2200290> (дата обращения: 01.08.2023).

⁶⁹ Statement by the NATO Defence...

и провокационные по отношению к РФ, спустя несколько лет уже не воспринимались таковыми, но на практике оставались ими в полной мере.

С 2016 г. ФРГ взяла на себя роль «рамочного государства» для многосторонней БТГ в Литве, которая была развернута в районе города Рукла, направляя туда с шестимесячной ротацией от 500 до 550 военнослужащих⁷⁰. Список партнеров Германии при комплектовании данной группировки НАТО был практически идентичен тому, что имел место в ходе формирования наземных сил СБР: страны Бенилюкса, Норвегия, а также Чехия⁷¹; до 2022 г. в него входила и Франция. Отказ последней от участия в этом процессе являлся еще одной иллюстрацией определенного охлаждения в отношениях между Парижем и Берлином. Основным тактическим визави для контингента бундесвера в Литве от ее национальных ВС являлась бригада (до конца 2010-х годов единственная) сухопутных войск «Железный волк». С ней проводились постоянные учения, направленные на объединение двух формирований (еФР и литовского) в единое оперативное целое⁷². На этом фоне встреча в формате «В3+1» (республики Балтии + Германия), предполагавшем контакты на уровне глав МИД стран, в сентябре 2018 г. была впервые проведена с участием лидеров государств и правительств. Она состоялась в Вильнюсе после визита канцлера ФРГ Ангелы Меркель в расположение боевой группы СПР в Рукле⁷³.

Как уже отмечалось, до 2021 г. подразделения для комплектования СПР выделялись из 10 тд бундесвера. Всего с 2017 по 2021 г. в состав БТГ СПР в Литве было направлено 7 тыс.⁷⁴ военнослужащих (важно отметить, что один и тот же солдат или офицер мог быть задействован в ходе двух или более ротаций в рамках миссии)⁷⁵. В 2021 г. задача формирования «ядра» этого многостороннего войскового формирования НАТО перешла от 10 тд к 1 тд. В этот период ФРГ готовилась взять на себя более весомую роль в процессе комплектования СПР, что свидетельствовало о планах усиления присутствия НАТО в Восточной Европе еще до начала СВО РФ.

В середине февраля 2022 г. Германия увеличила свой вклад в комплектование боевой группы НАТО в Литве, выделив для этой цели на 350 военнослужащих больше, чем в предшествующий период. При этом основным источником формирования этого подразделения являлся 41-й мпбр. На начало июня 2022 г. контингент бундесвера на территории Литвы насчитывал более 1 тыс. военнослужащих (эквивалент батальона), а общая численность боевой группы превысила 1,6 тыс. солдат и офицеров⁷⁶.

В марте – апреле 2022 г. ФРГ направила контингент в состав вновь созданной многосторонней БТГ НАТО в Словакии, выделив для этого подразделения 9-й учебной тбр⁷⁷. При формировании данной боевой группы «рамочным государством» была провозглашена Чехия, однако наиболее крупный контингент был выделен именно бундесвером⁷⁸. Следует подчеркнуть, что данная ситуация являлась парадоксальной и из всех многонациональных

⁷⁰ NATO's Enhanced Forward Presence. Factsheet // North Atlantic Treaty Organization. October 2020. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/10/pdf/2010-factsheet_efp_en.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

⁷¹ Ibidem.

⁷² EFP: Combat Ready nach erfolgreicher Übung // Bundeswehr. 04.06.2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/efp-combat-ready-nach-uebung-5090768> (дата обращения: 01.08.2023).

⁷³ Starke Partnerschaft mit baltischen Ländern. Merkel in Litauen // Die Bundesregierung. 14.09.2018. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/starke-partnerschaft-mit-baltischen-laendern-1525302> (дата обращения: 01.08.2023).

⁷⁴ Часть этих военнослужащих направлялась в Литву два раза или более.

⁷⁵ 10. Panzerdivision. 2023.

⁷⁶ NATO's Forward Presence // North Atlantic Treaty Organization. June 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

⁷⁷ Slowakei – eVA. 2023 // Bundeswehr. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/slowakei-enhanced-vigilance-activities> (дата обращения: 01.08.2023).

⁷⁸ NATO's Forward Presence.

формирования СПР была характерной лишь для боевой группы альянса в Словакии⁷⁹. Не имея права (как и любая другая страна – участница НАТО) стать «рамочным государством» сразу для двух войсковых единиц СПР де-юре, Германия уже весной 2022 г. сделала это де-факто.

Увеличение группировки сухопутных войск ФРГ в Восточной Европе сопровождалось усилением частей ВМС (по линии оперативных морских групп). Кроме того, в регион (в частности, в Словакию⁸⁰) были также направлены подразделения ПВО бундесвера, а в состав миссии НАТО по патрулированию воздушного пространства всей Восточной Европы (а не только стран Балтии)⁸¹ были включены звенья немецких боевых самолетов.

7 июня 2022 г. в ходе новой встречи в формате «В3+1» на высшем уровне канцлер Олаф Шольц анонсировал решение о постепенной трансформации боевой группы СПР в Литве из батальонной в бригадную⁸². Эту меру руководство ФРГ рассматривало как важную часть плана по превращению бундесвера в наиболее мощные конвенциональные (неядерные) ВС среди «военных машин» европейских стран – участниц НАТО в целом⁸³. С сентября 2022 г. Министерство обороны Германии приступило к увеличению многостороннего формирования Альянса до количественно нового уровня⁸⁴. Эта деятельность стала еще одним важным направлением реализации лидерских устремлений ФРГ. 42-я танковая бригада бундесвера (как формирование СПР в Литве) должна быть полностью сформирована в 2026 г. и насчитывать 4,8 тыс. военнослужащих и 0,2 тыс. представителей гражданского персонала⁸⁵. Почти все подразделения бригады, за исключением одного многонационального батальона, будут состоять только из немецких военнослужащих. При этом они размещаются в Литве уже не на ротационной, а на постоянной основе⁸⁶. Кроме того, в ближайшие годы Германия будет продолжать участвовать в комплектовании боевой группы в Словакии на прежнем уровне и с высокой долей вероятности развернет наземное присутствие в Румынии. По итогам Мадридского саммита НАТО О. Шольц заявил о предоставлении для формирования германского контингента в составе СПР НАТО «тяжелой» наземной дивизии в 15 тыс. военных, 60 самолетов и 20 кораблей⁸⁷.

* * *

Основы подхода ФРГ к участию в развертывании постоянных группировок НАТО были заложены в период правления А. Меркель. При этом нынешний вектор германской политики в данном вопросе окончательно сформировался уже при канцлере О. Шольце. Характерная для этой политики особенность – плавное, поэтапное увеличение роли бундесвера в комплектовании сухопутных сил Альянса (происходящее одновременно с усилением бундесвера, но отстающее по скорости от этого процесса) вне тесной привязки к фактору СВО РФ. Как следствие, с 2022 по 2023 г. Германия взяла на себя гораздо большее число обязательств, связанных с формированием и деятельностью военных структур НАТО, нежели в предшествующий период (начиная с 1991 г.). При этом разница в темпах усиления

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Slowakei – eVA. 2023.

⁸¹ NATO's military presence...

⁸² "Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen" // Die Bundesregierung. 07.06.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundestkanzler-in-litauen-2047754> (дата обращения: 01.08.2023).

⁸³ Ibidem.

⁸⁴ First German NATO brigade troops...

⁸⁵ Drei bewährte Bataillone für die neue Panzerbrigade 42 // Deutsche Bundeswehrverband. 06.11.2023. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/zwei-bewahrte-bataillone-fuer-die-neue-panzerbrigade-42> (дата обращения: 01.12.2023).

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid // Die Bundesregierung. 30.06.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundestkanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018> (дата обращения: 01.08.2023).

группировок НАТО и бундесвера являлась причиной того, что ряд этих обязательств Берлин принимал «на вырост». Это относится как к реорганизации в бригаду боевой группы СПР в Литве, которую, как указывалось выше, планируется полностью завершить в 2026 г., так и к участию Германии в комплектовании военных сил НАТО в соответствии с новой моделью (со сроком приведения в боевую готовность до 10 и 30 суток). В последнем случае с 2025 г. на долю ФРГ должно приходиться 35 тыс. военнослужащих (из общего числа в более чем 300 тыс.)⁸⁸.

Подход Германии отражал ее стремление стать ключевым комплектатором группировок НАТО из числа европейских стран — участниц Альянса. При этом если до начала 2020-х годов Берлин демонстрировал это прежде всего по линии СБР, то в последние годы также и СПР. Германия участвовала в развертывании многосторонних формирований, стараясь в максимально возможном числе случаев принять на себя функции «рамочного государства». Войсковые подразделения бундесвера в составе группировок НАТО были задействованы весьма интенсивно; прежде всего это касалось абсолютного большинства соединений общего назначения в сухопутных войсках. Так, все бригады 1 тд (9-я учебная тбр и 41-я мпбр полностью; 21-я тбр и голландская 43-я мехбр частично) приобрели опыт в составе СБР, в том числе VJTF, с 2021 г. являясь комплектаторами eFP и tFP. В 10 тд в составе СПР (затем и в СБР) активно использовалась 37 мпбр.

С учетом новой схемы разделения военно-стратегической ответственности внутри Альянса Белый дом весьма заинтересован в реализации изложенного подхода ФРГ. Заметная роль Германии в комплектовании и деятельности СПР способствует углублению сотрудничества с Литвой (и странами Балтии в целом), Словакией, Чехией и Румынией; активное участие в формировании СБР является важным фактором партнерства ФРГ с Нидерландами и Норвегией. При этом повышенная военная активность Германии в рамках НАТО в целом становится одним из «раздражителей» в отношениях с Францией, Италией, отчасти Великобританией.

Библиография / References

Данилов Д.А. Глобальные горизонты атлантического Альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31.

Истомин И.А. Управление обязательствами в асимметричных альянсах // Международные процессы. 2021. № 1. С. 26–55.

Кокеев А.М. О соотношении атлантизма и европеизма во внешней политике ФРГ // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 7. С. 21–27.

Манойло А.В. Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 160–184.

Никитин А.И. Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 53–74.

Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 137–169.

Трунов Ф.О. Политика ФРГ в НАТО на современном этапе: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 114–134. DOI: 10.31249/ape/2019.04.07

Danilov D.A. Global'nye gorizonty atlanticheskogo Al'iansa: "vaccina" Baidena [Global horizons of the Atlantic alliance: the Biden "vaccine"] // Sovremennaiia Evropa [Contemporary Europe]. 2021. № 5. С. 19–31. (In Russ.)

Istomin I.A. Upravlenie obiazatel'stvami v asimmetrichnykh al'iansakh [Management of security commitments in asymmetric alliances] // Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]. 2021. № 1. С. 26–55. (In Russ.)

Kokeev A.M. O sootnoshenii atlantizma i evropeizma vo vneshnei politike FRG [On the correlation of Atlanticism and Europeanism in Germany's foreign policy] // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]. 2009. № 7. С. 21–27. (In Russ.)

⁸⁸ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023 in Wilna // Die Bundesregierung. 12.07.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (дата обращения: 01.08.2023).

Manoilo A.V. Sovremennye strategii kiberbezopasnosti i kiberoborony NATO [NATO's current cybersecurity and cyber defense strategies] // Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]. 2020. № 3. S. 160–184. (In Russ.)

Nikitin A.I. Tendentsii voenno-politicheskogo razvitiia i voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva stran Evrosoiuza [Trends of military-political development in Europe and of military-technical cooperation between the EU member states] // Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]. 2020. № 4. S. 53–74. (In Russ.)

Sidorov A.S. “Evropeiskaia oborona” cherez prizmu francuzskikh interesov i vozmozhnostei [“European Defence” through the prism of France's interests and capabilities] // Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]. 2020. № 4. S. 137–169. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Politika FRG v NATO na sovremennom etape: problemy i perspektivy [Policy of FRG at NATO today: problems and prospects] // Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]. 2019. № 4. S. 114–134. DOI: 10.31249/ape/2019.04.07 (In Russ.)

Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? // Egmont Policy Brief. 2022. № 285. P. 1–6.

Glatz R., Zapfe M. Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell. 2017. № 62. P. 2–8.

Krause von U. Die Bundeswehr als Teil einer Europäischen Armee: Realistische Perspektive oder unrealistische Vision? // BAKS. Arbeitspapier Sicherheitspolitik. 2019. № 18. P. 1–5.

Major C. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. 2022. № 49. P. 1–8.

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid // Die Bundesregierung. 30.06.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018> (access date: 01.08.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem Ministerpräsidenten von Rumänien Ciolacu am 4. Juli 2023 in Berlin // Die Bundesregierung. 04.07.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-ministerpraesidenten-von-rumaenien-ciolacu-am-4-juli-2023-in-berlin-2200290> (access date: 01.08.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023 in Wilna // Die Bundesregierung. 12.07.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (access date: 01.08.2023).

The Military Balance 2022. London, 2022.

DOI: 10.31857/S0130386424050197

© 2024 г. В.П. Любин

К СТОЛЕТИЮ УБИЙСТВА ФАШИСТАМИ ДЖ. МАТТЕОТТИ

Рец. на книгу: М. Degli Innocenti. **GIACOMO MATTEOTTI E IL SOCIALISMO RIFORMISTA**. Milano: Franco Angeli, 2022. 294 p.

Любин Валерий Петрович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

Scopus Author ID: 50473921067; ORCID: 0000-0001-9530-3968; Author ID: 251026

V.P. Ljubin

ON THE CENTENARY OF GIACOMO MATTEOTTI'S MURDER BY THE FASCISTS

Rec. ad op.: М. Degli Innocenti. **GIACOMO MATTEOTTI E IL SOCIALISMO RIFORMISTA**. Milano: Franco Angeli, 2022. 294 p.

Valerij Ljubin, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

Scopus Author ID: 50473921067; ORCID: 0000-0001-9530-3968; Author ID: 251026

10 июня 2024 г. исполнилось 100 лет со дня похищения и убийства фашистами видного деятеля социалистического движения, депутата парламента Джакомо Маттеотти. Это стало поводом для издания статей и книг, проведения конференций и выставок в Италии¹. Они посвящены памяти смелого антифашиста, не побоявшегося с трибуны парламента резко осудить преступления фашистов. После убийства Маттеотти поднялась мощная волна протестов как в парламенте, так и среди антифашистски настроенных народных масс, и, если бы тогда широкому протестному движению удалось победить, Италия пошла бы по другому пути.

Сюжет об убийстве фашистским режимом Маттеотти и связанных с этим событий не раз попадал в поле зрения историков и публицистов. Так, ведущая итальянская газета *Corriere della sera* в 1996 г. в статье «Маттеотти — «экзамены» для дуче»², представляя

новую книгу, утверждала, что «практическая сторона» покушения на Маттеотти была доверена перебежчику к фашистам из рядов коммунистов, мутному и скользкому персонажу Н. Бомбаччи. И якобы именно ему во время попытки бегства Муссолини в конце апреля 1945 г. доверили папку, в которой содержались «оправдательные» для дуче документы. Но папка пропала в Донго (т.е. в том месте, где партизаны захватили Муссолини и его попутчиков и расстреляли их всех, подвесив затем за ноги на станции бензозаправки в Милане³. — В.Л.). В хранящихся в Архиве внешней политики РФ документах — сообщениях посольства СССР в Риме 1945–1946 гг. — не раз говорится о том, как были найдены и арестованы фашистские головорезы, похитившие и убившие Маттеотти, и как в Риме разворачивался судебный процесс над ними⁴.

Известный итальянский историк М. Дельи Инноченти, руководитель Фонда Турати, ординарный профессор Сиенского университета, возглавил Национальный комитет, который отвечает за мероприятия к 100-летию со времени гибели Дж. Маттеотти. М. Дельи Инноченти — автор многих монографий по истории «итальянского социализма», т.е. социали-

¹ 23 февраля 2024 г. в Пизе была открыта выставка, посвященная Маттеотти // URL: <http://www.fondazionestudistoriciturati.it/mostra-giacomo-matteotti-ritratto-per-immagini-3/> (дата обращения: 24.02.2024). Презентация рецензируемой книги состоялась в Библиотеке им. Нильде Йотти в Палате депутатов итальянского парламента 10 ноября 2023 г.

² *Fertilo D. Matteotti: le "prove" del duce* // *Corriere della Sera*. 3.III.1996. P. 31.

³ *Bertoldi S. Dopoguerra. Da piazzale Loreto a "Dolce vita": quando la cronaca diventa storia*. Milano, 1993. P. 7.

стического движения. Еще в 2014 г. вышла его книга «Джакомо Маттеотти. Герой социалист»⁵.

В новой, гораздо большей по объему монографии Дельи Инноченти, как отмечается в издательской аннотации, переосмысливается жизнь Маттеотти. Его биография вплетена в анализ деятельности политической группировки, к которой он принадлежал. Автор «размышляет о проблеме итальянского и европейского общества», показывает «дальновидность мышления и действий целого поколения политиков в ходе эволюции европейской социал-демократии в межвоенный период» (с. 10).

Обращаясь к историко-философским, а также методологическим вопросам проведения исследования, Дельи Инноченти открывает «многие мотивы переосмысления проблем итальянского общества в течение долгого периода» вплоть до нынешних дней. Хотя речь идет об обществе, которого уже не существует, и это требует не только от читателя, но и от историка «большого усилия по контекстуализации во избежание риска недооценки факторов, в то время важных, а сегодня кажущихся маргинальными». Исторiku надлежит «оценить дела и чувства того времени взглядом нынешнего дня» (с. 10).

История XX в. определялась классовым подходом и массовыми партиями, что теперь уже не актуально. Нынешняя пост-фордистская эпоха, растущая глобализация, повышение роли наднациональных объединений ослабляют значение традиционной партии и не дают найти ответы на актуальные вызовы на международном уровне. Технологическая и мультимедийная революция последних десятилетий радикально трансформировали политический дискурс. Предлагаемый в книге нарратив касается мира политики, который давно не существует, и он не может снова возникнуть. В картине мира, отличающейся сильной непоследовательностью, последовательность приобретает особое значение.

Монография разделена на пять глав. Первая — «Формирование и “мотор практической энергии”» — биография Маттеотти. Он родился в 1885 г. в городке Фратта в семье состоятельных родителей, им принадлежал магазин, своего рода «Арка Ноя», где продавалось всего понемногу; они владели 150 га земли. К 1925 г. семья обладала капиталом в 1 203 826 лир (с. 15). После окончания гимназии в Ровиги Маттеотти поступил на юридический факультет Болонского университета, закончил его в 1907 г. Приехав в Рим

в 1908 г., он углубляет свои знания в юриспруденции и статистике, читает литературу на английском, немецком, французском, издает в 1910 г. книгу. В ней он предлагает реформу системы наказаний с акцентом на большее уважение к человеческой личности, на устранение причин рецидивов преступности. В 1910–1911 гг. он совершает путешествие юридическое образование, посещая Англию, Бельгию, Голландию, Францию, Австрию, Германию.

В 1912 г. Джакомо познакомился с Велией Титта, сестрой знаменитого певца Титта Руффо. В 1916 г. они поженились, у них родилось трое детей: Джанкарло, Маттео и Изабелла. Велия любила театр и литературу, читала в оригинале Шекспира и книги немецких философов. В 1908 г. был издан сборник ее стихотворений, а в 1920 г. роман под псевдонимом Андреа Рота. Полные любви отношения супругов нашли отражение в их сохранившейся переписке: 650 писем, хранящихся в Фонде Турати. Под редакцией заместителя директора этого фонда С. Каретти вышли книги: Джакомо Маттеотти «Письма к Велии»; Велия Титта Маттеотти «Письма к Джакомо»; Джакомо Маттеотти «Но идея не умирает»⁶. Маттеотти был жизнелюбом, путешественником, знатоком искусства и музыки, любил оперы Р. Вагнера, часто посещал театры и кино (когда был депутатом в Риме, то в компании с руководителями социалистической партии Э. Модильяни, Ф. Меда, Ф. Турати и А. Кулишовой). Его жизнелюбие поразило философа Э. Гарена, написавшего предисловие к изданию «Писем к Велии»⁷.

Этапам карьеры Маттеотти посвящена вторая глава. Почему-то автор не объясняет читателю, когда и почему Маттеотти примкнул к социалистической партии. Говорится лишь, что он начал сотрудничать и писать в разных профессиональных юридических журналах, причем как социалистического, так и консервативного толка. Не анализируя, когда и как сформировались взгляды молодого Маттеотти, автор признает лишь факт названного сотрудничества, отмечая, что поначалу статьи были эклектичными. И лишь когда повествование доходит до Первой мировой войны, автор определяет его позицию как антивоенную, т.е. соответствующую линии социалистов, от которой так резко отрекся в октябре 1914 г. тогдашний директор газеты Итальянской социалистической партии (ИСП) «Аванти!» Муссолини, за что был осужден руководством и изгнан из партии в ноябре того же года⁸.

Третья глава посвящена анализу «революции конструктивной» или «эволюционной», противопоставленной революции большевистской и диктатуре пролетариата, которые тогда были поддержаны итальянскими максималистами и коммунистами.

⁶ *Matteotti G. Lettere a Velia / a cura di S. Caretti. Pisa, 1986; Idem. L'idea che non muore / a cura di S. Caretti, J. Makuc. Pisa, 2022. Matteotti Titta V. Lettere a Giacomo / a cura di S. Caretti. Pisa, 2000.*

⁷ *Garin E. Prefazione // Matteotti G. Lettere a Velia. P. 10.*

⁸ *Любин В.П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892–2006. М., 2007. С. 154–161.*

⁴ 22 января 1947 г. «в Риме начался уголовный процесс против организаторов убийства члена итальянского парламента Джакомо Маттеотти. По делу убийства привлечены: Франческо Джунта — бывший секретарь фашистской партии, начальник бюро печати у Муссолини Чезаре Росси, Америкго Думини, Амлето Поверомо и др. Обвинение поддерживает генеральный прокурор Спаньола. ...Историческая правда должна быть восстановлена хотя бы после 23 лет со дня совершенного убийства» // Архив внешней политики РФ. Ф. Посольство СССР в Италии. Оп. 22. Д. 27. П. 82. Л. 48.

⁵ *Degli Innocenti M. Giacomo Matteotti. Eroe socialista. Roma, 2014.*

Проводится сравнение позиций Маттеотти и Турати в условиях свертывания либерального государства и прихода фашизма. Маттеотти одним из первых подметил манипуляции авторитарного режима общественным сознанием, принял туратианскую концепцию создания коалиционного правительства как способного противостоять авторитарным тенденциям. Это повысило бы роль партий внутри системы, помогло преодолеть «марксистский схематизм», который исповедовали максималисты и коммунисты.

В главе «Социалисты с социалистами, коммунисты с коммунистами» автор вскользь говорит о расколе и выходе из партии ее левого крыла, создавшего Италианскую коммунистическую партию 21 января 1921 г. Он обращается к положению в Италианской социалистической партии — ИСП (PSI) и созданной в результате расколов новой партии — Унитарной социалистической партии (PSU) с преобладанием реформистов, к которой и относился Маттеотти. Ее лидеры Маттеотти и Турати пересматривали в сложившихся новых реалиях соотношение между классом и корпорацией, между трудом и капиталом, стремясь достичь равновесия, именно оно гарантирует производительность и развитие, без которых социальный прогресс невозможен. Переоценивалась и роль рыночных отношений, когда свободная конкуренция и частная инициатива не запрещались, а поощрялись и противопоставлялись «паразитарным, контрпродуктивным тенденциям». Тем самым оба они по-новому ставили актуальные проблемы, выходявшие за рамки прежних марксистских схем революции против буржуазного общества и установления диктатуры пролетариата. Борьба за соблюдение прав человека понималась не только как тактика защиты от фашизма. Социалисты поддержали эволюцию либерального общества в направлении создания общества демократического и социального. Это стало *ubi consistam* европейской социал-демократии, а Маттеотти стал «европейским социалистом» (с. 265).

Заключительная пятая глава «Турати, Маттеотти и социалистическое обновление» (очевидно, написанная уже после того, как автор счел текст книги законченным, потому что в предисловии (с. 11) он указал, что книга состоит из четырех глав. — *В.Л.*) посвящена «идеологически-программному обновлению одновременно в национальном и интернациональном

измерениях». Оба руководителя партии реформистов в статьях в теоретическом социалистическом журнале «Критика социале» и выступлениях выдвигали идеи «социализма, идущего снизу, при котором из образованных трудящихся возникнут граждане, которые будут как демократы индивидуально и коллективно управлять обществом» (с. 284—285). При этом Дельи Инноченти с горечью признает: с прогрессирующим утверждением с 1926 г. фашистского режима старшее поколение социалистов осознавало, что не доживет до возрождения демократии в Италии. Лишь потом «выдвинулись представители среднего поколения — Ненни, Росселли, Пертини, Буоцци, Тольятти, и у них был мотив увидеть свет в конце туннеля» (с. 285). Но все же в свете последующей победы Сопротивления и антифашизма следует отдать должное «моральному и политическому величию тех, кто действовал не только для своего времени, но и для будущих поколений» (с. 285).

В заключение следует еще раз подчеркнуть актуальность выхода книги накануне отмечаемой всей Италией даты. И признать, что сами предложенные нарративы и авторские выводы, иногда выверенные, но часто противоречивые, способны вызвать споры среди коллег историков, а это будет способствовать дальнейшему более углубленному изучению данной темы.

Библиография / References

- Любин В.П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892—2006. М., 2007.
- Ljubin V.P. Sotsialisty v istorii Italii. ISP i yeye nasledniki [Socialists in the history of Italy. PSI and its heirs], 1892—2006. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Bertoldi S. Dopoguerra. Da piazzale Loreto a “Dolce vita”: quando la cronaca diventa storia. Milano, 1993.
- Degli Innocenti M. Giacomo Matteotti. Eroe socialista. Roma, 2014.
- Fertile D. Matteotti: le “prove” del duce // Corriere della Sera. 3.III.1996. P. 31.
- Garin E. Giacomo // Matteotti G. Lettere a Velia / a cura di S. Caretti. Pisa, 1986. P. 10.
- Matteotti G. L’idea che non muore / a cura di S. Caretti, J. Makuc. Pisa, 2022.
- Matteotti Titta V. Lettere a Giacomo / a cura di S. Caretti. Pisa, 2000.

DOI: 10.31857/S0130386424050207

© 2024 г. **Б.Л. Хавкин****«ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ОПАСЕН ДЛЯ ОБЩЕСТВА. ТЕМ БОЛЕЕ ЕСЛИ ОН НАХОДИТСЯ У ВЛАСТИ»****Рец. на книгу: А. Кронфельд. ДЕГЕНЕРАТЫ У ВЛАСТИ. Сексуальные извращения и нацизм. Свидетельство психиатра / под ред. Л. Мекаччи, А. Эткинда. М.: Эксмо, 2023. 160 с.***Хавкин Борис Львович — доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).**E-mail: novistor@mail.ru**Scopus Author ID: 57197713554; ORCID: 0000-0002-4419-3639; Author ID: 708640***B.L. Khavkin****“SUCH A PERSON IS EXTREMELY DANGEROUS TO SOCIETY. ESPECIALLY IF HE IS IN POWER”****Rec. ad op.: A. Kronfeld. DEGENERATES ARE IN POWER. Sexual Perversion and Nazism. Testimony of a Psychiatrist / eds L. Mecacci, A. Etkind. Moscow: Eksmo, 2023. 160 p.***Boris Khavkin, Historical and archival Institute of the Russian state University for the Humanities (Moscow, Russia).**E-mail: novistor@mail.ru**Scopus Author ID: 57197713554; ORCID: 0000-0002-4419-3639; Author ID: 708640*

В 2023 г. в Москве вышло в свет переиздание интересного, но малоизвестного источника по психоаналитической истории нацизма — работы немецко-советского психолога, психиатра и сексолога Артура Кронфельда (1886—1941) «Дегенераты у власти». Книга состоит из предисловия историка, культуролога и психолога Александра Эткинда, брошюры Кронфельда «Дегенераты у власти» («Адольф Гитлер», «Герман Геринг», «Йозеф Геббельс», «Другие члены банды»), статьи Кронфельда «Психопаты у власти» («Гитлер перед Мюнхенским судом»), биографического справочника, очерка о жизни и творчестве Кронфельда, указателя имен, примечаний (с. 5).

В основе книги — история судебной экспертизы психофизического состояния Гитлера, проведенной в 1932 г. профессором Кронфельдом. В мае 1932 г. Кронфельд был приглашен судом в Мюнхене в качестве эксперта по скандальному делу: фюрер Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) Адольф Гитлер подал в суд за клевету на журналиста Вернера Абеля, который ранее сотрудничал с Гитлером и НСДАП. В опубликованной в журнале *Die Weltbühne* («Мировая трибуна») статье Абель утверждал, что Гитлер принял от дуче фашистской Италии Бенито Муссолини при посредничестве майора итальянской армии Мильорати деньги в сумме 10 млн лир. По законодательству Веймарской республики, Гитлер, будучи вождем политической партии, представленной в рейхстаге, не имел права получать финансирование из-за рубежа. Приняв

иностраные деньги, Гитлер совершил государственную измену. Следовательно, если бы этот факт был в 1932 г. признан судом, в 1933 г. Гитлер не смог бы стать рейхсканцлером.

Подкуп Гитлера, по утверждению Абеля, имел место в одном из мюнхенских отелей в присутствии самого Абеля и некоего Гейнса. Поскольку обе стороны в суде, словно сговорившись, кивали на психическую ненормальность друг друга, суд счел необходимым пригласить для официальной экспертизы психиатра. Им стал доктор Кронфельд.

Процесс проходил в июне 1932 г. во Дворце правосудия в Мюнхене. «Три дня сидел я вместе с Гитлером и его сообщниками в небольшой свидетельской комнате, ожидая допроса, — вспоминал Кронфельд. — Это время я использовал для внимательного наблюдения героя процесса» (с. 49).

«Судьям не удалось вытянуть из Гитлера ни одного ясного ответа. Вместо этого он каждый раз начинал нескончаемые тирады об “унижении Германии” и своей роли спасателя» (с. 92). В зале суда Гитлер набросился на Абеля с кулаками; «рот его был в пене, лицо было перекошено» (с. 92). По словам Кронфельда, в зале суда Гитлер совершенно не владел собой, а порой кричал так, что на его губах появлялась пена. «Взрывы звероподобного бешенства и общие фразы о своей спасительной миссии были единственным ответом на конкретные вопросы судей», — отмечал врач (с. 50).

Доктор Кронфельд вынес ясное и однозначное психиатрическое заключение: Гитлер — психопат и истерик,

одержимый манией величия (с. 58). Суд оштрафовал Гитлера на 800 марок за отказ от дачи показаний и на 200 марок за хулиганское поведение в суде, но не признал его виновным в получении иностранных денег. Абель же за лжесвидетельство был приговорен к трем годам заключения. Через девять месяцев, когда Гитлер пришел к власти, он приказал убить Абеля, отбывавшего наказание в концлагере Дахау. Гитлер расправился и со всем составом суда. «То, что Гитлер забыл обо мне, — счастливая случайность. Впрочем, я вовремя бежал из Германии», — писал Кронфельд (с. 93).

В гитлеровском рейхе у Кронфельда были все основания опасаться за свою жизнь. Во-первых, он был евреем по происхождению и социал-демократом по политическим убеждениям. Во-вторых, он занимался «крамольной» в Третьем рейхе наукой — сексологией: руководил отделением «душевных половых расстройств» в Институте сексуальных наук. 6 мая 1933 г. институт был закрыт нацистами, а его библиотека сожжена. В-третьих, на упомянутом процессе в Мюнхене Кронфельд признал Гитлера психопатом и истериком.

В 1934 г. нацисты запретили Кронфельду медицинскую практику в Германии. Доктор с женой Лидией уехал в Швейцарию, но эта страна не предоставила им убежища. В 1936 г. Артур и Лидия Кронфельд эмигрировали в Советский Союз. Светиле европейской науки предоставили трехкомнатную квартиру в центре Москвы, куда он вывез из Швейцарии свою богатейшую библиотеку, коллекцию французской бронзы и роскошную мебель. Через год после приезда в СССР (за этот год Кронфельд, которого в Советском Союзе звали Артуром Соломоновичем, выучил русский язык и получил советский паспорт) он занял пост руководителя отдела экспериментальной патологии и терапии психозов в невропсихиатрическом Институте им. П.Б. Ганнушкина, что давало возможность заниматься лечебной практикой и научной деятельностью. Профессор написал серию статей и книг по теории и клинике шизофрении. Как практикующий медик Кронфельд лечил больных, в том числе и высокопоставленных советских партийно-государственных деятелей.

Но Кронфельд интересовал советскую власть не только как врач и ученый, но и как человек, соприкасавшийся с верхушкой Третьего рейха. В 1939 г. он написал брошюру «Дегенераты у власти», напечатанную в СССР «для служебного пользования» тиражом всего 50 экземпляров.

Александр Эткинд высказал предположение, что поручение написать эту брошюру исходило от наркома иностранных дел М.М. Литвинова, «который искал новые аргументы в своей борьбе против сговора с Гитлером, или от кого-то из его влиятельных сторонников. Для Литвинова и его подчиненных уникальные знания Кронфельда об извращенной сексуальности нацистских лидеров были настоящим сокровищем» (с. 38).

После 3 мая 1939 г., когда произошла замена Литвинова на посту наркома иностранных дел на В.М. Молотова, и особенно в период советско-германской «дружбы» сентября 1939 — июня 1941 г.

о нацистских «дегенератах у власти» в СССР предпочитали не говорить вслух.

Однако после 22 июня 1941 г. — нападения нацистской Германии на Советский Союз — ситуация изменилась: брошюра Кронфельда «Дегенераты у власти» была издана 100 000 тиражом в Москве (в издательстве газеты «Медицинский работник»), а также в Красноярске и Алма-Ате. Фрагменты брошюры печатались в газетах. Например, заметки Кронфельда о Геббельсе под названием «Ничтожный клопик» появились 11 августа 1941 г. в «Вечерней Москве» (с. 40).

Коллекция «дегенератов у власти», собранная Кронфельдом, была основана на конфиденциальной информации о Гитлере и его приближенных. Эту коллекцию сегодня отнесли бы к «устной истории» (с. 32). Медицинская характеристика, данная Кронфельдом Гитлеру, похожа на политический памфлет, основанный не только на личных наблюдениях (источниках личного происхождения), но и на собранных свидетельствах о нацистском фюрере, главным образом негативных.

Психиатр называет Гитлера плохим актером, разыгрывающим роль императора. «На лице его застыла какая-то глупая мина, которая должна была выражать величие» (с. 49). В характере Гитлера психиатр усмотрел такие черты, как трусость, лживость, «самообожествление», тщеславие, истеричность, «сацистическая жестокость», раздражительность, «полное отсутствие сострадания и склонность к суеверию и мистике» (с. 54–55).

«Кровью, пулей, виселицей, обманом, демагогией пробивал себе Гитлер путь к власти. Его временный и шаткий “трон” стоит на костях врагов и друзей, ставших вдруг неудобными. От всего, что связано с именем Гитлера, веет холодом смерти, ненавистью ко всему живому и прогрессивному, человеческими слезами и кровью» (с. 51); «домогаясь власти, он, как маньяк, полный необузданного тщеславия, не пренебрегал никакими преступлениями» (с. 54).

«Все уродливые особенности личности Гитлера особенно опасны вследствие того, что его извращенные желания беспрепятственно реализуются, не сдерживаемые ни малейшими моральными тормозами. Характерно, что в безграничном самообожании “фюрер” возводит свои недостатки в принципы и идеалы. В своей книге («Майн кампф». — Б.Х.) он прославляет умение лгать как признак человека, выделяющегося над толпой; он рассматривает жестокость как качество истинного вождя и т.д. Такой человек исключительно опасен для общества. Тем более если он находится у власти», — констатирует Кронфельд (с. 57).

Важным источником информации о частной жизни нацистских бонз для Кронфельда был Эрик Хануссен, берлинский артист и гипнотизер. Хануссен рассказывал Кронфельду о гомосексуальных связях молодого Гитлера, сексуальных партнерами которого были штурмовики Карл Эрнст, Эдмунд Хайнес и, возможно, секретарь Гитлера Рудольф Гесс, имевший прозвище «Фрейлен Гесс» (с. 78).

Хануссен был убит Эрнстом, Хайнес погиб в «Ночь длинных ножей», а Гесс стал заместителем фюрера и рейхсминистром. Гитлер заставил Гесса жениться на старушке с миллионным состоянием (с. 78).

Гомосексуальных партнеров Гитлера, как и его самого, Кронфельд диагностировал как «сексуальных дегенератов» (с. 33). Профессор отмечал: «Как многие резко выраженные психопатические личности, Гитлер ненормален в половом отношении. Можно считать установленным, что чувство любви к женщине ему недоступно» (с. 56).

Доктор Кронфельд пришел к выводу, что Гитлера ждет неминуемый крах. «Вместе с неизбежным крахом авантюристических планов зверя, психопата и истерического выскочки придет неминуемый конец массовому насилию, которое возведено в степень добродетели, исчадию ада, имя которому Адольф Гитлер» (с. 58).

Если в основе характера Гитлера лежит «безграничный нарциссизм», «дегенеративная примитивность» и «звероподобное бешенство», то Геринг описан как наркоман с избыточным весом, «жестокостью и дикостью», который «страдал разными психическими болезнями и безуспешно лечился в шведских больницах». Геббельс — «дегенерат с гипертрофированным половым влечением, что часто случается с уродами». Риббентроп — «контрабандист, наживший миллионы на поддельном шампанском» (с. 37–38). «Гиммлер перенес душевное заболевание — шизофрению. Следствием этого явились тупая жестокость, извращения и бред» (с. 81). «Роберт Лей и Юлиус Штрейхер — хронические алкоголики» (с. 81). К тому же Штрейхер — «психопат с половыми извращениями» (с. 82), «спившийся сексуальный преступник и невежда, торговец молоденькими девушками» (с. 84). Все эти характеристики Кронфельд сопровождает интимными подробностями и развернутыми диагностическими формулами.

Главный вывод Кронфельда: «Никогда история не знала правительства с таким уголовным прошлым. Вот кто правит фашистской Германией — преступники, дегенераты, убийцы, коричневые гангстеры» (с. 84).

Брошюра «Дегенераты у власти» была подписана к печати 1 октября 1941 г. 12 октября 1941 г. Кронфельд участвовал в антифашистском митинге ученых в Москве и поставил подпись под его воззванием¹. В этот же день Верховное командование сухопутных сил Германии отдало приказ группе армий «Центр» о порядке захвата Москвы и обращении с ее населением².

15 октября 1941 г. Государственный комитет обороны СССР принял постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»³. В городе пахло гарью: жгли секретные документы. Минировались

правительственные здания. 16 октября 1941 г. сотрудники института, в котором работал Кронфельд, были эвакуированы. Но Кронфельда и его жену в список на эвакуацию не включили: в суете о них просто забыли. Но оставаться в городе, который, как он полагал, неминуемо займут нацисты, немецко-советский профессор не мог; еще одна встреча со стоящими в Германии у власти дегенератами не сулила Кронфельду ничего хорошего. 16 октября 1941 г. 55-летний врач и его жена совершили парное самоубийство в своей квартире. Их тела обнаружил Андрей Снежневский — сосед и молодой коллега Кронфельда по Институту им. П.Б. Ганнушкина. После войны Снежневский стал признанным лидером советской психиатрии, автором теории «бессимптомной шизофрении» (с. 43), на основе которой осуществлялось внесудебное преследование инакомыслящих; десятилетиями Снежневский «использовал те натянутые определения, которые Кронфельд критиковал» (с. 43).

В связи с военными событиями смерть супругов Кронфельд не привлекла особого внимания. Место их захоронения, как и судьба их библиотеки и коллекции, неизвестны до сих пор.

Потомкам остались более 200 научных трудов Артура Кронфельда. Но особое место в его наследии занимает тоненькая брошюра «Дегенераты у власти». Чтобы ее читатели могли лучше представить себе степень психической и физической ненормальности нацистского руководства, советские редакторы и цензоры усилили и без того нелицеприятные характеристики, данные автором, заострили и политизировали их. Но диагноз, поставленный доктором Кронфельдом Гитлеру, сохранился без изменения: взрывчатая психопатия.

Книгу Кронфельда, еще одно свидетельство времен нацизма и Второй мировой войны, с интересом прочтут не только историки, но и медики.

Библиография

Антифашистский митинг ученых в Москве 12 октября 1941 г. / Академия наук Союза ССР. М.; Л., 1942.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 г. М., 2000.

References

Antifashistskij miting uchenyh v Moskve 12 oktyabrya 1941 g. [Anti-fascist rally of scientists in Moscow on October 12, 1941] / Akademiya nauk Soyuz SSR [Academy of Sciences of the USSR]. Moskva; Leningrad, 1942. (In Russ.)

Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sb. dokumentov. T. 2. Kn. 2. Nachalo. 1 sentyabrya — 31 dekabrya 1941 g. [State security bodies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents. Vol. 2. Book 2. The beginning. September 1 — December 31, 1941]. Moskva, 2000. (In Russ.)

¹ Антифашистский митинг ученых в Москве 12 октября 1941 г. / Академия наук Союза ССР. М.; Л., 1942.

² Центральный архив министерства обороны. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 74–75.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 г. М., 2000. С. 281.

DOI: 10.31857/S0130386424050211

© 2024 г. Н.Е. Хохолькова

ИСТОРИЧЕСКАЯ АФРИКАНИСТИКА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**Рец. на книгу: ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АФРИКИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ,
ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ / кол. монография под общ. ред.
А.С. Балезина. М.: ИВИ РАН, 2023. 339 с.***Хохолькова Надежда Евгеньевна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН (Москва, Россия).*E-mail: khokholkova@gmail.com**ORCID: 0000-0002-5165-1925***N.E. Khokholkova**AFRICAN HISTORICAL STUDIES: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES
OF SOURCE STUDIES**Rec. ad. op.: SOURCES ON THE HISTORY OF AFRICA: PROBLEMS, TRENDS, PROS-
PECTS FOR STUDY AND APPLICATION / col. monograph under the general note by A.S. Balezin.
Moscow: Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 2023. 339 p.***Nadezhda Khokholkova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: khokholkova@gmail.com**ORCID: 0000-0002-5165-1925*

В контексте ускорения исторического времени, сопряженного скратно увеличивающимся количеством его свидетельств, проблемы источниковедения приобретают все большую актуальность. Обновление понятийно-терминологического аппарата и методологического инструментария, а также цифровизация гуманитарных наук способствуют как переосмыслению старых, так и поиску и интерпретации новых источников¹. Принципиальное значение развитие источниковедения имеет для африканистики, в границах которой изучаются динамично трансформирующиеся общества, ранее вследствие процессов колонизации лишенные «права голоса», но в последние десятилетия активно (вос)производящие собственные нарративы. Книга «Источники по истории Африки: проблемы, тенденции, перспективы изучения и использования», выпущенная коллективом Центра африканских исследований Института всеобщей истории (ИВИ) РАН в лице ответственного редактора д.и.н., проф. А.С. Балезина (ИВИ РАН) и членов редакционной коллегии к.и.н.

А.В. Воеводского (НИУ ВШЭ, ИВИ РАН), д.и.н. С.В. Мазова, д.и.н., проф. И.И. Филатовой (оба — ИВИ РАН), служит продолжением опубликованного в 1977 г. коллективного труда². Работа позволяет иначе взглянуть на известные в среде специалистов данные и знакомит аудиторию с неизученными до сих пор материалами.

Рецензируемое издание носит характер коллективной монографии и содержит восемь тематических разделов, посвященных процессам поиска материалов для исследований, архивным источникам, советской прессе, мемуарной и художественной литературе, устному творчеству, визуальным источникам и историографическим трудам.

Книгу открывает краткое введение, за которым следует один из наиболее оригинальных ее разделов, повествующий о профессиональном опыте ведущих африканистов, связанном с поисками, открытиями, интерпретациями и публикациями источников. Каждый из трех сюжетов, представленных академиком А.Б. Давидсоном (ИВИ РАН, НИУ ВШЭ), А.С. Балезиным и И.И. Филатовой, являет собой не просто увлекательную персональную историю о «времени трудных поисков и счастливых находок» (с. 24), а служит своего рода «мастер-классом»,

¹ Гавристова Т.М., Мильто А.В., Хохолькова Н.Е. Современная история Африки (опыт классификации источников) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. II. Вып. 8 (94). URL: <https://history.jes.su/s207987840008920-1-1/> (дата обращения: 04.02.2024).

² Источниковедение африканской истории. М., 1977.

полезным «уроком профессии» для коллег. «Смысл работы историка состоит как раз в том, чтобы из как можно большего числа субъективностей, каковыми источники и являются, складывалось все более полное отражение прошедшей реальности» (с. 26), — резюмировала И.И. Филатова. Ее слова воспринимаются как «камертон», в соответствии с которым выстроены последующие части книги.

Сотрудники Центра африканских исследований имеют колоссальный опыт работы с архивами³, что нашло отражение в новом издании. Раздел «Архивные источники» открывает исследование С.В. Мазова, посвященное материалам о гражданской войне в Нигерии (1967–1970) из Архива внешней политики Российской Федерации. В нем дана краткая историческая справка о сути и характере конфликта, подробно рассмотрены доктринальные документы, зафиксировавшие позицию советского правительства в отношении войны Биафры и федерального правительства страны, записи бесед политиков и дипломатов, аналитические и информационные справки, отчеты советских граждан о поездках. В материале А.В. Воеводского уделено внимание документам Национального архива Соединенного Королевства, касающимся принципов и подходов британской политики в отношении Организации африканского единства. Автор проанализировал меморандум «Будущее Организации африканского единства и ее влияние на интересы Запада» (1965) и пришел к выводу, что Британия, вынужденная одновременно и учитывать позиции африканских стран, и защищать собственные экономические интересы, оказалась в состоянии «когнитивного диссонанса» (с. 74).

В поле зрения д.и.н. Г.В. Цыпкина (ИВИ РАН) документы Архива внешней политики Российской империи и Центрального государственного военно-исторического архива, затрагивающие темы устройства и функционирования традиционной армии Эфиопии. Используя записки и донесения русских офицеров (Н.С. Леонтьева, А.К. Булатовича, К. Арнольди и др.), исследователь реконструирует образ эфиопского войска, описывает его численность, комплектование и субординацию, тактику и подготовку.

Раздел завершают две небольшие статьи, связанные с опытом работы советских специалистов в странах Тропической Африки. А.В. Лазарев (Государственный академический университет гуманитарных наук, ГАУГН) поделился результатами изучения документов о работе советских учителей в Танзании, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. Предоставив краткую характеристику архива и его фондов, исследователь обратился к анализу отчетов преподавателей, работавших

в Танзании в 1960–1970-х годах. Полученные сведения позволили автору сделать ряд выводов о степени влияния советских учителей на образовательные методики и практики в танзанийских школах. Они носят содержательный характер, но восприятие их смысла осложняется не вполне академическим стилем изложения, грамматическими ошибками и многословием. Тему советско-африканского сотрудничества продолжает материал Э.Г. Цветкова (Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова, ЯрГУ). В нем содержатся оригинальные замечания о возможностях сочетания архивных данных с источниками личного происхождения. Автор поделился опытом сопоставления данных, хранящихся в архивах, в том числе региональных, с интервью, взятыми у ярославских специалистов, работавших в Африке в 1960–1980-х годах.

Третий раздел книги посвящен советской прессе. А.С. Балезин, обратившись к газете «Правда» как к историческому источнику, исследовал ключевые события в истории стран Африки в 1960-х годах. В центре внимания ученого материалы газеты, посвященные провозглашению независимости африканских стран, их пост-колониальному положению и политике, конфликтам, культуре, движению афро-азиатской солидарности, советско-африканским отношениям, а также опубликованные изданием статьи африканистов. Акцентируя внимание на том, что газета являлась официальным печатным органом ЦК КПСС и использовать ее следует в сочетании с другими источниками, А.С. Балезин заключает, что опубликованные в ней сведения могут быть ценными. Подобным замечанием начинается следующая глава, в рамках которой на основе материалов «Правды» реконструируется «портрет» конкретной страны — Сомали. Ее автор Л.В. Иванова (ИВИ РАН), собрав корпус упоминаний о стране и критически их проанализировав, представила хронику трансформации «жертвы колониализма» в «страну-агрессора».

Анализ репрезентаций стран Восточной Африки на страницах журнала «Огонёк» и газеты «Неделя» нашел отражение в исследовании Д.В. Подкопаева (ГАУГН). Рассмотрев путевые заметки корреспондентов еженедельных изданий, посетивших преимущественно Кению и Танганьйку (Танзанию), автор пришел к выводу, что они представляют собой значимый источник для изучения вопросов повседневности африканцев.

Самый объемный четвертый раздел представленной книги посвящен мемуарам, что в очередной раз свидетельствует о набирающем обороты «мемориальном повороте». Его отрывает статья д.и.н. А.В. Антошина (Уральский федеральный университет), посвященная воспоминаниям А. Дроздовской, русской эмигрантки, оказавшейся в Эфиопии в начале 1920-х годов. В качестве источника используются не мемуары самой героини, а книга, подготовленная ее сыном О. Даббертом, что, учитывая формулировку заголовка статьи (с. 172), вводит читателя в некоторое заблуждение. Работа А.В. Антошина носит не историко-ведческий, а скорее биографический характер.

³ Архивы — ключ к истории Африки XX века М., 2005; История Африки в документах 1870–2000 / под общ. ред. А. Давидсона: в 3-х т. М., 2005–2007; Балезин А.С. Роль архивных фондов в исследовании новой и новейшей истории Черной Африки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. М., 2017. С. 876–893.

Описав жизненный путь Дроздовской как один из примеров адаптации русских эмигрантов в Африке, автор обозначил ряд вызовов, с которыми сталкивались прибывшие на континент.

Комплексная характеристика мемуаров как излюбленного жанра уроженцев «страны истории» — Нигерии — содержится в исследовании д.и.н., проф. Т.М. Гавристовой (ЯрГУ). Применяв методологию контент-анализа, автор проследила эволюцию нигерийской мемуарной литературы, выявила ее ключевые характеристики и современные тренды. Несмотря на распространенные среди африканцев практики сказительства, далеко не каждая страна региона переживает «бум» мемуаристики. Тем не менее даже в условиях слабой развитости жанра, ученым удается находить оригинальные свидетельства персональной истории. Примером может служить работа ответственного работника МИД РФ А.В. Козвонина, посвященная воспоминаниям малагасийского ученого и дипломата Ф. Рандриамамундзи. В ней приведена биографическая справка, а также представлен анализ содержания мемуаров, в рамках которого особое внимание уделено разделу о жизни и работе политического деятеля в СССР.

Тема значения источников личного происхождения в процессе изучения социально-политической истории раскрывается в статье к.и.н. А.В. Мильто (Ярославский филиал Финансового университета при правительстве РФ). В поле зрения автора оказались автобиографии известных сомалийских женщин, покинувших родину в силу разных причин. Изучив произведения политика А. Хирси, писательницы Ш. Рамазанаи Фазель, моделей Иман и В. Дирие и других, исследовательница подчеркивает важность персональных нарративов для интерпретации истории Сомали. Женским автодокументальным свидетельствам посвящена и работа д.и.н. Н.Л. Крыловой (Институт Африки (ИАФР) РАН). Автор проанализировала «жанровый коллаж» личных историй русских эмигранток, волею судеб оказавшихся в Африке, предоставив читателю уникальную возможность познакомиться с миропониманием людей разных исторических эпох.

Проблема интерпретации исторических фактов в воспоминания была поднята в материале к.и.н. В.В. Грибановой (ИАФР РАН). На основе материалов, собранных в ходе полевого исследования в Намибии в 2019 г., автор реконструировала историю семьи потомков русских эмигрантов Крафтов-Перловых, продемонстрировав возможности использования семейных воспоминаний в деле детализации известных исторических событий.

В процессе детализации и контекстуализации исторических событий разной степени значимости могут быть полезны не только источники личного происхождения, но и художественные произведения. Литература, используемая как дополнительный исторический источник, способствует воссозданию более целостного образа исследуемого явления. Количество и характер крупной и малой прозы, создаваемой аф-

риканцами и представителями диаспор, открывают широкие возможности для африканистов, однако практики применения данного вида источников остаются малоизученными. Ввиду этого обстоятельство обращение историка-африканиста А.Г. Пондопуло (Национальный институт восточных языков и культур, Франция) к проблематике позиционирования литературного сочинения как носителя исторической информации представляет особый интерес и существенную актуальность. В центре внимания исследовательницы роман гвинейского писателя Т. Моненембо «Пёль», в котором предложен «вариант глобальной истории футболь всей Западной Африки» (с. 244). Сопоставив текст произведения с биографией его автора и работами профессиональных историков и антропологов, А.Г. Пондопуло выявила ряд узловых вопросов истории футболь и обозначила нетривиальные стратегии их рассмотрения.

Источниковедческий труд по истории Африканского континента, часто провозглашаемого территорией бесписьменных культур, сложно представить без фрагментов, освещающих устную традицию. В рецензируемом издании приведены две статьи, посвященные устным историческим источникам. В первой достаточно короткой статье, подготовленной старшим преподавателем В. Магирагеной (Санкт-Петербургский госуниверситет), рассмотрены устные способы сохранения и трансляции знаний в Руанде. Опираясь на исследования антрополога Я. Вансины, автор привел типологию руандийской устной традиции и охарактеризовал опыт ее использования историком А. Кагаме. Во второй статье, написанной д.филос.н. И.Г. Татаровской (ИАФР РАН), исследуется мифология народов Тропической Африки. Ключевой тезис автора состоит в том, что миф может выступать как философема, а мифология — как источник философских идей.

Следующие два раздела, представленные двумя статьями, соответственно, охватывают не менее оригинальные категории визуальных и историографических источников. Опыт анализа изобразительных источников по истории Германской Восточной Африки описан в работе к.и.н. А.А. Банщиковой (ИАФР РАН). Исследователь выделила ключевые жанры и типичные мотивы визуальных материалов, зафиксировавших германское колониальное присутствие, а также поделилась серией замечаний, свидетельствующих об устойчивости иерархизированных восприятий и концепций в германском общественном сознании.

Научные исторические исследования также могут выступать в качестве источника. Автор заключительной статьи К.И. Попова (ИВИ РАН) обратилась к изучению коллективной монографии «Drang nach Afrika...»⁴, созданной африканистами ГДР. В работе

⁴ Drang nach Afrika: Die Koloniale Expansionspolitik und Herrschaft des deutschen Imperialismus in Afrika von den Anfängen bis zum Ende des zweiten Weltkrieges / ed. H. Stoecker. Berlin, 1977.

молодого ученого, представляющей собой своеобразный синтез историографического и источниковедческого анализа, определены характеристики и значение восточногерманской африканистики.

Подводя итоги, хочется отметить, что книга открывает читательской аудитории «калейдоскоп» источниковедческих материалов, демонстрируя широкий спектр возможных направлений в рамках африканских исследований, что является одним из ключевых достоинств труда. Несомненным преимуществом представляются иллюстрационные материалы и именной указатель. Однако чрезмерное разнообразие тем и подходов, неоднородность стилистики несколько препятствуют восприятию работы как целостной концептуальной монографии. Последние четыре тематических блока книги выглядели бы более гармонично, если бы они были дополнены и чуть более детально структурированы. Приходится сожалеть, что в работе отсутствует заключение. Тем не менее высказанные замечания не умаляют ни значения издания, ни заслуг тех, кто его подготовил.

Книга представляет немалый интерес для широкого круга читателей, в число которых могут войти как начинающие, так и опытные африканисты, а также историки, антропологи, лингвисты, политологи и специалисты в области международных отношений.

Библиография

- Архивы — ключ к истории Африки XX века. М., 2005.
Балезин А.С. Роль архивных фондов в исследовании новой и новейшей истории Черной Африки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. М., 2017. С. 876–893.
Гавристова Т.М., Мильто А.В., Хохолькова Н.Е. Современная история Африки (опыт классификации источ-

ников) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 8 (94). URL: <https://history.jes.su/s207987840008920-1-1/> (дата обращения: 04.02.2024).

История Африки в документах 1870–2000 / под общ. ред. А.Б. Давидсона: в 3-х т. М., 2005–2007.

Источниковедение африканской истории. М., 1977.

Drang nach Afrika: Die Koloniale Expansionspolitik und Herrschaft des deutschen Imperialismus in Afrika von den Anfängen bis zum Ende des zweiten Weltkrieges / ed. H. Stoecker. Berlin, 1977.

References

Arhivy — ključ k istorii Afriki 20 veka [Archives are the key to the history of twentieth-century Africa]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Balezin A.S. Rol' arhivnykh fondov v issledovanii novoy i novejshej istorii Chernoj Afriki [The role of archival collections in the study of the new and modern history of Black Africa] // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki [The role of archives in the information support of historical science]. Moskva, 2017. S. 876–893. (In Russ.)

Gavristova T.M., Mil'to A.V., Hohol'kova N.E. Sovremennaya istoriya Afriki (opyt klassifikatsii istochnikov) [Contemporary African History (an Experience of Source Classification)] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2020. T. 11. Vyp. 8 (94). URL: <https://history.jes.su/s207987840008920-1-1/> (access date: 04.02.2024). (In Russ.)

Istoriya Afriki v dokumentah 1870–2000 [The history of Africa in documents] / pod obshh. red. A.B. Davidson: v 3-kh t. Moskva, 2005–2007. (In Russ.)

Istchnikovedenie afrikanskoj istorii [Source studies for African history]. Moskva, 1977. (In Russ.)

Drang nach Afrika: Die Koloniale Expansionspolitik und Herrschaft des deutschen Imperialismus in Afrika von den Anfängen bis zum Ende des zweiten Weltkrieges / ed. H. Stoecker. Berlin, 1977.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта — 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200—230 слов) и ключевые слова (до 5—9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10—15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Д.А. Саноян

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати xx.04.2024 г.
Дата выхода в свет: xx.04.2024 г.
Тираж экз.

70•100¹/₁₆•
Зак.

Уч.-изд. л.
Цена свободная

18+

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Исполнитель ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.